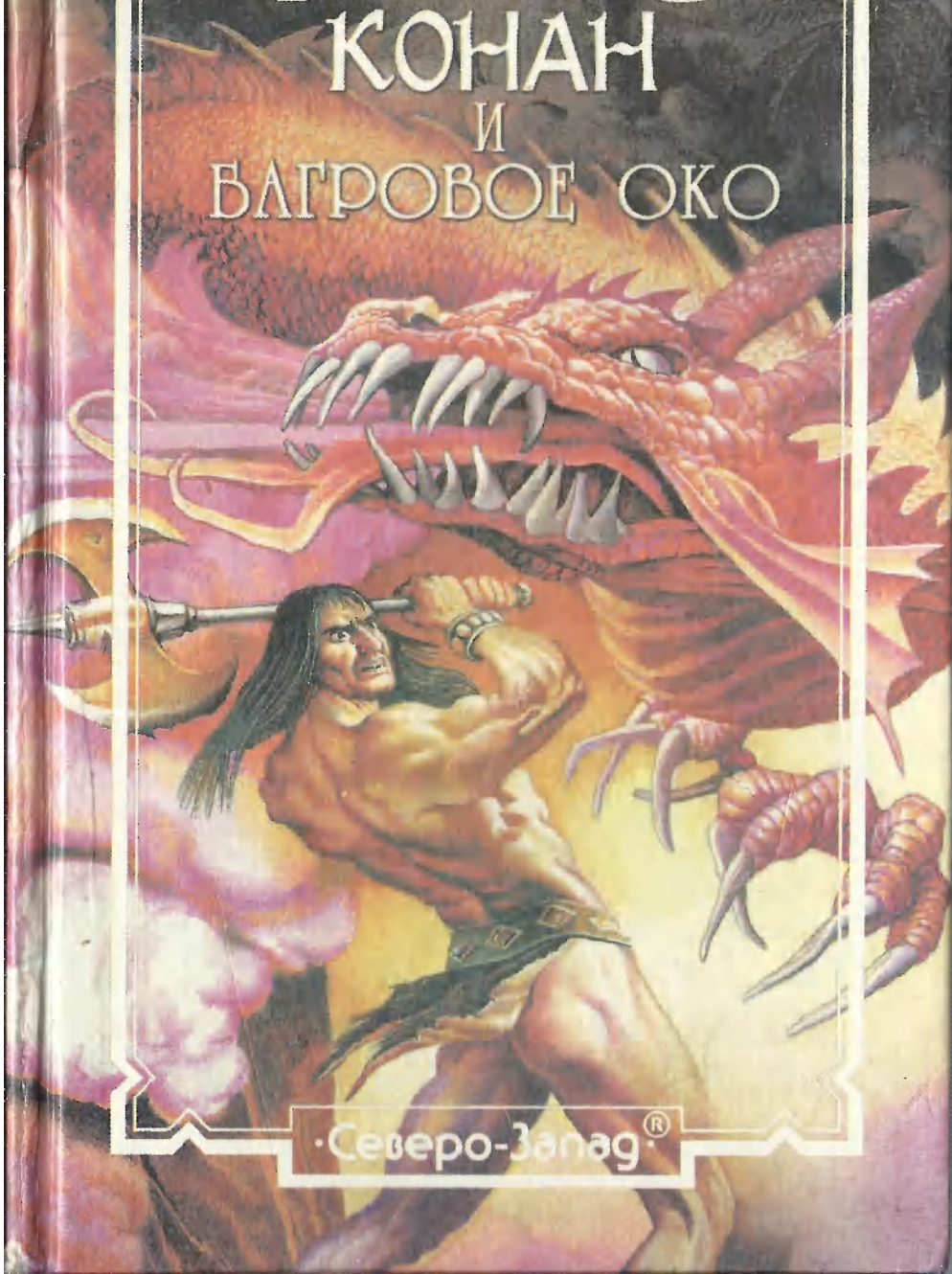
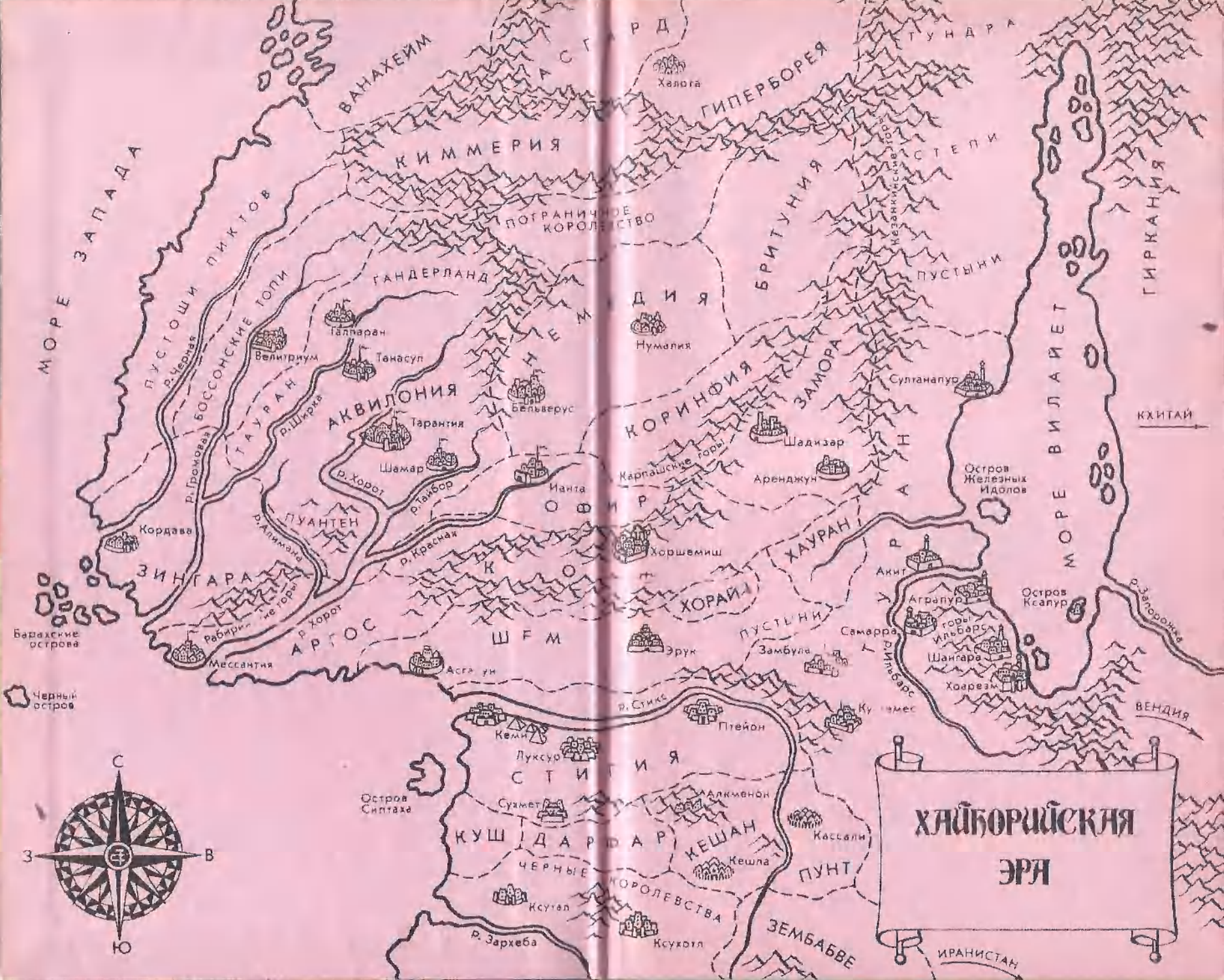

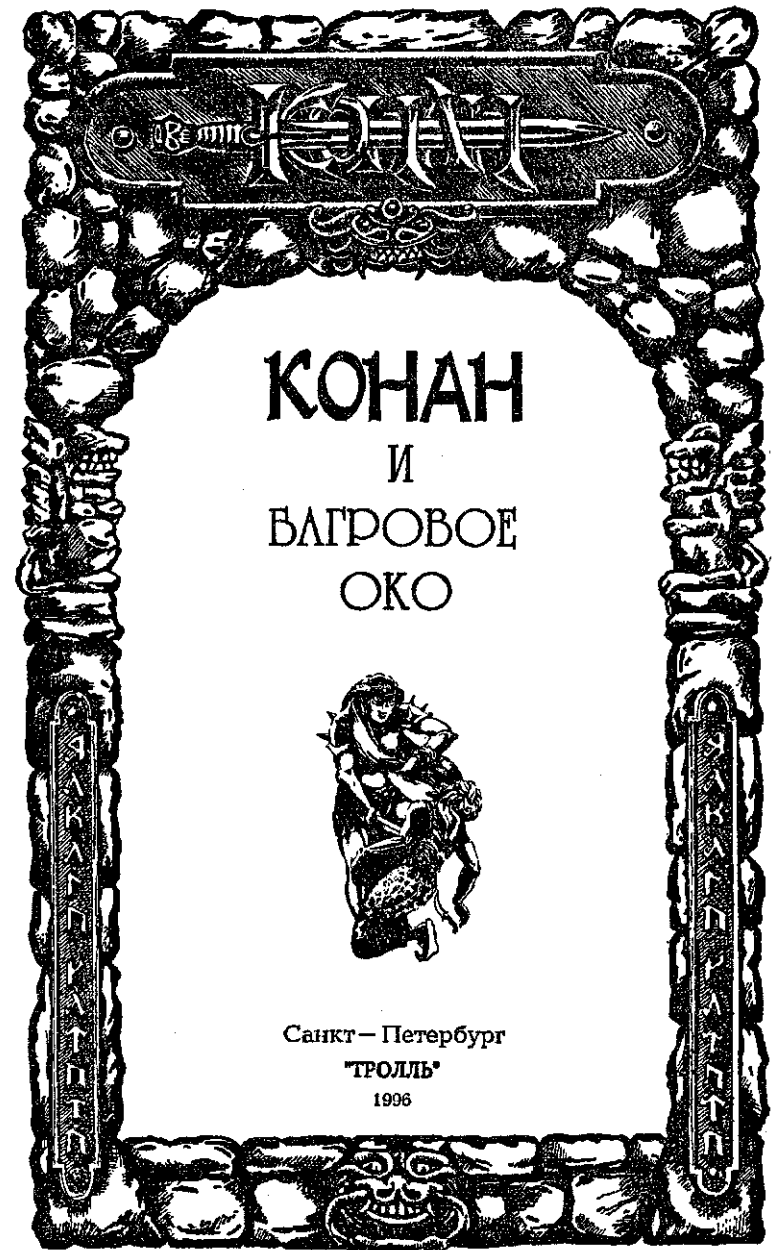

КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО

Северо-Занэг®

КОНАН
И
БАГРОВОЕ
ОКО

Санкт-Петербург
"ТРОЛЬ"
1996

Дорогие друзья!

**Конан и Багровое Око: Романы / — СПб., «Троль»,
1996. — 448 с.**

ISBN 5-87365-031-4

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части в
любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки
нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© А.Олдмен, 1996
© Д.Уолмер, 1996
© Г.Эйлат, 1996
© С.Григорьев, обложка, 1996
© А.Ширкин, графика, 1996
© «Троль», составление и подготовка текста
© «Троль», «Путеводитель по Хайбории»
© «Северо-Запад», серийное оформление
обложки и форзаца

Со дня выхода в свет первого тома **«Саги о Конане»** в адрес редакции непрерывным потоком продолжают приходить письма читателей, кого не оставляют равнодушными приключения бессмертного киммерийца. Мы благодарны вам за ваши предложения, вопросы, замечания и стараемся, по мере возможности, ответить каждому. Ведь ваши послания лишний раз подчеркивают, насколько велик интерес читателей к издаваемым нами книгам. Мы рады любой конструктивной критике, что же до отдельных «доброжелателей», то они только заставляют лишний раз вспомнить старую азбучную истину, равно известную как на востоке, так и на северо-западе: собаки лают, караван идет.

Итак, верная своему обещанию показать жизнь знаменитого варвара «от колыбели до могилы» и идя навстречу пожеланиям, высказанным во множестве писем, редакция приняла решение увеличить объем выпускаемой **«Саги»**. Отныне на ваших книжных полках встанут **50** томов, повествующих о приключениях **Конана** (а не 30, как планировалось нами ранее).

Сюда войдут **все романы о Конане** — как те, что были опубликованы ранее другими издательствами, так и те, что никогда прежде не переводились на русский язык. И даже ряд новых романов, которые лишь планируются к выходу на Западе, но на которые наше издательство уже подписало контракт с американскими, канадскими, английскими и французскими авторами.

Без тени сомнения можно сказать, что это будет самое полное собрание сочинений о **Конане** из числа существующих не только в России, но и на Западе, выпущенных одним издательством.

Надеемся, знакомство с новыми романами станет для вас источником удовольствия на долгое время вперед.

Конан-варвар остается с вами!

Коллектив редакции.

«САГА О КОНАНЕ»

вышли следующие тома:

1. Конан и четыре стихии.
2. Конан и боги тьмы.
3. Конан и меч колдуна.
4. Конан бросает вызов.
5. Конан и повелители пещер.
6. Конан и песня снегов.
7. Конан и Небесная Секира.
8. Конан на Дороге Королей.
9. Конан принимает бой.
10. Конан и карусель богов.
11. Конан и дар Митры.
12. Конан и Ночные Клинки.
13. Конан и грот Дайомы.
14. Конан и Зеркало Грядущего.
15. Конан и Время Жалящих Стрел.
16. Конан и бич Нергала.
19. Конан и город плененных душ.
20. Конан и Источник Судеб.
21. Конан и Сердце Аримана.
22. Конан и Багровое Око.

Готовятся к изданию:

23. Конан и призраки прошлого.
24. Конан и воинство мрака.
25. Конан и Рыжий Ястреб.

Скоро выйдут заключительные тома
тетралогии «Скрижаль изгоев»:

17. Конан и псы войны.
18. Конан и талисман зла.

Глава 1. Плач озерного бога

Конан не любил видеть сны. Он справедливо полагал, что усталый воин должен проваливаться на ночь в краткое небытие, в черную прорубь беспмятства с тем, чтобы утром вскакивать с новыми силами и головой, свободной и ясной. А туманные видения, смутные странствия души, воровато покидающей беспомощное тело в поисках новых впечатлений, — это для изнеженных женщин, для чародеев, поэтов и прочего малодостойного люда. Воин же должен спать, как сраженный намертво.

Но на этот раз сон пришел к нему, и с этим ничего нельзя было поделать. Нельзя было отогнать его, как пристава-лу-нищего, либо уничтожить двумя-тремя взмахами меча. Сон не спрашивал позволения, он просто был. Он окружил его, загнал в ловушку, выхватил расслабившуюся душу и перебросил в детство.

..Осеннее утро. Редкие, словно случайные снежинки падают с серого неба, тают, оставляя влажный блеск на рыжей шерсти коня. Горло и ноздри щекочет — до кашля — морозный воздух, льдистая земля хрустит под тяжелыми копытами, пахнет сосновыми иглами, снегом, теплым конским навозом.... Отец впервые посадил его, четырехлетнего малыша, на коня, и он изо всех сил сжимает коленками мохнатые, мерно вздымающиеся бока фыркающего зверя, руками вцепившись в пук рыжей гривы на острой, костистой холке. Скрестив на могучей груди руки, широко расставив ноги в прочных штанах из оленьей кожи, отец угрюмо наблюдает за его неуклюжими попытками удержаться на его хребте, не съехать набок от крупной, неровной тряски. Отец всегда хмур. Конан не помнит, чтобы он когда-нибудь улыбался или обнажал зубы в беззаботном смехе. Сурово сведенные над светлы-

ми глазами брови, тяжелая складка у губ — такие же неотъемлемые черты его облика, как несмываемая чернота на ладонях и въедливый запах кузнечной сажи. Неожиданно отец резко вскрикивает, машет рукой, и жеребец срывается в галоп, закидывая голову и взбрыкивая ногами. Он вовсе не хочет сбросить маленького всадника, он вряд ли вообще ощущает на себе его невеликий вес, просто, шалея от морозного воздуха, играет, горячит застоявшиеся мышцы. Но Конан после особенно резкого курбета (скачка) теряет равновесие и кубарем скатывается на острую, словно кости без плоти, землю. Он вскрикивает от сильной боли в спине, и крик его, точно эхо, подхватывает и усиливает знакомый голос. Мать спешит к нему, причитая и протягивая руки. Конан хочет сказать ей, что сейчас он встанет, какие пустяки, но отчего-то не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Голове его жестко и холодно, обледеневшие комки навоза и сосновые иглы царапают шею... Но отчего она так кричит? Киммерийские женщины никогда не плачут и не кричат, разве только в багровом тумане битвы, опуская на выдохе тяжелые мечи на шеи и плечи врагов. Ему стыдно за мать, за ее заунывный, слезно-жалобный вой. «Ай-е-о-о-о!»

«Ай-е-о-у-у!!!» — раздалось совсем близко, и Конан открыл глаза. Проклятье! Опять эти стоны озерной твари! Он перевернулся со спины на живот. Все тело было мокрым и скользким от пота, хотя он спал совершенно обнаженным. В этих проклятых джунглях изнуряющая дневная жара сменяется не менее мучительной духотой ночи. О Кром! Еще бы один глоток свежего киммерийского воздуха! Хруст льда под копытами... Запах сосновых игл... Конан не любил снов, но в этот, только что отлежавший, он нырнул бы с радостью, словно в прозрачные воды горного озера, в котором плескался все детство.

Но сон больше не возвращался. Станный он был... И странный вкус оставил после себя в душе — смесь безотчетного счастья и томительной тревоги. Знающие люди говорят, что если сумеешь правильно растолковать свой сон, узнаешь нечто важное из своего ближайшего будущего. Вот только кто его растолкует? Шумри? Он-то, конечно, согласится — и с большой охотой, но Конан будет последним недоумком, если примет его цветистое вранье всерьез.

Конан покосился на своего безмятежно посапывающего спутника. Бродяга скорчился в двух шагах от него, подтянув колени к груди, в позе младенца в утробе матери. На губах его блуждала смутная улыбка, веки подрагивали. Похоже, рев чудовища ничуть не мешал странствиям его души. Он был так же обнажен, как и Конан, но на тело его до самой макушки была наброшена сеть с крупными ячейками, сплетенная из тонкой и прочной травы и пропитанная каким-то вонючим снадобьем. Шумри утверждал, что эта вонь отпугивает ночных насекомых. Он предлагал сплести такую же и для Конана, но тот, презрительно усмехнувшись, отказался. Что ему укусы каких-то летающих и ползающих тварей, его богатырскому сну — провалу в прорубь небытия — это не помеха... Мелкая кусачая нечисть, действительно, ему не мешает, но вот вой озерного демона (как, кстати, называют его туземцы — «Ба-Лун»? — нет, не совсем так, а с подвыванием и обязательным благоговейным опусканием век — «Ба-Луун»...), разбудил, вышвырнул из-под прохладных небес родины в душную темень чужих джунглей. О Кром! Зачем он здесь?!

Проснувшееся раздражение теснилось в груди. Конан охотно разнес бы по бревнышку жалкую туземную хижину из тонких пальмовых стволов. Ну почему он увлекся речами этого бродяги? Какой глумливый бог плюнул ему в глаза, всегда такие холодные, зоркие и недоверчивые, какой демон замутил рассудок так, что он послушно пошел за только что встреченным проходимцем, словно ребенок за флейтой чародея?.. Шумри умеет опутывать липкой словесной сетью, этого у него не отнимешь. Единственное, на что он способен.

«Ай-е-у-у-у!» — снова прокатилось по джунглям. Не было в этом вое ни угрозы, ни предупреждения о нападении. Скорее, стон или слезная жалоба — словно чудище плакалось кому-то в ночи на свою одинокую судьбу, на унылое прозябание в тухлых водах болотистого озера. Конан скрипнул зубами и в который раз переменял положение — теперь глаза его упирались прямо в круглое отверстие на крыше, если только ворох жестких глянце-витых пальмовых листьев можно было назвать крышей. Как назло, в отверстии этом застыла луна. Ярко-оранжевая, почти алая. Словно не луна это, а закатное солнце,

каким-то чудом зацепившееся в небе, не успевшее убежать от ночи.

То ли заунывный вой, то ли сумасшедшая луна, посягнувшая на облик старшего светила, светлого глаза Митры, то ли глухой гнев на навязанного ему судьбой спутника, а скорее — все это вместе, окончательно разорвали прохладные сети сна. Конан ворочался на глиняном полу, лишь слегка прикрытом охапкой листьев, подергивал мокро-блестящей кожей, словно конь, сгоняющий с крупа оводов; укусы летающей нечисти были не столько болезненны, сколько невыносимо щекотны...

Да, если бы судьба не скрестила его путь с извилистой тропинкой лжеца и бродяги, если бы пару лун назад, в Кеми, он не пошел следом за ним в портовый кабак, не опустошил поставленную за его здоровье внушительную бутылку темно-бордового, крепкого, как объятья бойца, вина... все могло быть иначе. Этой бутылкой Шумри хотел отблагодарить его за спасенную жизнь. И отблагодарил, в конечном итоге, славно отблагодарил!

В Стигию Конан попал, ведомый ясной и недвусмысленной, как утренняя звезда богини Иштар, целью. Ему и прежде случалось бывать в этих местах, но никогда он не задерживался здесь подолгу, стремился поскорее покинуть мрачные и загадочные земли, лежащие по обеим берегам Стикса. Простой и цельной натуре варвара многое претило здесь: рассказы о магах Черного Круга, якобы негласно управляющих всей страной, жуткие обряды жрецов Сета, Великого Змея, угрюмый и подозрительный нрав стигийцев.

И в этот раз он не собирался задерживаться. Как только он осуществит свой дерзкий план: наведается в одну из пирамид Кеми, он тут же отправится в края более веселые и привольные.

Идея проверить на прочность громадное каменное сооружение, сотворенное неизвестно кем, когда и с какой целью, пришла к нему в Шеме. В портовых кабаках Асгалуна, где круглые сутки гудит рой полупьяных и пьяных адрызг голосов, где подозрительно ярко горят глаза у вдохновенных рассказчиков и всего за вечер можно услышать с десятков невероятных историй, сокровища, собранные магами и жрецами Стигии в течение десятилетий, были одной из излюбленных тем. Особенно много, с придыханием и воздеванием глаз к небу, с дрожью

пальцев и прищелкиванием языка, говорилось о драгоценностях, упрятанных глубоко под гранитными стенами пирамид.

Конану запал в душу рассказ о сердоликовой маске одного из древнейших правителей Стигии, умершего около четырех тысяч лет назад. Маска эта, в натуральную величину, с двумя желтыми топазами чистейшей воды вместо глаз, помимо невероятной цены обладала еще целым рядом достоинств. Во-первых, она могла исцелять все недуги — как телесные, так и душевные. Стоило приложить ее на короткое время к воспалившейся ране, как боль исчезала, а рана затягивалась прочным рубцом. Зубные, головные и желудочные боли испарялись мгновенно. Тяжелая, сосущая сердце тоска, от которой даже крепкие мужчины начинают как о благе мечтать о сумраке Серых Равнин, рассеивалась без остатка, стоило лишь совместить прохладную вогнутую поверхность камня со лбом страждущего. Во-вторых, если правильно расположить сердцевинки топазов против своих зрачков, маска могла показать картины близкого и дальнего будущего. В-третьих... но прочие достоинства маски — а их было немало! — хранились в строжайшей тайне жрецами, как, впрочем, и сама маска.

К тому времени, как к нему пришла идея ограбить пирамиды Кеми, Конан уже имел немалый опыт в подобного рода делах. Прекрасная выучка в Шадизаре, городе воров, практика в не менее славном Аренджуне, морские походы с несравненной Белит не прошли для него даром. Амра — Лев! — под таким именем запомнило его и долго будет помнить все юго-западное побережье, от Шема до Черных Королевств. Но если он Лев, то и новая цель у него должна быть соответствующей. Блистательной. Львиной!

До Кеми Конан добрался без особого труда. Пару лет назад, когда они плавали вместе с Белит вдоль стигийского побережья, по настоянию киммерийца, в котором беспечность и широта натуры странным образом уживались с редкими вспышками предусмотрительности, они закопали несколько кладов в показавшихся им наиболее бесплодными местах. Теперь Конану удалось отыскать один из них — ящик со слоновой костью и благовониями,

часть товара, которым поделился когда-то пузатый и медлительный купеческий парусник, шедший на север из Куша.

Побыв несколько дней в непривычной для него шкуре купца, Конан на удивление удачно распродал весь товар. Теперь у него были деньги. Можно было не отказывать себе ни в одной из земных радостей — жить на приличном постоялом дворе, вкусно есть, обильно пить, развлекаться с самыми красивыми женщинами — и при этом потихоньку собирать все необходимые сведения и вынашивать в голове план блистательного мероприятия.

Правда, при более близком знакомстве с жизнью этого древнего и загадочного города оказалось, что радость и веселье произрастают на его почве весьма скудно. Красивые стигийки не удостаивали Конана своим вниманием, ему приходилось довольствоваться лишь чернокожими рабынями либо шоколадными уроженками Куша; и те и другие были совершенно не в его вкусе. Вина, правда, было вдоволь, и оно было на редкость крепкое, но почему-то опьянение от него не приносило желанной радости. С каждым стаканом голова становилась все более тяжелой, чугунной, мысли текли все медленней, шевелились еле-еле, словно плавники у выброшенной на берег рыбы... затем наступал провал в сон, глухой и изнуряющий.

Сам город напоминал своим обликом старого злобного мага. Он был окружен высокими стенами и башнями из черного камня, и даже густая зелень пальмовых и апельсиновых рощ, широким кольцом раскинувшихся вокруг города, не скрашивала гнетущее впечатление. С наступлением сумерек улицы быстро пустели, и мрачную тишину не нарушали ни смех, ни пьяные разгульные песни, ни вопли расшалившейся молодежи.

Несмотря на все это, Конан часами ходил по узким кривым улочкам, словно хищник на полусогнутых, подрагивающих от нетерпения, пружинящих лапах. Энергия и жажда дела — громкого, достойного имени Льва, — так и рвались наружу. Но прежде необходимо было все как следует разузнать, исследовать, продумать.

Конану удалось завести двух-трех приятелей, но все они были чужеземцами, главным образом, из охраны купцов или вельмож, приехавших по посольским делам. Благодаря их рассказам и собственным наблюдениям его сведения о таинственной стране становились все более

полными. Когда речь заходила о сокровищах пирамид, все его собеседники сходились в одном: пробраться в каменные тайники и ограбить их невозможно. Не раз предприимчивые и отважные люди совершали подобные попытки, но как бы хитроумны они ни были, ни один из проникших в пирамиду не возвращался назад.

Такие речи действовали на Конана как красная тряпка на зингарского быка. Невозможно? Как бы не так! Это чугунное слово «невозможно» применимо ко всем его предшественникам, но только не к нему, Конану-киммерийцу, Льву. Он молчал, ничем вы выказывая своих чувств, лишь усмехался неприметно, да синие глаза его принимали странное выражение, отчего простодушные собеседники непроизвольно ежились.

Часто его новые приятели обсуждали храмовые обряды, совершаемые здесь во имя главного божества Стигии — Великого Змея Сета. Молва не лгала, не преувеличивала: поистине Стигия была оставленной светлыми богами страной. Даже у толстокожего, ко многому привычного, лишённого сентиментальности варвара, каким был Конан, рассказы об обычаях местных жрецов вызывали что-то похожее на содрогание. Чего стоило, к примеру, периодическое появление на улицах города храмовых змей — огромных, пятнистых, толщиной со среднюю палму тварей. Те из прохожих, кем гадины насыщали свой голод, считались принесенными в жертву Великому Сету. Не менее жутким и отвратительным был обряд, называвшийся «выбор Кээ-Ту».

Со дня прибытия Конана в Кеми не прошло и поллуны, как ему пришлось стать свидетелем — больше того, участником «выбора Кээ-Ту». К счастью, благодаря беседам с бывалыми приятелями, он был готов к этому испытанию, знал, как нужно себя вести, и почти не испытывал страха или тревоги.

В тот день с утра Конан бродил по базару, самой большой городской площади, заполненной разноязыкой толпой народа. Он бесцельно поглядывал на груды товаров, разложенных прямо в пыли: голубоватые бритунские клинки из отличной стали; расписные фарфоровые безделушки из далекого Кхитая; свитки выделанной особым способом кожи из гирканских степей — броню из такого материала пробивало далеко не всякое копье; оленьи и медвежьи меха из Ванахейма; яркие вендийские ткани —

одеяние фей, — один взгляд на которые мог лишить женщину ее и без того невеликого разума... Несколько дней назад он сам торговал здесь, напрягая глотку, чтобы перекричать сотни других торговцев, призывно расхваливал свой товар: резные украшения из слоновой кости и кушитские благовоения. Чтобы покончить с несвойственным ему занятием побыстрее, киммериец почти не торговался, охотно уступал в цене и разрешал богатым стигийкам подносить к носу каждый флакончик, чтобы вы брать наиболее пленительный запах.

Неожиданно беспорядочный базарный гул стих. В воздухе почувствовалось непонятное напряжение. Купцы и покупатели с застывшими и словно схваченными неведомым здесь морозом лицами смотрели в одну сторону. Конан заметил, что четыре узкие улочки, впадавшие в площадь, как ручьи в круглое озеро, оказались перегорожены — на каждой встали по два стражника с длинными бронзовыми копьями.

В центр толпы, стремительно освобождавшей ему дорогу, в окружении таких же стражников неторопливо шествовал человек в длинном, ниспадающем до земли фиолетовом жреческом одеянии. Его голову с наголо обритой макушкой украшал золотой обруч в виде змеи, кусающей свой хвост. И макушка, и обруч сверкали под лучами полуденного солнца. На правой руке человека сидела крупная коричневая птица — она была укрыта куском темного бархата так, что виднелись лишь цепкие когти да концы острых крыльев.

Остановившись, жрец выждал паузу, обводя темными, без блеска, лишенными какого-либо выражения глазами окаменевшую толпу. В полной, неестественной тишине он произнес несколько торжественно-громких фраз. Конан был не слишком силен в стигийском наречии, но, подготовленный рассказами приятелей, все хорошо понял.

— Великий Сет и его слуги сегодня утром снизошли до своего раба, чтобы объявить, что они голодны. О позор! О страшное бесчестие! Мы позволили голодать Великому Сету, Колебателю Земли, Владыке Пучин, Сердцу Пустыни! Прости нас, недостойных! Прими нашу жертву, Великий Сет! Пусть мудрый Кээ-Ту совершит свой выбор.

С этими словами жрец сдернул ткань с головы птицы, и по толпе пронесся тихий вздох, похожий на стон. Конан увидел, что то был коршун, по-видимому, очень старый,

с вылезшими на шее и боках перьями. Его круглые глаза с набрякшей пленкой век напоминали желтый лед.

Жрец вытянул руку, и птица, сильно оттолкнувшись от его жилистой кисти, взмыла вверх. Несмотря на старость, крылья были еще крепки, они вознесли ее высоко над площадью и медленно кружили над замершей толпой.

Конан заметил, что ни один человек не осмеливался поднять голову, чтобы проследить за полетом Кээ-Ту. Все лица были опущены долу; те, у кого были головные уборы, торопливо сняли их. Киммериец знал, что, если хочешь сохранить свою жизнь, нужно поступить так же.

Если Кээ-Ту увидит запрокинутое вверх лицо — немыслимое святотатство! — он бросится на наглеца в первую очередь. Если чья-либо голова под холодным взглядом божественного слуги будет покрыта чем-то, помимо волос, — последует та же кара. Ну, а из всех остальных голов, непокрытых, покорно склоненных, Кээ-Ту выберет те, чьи волосы отличаются от вороного блеска урожденных стигийцев: светловолосых и рыжих северян, русских немцев, темных, но мелко-курчавых кушитов, бреющих по-особому головы уроженцев Кхитая...

Кром наградил Конана волосами прямыми и черными, как хвост вороного жеребца, но тем не менее, он не смог бы поклясться, что под взглядом злобещей птицы сердце его так же ровно и уверенно, как обычно, гонит по его жилам кровь.

Коршун стремительно ринулся вниз, выбрав, наконец, жертву, достойную утолить голод Великого Сета, и вцепился в волосы пожилого мужчины, по виду купца из стран Севера. По толпе пронесся крик — ужаса и облегчения одновременно. Несчастный, не издав ни звука, закрыл лицо руками — и вдруг рухнул на землю, словно когти птицы были отравлены смертельным ядом. К нему тут же подбежали двое стражников, подхватили безжизненное тело и волоком подтащили к ногам жреца. Тот нагнулся, несколько мгновений всматривался в зрачки несчастного, затем выпрямился и махнул рукой.

— Этот презренный отверг великую честь стать лакомством для Великого Сета! Жалкая участь! Его тело будет брошено на городскую свалку — на растерзание псам.

Коршун, на этот раз севший не на руку, а на плечо жреца, снова взмыл в воздух.

Чтобы достойно угостить Великого Сета, нужно было семь жертв — но они должны быть живыми. Поскольку некоторые расставались с жизнью от непереносимого страха, стоило им только почувствовать жесткие когти у себя в волосах, мудрой птице, как правило, приходилось взлетать не семь раз, а больше.

Только три дня назад Конан расспрашивал своего нового приятеля Ойшли, отчего быть выбранным Кээ-Ту считалось намного страшнее, чем попасть в желудок пятнистому храмовому питону. Ойшли был начальником охраны купеческого каравана, пришедшего из Иранистана с грузом ковров и парчовых тканей. Это был жизнерадостный толстяк с абсолютно лысой, масляно блестящей на солнце головой и хитрыми глазками. Они оказались соседями по постоялому двору и разговорились за обильным ужином. К их беседе присоединился Варн — молодой белокрылый воин с бычьей шеей, сопровождавший посланника из Бритунии.

Разговорчивый Ойшли прибыл в Стигию уже в третий раз, в общей сложности он прожил здесь несколько месяцев и считал себя большим знатоком местных нравов.

— Ты спрашиваешь, в чем разница между глоткой питона и когтями старого облезлого стервятника? Как бы тебе объяснить попрямнее... — Толстяк огляделся вокруг и указал Конану на группу бедно одетых людей, по виду пастухов, поглощавших в закутке за дверью таверны свою незатейливую пищу. — Ответь, что, по-твоему, едят эти оборванцы?

— Ну, сыр, лепешки, — пожал плечами киммериец. — Пьют же наверняка какую-нибудь прокисшую дрянь.

— Скорее всего, так, — согласился Ойшли. — Ничего приличного этим туповатым овечьим сторожам хозяин не нальет. Так вот, если жертву Сета просто убивают — мечом там, или веревкой, или ядом — для Великого Змея это все равно, что нам, к примеру, перекусить хлебом, сыром, мучной похлебкой — короче, пищей простой и грубой. Голод это, конечно, утоляет, но особого наслаждения языку и желудку не приносит. Теперь ответь мне, — Ойшли кивнул на миску, стоящую перед киммерийцем, — что сегодня вечером едим мы с тобой?

Конан выразительно потянул носом.

— Будь я проклят, если это не добрый кусок телянка в чесночном соусе с приправой из тушеных бобов!

— Вот! — обрадовался толстяк. — Это уже куда приятнее хлеба и сыра, верно? За таким ужином, да еще с хорошим вином, не скучно и вечерок скоротать! Любимому божеству так же приятно, как нам с тобой сейчас, когда жертву его убивают не сразу и не простым способом. Скажем, четвертуют, сажают на кол, кипятят в масле...

Конан скривился и сплюнул позади себя на глиняный пол.

— Клянусь Кромом, я не сел бы с этим разборчивым божеством рядом на дружеской пирушке!

— Но и это еще не все! — Ойшли назидательно поднял толстый указательный палец. — На нашем постоялом дворе такого, конечно, не подадут, да и вообще, не в обиду будет сказано, вряд ли вам доводилось это пробовать, но поверьте на слово — есть на свете такие изысканные кушанья, которые едят только правители и высочайшие вельможи, и чтобы приготовить их, нужен труд десятков людей и море времени. К примеру, паштет из язычков птенцов розовой птицы, живущей в джунглях Зембабве, вымоченный в соусе из столетних зингарских вин... Или еще что-нибудь в этом роде. Когда человека выбирает коричневый стервятник, это означает, что богу и его шайке захотелось потешить себя чем-нибудь особенно лакомым. Обычно это случается, когда страна долгое время ни с кем не воюет, не происходит наводнений, засух, повального мора и прочих бедствий. Тишь, покой, веселье и сытые лица — для Змея это все равно что унылый пост... Знающие люди говорят еще вот что, — Ойшли оглянулся по сторонам, словно желая проверить, не подслушивают ли их, и дал знак собеседникам нагнуться над столом и сдвинуть поближе головы.

Конан и Варн послушно склонились, и в их уши полился жаркий шепот осторожного толстяка:

— Говорят, что из семи жертв, отобранных Кээ-Ту, только двое достаются Сету, остальные же пятеро уходят кое-кому иному, более могущественному, чем Великий Змей.

— И кто же это может быть? — громко спросил Конан.

— Тс-с-с! — Ойшли приложил палец к губам. — У него много имен, но ни одно мне не хочется произносить вслух! У этого темного божества нет ни жрецов, ни храмов, но по сравнению с ним Великий Змей Сет —

все равно что первый советник рядышком с королем. Больше я о нем ничего не скажу, да и вы лучше молчите... Кстати, а вы знаете, что именно делают в подземельях кемийских храмов с теми, кто имел счастье пригласиться милой пташке?

— Что? — разом выдохнули Конан и молчавший до сих пор бритунец.

Ойшли выдержал эффектную паузу.

— А вот этого я вам, друзья мои, сказать не могу. И вряд ли кто-нибудь сможет. Жрецы Сета умеют хранить свои тайны.

— Проклятье, — пробормотал бритунец. — Еще целую луну или даже больше я должен находиться в этом проклятом городе...

Его выпуклые серо-голубые глаза потускнели, а лицо приняло обреченное выражение, неприятно контрастировавшее с перевитой мускулами шеей и тяжелыми буграми челюстей.

Ойшли расхохотался и хлопнул его по плечу.

— Не надо киснуть, мой молодой друг! Никогда не стоит терять хорошего расположения духа. Смотри, — он вытащил из-за пазухи что-то лохматое и черное и водрузил себе на голову, прикрыв блестящую лысину. Это оказался парик из конского волоса. — Жарковато, конечно, в таком тюрбане на здешнем солнце, но что поделаешь, лучше потерпеть. В котле с кипящим маслом уж, наверное, жарче! Дальше десяти локтей от постоянного двора я не рискну и носа высунуть без этой полезной штуки. В моих тюках найдется еще пара-тройка таких же, — подмигнул он бритунцу. — Отдам недорого, для друзей у меня всегда скидка!

Варн осторожно ощупал черную прядь и даже попробовал ее на зуб.

— Товар отличный, не беспокойся! — кивнул Ойшли, который, видимо, не раз сопровождал купеческие караваны, развил в себе немалые способности к купле-продаже. — Жаль только, что тебе я не могу оказать подобной услуги, — обернулся он к Конану, — потому что намного раньше меня ее оказал тебе твой Кром, которого ты здесь так часто упоминаешь! — Толстяк захохотал, довольный своей шуткой, и потрепал киммерийца по гриве вороних волос, небрежно спадающей ему на плечи.

Конан дернул головой, как жеребец, стоняющий оводов, и хотел было подняться, но Ойшли удержал его за рукав.

— Погоди-ка! У меня есть еще кое-что, не менее полезное в здешнем климате. Должно понравиться вам обоим, — порывшись у пояса, он достал небольшой стеклянный флакончик, открыл пробку, и киммериец поморщился от резкой вони. — Запашок, конечно, не так приятен, как розовое масло или мирро, но ценится здесь — для тех, кто понимает! — намного дороже всяческих благовоний. Зелье это — одна вендийская травка, настоящая на желчи шакала. Запах ее не переносят змеи, в особенности питоны. Да-да, друзья мои, я вижу, вы понимаете, каких питонов я имею в виду... Настоятельно рекомендую! Друзьям — скидка... И тогда прекрасное расположение духа навсегда обеспечено...

У ног фиолетового жреца уже лежало два трупа и рядом стояли шесть крепко связанных живых жертв Кээ-Ту. Богу требовалась последняя, седьмая жертва.

На этот раз коршун выбирал очень долго, словно проверяя на прочность нервы толпы. Когда стало казаться, что зловещему парению не будет конца, Конан вдруг заметил, как стоящий невдалеке от него человек украдкой поднял голову и посмотрел вверх. «Вот недоумок!» — выругался про себя киммериец. Волосы у незнакомца были хотя и не черные, но довольно темные, и он имел немало шансов на то, что птица не обратит на него внимание среди более светлокудрых чужеземцев. Если бы не поднятое лицо...

Через секунду коршун камнем ринулся вниз и вцепился в макушку неосторожного. Толпа взвыла на этот раз с неподдельным ликованием: наконец-то! Последний! Но тут случилось неожиданное: выбранный слугой бога вдруг резким движением смахнул птицу со своей головы (так резко, что хрустнуло крыло, как не без злорадства отметил Конан) и бросился бежать. Это было полным безумием — надеяться убежать в толпе, в такой близости от вооруженных стражников... Несколько мгновений оцепенения сменились возмущенными воплями: «Лови его!», «Святотатец!», «Хватай его!!!» Конан неожиданно для себя вдруг ринулся следом за убежавшим, перекрывая своим криком рев толпы: «Прочь с дороги! Не мешать! Я его поймаю!»

Несколько человек он смел, словно детей, зазевавшихся на пути боевой колесницы, затем от него стали предусмотрительно шарахаться в стороны. Когда Конан добежал до незнакомца, того уже держали за шиворот двое мужчин, а визжащие женщины норовили выцарапать ему глаза и выдрать бороду. Киммериец с размаху, не останавливаясь, вырвал из их рук щуплое тело недоумка и понесся дальше, рыча: «Я сам! Я сам скормлю его Великому Сету!» Незнакомец делал слабые попытки вырваться, но Конан хорошо приложил ему по затылку, одновременно хрипло шепнув в ухо: «Не будь идиотом! Беги!» Уразумев, что к чему, незнакомец перестал сопротивляться, и Конан придерживал его лишь для вида. Вместе они развили хорошую прыть.

Добежав до одной из улиц, перегороженной копьями двух стражников, киммериец, не сбавляя скорости, неожиданно нагнулся и ударил одного из стражей головой в живот — благо на том были лишь бронзовые наплечники и шлем. Стражник согнулся пополам и рухнул на колени. Выхватив у него копье, Конан молниеносно поразил в горло второго стража, замешкавшегося всего на полвздоха. Расчистив путь, он устремился вперед, размахивая копьем и издавая устрашающий рев варвара в пылу битвы. От угрожающих звуков этого рева узкие улочки перед ним мгновенно пустели. Не успевшие скрыться жались к стенам домов, стремясь стать как можно более плоскими.

Конана беспокоили только топот за его спиной. Но, обернувшись, он с облегчением увидел, что это не стражник, а всего лишь спасенная им жертва, не отстающая от него ни на шаг. «Вот уж, действительно, полный идиот, — в очередной раз устало отметил про себя киммериец. — Неужели трудно догадаться, что поодиночке скрыться гораздо легче?..»

Глава 2. Круглый, как дыня

Скажи, если только тебе не трудно, отчего ты бросился меня спасать? — спросил Шумри.

Он смотрел на киммерийца с каким-то детским удивлением, с жарким интересом.

Конан пожал плечами.

— Сам не знаю.

Он ответил честно. Только уже несясь вперед, крича и сокрушая зазевавшийся люд, он осознал, что ринулся

спасать совершенно незнакомого человека, чужака, не отличающегося, к тому же, большим умом либо другими достоинствами. Отчего? С какой стати? Разве это кто-нибудь знает?..

— Лучше ты ответь мне, какой демон дернул тебя за подбородок? Ты что, не знал, что птичка не выносит вида поднятых лиц?

— Знал... — вздохнул Шумри. — Но, видишь ли, любопытство во мне неискоренимо.

Киммериец презрительно фыркнул. Ну что за человек: открыто признается в слабости, простительной лишь бабам!

— Я вот что подумал, — задумчиво продолжал спасенный, не заметив его усмешки, — получается, что настоящий бог не Сет, а этот плешистый коршун. Смотрит с высоты и вершит судьбы, определяет, кому остаться живым, а кому — усладить собой божественный желудок... А Сет что — Сет только довольствуется его выбором. Может быть, у Сета нет глаз, может быть, весь он — одно ненасытное брюхо?..

— Ерунда! — сказал Конан. — Жрецы натаскали птичку на поднятые лица, на светлые волосы, как натаскивают на лис и зайцев.

— Но ведь светловолосых в толпе довольно много, коршуну же нужно выбрать лишь семь. И он выбирает, выбирает очень долго... Я представил, как он смотрит на море голов внизу — этаким ковер из разноцветных нитей, и каждая из них трепещет, молится, обмирает. «Не меня! Не меня!» Каждый молит всех богов, каких только знает: пусть он вытащит не мою нить! Пусть это будет соседняя!.. Я крепился изо всех сил, уговаривал себя не поднимать глаз от своих ступней, но мне так захотелось увидеть, как он выглядит — зрачок бога!..

Конан захохотал.

— Ну и как? Увидел? Насытил свое любопытство? Я думаю, тебе хватит надолго!

Шумри смущенно улыбнулся.

— Боюсь, что ненадолго. Страх проходит, он быстро забывается. Любопытство же ненасытимо, как чрево Сета... А еще я вспомнил одну старинную рыцарскую балладу, которую слышал в детстве. Там рыцарь боролся с одним чудовищем, которое звали не то Алое, не то Багровое Око. То ли демон, то ли темное божество; нечто непонятное

и непобедимое... Рыцарь был сражен и погиб мучительной смертью... И мне подумалось: может быть, коршун Кээ-Ту — это маленький зрак того самого Багрового Ока?..

— Никогда не слышал ни о чем подобном! — отрезал киммериец. — Кээ-Ту — просто старая облезлая дохлятина, и будь у меня за плечом добрый лук!.. — выразительно вздохнув, он отпил большой глоток из стоявшей перед ним глиняной кружки.

...От погони они отделались сравнительно легко, хотя Конан не переходил на шаг очень долго, стремясь оставить как можно дальше за собой зловещую базарную площадь, а заодно и весь центр города с темными квадратными громадами храмов, бритоголовыми жрецами и их многочисленными стражами.

Наконец, когда улицы стали совсем извилистые и узкие, как катакомбы, когда в нос ударила вонь от гниющих тут и там нечистот, и стало ясно, что они достигли кварталов городского дна, киммериец перестал бежать. Бронзовое копье он выбросил в канаву еще раньше, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания.

Спутник его, не отстававший все это время ни на шаг, выглядел еле живым от усталости и жары. К счастью, они быстро отыскивали воду. Отдышавшись в тени возле арыка и вдоволь напившись, Конан хотел уже распрощаться со своим новым знакомым, чтобы кружным путем вернуться к себе на постоянный двор и там хорошенько обдумать, что в такой ситуации разумнее всего делать дальше.

Но спасенный не пожелал расставаться так скоро. Он твердил, что обязан Конану жизнью и хочет непременно отблагодарить его хоть чем-нибудь. К сожалению, денег у него почти нет, но он может хотя бы угостить его вином в приличном кабаке, а также, если Конан захочет, спеть и сыграть ему на цитре.

Киммериец ответил, что от музыки у него начинает гудеть в голове и чесаться за ушами, что местное вино погружает его в глухую тоску, а что касается приличного кабака, то там непременно окажется кто-либо из бывших на базарной площади, и лысому жрецу останется только выслать в нужное место десяток стражников...

Но вырванный из когтей птички оказался настырен и красноречив. В конце концов они сошлись на кабаке, но захудалом, где-нибудь на окраине, подальше от блительных глаз жрецов Великого Змея.

Как ни странно, вино им подали совсем неплохое, что приятно удивило Конана. Голова от него не наливалась чугуном, напротив, становилась все легче, все звонче. Возможно, играл свою роль и нрав собеседника — неприженный, искристый, как то же доброе вино. Как выяснилось, спасенного звали Шумри, и был он родом из Немедии. На недоверчивое замечание Конана, что имя его совсем не походит на немедийское, тот беспечно заметил, что настоящее свое имя он не произносил и не слышал так давно, что позабыл его напрочь. «Шумри» — это кличка, привязавшаяся к нему в полупустынях Турана и означающая что-то вроде степного ветра, пинающего перекасти-поле.

На вид он был не старше Конана. Среднего роста, узковат в плечах, но гибок и быстр, как ящерица. Темно-каштановые с рыжим отливом волосы дыбом вставали над высоким лбом, топорщились на макушке, словно шерсть испуганного зверя. Странна была обильная проседь на висках и темени, никак не вяжущаяся с молодым лицом. Глаза были кругловатые, неопределенного цвета, отливающие то зеленью, то желтизной. На впалых щеках и остром подбородке росли редкие кустики того, что очень условно можно было назвать бородой. О своей родословной Шумри умолчал, сказал лишь, что покинул родной дом в ранней юности, движимый, как он объяснил, все тем же «неискоренимым любопытством». Он исходил немало стран Запада и Востока и сейчас намеревался поехать на Юг, к истокам великой реки Стикс и еще дальше.

— Зачем? — удивился Конан. — Южнее истоков Стикса ты не найдешь ни золота, ни сокровищ.

— Но я вовсе не ищу сокровищ, — возразил Шумри.

— Любопытных диких там тоже нет. Только голые черные обезьяны, которые с удовольствием пригласят тебя на свой обед — в качестве жаркого!

Шумри внимательно взглянул на киммерийца, словно прикидывая, стоит ли ему доверять, затем решительно вздохнул и снял с шеи бронзовую цепочку с круглым

медальоном. Открыв крышечку медальона, он протянул его Конану.

— Знаешь, что это такое?

На остром стержне мелко трепетала тонкая железная пластинка, один ее конец был позолочен.

— Знаю, конечно. С помощью таких кхитайских штук юнгов определяют курс корабля.

Шумри кивнул.

— Позолоченный ее конец указывает на юг, всегда точно на юг. А знаешь, что будет, если долго-долго идти точно на юг?

Киммериец пожал плечами.

— Пройдешь сквозь джунгли черных обезьян и окажешься на берегу Южного Океана.

— А если сесть на корабль и поплыть дальше на юг?

— Это знает и ребенок, — проговорил Конан с нарастающим раздражением. — Сначала будет великий туман, потом великая тьма, не станет ни воды, ни воздуха, и мир кончится.

— О нет, Конан! Совсем не так! — Шумри внезапно вскочил и кинулся к хозяину кабачка, а минуту спустя вернулся, подбрасывая в ладонях большую желтую дыню. — Дело в том, что наш мир круглый, как эта дыня. Один очень мудрый человек из Аргоса поделился со мной этим знанием в обмен на то, что я в течение шести лун убирал его дом и услаждал слух своим пением... Сейчас мы, к примеру, здесь, — он воткнул ноготь в бок дыни. — Если идти все время точно на юг, — он прочертил в кожуре длинную борозду, вернувшись к начальной точке, — мы вернемся туда, откуда вышли, только с другой стороны.

Несколько секунд киммериец смотрел на процарапанную ногтем Шумри окружность. Потом возмущенно грохнул кулаком по столу.

— Не считай меня полным кретином! Клянусь потрохами Нергала! Не знаю, кто из вас врет — ты или твой мудрец, но это полная ерунда! Смотри!

Он наклонил свой стакан над макушкой дыни и тоненькой струйкой вылил немного вина. Бордовые капли скатились на стол, прочертив на круглых желтых боках розовые дорожки.

— Если б наш мир был круглым, на нем не было бы воды, он был бы сухой и мертвый, как череп мумии! Да

и люди могли бы удержаться и не скатиться вниз лишь на небольшом кусочке земли.

Шумри примиряюще улыбнулся.

— Он многое рассказал мне, тот мудрый человек, и отчего вода не скатывается с боков нашего мира, поведал тоже. Я мог бы объяснить тебе, Конан, но для этого нужно много времени.

— К демонам твои объяснения! Я в них не нуждаюсь. Спасибо за вино!

Конан поднялся, собираясь распрощаться со своим новым знакомым.

— погоди! — Шумри придержал его за рукав. — Я не знаю, что за цель привела тебя в Кемии, но после сегодняшнего оставаться здесь для тебя смертельно опасно. Я еще мог бы спрятаться, затаиться, но тебе, — он выразительно скользнул взглядом по громадной фигуре варвара, — это совершенно невозможно. Тебя нельзя забыть, один раз увидев. Ты не затеряешься в толпе.

На такие речи киммериец не смог не усмехнуться с видимым удовольствием.

— Тебе все равно придется покинуть Стигию, — продолжал Шумри, — так почему бы нам не пойти вместе? Я был бы счастлив, имея такого спутника.

«Ну еще бы, — отметил про себя Конан, — отчего не занять дарового охранника?», но вслух лишь спросил:

— Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем мне совершать это дурацкое путешествие, в конце которого придешь в ту же самую точку?

— Ну, хотя бы затем, что прежде ни один человек этого не делал. Во-вторых, разве не забавно было бы тебе заявиться в твою родную Киммерию, но не с юга, куда ты ушел когда-то, а с севера, и при этом — с грузом дикушинок и рассказов? Наконец, то, что имеет такую ценность для тебя — золото и драгоценности — в стране черных обезьян, как ты их называешь, можно добыть без особого труда. Туземцы не знают цену всему этому. Вряд ли слитки золота в их глазах сильно отличаются от речной гальки.

Конан усмехнулся.

— Даже если мы разыщем золото в стране черных обезьян, на чем мы потащим его? На собственных двух

хребтах? Или ты думаешь, что Стикс из любезности к нам будет простирается до самого Южного Океана?..

Шумри открыл было рот, но киммериец не дал ему ответить.

— Предположим, мы добрались как-то до берега и дотащили золото! Где мы возьмем корабль? Ты считаешь, что на нижнем конце нашего мира есть такие же богатые портовые города, как Асгалун и Мессантия? Что-то не попадалось мне оттуда купцов... Или черные обезьяны построят нам корабль?

Шумри опять сделал попытку вставить слово, но разгоряченный варвар неслся дальше.

— Предположим, каким-то чудом, твоими молитвами мы поплыли... Предположим, он действительно смахивает на дыню, наш мир — хотя я в этом сильно сомневаюсь! Ты видел когда-нибудь ледяные поля Ванахейма и Асгарда? Ты представляешь, что это такое: лед и снег на сотни дней пути — и ничего больше?.. Каким образом я добреду в Киммерию, увешанный, как ты говоришь, дикувинками и рассказами, через эти ледяные поля?

Шумри молчал, подавленный убедительностью доводов.

Конан заказал еще пару кувшинов вина.

— Наверное, ты прав, — нарушил молчание немедиец. — Наверное, в моей голове не хватает чего-то основательного и прочного. Ветер, пинающий кустик перекапти-поля... Но странная мечта толкает и ведет меня. Мысль, что, обойдя вокруг мира, я словно бы обниму его, познаю, сделаю своим — ручным и маленьким. Таким, что можно взять его в ладони и протянуть, подарить...

— Кому? — с усмешкой поинтересовался киммериец. Шумри словно очнулся.

— Да так, не слушай меня, — он вздохнул. — Все-таки жаль, Конан, что не удалось мне подбить тебя в попутчики.

Конан промолчал. Сказать по правде, доводы Шумри, которые он сокрушил с таким блеском, не оставили его совсем равнодушным. Да, предприятие это безумное и безнадежное, но чем-то сно захватило его, зацепило душу. Может быть, именно своим безумием?..

Какое-то время киммериец колебался, потягивая вино. Если бы Шумри сумел убедить его, что мир действительно круглый! Но мятая дыня с разводами вина не являлась

весомым аргументом. Сердоликовая маска с глазами из топазов, пожалуй, надежнее.

Прикончив вино, Конан поднялся. Взглянув на него, немедиец сделал то же. Он был явно расстроен и не пытался этого скрыть. Вместе они вышли из дверей таверны.

За разговором время протекало незаметно. Солнце уже вплотную подошло к горизонту, но было еще светло. Длинные тени стелились по земле. От устья Стикса веяло морской прохладой и запахом тины. Было тихо и по-вечернему умиротворенно, но что-то вдруг заставило Конана, словно почувствовав ненавидящий взгляд, поднять лицо к небу.

Распластав широкие крылья, над городом парил знакомый птичий силуэт.

— Проклятье! Мне, признаться, казалось, что ты сломал этой пташке крыло. Неужели жрецы так быстро его вылечили?

— Может, это обыкновенный коршун? — со слабой надеждой спросил Шумри.

— Как бы не так. Обыкновенный не будет...

Конан не успел договорить, так как Кээ-Ту стрелой рухнул с высоты прямо над их головами и снова взмыл вверх, не достав до них каких-нибудь двух локтей. Он издал хрипло-клеочущий и очень громкий крик, явно указывая стражникам точное местонахождение беглецов.

Раздумывать было некогда. Не сговариваясь, Конан и Шумри кинулись бежать. Коршун повторил свой зловеющий маневр, и киммерийцу послышались в отдалении звон копий и топот тяжело обутых ног...

— погоди! — крикнул он своему спутнику. — Нам надо разделиться! Если что — найдешь меня в порту, на постоялом дворе!

Шумри кивнул и, резко сменив направление, помчался в сторону жалких бедняцких хибарок, прилепившихся прямо под опоясывающей город черной стеной.

Конан не сомневался, что Кээ-Ту полетит за маленьким немедийцем. Он не собирался бросать на растерзание стражников своего новоприобретенного знакомого, но отлично понимал, что без лука и стрел он бессилен.

Киммериец огляделся вокруг, прикидывая, в каком из ближайших домов, судя по его виду, может оказаться оружие. Неожиданно он ощутил шорох крыльев над го-

ловой и услышал знакомый омерзительный крик. Кээ-Ту витал над его макушкой!

Конан почувствовал предательский холод вдоль позвоночника — довольно редкое, надо признаться, для него ощущение. Что случилось? Почему птица не полетела за выбранной ею же самой жертвой? Неужели мстительный Сет в первую очередь желал покарать наглеца, вырвавшего жертву из его пасти? А может быть, благодаря огромному росту, мощи и отваге киммериец в глазах божества являл собой более питательное и изысканное лакомство...

Конан нагнулся и подобрал с земли несколько булыжников. Когда коршун спикировал в очередной раз, широко размахнувшись, киммериец запустил в него самый крупный камень. Птица, захлебнувшись криком, ударилась о землю и заскребла крыльями, поднимая бурю пыли. С торжествующим ревом Конан бросился к ней, намереваясь задушить голыми руками, но это оказалось не так-то просто. Острый и крепкий, как туранский кинжал, клюв едва не лишил его левого глаза. Из рассеченной брови заструилась кровь. Конан отдернул руку, прикрывая лицо, но одной правой руки оказалось недостаточно, чтобы удерживать злобную птицу. Глубоко процарапав когтями кисть и запястье киммерийца, коршун вырвался и каким-то невероятным усилием смог подняться в воздух. Поистине, мрачный Сет помогал своему верному слуге. Конан швырнул второй камень, но уже не так удачно. Птица лишь дернулась в полете, но не упала, и, мерно взмахивая облезшими еще больше во время схватки крыльями, потянулась вверх, в сторону центра города, где чернело квадратными приземистыми башнями здание главного храма Сета.

— Конан! Ты цел? — неведомо откуда вынырнула фигурка Шумри.

— Еще чуть-чуть — и моим друзьям пришлось бы называть меня Конан Кривой, — усмехнулся киммериец, зализывая, как собака, кровоточащие царапины на руке. — А ты откуда взялся? Я думал, ты уже в паре дней пути отсюда...

— Я вернулся, когда увидел, что он выбрал тебя. Правда... — немедиец смущенно потупился, — не успел тебе помочь: все произошло так быстро.

«Не успел или не захотел — разница, в сущности, небольшая», — подумал Конан, но вслух ничего не сказал.

Все-таки Шумри не сбежал, спасая собственную шкуру, а вернулся.

— Он выбрал тебя, Конан, — взволнованно продолжал Шумри, — значит, как я и говорил, это не просто дрессированная птица. Это ока бога, это мстительный клюв бога!

— Больше я не сделаю ни шагу из дома без лука и полдюжины крепких стрел!

— Не будь самоубийцей, Конан. Ты не забыл, что чужеземцам в Кеми под страхом казни запрещено носить оружие?

— Проклятая страна!

— Так отчего бы нам не покинуть ее?..

Конан не отказался от своего плана преуменьшить сокровища пирамид Кеми, но перенес его осуществление в неопределенное будущее. Не так часто удавалось ему вызвать на себя гнев самого божества — да еще одного из самых могучих, славящегося извращенно-изуверским нравом. Дразнить его далее было бы неразумно. Будь это полководец, вождь, чародей, колдун, даже правитель — Конан, не задумываясь, принял бы бой. Но Великий Змей?.. Пожалуй, Шумри со своим предложением оказался весьма кстати.

Хотя у киммерийца остались сильные сомнения относительно формы мира, он рассудил, что даже если знакомый мудрец Шумри и простой шарлатан, в любом случае путешествие к Южному Океану может оказаться полезным. О землях южнее Зембабве ходили самые смутные и противоречивые слухи. Возможно, там действительно ничего нет, кроме обезьян-каннибалов, но не менее возможны и развалины древних царств, хранящие под собой невиданные сокровища.

Подготовка к путешествию заняла всего три дня. Все это время Конан, поддавшись уговорам Шумри, провел в одном из самых темных и грязных притонов Кеми, где круглые сутки за большие деньги желающие могли вдыхать пыльную забвения, отправляющую людей в иные миры, более яркие и сладкие, чем те, куда ускользает душа в сновидениях.

Шумри в это время, предусмотрительно покрыв голову широкополой шляпой из вяленой овечьей шерсти, зани-

мался всем необходимым, имея в распоряжении монеты Конана. Он купил небольшой баркас, солидный запас провианта, нанял четырех гребцов-кушитов.

Киммериец, истомившийся за три дня безделья (вдыхание пылицы не произвело на него впечатления: миры, в которые его выбрасывало, были слишком пресны, спокойны, и не с кем было даже ударить мечом по мечу), с искренней радостью встретил приятеля, объявившего ему, что к южному странствию все готово.

В путь решили отправиться после захода солнца, чтобы до первых его лучей успеть отплыть как можно дальше от зоркого ока божественной птички.

Глава 3. Плавание

И вздрогнули столетние дубы, и вскрикнули буки, Ветром вздох облегчения пронесся по лесу. Пронзенный мечом, издыхал на траве демон, Змеиным вился телом, когтя корни, слюной ядовитой плюясь, проклиная Славный меч киммерийца. О, меч киммерийца!..»

Конан, опершись спиной о мачту, вытянув ноги на теплых досках палубы, полудремал, полуслушал со слабой усмешкой о собственных подвигах. Впитав его рассказы, скупые и лишенные красок, Шумри расцветил их собственной фантазией и каждый вечер негромко, но вдохновенно напевал под перебор цитры.

Четверо гребцов с блестящими от пота шоколадными спинами зачарованно слушали его, мерно вздымая и опуская весла.

Киммериец отлично помнил свою схватку с болотным демоном в пиктских лесах, за Черной рекой. Дубы не дрожали, и буки не вскрикивали, напротив, все происходило в почти полной, настороженной тишине. Но тем не менее, баллада не раздражала. Казалось даже, что Шумри каким-то чудом увидел истинную картину битвы, взглянул на нее с высоты. А Конан — участник и главный герой — смотрел впритык и мог не заметить чего-то существенного и важного.

Иногда же, под звуками мелодичного взволнованного голоса, Конану начинало казаться, что все это не о нем. Кто-то другой — не знающий ни страха, ни поражений герой огромного роста, с синими, как полуденное небо, глазами, — крушил орды врагов, повергал черных магов,

возвращал назад, в глубины мрака, вырвавшихся оттуда и облекшихся в плоть чудовищ... Он был тоже родом из Киммерии и он был его тезкой, но не более того. Настоящий же Конан — просто плывет. Плывет...

Темно-зеленые воды Стикса несли себя величаво и медленно. Гребцы не слишком выдыхались за день, и на вечернем привале у огня подолгу звучали неторопливые рассказы о странствиях, битвах, любовных победах, раскатывался смех, распугивающий ночное зверье, гремели боевые песни на разных наречиях.

Конан почти привязался к своему новому приятелю и спутнику, открыв в нем ряд несомненных достоинств: умение находить общий язык — в прямом и переносном смысле — с любым человеком, незлобивый и отходчивый нрав, массу мелких умений и навыков, необходимых в путешествии, неисчерпаемый запас баск. Недостаток у него был один, но очень, с точки зрения киммерийца, серьезный: Шумри не был воином. Он даже не имел меча, а когда Конан хотел дать ему денег, чтобы тот приобрел себе приличное оружие, он только замотал головой, оправдываясь, что все равно не умеет с ним обращаться. Правда, у немедийца был кинжал, узкий и хорошо наточенный, всегда висевший на поясе. Но Конан сильно сомневался, что клинок этот знает запах и вкус человеческой крови: скорее всего, он служил лишь для разделки дичи, снятия шкур, починки снастей и прочих мелких хозяйственных надобностей.

Первая часть плавания протекала удивительно спокойно. Ни ночные разбойники, ни хищные звери, ни алчные сборщики путевых податей не нарушали ровного продвижения на запад, вверх по течению величавой реки, одной из самых полноводных и протяженных в мире.

Там, где русло Стикса делало резкий поворот на юг, начинались пороги. Река меняла свой неторопливый нрав, заваленная острыми валунами, она пенилась и кипела, крутила водовороты. Пришлось потрудиться: вытащить баркас на берег, разгрузить его и перетаскивать на собственных плечах до тех пор, пока река вновь не стала спокойной и безопасной.

У самых порогов, на противоположном берегу высилась крепость Файон. Семь ее гигантских башен из черного камня, соединенных стенами, нависали над бурлящей и пенящейся водой. Конан не без удовольствия

встретился глазами с угрюмой твердыней стигийских жрецов. Много славных и довольно свежих воспоминаний были связаны у него с этим местом. Здесь ему легла в ладонь прохладная и надежная рукоять Небесной Секиры — волшебного и одушевленного оружия, равного которому не было и нет в мире. Отсюда он, направляясь в Иранистан, взмыл в небо на плечах огромного людоеда-кутруба. Здесь он славно впоследствии отомстил посмевающимся захватить его в плен стигийским жрецам...

Чем дальше к югу, тем уже становилось русло Стикса. С берегов его исчезли селения, не стало прямых, словно вычерченных по линейке, оросительных каналов. Поля и оазисы постепенно сменились джунглями. Становилось все темнее, все душнее. Опутанные лианами деревья так низко нависали над рекой, что солнце не могло пробиться сквозь их листву. Баркас плыл в вечной тени. Впрочем, прохладнее от этого не становилось. Влажные испарения и духота доводили до изнеможения быстрее, чем слепящие лучи солнца в зените.

На одном из привалов случилось несчастье. Гребец-кушит отошел в сумерках к реке, чтобы набрать воды для ужина. Неожиданно дикий вопль страха и боли потряс вечернюю тишину. Конан, мгновенно оказавшийся на берегу, увидел, что ногу несчастного зажал клыками огромный крокодил, буро-зеленая тварь, напоминающая поваленное бурей и поросшее осклизлым мхом дерево. Тварь, алчно подергивая хвостом, затаскивала свою жертву в воду.

Рывком вытащив меч, всегда висевший у него на поясе, киммериец несколько раз всадил острие в шею, затылок и левый бок крокодила, но шкура у него оказалась на редкость толстой и прочной. Клинок лишь царапал ее, но не мог проникнуть глубоко в тело. Крокодил сильнее забил хвостом, продолжая все так же тянуть свою отчаянно кричащую добычу. Тогда Конан упал на колени прямо в воду, возле самых раскоряченных лап, упирающихся в песчаное дно. Выждав удобный момент, он вонзил меч глубоко под левую лапу, в не защищенное крепкой кожей, светло-желтое подбрюшье. Только после этого мощные зубы разжались, и несчастного гребца удалось

вытащить на берег. Буро-зеленое туловище еще долго билось в агонии, замутив прибрежную воду.

Пока Шумри промывал рваную рану гребца и перевязывал ее чистым куском парусины, остальные кушиты ловко разделали тушу. Мясо они поджарили на углях, а шкуру разрезали на несколько лоскутов, собираясь хорошо просушить ее и смастерить прочные доспехи. Пиршество продолжалось до глубокой ночи, но веселье не было безмятежным, так как его нарушали протяжные стоны раненого, становившиеся все более долгими и душераздирающими.

Несмотря на все лекарские навыки немедийца, гнилые зубы рептилии сделали свое дело: к утру у гребца поднялся сильный жар, а к вечеру следующего дня несчастный умер, поминая в бреду всех кушитских богов, а также шемитских и стигийских...

На его место за весло пришлось сесть Конану.

Еще через три дня монотонный плеск весел нарушил новый крик. Один из кушитов, бросив гребсти, с ужасом рассматривал на своей ладони крохотное насекомое с черно-голубыми крылышками, которое он только что прилепнул на своей спине. Кожа его посерела и покрылась потом, огромные белки глаз грозили вот-вот вылезти из орбит.

Ужас с его лица словно бы перехлестнулся на двух остальных гребцов. Они тоже бросили весла и окружили товарища. Конану пришлось несколько раз рывкнуть на них, пока эта пара с неохотой вернулась к прерванной работе. Укушенный же продолжал рассматривать ладонь, негромко и обреченно подвывая. Киммериец хотел уже почесать свой крепкий кулак о шею нерадивого гребца, когда заметил вдруг, что плечи, бока и живот его покрылись светло-серыми, ярко выделяющимися на шоколадной коже пятнами. Пятна становились все больше, тело обмякало и распухало на глазах... Со стоном кушит повалился на палубу.

Несчастный не давал дотронуться до своего тела, каждое прикосновение причиняло ему нестерпимую боль. Поэтому его не стали переносить на берег и устроили прямо на судне. Шумри хлопотал над ним, не отходя ни на шаг, то и дело обливая его горящую кожу водой из-за борта, но все было напрасно. Противоядие от укуса ма-

ленькой мухи Сцоо не было ведомо никому — ни белым, ни черным спутникам.

Умиравший не мог даже стонать, из горла его раздавалось лишь хриплое бульканье, белки глаз стали малиновыми, а черты лица исказились до неузнаваемости. Когда, спустя сутки мучений, душа его наконец сошла в места более прохладные и спокойные, все оставшиеся испытали немалое облегчение и искренне порадовались за избавившегося от мук...

Как только распухшее тело было предано земле, два оставшихся гребца объявили Конану, что дальше они не поплывут. Никакие уговоры и убеждения не подействовали. Разъяренный киммериец пригрозил им мечом — на что старший из них ответил, что смерть от удара меча намного приятнее и быстрее, чем в гнилых зубах крокодила, либо от укуса мухи Сцоо.

Конан был в полном бешенстве. Он заплатил чернокожим вперед, заплатил не скупясь, и они обязались идти с ним до самых истоков Стикса, а если найдется другой водный путь на юг, то и дальше. Найти же новую рабочую силу в этих глухих краях невозможно!

Кушиты бросили ему под ноги, на доски палубы свое жалованье — несколько золотых. Этого киммериец снести не смог. Он выхватил меч, но Шумри, молчавший во все время пререканий, неожиданно повис у него на руке.

— Проклятье! — Конан попытался стряхнуть своего спутника, но тот ухватился крепко. — Не вынуждай меня отправить тебя к Нергалу вместе с этими черными выродками!..

— Погоди, погоди, Конан, — пыхтел Шумри, изо всех сил налегая на его мощную руку, — успокойся, от них ведь все равно толку не будет, они так или иначе сбегут — не сейчас, так ночью. И пусть уходят, пусть уходят с миром...

Кушиты не стали ждать, чем закончится спор их хозяев. Мгновенно собрав с палубы золотые монеты, схватив немудреные пожитки и недосушенные куски шкуры крокодила, они ринулись что было сил по берегу, вниз по течению, перепрыгивая через упавшие стволы, разрывая руками лианы, мелькая светлыми — по сравнению со всей кожей — пятками...

Увидев, что черные выродки сбежали от его возмездия, киммериец с утроенной яростью оттолкнул от себя Шумри, переставшего за него цепляться, да так, что тот отлетел на пять локтей и с грохотом ударился о доски палубы.

— Будь я проклят, что отбил тебя из когтей божественной птички!!!

До самого вечера приятели не разговаривали. Конан все время подумывал о том, чтобы расстаться со своим нелепым спутником. Он осмелился встать на его пути, возражать и навязывать свою волю! Будь это могучий воин, боец — тогда другое дело, тогда можно было бы поговорить на равных. Но бродяга-бард, чья ладонь никогда не сжимала рукояти славного, тяжелого меча или копья, или секиры?!..

Не лучше ли идти дальше на юг одному? Баркас куплен на его деньги, ни гвоздя на нем не принадлежит Шумри. Медальон с дрожащей стрелкой можно без труда у него отобрать... Он, Конан, даже даст ему денег на обратный путь — и на еду, и на лодку, — пусть возвращается в город пирамид и черной магии.

Пока киммериец предавался мстительным раздумьям, Шумри неторопливо разгружал судно. Мешки с мукой, солью, вяленой рыбой, мотки веревок, свертки парусины — все это он выносил из трюма и складывал на берегу. Когда на траве образовалось нечто вроде склада вещей и продуктов, Конан, словно очнувшись и разглядев происходящее, удивленно присвистнул.

— Что это значит, копыта Нергала тебе в задницу?!

Шумри примиряюще улыбнулся.

— Нам ведь придется теперь грести вдвоем. Я просто облегчил судно. Не беспокойся, самое необходимое я оставил. Думаю, нехватка еды нам не грозит: и дичи, и рыбы, и сладких плодов здесь полным-полно.

— Ну, конечно. А также крокодилов, мух Сцоо и ядовитых змей, — усмехнулся Конан. — Не последовать ли тебе за столь милыми твоему сердцу чернокожими ребятишками, а? Пока не поздно?..

Шумри ничего не ответил на тираду киммерийца. Он повернулся и зашагал к реке, возобновив прерванное занятие и тихонько мурлыкая что-то себе под нос.

Из-за сильной влажности кольчуга Конана пришла в негодность: кольца проржавели, а скрепляющие их кожаные петли прогнили и разорвались. Пришлось отправить ее на дно мутно-зеленого Стикса. Каждый вечер киммериец тщательно просушивал над огнем свой меч и кинжал и смазывал их маслом — если ржавчина съест оружие, можно прямиком отправляться в пасть крокодила, либо, спрыгнув с борта, отдать себя на обед небольшим, невзрачным с виду рыбкам с фиолетовыми плавниками, стая которых в пять минут обгладывала тело до костей.

Впрочем, будь кольчуга цела, надеть ее на здешней жаре смог бы разве что вендийский отшельник, один из тех чудаков, что месяцами стоят, воздев руки к солнцу, либо до полусмерти хлещут себя плетями из гиппопотамовой кожи. Давно уже Конан и Шумри не носили ничего, кроме полотняной набедренной повязки, и тела их по цвету уже почти не отличались от тел недавно покинувших их кушитов.

Плыли они обычно рано утром и поздно вечером, дневную же жару пережидали на берегу, в душной полудреме, закутавшись во влажную высокую траву.

Киммериец опускал весло в воду плавно, без всплеска, и Шумри приучил грести так же. Он ни на минуту не переставал прислушиваться к лесным шумам, пискам и шорохам. Правая ладонь почти все время касалась лука: главное — успеть выстрелить первым. Если пропустить врага, не расслышать его движения, его дыхания, из прибрежных зарослей может вылететь, свистя и поигрывая на солнце ярким оперением, несколько стрел с каменными наконечниками. Если стрелы ядовитые — хвала Крому! — значит, их владельцы не едят вражеской плоти, и переход в сумрак Серых Равнин будет достаточно быстрым. Если яда на наконечниках нет — хвала суровому божеству! — значит, есть возможность померяться силами, вдоволь поработать мечом, отстаивая свое право быть человеком — живым, могучим, смеющимся, а не поджаренными на закопченных камнях кусками мяса...

Звериные слух и чутье не изменили Конану.

Он вскочил и натянул лук, направив острие стрелы в кусты у левого берега — так быстро, что ничего не заме-

тивший Шумри продолжал еще какое-то время работать веслом. Из кустов раздались вопли, не то угрожающие, не то молившие о пощаде, а затем появились три мужские фигуры, разрисованные с головы до ног белой и красной глиной, с яркими перьями в волосах. Они кричали и протягивали ладони, показывая, что не держат оружия. Конан дал знак немедля к берегу, сам же по-прежнему не спускал с туземцев нацеленной стрелы.

Трое темнокожих мужчин, лопоча на своем языке, отрывистом и звонком, напоминавшем звон бронзовых чаш на веселой пирушке, помогли втащить нос баркаса на берег и прочно закрепить его. Быстро оправившись от первоначального страха, они подпрыгивали, смеялись так, что у Конана вскоре зазвенело в ушах. Что-то странное было в их лицах — словно на них навсегда застыла одна и та же гримаса. Присмотревшись, киммериец понял, что такое впечатление производили множество колец, деревянных и костяных, продетых сквозь нижнюю губу и оттягивающих ее так, что обнажались зубы.

Спустя несколько минут путники были уже в туземной деревушке, в двух шагах от реки, представлявшей собой несколько хижин, сложенных из тонких пальмовых стволов и покрытых ворохом глянцевых листьев. Они были сооружены вокруг утоптанной площадки, в центре которой горел огонь.

Все невеликое население — человек тридцать-сорок — устроило чужеземцам бурную встречу. И зрелые мужчины, и юные девушки, и дети, и старухи роем москитов кружились вокруг невиданных прежде в этих краях, огромных и светлоглазых незнакомцев. Они робко дотрагивались до их плеч, лопаток, бровей, волос, тут же смущенно отдергивая ладони.

Конан заметил, что дикари смотрят на них по-разному. Если во взорах, бросаемых на Шумри, читалось удивление, восхищение, неприкрытая детская радость, то в глазах, обращенных к киммерийцу, те же чувства перекрывало нечто другое, больше смахивающее на благоговение. Казалось, еще секунда — и они бросятся перед Конаном в пыль, поползут на коленях, низко пригибая к земле курчавые головы.

В щебетанье мужчин и женщин внезапно влился рев барабана — радостный, зажигательный ритм — и визгливые крики тростниковой флейты. Подчиняясь этому

ритму, тела туземцев задвигались, задержались, завихрились в танце. Поразительно, но танцуя, они умудрялись заниматься хозяйственными делами: мужчины тащили тушу освежаванной антилопы и подбрасывали в огонь толстые ветви, женщины что-то перетирали в выдолбленных деревянных мисках и костяными ножами быстро чистили овощи. Голые дети шныряли между ногами взрослых, ничуть не раздражая и не мешая им.

Маленькое племя, надывающее себя Дети Ба-Лууун, в честь прибытия чужеземцев устроило настоящий праздник...

Ни Конан, ни Шумри не имели ничего против того, чтобы несколько дней пожить в гостеприимном селении. Многодневное путешествие изрядно вымотало их. После изнурительного махания веслом отрадно было ничего не делать, но только с интересом оглядываться вокруг, принимая всевозможные знаки почтения, оказываемые хозяевами.

Немедиец, обладавший поразительными способностями к языкам, уже на второй вечер бойко объяснялся с туземцами, помогая себе жестами, рисунками на прибрежном песке и бесконечно выразительной мимикой. Всеми новыми знаниями о племени он тут же делился с Конаном.

Маленькое племя уже несколько поколений ни с кем не воевало и не имело врагов. Все соседние племена боялись портить с ними отношения, так как никто в округе не имел такого сильного бога-покровителя, каким был Ба-Лууун, таинственное существо, обитавшее в озере вверх по течению Стикса. Ба-Лууун был добрым божеством, он давал жизнь племени и охранял его, не требуя взамен человеческих жертв. Каждое утро на восходе солнца двое туземцев отвозили к озеру лодку, доверху наполненную бананами, кокосами, плодами манго, сладкой травой — чтобы озерный бог, обычно питавшийся рыбой, мог вдоволь полакомиться.

Поскольку племя не вело войн, оно не нуждалось и в вожде. Все главные вопросы решали трое старейшин.

Каждый из старейшин заведовал чем-то одним. Самый молодой и крепкий из них был ответствен за то, чтобы у племени всегда было вдоволь еды. Благодаря его заклинаниям,

молитвам, притоптываниям и приплясываниям, в реке всегда водилась рыба, насекомые откладывали множество личинок в прибрежные кусты, а звери и птицы не вынуждали в поисках себя бродить по джунглям слишком долго. Второй старик, с мудрыми лучистыми глазами, решал все спорные вопросы, возникающие между членами племени. От двух-трех его спокойных слов стихали самые жаростные споры, становились покладистыми и кроткими самые необузданные и сварливые женщины. Наконец, третий старик, самый древний, чьи ноги напоминали узловатые корни дерева, а желто-белые волосы спускались до самых колен, был связующим звеном между предками племени и его потомками. В чем конкретно выражалась эта связь, Шумри не понял. Этот древний патриарх почти все время молчал, погруженный то ли в себя, то ли в неслышимые разговоры с духами уже умерших и еще не родившихся Детей Ба-Лууун. О его желаниях и повелениях догадывались по слабым движениям губ и пальцев рук.

Тот восторг, который вызвало у туземцев появление белокожих путников, и то благоговение, испытываемое ими к Конану, объяснились довольно скоро. Как только Шумри научился более-менее понимать их язык, стало ясно, что киммериец в их глазах является не кем иным, как явившимся к ним с неведомых высот Сыном Неба, существом божественного происхождения, либо, по крайней мере, полубогом.

В божественности Конана их убеждали не только светлая кожа и огромный рост (самый высокий мужчина племени не доставал ему до плеча), сколько прозрачная синева глаз, сразившая этих наивных детей джунглей наповал. Особенно впечатляло, когда голова киммерийца оказывалась на фоне начинающего вечереть неба. Такие глаза — два маленьких небесных осколка — могли быть только у сына верховного божества и ни у кого больше.

Один из старейшин, отвечающий за мирную жизнь племени, рассказал Шумри, что когда-то давно, на самой Заре Творения Земля и Небо так любили друг друга, что не могли разомкнуть объятий. Проходили века и тысячелетия, а дети Земли, которых она производила то и дело на свет, пребывали в духоте, тесноте и тьме. Нельзя было ни пробежаться, ни встать во весь рост, ни взмахнуть руками. Так продолжалось до тех пор, пока могучий

герой Тонгу не отважился разорвать объятия божественных родителей. Он напряг все свои силы, высоко поднял руки и отделил Небо от Земли. Страшно закричала Земля, разлученная с Небом. Она кричала и тряслась от горя много дней и ночей. На месте гор образовались моря, на месте океанов распростерлись пустыни. Не меньшим было и горе Неба. Ливни слез проливались из его очей, молниями гнева пытался он настичь и поразить отважного Тонгу. Небо и сейчас порой гневается, грохочет и сверкает молниями, стоит лишь ему вспомнить оскорбление, полученное им на Заре Времен. А Земля от тоски и горя с тех пор часто рождает чудовищ. Люди убивают животных, животные нападают на людей, разные племена враждуют друг с другом, москиты пьют кровь, змеи и мухи Сцоо безжалостно жалят — и все это лишь оттого, что разлученная с Небом Земля гневается и тоскует. Но очень редко, раз в тысячу лет, у Неба рождается Сын — могущественный и прекрасный герой с синими глазами. Небо посылает своего любимого сына на землю, чтобы напомнить Земле о своей любви, чтобы утешить ее в горе и отчаянии. Сын Неба совершает великие подвиги, чтобы вселить радость в сердце отца, путь его отмечен небывалыми и славными делами... И как же счастливы Дети Ба-Лууун, что их племя посетил божественный гость, сходящий на землю раз в тысячелетие!

К чести киммерийца надо сказать, что поклонение туземцев быстро утомило его. Он не привык к назойливому благоговению. К тому же Шумри то и дело приходилось объяснять им на пальцах, что:

— Сын Неба и его друг не едят ни белых червей, ни вяленую саранчу, ни толстых зеленых гусениц. Возможно, все это очень вкусно и питательно, но так уж они привыкли;

— не нужно заставлять молодых девушек мелко пережевывать пищу, прежде чем подать ее гостям. Сын Неба и его друг обладают отличными зубами, и зубы эти оскорбятся, если не будут сами жевать то, что кладется в рот, от начала и до конца;

— спать высокие гости предпочитают в одиночестве, в отдельной хижине, и вовсе необязательно пригонять туда на ночь толстую, сопящую от одышки старуху, чтобы та до утра обмахивала их опахалом, отгоняя кровососущих тварей;

— если каждый член племени будет просить у Сына Неба маленькую прядку волос, или обрезок ногтя, или ресницу, чтобы сделать себе амулет, защищающий от всевозможного зла, то в конце концов божественный гость разгневается и покинет племя...

Помимо назойливого обожания туземцев, духоты, жары и излишней экзотичности здешнего питания, настроение Конана существенно портили еще два обстоятельства. Во-первых, он был сильно разочарован, не встретив среди украшений и предметов быта ни одного драгоценного камня, ничего похожего на золотой слиток или неотшлифованный рубин. Дети Ба-Лууун очень любили себя украшать, но в дело шла цветная глина, перья райских птиц и попугаев, клыки и кости зверей, сухие стручки растений.

Вторая причина была связана с женщинами. За время пути киммериец истосковался по женским ласкам. Со времени последней его любовной игры прошло уже не менее двух лун. Казалось бы, женщины окружали его со всех сторон! И совсем юные, и зрелые, они были в большинстве своем очень стройны, с крепкими, черно-блестящими бедрами, высокой грудью, озорно и призывно окликающими глазами... Но — нелепый дикарский обычай! — у каждой из них нижняя губа оттягивалась многочисленными кольцами, отчего лицо приобретало неприятное застывшее выражение и слегка смахивало на демоническую маску. Конан, хотя и был неприветливым варваром, не мог обладать женщиной только ради примитивного утоления потребности тела. Каждая мимолетная его подружка должна была ему нравиться — хоть немного...

Особенно мучительным было то, что чернокожие женщины — стройные, знойные, темпераментные — недвусмысленно одаривали его знаками своего внимания: словно случайно касались, проходя мимо, плечом или бедром, вспыхивали глазами на каждый обращенный к ним взгляд, жестами предлагали помассировать спину и плечи или расчесать спутанную гриву вороных волос...

На четвертую ночь в пальмовой хижине Конана разбудил жалобный вопль Ба-Лууун. Этот вопль прервал сновидение, унесшее киммерийца в детство, сладкое и болезненно-тревожное одновременно.

Наутро, плохо выспавшийся и раздраженный, Конан объявил своему спутнику, что пора двигаться дальше. Отдохнули, отъелись, насмотрелись праздничных танцев в их честь — хватит! Пора грузить баркас.

— А может, останемся еще ненадолго? — попросил Шумри. — Здесь очень славно. К тому же, в нашем путешествии по джунглям пригодится язык, что я здесь учу. Не говоря уже о туземных навыках, которыми они со мной охотно делятся. А если бы ты знал, какие у них сказки и мифы!.. Я обязательно перескажу тебе их все!

— Если тебе тут так нравится, можешь оставаться, — сказал киммериец. — Можешь даже поселиться здесь навсегда. Да, это как раз для тебя: не нужно ни с кем сражаться, качества воина ни во что не ценятся, главное — уметь хорошо трясти задом в ритме там-тама да подвывать их дикарские песни!..

Шумри не обиделся.

— Но тебе-то, тебе-то чем плохо здесь? — спросил он. — Кажется, самого Митру не обхаживают так в его небесном дворце, как тебя в этом селении!

— Я не думаю, чтобы вокруг Митры все время вертелись женщины, специально изуродовавшие себе лицо, и при этом еще призывно подмигивали!

— Ах, вот оно что! — Шумри рассмеялся. — Даже не знаю, что тут тебе посоветовать...

— В советах я не нуждаюсь, — отрезал Конан. — Я согласен остаться здесь, но не больше, чем на три дня. И то если мне будет давать высыпаться ночами их любимое божество. Кстати, ты не мог бы разузнать поподробнее, где живет этот их Ба-Луун?

— Зачем? — насторожился Шумри. — Его нельзя трогать! Он и в самом деле является для них прародителем и божеством.

— Кто тебе сказал, что я собираюсь его трогать? Просто посмотрю... Неужели твое хваленое любопытство тебе изменило?

— Да нет, — Шумри улыбнулся. — Я уже видел его.

— Когда?

— Позавчера. На рассвете — ты еще спал — я попросился в лодку к туземцам, которые отвозили ему фрукты. На обратном пути попросил их посадить меня, сказал, что хочу поохотиться в одиночестве, и вернулся к озеру.

Конан удивленно приподнял брови, но промолчал. Немец не дождался, что он станет расспрашивать его, как выглядит божество и очень ли оно большое. В скором времени он узнает это сам.

Глава 5. Айя-Нн

В тот же день после обильного и разнообразного, как всегда, обеда (на этот раз их угощали запеченными в листьях крокодиловыми яйцами, тушеными бананами и нежным мясом речных рачков) путники уединились на берегу Стикса. Не верилось, что маленькая илистая речка, до противоположного берега которой можно было с легкостью доплыть, и широкая величавая громада воды, по которой они плыли в начале и середине пути, — одно и то же.

Конан и Шумри негромко совещались, прикидывая детали своего дальнейшего пути и перечень вещей и продуктов, которыми необходимо будет запастись у предупреждающих каждое их желание дикарей, как вдруг послышался шорох, и из зарослей, отгораживающих селение от реки, появилось поразительное создание. В первый момент они даже не сообразили, что это человек, женщина — настолько обильно существо было украшено перьями. Яркие перья свисали у него с талии, заменяя набедренную повязку, спереди короче, сзади — почти касаясь земли, напоминая настоящий птичий хвост. Зеленые и красные перья веером расходились вокруг запястий и лодыжек. С высокой шеи спускалась гирлянда крупных белых цветов, такие же цветы были вплетены в волосы, черной копной встававшие вокруг головы. Создание было обворожительно. Конан не сразу понял, отчего от этой туземки невозможно отвести глаз, а поняв, восхищенно расхохотался. На лице девушки было нечто вроде полумаски из нежных, ярко-лазоревых и голубых перьев птицы Лу, закрывавшей всю нижнюю часть и тихо колышавшейся от ее дыхания.

Девушка, позвякивая костяными браслетами на руках и ногах, покачивая яркой головкой, прошла вокруг них на цыпочках, имитируя походку болотной птицы, гордой и чванливой. Затем, встряхнув плечами и выгнув спину, превратилась в дикую кошку, выслеживающую добычу, подкрадывающуюся к ней на мягких лапах. Снова пти-

ца — что-то заслышав, настороженно оглядывается по сторонам, стоя на одной ноге и втянув голову в плечи. Грациозный и длинный кошачий прыжок, довольное рычанье-мяуканье... Птица беспорядочно машет крыльями, запрокинув клюв, но тщетно — вырваться из цепких когтей хищника невозможно...

Покончив с птицей, хищная кошка одним прыжком перенеслась к сидящему на траве Конану и, встав перед ним на одно колено, протянула варвару руку. В черных искрящихся глазах было не раболепие, но веселый вызов. И киммериец принял вызов. Он взял ее ладонь и слегка притянул к себе. Искреннее восхищение читалось на его обычно таком бесстрастном лице. Пусть в этой маленькой пантомиме ему предназначалась роль птицы, а не хищника — Конан рад был попасть в сладкий и терпкий плен...

Вечером того же дня племя опять устроило праздник. Гудели барабаны, звенели браслеты, лился рекой перебродивший пальмовый сок. Девушка, чьей добычей стал сам Сын Неба — как оказалось, ее звали Айя-Ни — была героиней праздника: самая нарядная и счастливая, она кружилась в центре людского хоровода, извиваясь и шурша перьями, и имя ее — «Айя-Ни!» — то и дело звенело в ритмичных напевах туземцев.

Конан наблюдал за танцем, сидя на земле, похлопывая ладонями по коленям в ритме там-тама. От его дурного настроения последних дней не осталось и следа. Будь он не сыном божества, а простым смертным, он с удовольствием ринулся бы тоже в общий круговорот, притоптывание и вращение бедрами.

— Клянусь Кромом, славная пляска! Узнай-ка, отчего они так веселятся, — попросил он Шумри, сидящего рядом и также подпрыгивающего на месте.

— Очень просто, — ответил тот. — Они радуются, что у Айя-Ни родится сын от самого Сына Неба. Он вырастет и станет вождem, таким великим и славным, какого никогда не бывало в этих краях. Они поют, что он объединит все племена, чтобы они не враждовали больше.

Киммериец иронично хмыкнул, но не сумел потушить горделивой искры в глазах.

Благодаря сообразительности, отваге и обаянию девушки-птицы, продолжение путешествия было отложено на неопределенный срок. Шумри, конечно же, не возражал.

Конана немало позабавило, когда на следующий день после праздника, посвященного будущему великому вождю, все женщины племени, вплоть до грузных матрон с выводком голых детей и даже старух, красовались друг перед другом яркими полумасками из перьев, прикрывающими оскал нижних зубов.

К чести их надо сказать, никто не предпринимал попыток отнять у Айя-Ни ее божественного кавалера, и новое веяние женской моды было вполне бескорыстным: если Сын Неба предпочитает смотреть на женщин, прикрывающих нос и губы красивыми перьями птицы Лу, — пусть будет так, пусть Сын Неба чаще смеется и радуется...

И Сын Неба был вполне радостен и безмятежен.

Сутками напролет не расставался он со своей дикаркой. Ему было интересно с ней, на каждом шагу она поражала, открывала что-то удивительное в первозданном мире джунглей, либо же в себе самой.

Ласки ее для познавшего страстные игры женщин многих племен и народов киммерийца оказались неожиданными и ошеломительными. Они напоминали молодое вино, настоящее на соке неведомых тропических фруктов — чуть грубоватое, но очень крепкое, опьяняющее и повизгивающее, и силой, и разнообразием ощущений.

Их любовь была лишена поцелуев и слов, но чуткие, нежные и стремительные пальцы девушки, ее говорящие глаза, внимательное и вдохновенное тело вполне заменяли их.

После неистовых объятий, не в силах расстаться, разойтись по своим хижинам, они подолгу бродили вдоль берега, прислушиваясь к шорохам, посвистам, визгам и воплям ночных джунглей.

Однажды Айя-Ни, знаками велел Конану не дышать и двигаться как можно бесшумнее, привела его к месту, где на противоположном берегу любили отдыхать и утолять жажду крупные кошки — леопарды, пумы, пантеры. В густой темноте ярко светились их глаза, и это было дивное зрелище: словно зеленые звезды попарно скользили над высокой травой, издавая утробное, расслабленное рычание...

Раза три Конан вместе с другими мужчинами племени уходил на охоту на крупных животных: слонов, носорогов, тигров. Шумри, оставшийся в селении, со смехом рассказывал потом приятелю, как тщательно следили жен-

щины за тем, чтобы никто в отсутствии охотников нена-
роком не заснул (в тот же миг заснет на тропе ее муж
или брат и не успеет увернуться от бивня или когтей
зверя!), не споткнулся (охотник упадет на тропе!), не
чихнул (в миг опасности чихнувший воин может не
удержать свою душу, в испуге вылетевшую изо рта)... И
строже всех следила за соблюдением этих правил Айя-Ни.
Весь день, до самого возвращения охотников не выпускала
она из крепко сжатой ладони каменный нож: что бы ни
случилось, Конан не выронит свое оружие...

Как-то девушка спросила киммерийца, не хочет ли он
поохотиться вместе с ней. Конан не имел ничего против.
Только, предупредила она, охотиться они будут не топо-
рами, стрелами или мечом, а с помощью Шохи.

— Что это? — удивился Конан.

— Увидишь, — засмеялась девушка. — Айя-Ни пока-
жет тебе.

Они долго шли по еле видной тропинке, продираясь
сквозь густые кусты, пока девушка не остановилась у
толстого дерева с очень светлой и гладкой, похожей на
кожу северянки, корой. Подняв с земли ветку, она не-
сколько раз постучала ею по стволу. Неожиданно откуда-
то сверху сбежал огромный паук. Величиной он был с
добрую собаку, темно-фиолетовый, с жесткой шерстью на
жутких конечностях, с когтями подлиннее собачьих.

Конан выхватил было свой меч, желая прикончить
омерзительное создание на месте, но Айя-Ни схватила
его за руку.

— Шохи, Шохи, это Шохи, — успокоительно повто-
ряла она.

Киммериец с неохотой убрал меч. Такой подручный
ему вовсе не нравился.

Девушка между тем вынула из плетеной корзины,
которую несла с собой, крупную рыбу, лучшую часть
своего утреннего улова. Она протянула ее пауку, нисколько
не боясь его мощных челюстей, кривых когтей и больших
восьмиугольных глаз с бессмысленным, как у всех насе-
комых, выражением. Паук схватил рыбу двумя лапами и
на оставшихся шести быстро побежал вверх по стволу —
видимо, прятать добычу в свое убежище.

— Шохи очень любит рыбу, — объяснила девушка. —
Шохи не может сам ловить себе рыбу.

Спустя несколько мгновений паук вернулся. Он сбежал
с дерева и быстро засеменял вперед по тропинке. Айя-Ни
показала знаком, что нужно спешить за ним. Отбежав не
слишком далеко, паук остановился, повернулся кругом,
словно оглядываясь и примериваясь, затем стал плести
паутину, вытягивая из желез на брюхе клейкую нить,
застывающую на воздухе. Совсем скоро между двумя де-
ревьями по обе стороны тропинки выросла прочная се-
ребристая сеть, надежно перегораживающая путь. Нити ее
были очень тонки и почти невидимы.

Закончив работу, паук отбежал в сторону и затаился в
кустах. Айя-Ни с Конаном последовали его примеру.
Киммериец не успел даже соскучиться в засаде, как в
силок уже попалась добыча. Молодая пантера, кравшаяся
по тропе на согнутых лапах, приюхиваясь и прислуши-
ваясь, не заметила серебристой сети и угодила в самый
ее центр. Зверь был силен, он бешено извивался, работая
когтями, клыками и хвостом, и, несомненно, порвал бы
сеть, но паук выскочил из своего убежища, вцепился в
жертву, превышающую его размерами в несколько раз, и
вонзил в нее челюсти. Пантера рванулась еще два-три
раза и затихла.

— О Кром! — пробормотал Конан, вспомнив, как тон-
кая рука Айя-Ни, протягивавшая рыбу, была возле самой
пасти страшной твари.

— Шохи хороший! Шохи умный! — К ужасу кимме-
рийца девушка вновь протянула к пауку руку и слегка
коснулась фиолетовой шерсти на выпуклой круглой спине.

Паук, никак не отреагировав на ласку, повернулся и
быстро побежал назад, очевидно торопясь к оставленному
им вкусному завтраку.

— Клянусь Нергалом! — сказал Конан, выпутывая тело
пантеры из липких сетей. — Клянусь Сетом! Клянусь
вашим озерным чудовищем! — никогда больше ты меня
не заманишь на эту свою охоту. Добрый лук и стрелы —
вот оружие мужчины!

Не понимая слов, но отлично догадываясь о смысле
сказанного, Айя-Ни тихонько смеялась, закидывая голову
и позванивая кольцами на губах...

Однажды во время прогулки они забрели дальше обыч-
ного. Конан хотел уже поворачивать назад, чтобы не
опоздать к дневной трапезе, ибо солнце миновало свою

самую высокую точку на небе, и желудок внятно напоминал о себе и пустоте в нем. Но Айя-Ни двигалась целенаправленно и уверенно, на его просьбы вернуться она лишь покачала головой и, вытянув руку, указала на розовую скалу в пяти сотнях локтей от них. Киммериец, поняв, что скала и есть цель их путешествия, смирился, поскольку идти до нее оставалось не так уж много. Дойдя до розовой глыбы гранита вплотную, девушка указала варвару на вход в пещеру. Его зеленой портьерой прикрывали лианы, плющ и колючий кустарник — будь Конан один, он вряд ли заметил бы его.

Согнувшись в три погибели, они вступили в прохладную сырую тьму и некоторое время двигались на ощупь, осторожно переставляя ступни и проводя ладонями по влажным стенам. Затем своды пещеры поднялись, можно было выпрямиться и идти во весь рост. Тьма тоже утратила свою непроницаемость: какие-то странные, светящиеся пятна виднелись вдоль стен. Присмотревшись, киммериец увидел, что это были живые существа, нечто среднее между большой улиткой и морским полипом. Они медленно ползали по шершавой поверхности гранита на одной ноге-присоске. Большие глаза их, величиной с плод киви, освещали пространство перед собой красноватым светом.

Айя-Ни, с усилием оторвав одно из этих существ от стены, протянула его Конану.

— Раппи! — объяснила она.

Видя, что киммериец не знает, как с ним обращаться, она посадила раппи ему на плечо, затем посадила на свое плечико еще одного полипа.

Животное сидело спокойно, лишь влажная и упругая его нога слегка щекотала кожу. Хотя света от них было немного, но все же ориентироваться с живыми тусклыми факелами стало значительно легче.

Вскоре перед ними заблестела гладкая поверхность воды. Не говоря ни слова, девушка шагнула вперед, медленно, без всплеска погрузилась по шею и поплыла, стараясь, чтобы ее плечо, на котором сидел раппи, не заливал водой. Конан последовал ее примеру. Вода была мягкой, ласкающе-прохладной, черной и блестящей, как глаза туземки. Айя-Ни плыла, то и дело подымая голову и осматриваясь вокруг. Увидев знакомый знак, она осторожно сняла раппи с плеча, прикрепила живой факел к

скользкой стене и, оглянувшись на киммерийца, нырнула. Конану ничего не оставалось, как проделать то же самое и нырнуть вслед за ней. Под водой она схватила его за руку и потянула к узкому входу, куда всплыла первая. Мощные плечи варвара едва-едва смогли протиснуться в это отверстие. К счастью, воздуха в его мощных легких хватило, чтобы преодолеть недлинный проход в каменной толще, соединяющий одно подземное озеро с другим.

Выплыв на поверхность и отдышавшись, киммериец в первый момент не понял, где он и что с ним. Тьмы не было. В овальном отверстии прямо над головой сияло полуденное небо. Мягкий свет, льющийся сверху, отражался от гладких стен, переливался голубым и жемчужным. Все стены грота были из полупрозрачного камня. Его длинные зигзагообразные потоки напоминали застывшие, взметнувшиеся снизу вверх волны.

Конан слабо разбирался в самоцветах. Возможно, то был опал, но с необычным для него голубым оттенком; возможно, лунный камень или что-то еще. Казалось, руки множества мастеров отшлифовали его, настолько гладкой и блестящей была поверхность стен. Видимо, шлифовкой занимались дожди. Потоки воды за тысячи лет превратили затерянную в джунглях расщелину в невиданное нерукотворное чудо.

Когда прошел первый момент оцепенения, Конан стал прикидывать в уме, какое количество камней можно вывезти отсюда и погрузить в баркас с тем, чтобы не утопить его и не надорваться, работая веслами. Он обошел кругом весь маленький грот, постукивая ногтем по жемчужной поверхности стен. Легко ли будут откалываться самоцветы под ударами каменных топоров? Не раскрошатся ли они, не потеряют ли при этом своего блеска?..

— Что же ты сразу не привела меня... — начал он, оборачиваясь к девушке, и заппнулся.

Айя-Ни смотрела на него странным взглядом. Сияющим и строгим одновременно. Непривычная, неожиданная сила исходила из ее глаз. Подчиняясь этой властной силе, Конан вдруг почувствовал, что не станет что-либо здесь разрушать, раскалывать, увозить с собой.

— Что же ты... я не знал ведь... — пробормотал он, путаясь в словах и мыслях и отступая назад, словно взгляд ее обладал физической силой.

Айя-Ни тихонько засмеялась. Она запрокинула голову, и из горла ее вырвался громкий крик. Хрустальное эхо запрыгало, отразившись от высоких стен. Чудесная пещера приветствовала их.

Видимо, туземцы обладали какими-то навыками расчета времени и определения положения солнца в небе. Только этим можно объяснить, что не успел киммериец как следует оглядеться вокруг, как в синем отверстии наверху показался край диска солнца. Первый же ворвавшийся внутрь луч светила рассыпался на мириады искр. Расщелина, похожая на узкую причудливую вазу из серо-голубого камня, взорвалась светом. Все вокруг них засияло, заиграло чистыми и яркими красками, заискрилось до боли в глазах.

— Кром!.. — прошептал киммериец. — Подобного я не видел даже во льдах Ванакейма. Такой дворец подошел бы самой богине Иштар!

— Сюда приходят очень редко, — сказала Айя-Ни. Она почти не подкрепляла своих слов жестами, но Конан отчего-то хорошо ее понимал. — Когда очень болен и хочешь выздороветь. Когда очень устал и хочешь умереть. Когда очень счастлив...

Прошла почти целая луна беспечной и праздной жизни в гостях у бесхитростных детей озерного бога, когда снова встал вопрос о продолжении путешествия — на этот раз инициатором выступал Шумри. Через две луны начнется период дождей — до этого времени разумнее было бы пройти самую глухую часть джунглей. Дождь в тропиках — многодневная стена воды без проблеска солнца, без глотка воздуха — не позволит плыть или идти пешком дальше. Впрочем, если Конану по душе другой путь: переждать период дождей здесь, среди гостеприимных услужливых туземцев, он, Шумри, возражать не будет.

— Да, но это займет не меньше пяти-шести лун, — хмуро пробормотал Конан.

Он колебался. Маленькая туземка незаметно, но прочно привязала его к себе. Но не в привычках киммерийца было менять первоначальные планы в зависимости от состояния своих сердечных дел. Хватит с него того, что он послушался ее, как ребенок, в опаловом гроте. Ни одного, даже крохотного камушка не вынес он отсюда!

Брюхо баркаса по-прежнему пусто, как съеденный червями орех... К тому же его славный меч уже давно вынимается из ножен лишь затем, чтобы быть смазанным кокосовым маслом. Еще немного, и боевое оружие совсем позабудет веселый звон стали о сталь и пьянящий вкус вражеской крови!

Жаль покидать малышку Айя-Ни, но... это, скорее всего, не навсегда. Конан был почти уверен, что пересечь океан им не удастся и возвращаться придется тем же путем. Вот и славно! Вот и будет у него радость на обратном пути.

Чтобы избежать прощальных торжеств, волнений и объяснений, путники договорились объявить туземцам, что покидают их, но ненадолго. Сыну Неба захотелось прогуляться по окрестностям и вдоволь поохотиться. Они скоро вернутся и погостят здесь еще неопределенно долгое время. В подтверждение своих слов они оставили под присмотром племени свой баркас (река становилась все уже и непроходимей), взамен попросив одну из пирог, выдолбленных из цельного ствола дерева. Пирог дали с радостью, загрузив ее фруктами, сушеным мясом, безделушками из кости, шкурами и каменными ножами.

Без прощального праздника все же не обошлось. Дети Ба-Лууун, казалось, рады были любому поводу, чтобы застучать в барабаны, задуть в тростниковые флейты, задергаться и затрясти плечами и бедрами в танце.

На этот раз было особенно много цветов. Ими не только украшали себя, размахивали в танце, бросали под ноги, но и ели. Ароматные нежные лепестки таяли во рту, от запаха их голова погружалась в тонкий и радостный хмель.

Айя-Ни не отходила ни на шаг от Сына Неба. Она была очень нарядной и очень бледной, отчего кожа на ее лбу и скулах казалась пепельной.

Один из трех старейшин, самый разговорчивый, улаживающий ссоры и споры племени, знаком подозвал к себе Шумри и заговорил, произнося слова медленно и отчетливо и помогая сухими подвижными пальцами, чтобы тому легче было его понять:

— Сын Неба покидает Детей Ба-Лууун. Его ждет впереди много подвигов. Мы знаем, что он не вернется к нам, как обещает. Он говорит, что вернется, чтобы мы не слишком горевали, но это не так. Что ему делать здесь?

Дети Ба-Лууун очень благодарны за то, что он почтил нас, погостив какое-то время. Еще больше они благодарят его за то, что он оставил среди нас своего сына.

— А вдруг родится девочка? — перебил его Шумри и, смутившись, залился краской.

— Родится сын, — возразил старик, убежденно и мягко, словно спорил с ребенком. — Если родится девочка, значит, их будет двое. И девочка станет мудрой, всезнающей женщиной, великой Матерью... Когда Сын Неба совершит здесь, на земле, все, что он должен совершить, и вернется к своему Отцу, пусть он передаст ему, что Дети Ба-Лууун были с ним добры. Пусть великий Бог Неба не сердится на них, не сжигает молниями их хижины, не уносит ветром крыши, не заливает дождем. Он передаст это?

— Он передаст, — кивнул немедиец. — Он обязательно передаст.

В ночь прощания Айя-Ни долго убеждала Конана взять ее с собой. Ее сердце не верило, что они скоро встретятся, что они встретятся вообще когда-нибудь. Она не плакала. Туземцы не знают слез: от сильной боли они подвывают или кричат. Айя-Ни молчала, но снова и снова быстрыми жестами маленьких рук показывала, как незаменима она будет в пути, как много умеет делать: охотиться, готовить пищу, любить, сшивать шкуры, залечивать раны, драться с врагами, залезать на деревья, плести сети, баюкать младенца... Именно последнее ее умение погасило в душе киммерийца огонек колебаний — а не взять ли и в самом деле ее с собой? Как мог, он попытался объяснить ей, что путешествие с ними может оказаться вредным и даже гибельным для будущего великого вождя, которым она готовится осчастливить свое племя через несколько лун.

— Великий вождь не родится, если Сын Неба уедет без Айя-Ни, — обреченно сказала девушка.

— Это еще почему?!

— Айя-Ни не знает. Она мало знает — но она чувствует.

— Клянусь Кромом, это глупые чувства! Сын Неба вернется, и если до этого с великим вождем в животе

Айя-Ни что-нибудь произойдет!.. — Конан выразительно помахал огромным кулаком.

Он хотел рассмешить девушку, но у него это не получилось.

— Великий вождь не родится, — повторила она. — Об этом сказал мне твой Отец вчера ночью.

— Мой отец?.. — не понял киммериец.

Перед его глазами на миг вспыхнул образ отца — урюмого кузнеца со сведенными бровями и темными от вьевшейся сажи ладонями. О чем бы он мог разговаривать с Айя-Ни?..

— Бог Неба сказал мне, — объяснила девушка.

— Ах, мой Отец! Я думаю, ты не поняла его. Или плохо расслышала.

Айя-Ни покачала головой. На фоне ее побледневшего пепельно-серого лица огромные печальные глаза казались совсем черными. Они напомнили Конану ласковые воды пещерного озера, куда они нырнули, прежде чем увидеть чудо, всего несколько дней назад.

Глава 6. Битва без победителя

В озере, из которого начинал свой путь в виде небольшого ручья великий Стикс, жил Ба-Лууун. Конан так до сих пор и не видел таинственного бога или демона, или зверя, не раз будившего его по ночам странными жалобными криками. Айя-Ни на просьбы познакомить его с покровителем племени всегда отвечала отказом.

— Ба-Лууун нельзя видеть! К озеру могут приближаться лишь те, кто отвозит ему фрукты. Они приезжают рано, пока Ба-Лууун еще спит, и быстро уходят, чтобы не побеспокоить его.

— И даже Сын Неба не может его видеть?

— Сын Неба может, — неуверенно ответила девушка. — Сын Неба может все. Но будет страшно, если Сын Неба и Ба-Лууун поссорятся. Нет, Айя-Ни не поведет тебя.

Конан не слишком настаивал, так как знал, что в их дальнейшем пути на юг они не смогут миновать озера, и значит, рано или поздно, но он увидит божество племени.

Теперь этот момент настал. Он увидел...

Сначала над ровной, сине-голубой поверхностью воды показалась голова. Она была величиной с голову гиппопотама, и Конан про себя усмехнулся: он ожидал, что чудище будет гораздо больших размеров. На гладкой темно-коричневой коже выделялись глаза — большие, продолговатые и блестящие. Показалась шея, довольно тонкая по сравнению с головой. Шея удлинялась и удлинялась, росла из воды, словно гигантская черно-блестящая змея, вставшая на хвост. Только когда голова зависла над водой на высоте сорока локтей, появилась верхняя часть туловища. Казалось, озеро внезапно обмелело и выступил остров — гладкий, словно полированный, играющий бликами солнца на крутых берегах...

Конан и Шумри, затаив дыхание, наблюдали с берега, укрывшись на всякий случай за бортами своей, доверху нагруженной подарками, пироги. Шагах в тридцати от них у самого истока Стикса лежала груда бананов, кокосов и прочих лакомств, привезенная и выгруженная, как обычно, на рассвете туземцами — Ба-Лууун явно направлялся именно к ней.

Черный остров все рос. Вода ручьями скатывалась с его боков, округлые мышцы вздымались утесами. Сзади угадывались очертания мощного хвоста, по обе стороны которого вихрились водовороты. Но на берег животное-холм не вышло — видимо, на суше его ноги могли не выдержать тяжести туши. Как только голова дотянулась до груды фруктов, живая гора остановилась и присела, подогнув ноги, смутно видневшиеся под водой — четыре толстые колонны из плоти.

Как ни странно, ел Ба-Лууун медленно, понемногу, словно смакуя.

Киммериец неожиданно бесшумно поднялся.

— Что ты задумал? — встревоженно спросил Шумри. — Не подходи к нему!

— Я просто хочу посмотреть на него поближе.

— Отсюда прекрасно видно. Не смей!

Конан оглянулся на своего спутника. Мгновенный гнев зажегся в его синих глазах: неужто ему не послышалось, и кто-то осмелился сказать ему: «не смей!»? Но киммериец сдержался, и лишь легкая усмешка искривила его губы.

— Клянусь Кромом, я хочу посмотреть на болотное чудело, так часто не дававшее мне спать! Неужели ты осмелишься запретить мне сделать это?!

Не дожидаясь ответа, он отвернулся и легкими прыжками достиг подножья кокосовой пальмы, которую давно приметил. Затем стал быстро взбираться вверх по стволу, ловко перебирая руками и ногами. Конан рассчитал правильно: под его весом тонкий ствол начал прогибаться, и постепенно киммериец оказался зависшим как раз над тем местом, где чудовище поедало принесенные ему дары.

Ба-Лууун, услышав шорох, настороженно поднял голову. Всего в нескольких локтях от Конана, прямо под его ногами была макушка чудовища. Ушей у него не было, лишь два небольших отверстия за глазами. Черные округлые ноздри трепетали, принюхиваясь.

— Взгляни-ка на меня, гора мяса! Я тут! — подчиняясь бездумному порыву, крикнул Конан.

Чудовище выгнуло шею и посмотрело на киммерийца. Глаза его поражали: шириной в две ладони, окруженные прямыми черными ресницами, каждая из которых могла бы служить небольшой стрелой.словно в двух черных зеркалах, Конан увидел себя: маленькая дерзкая фигурка с мечом за поясом, по-обезьяньи распластавшаяся на стволе пальмы.

В черных зеркалах не было ни злобы, ни страха. Казалось, Ба-Лууун смотрит на киммерийца с доверчивым интересом и в то же время с печалью. Странная мысль мелькнула в голове Конана: возможно, в легендах племени, называющих чудовище своим прародителем и отцом, что-то есть. Взгляд его неуловимо напоминал выражение черных, блестящих, доверчивых глаз туземцев...

— Конан! Остановись!

Киммериец посмотрел вниз.

Шумри тоже вышел из своего укрытия и сейчас стоял у подножья пальмы, на которой лежал, обхватив руками и ногами ствол, варвар. Лицо его было бледным, круглые глаза смотрели чуть ли не с ненавистью. Киммериец не смог не отметить взрыва незаурядной отваги, мало свойственной прежде этому щуплому человечку. Совсем близко от немедийца вздымалась из воды шея чудовища, но он смотрел только на Конана.

Желая поддразнить спутника, Конан потянулся рукой к рукояти меча.

— Будь ты проклят!!!

Киммериец вздрогнул. Пока он смотрел в глаза древнего, довременного зверя, он твердо знал, что не хочет, не будет его убивать. Но дерзкий и отчаянный крик Шумри словно подстегнул в нем что-то. Выпустил наружу извечное, с малых лет живущее в его груди стремление — разить и побеждать! Не важно, что на подобного врага ему еще не приходилось поднимать меч — тем славнее будет победа! И ни один из живущих на этом свете не смеет препятствовать ему и навязывать свою волю...

Конан осторожно вытащил меч из ножен и занес его над головой. Блик солнца скользнул по клинку, отразился в глазах зверя, и чудовище моргнуло. Пронесшийся от взмаха ресниц ветер коснулся разгоряченного лица киммерийца. Казалось, Ба-Луун знал, что его ждет: такой печалью веяло от его древних глаз и всей морды.

Конан отпустил ствол дерева, оттолкнулся ногами и прыгнул, рассчитав так точно, что оказался верхом на шее зверя, возле самой его головы. Крепко сцепив ноги, чтобы не съехать вниз, он ухватился двумя руками за рукоять меча и нанес удар, мощный, точный — туда, где на широком и выпуклом затылке что-то пульсировало под кожей, где нервные окончания, почти не прикрытые костю черепа, ближе всего подходили к поверхности.

Чудовище закричало и затрясло головой. Крик его — безысходный стон боли, безадресная и отчаянная жалоба — разнесся по джунглям, ломая кусты, швыряя наземь гроздь спелых и неспелых кокосов и испуганных обезьян, выворачивая с корнем ветхие деревья.

Киммериец не удержался на извивающейся в судорогах шее и полетел в озеро. К счастью, в нем была достаточно глубины для того, чтобы не разбиться. Вынырнув, он быстро поплыл к берегу. От агонии громадного тела по озеру ходили высокие волны, сбившие его с ног, когда он хотел, достигнув мелководья, подняться на ноги — удалось ему это только с третьей попытки.

На берегу стоял Шумри. В руке у него был кинжал. Он как-то нелепо держал его, вытянув в сторону Конана, словно то был не кинжал, а боевой меч.

Мысль, что Шумри собирается с ним драться, вызвала у киммерийца пароксизм смеха.

— Ты убил его, — сказал Шумри.

— Я убил его, верно! — подтвердил Конан. Смех сотрясал его с головы до ног. — Я убил его!!!

Огромный хвост чудовища, бешено извивающийся, осыпавший обоих каскадом брызг, неожиданно хлестнул варвара по спине. Конан услышал негромкий хруст и сразу же за этим почувствовал необъяснимую слабость в ногах. Тяжело волоча ступни, словно налившиеся горячим чугуном, он сделал несколько шагов по берегу, затем рухнул на локти. Задирая голову, прополз еще несколько шагов, упираясь в скрипящий под потными ладонями песок...

Глава 7. Последний танец

Голоса барабанов звучали глухо и размеренно. Но ритм их был странным — медленным и словно изнемогающим. Казалось, у бьющих в тугую кожу ладонями и пятками туземцев постепенно иссякают силы.

В центре хоровода стояли три старца с длинными седыми космами, те самые, советом которых вершились все важные дела племени. Образовав треугольник, спинами друг к другу, старики медленно переступали ногами. Их лица были запрокинуты к небу, глаза зажмурены, губы что-то невнятно шептали. Вокруг старейшин кружился хоровод мужчин. Черные и белые перья мотались в курчавых волосах, тела были раскрашены белой глиной, по которой вились причудливые узоры из сажки, напоминающие змей, ящериц, длинные лепестки черных цветов. Третьим кругом, в противоположную сторону, шли женщины. С каждым шагом они взмахивали опахалами из перьев черного орла, то вздымая их высоко над головой, то подметая землю. Каждый взмах сопровождали мелодичные причитания, больше похожие на стоны и вскрипывания. В танце были задействованы все, даже малые дети — они образовали внешний круг, где подскакивали, вздымая босыми ногами фонтанчики желтой пыли. Самые маленькие улыбались, не очень понимая, что происходит; у тех, что постарше, на круглых мордашках застыло непривычно серьезное выражение.

Только один человек на поляне не танцевал, но сидел в стороне, напряженно впитывая происходящее — Шумри.

Он все еще был оглушен случившимся на озере. Предсмертный крик озерного бога, от которого ломались, словно сухие веточки, стволы пальм... Буря агонии, выплеснувшая озеро из берегов... Затихший навек черный монолит, только что бывший одушевленной плотью, лакомившийся дарами своих наивных чернокожих детей... Хохот Конана и сразу за этим — его молчание, распластанное, подбородком в песок, застывшее тело...

Первым порывом Шумри было бежать прочь, оттолкнуть от берега пирогу — и дальше, дальше, все равно куда. Но Конан был жив. Он не мог двигаться — видно, хвост чудовища переломил ему позвоночник, но он дышал, глаза его были открыты, и взгляд был осознанным.

Конан не издал ни звука, ни стога, когда немедиец тащил его огромное тело к пироге и — с еще большим трудом — затаскивал через борт. Не особенно могучий, Шумри совсем выдохся и взмок, прежде чем неподвижный торс победителя свалился на заваленное мягкими шкурами дно.

Отгнав пирогу вдоль берега на такое расстояние, где ее нельзя было бы заметить от туши убитого гиганта, он сказал, стараясь не смотреть в лицо своего спутника:

— Я дойду до селения и сразу же вернусь. Будет лучше, если ты не станешь подавать голос и как-либо привлекать к себе внимание.

Конан в ответ не издал ни звука, но по глазам его было видно, что он все слышал и все понял. Для надежности немедиец положил ему возле правой руки меч, еще испачканный темно-малиновой кровью озерного бога. Правда, он вряд ли смог бы ему пригодиться — учитывая полную неподвижность только что бывшего таким могучим туловища...

Не теряя времени, как мог быстро Шумри двинулся берегом Стикса назад, к селению. Не успел он отойти и на пару сотен локтей, продираясь по непролазным джунглям, как ему попалась навстречу пирога с тремя туземцами, спешившими к озеру. Крик Ба-Лууун, так не похожий на обычные ночные стоны, встревожил его детей, и они выслали гонцов узнать, что произошло.

Когда Шумри сообщил им, что Ба-Лууун умер, они засмеялись, покачивая головами и звеня кольцами на нижних губах. Ба-Лууун не может умереть! Он сильно кричал, да, он разгневался на кого-то, и они решили

взглянуть, кто этот дерзкий и этот несчастный, но умереть их бог не может!

Когда пирога ткнулась носом в песок, на котором лежала неподвижная голова с огромными остекленевшими глазами и перекрученной в агонии шеей, Шумри увидел, как из темно-коричневых лица туземцев стали серыми. Не произнеся ни звука, они вышли на берег и опустились на песок, полукругом, не сводя глаз со своего поверженного божества. В черных зеркалах его глаз, подернутых легким туманом, отразились три головы с курчавыми шапками волос, с кажущимися такими нелепыми теперь, воткнутыми в них радостными красными перьями.

Шумри не знал, сколько времени они сидели так, в полном молчании, пока наконец один из трех, по виду самый молодой и крепкий, что-то сказал своим соплеменникам и поднялся с песка. Он кивнул немедийцу, и тот последовал за ним.

— На чем они вернутся назад? — спросил Шумри, когда пирога заскользила вниз по течению, оглянувшись на две оставшиеся, застывшие в полной неподвижности фигуры.

— Они не вернутся, — лаконично ответил туземец, налегая на весло.

От тягостного предчувствия у Шумри заняло под сердцем.

Туземец ни о чем его не расспрашивал, он просто спешил к своему племени, спешил со страшной вестью и словно боялся, что не успеет донести эту весть, выдохнется по дороге.

Но он успел.

И вот теперь племя танцевало, от мала до велика. Самое странное, что Шумри никто ни о чем не расспрашивал. Он приготовил тщательно продуманный рассказ. («Ба-Лууун разгневался на Сына Неба за то, что тот пересек в пироге его озеро, когда он лакомился дарами своих детей, и первым напал на него. Сын Неба не хотел драться, но, защищаясь, ему пришлось поразить озерного бога насмерть. Сын Неба разгневался в свою очередь на Детей Ба-Лууун, не предупредивших свое божество о высоком госте, и не пожелал больше встречаться с ними. С этой вестью он послал к ним его, Шумри») Но эта история, которую он готовился рассказать с взволнован-

ным и сокрушенным видом, пропадала зря. Ни один из туземцев не поинтересовался, что же, собственно, произошло и куда подевался могучий синеглазый Сын Неба. В глубине души немедиец был рад этому. Он боялся, что не сумеет солгать достаточно убедительно, и ему никто не поверит...

Дети Ба-Луун не кричали, не рвали волосы, не валялись в пыли. Они просто раскрасили свои тела в черное и белое, сменили перья в волосах и принялись танцевать.

Как не похож был этот танец на все прежние...

Шумри поискал глазами Айя-Ни. Он не сразу узнал ее — девушка сняла свою полумаску из перьев птицы Лу (как, впрочем, и все остальные женщины племени), и некрасивый оскал вновь безобразил нижнюю часть юного лица. Она кружилась вместе со всеми женщинами, в третьем круге, взмахивая черными перьями орла. Как и у всех, взгляд ее был остановившимся, не обращенным ни на что вонне, а движения тонких рук казались изнемогающими, лишенными жизненной силы.

Шумри несколько раз окликнул ее по имени, но девушка не услышала. Поколебавшись немного, он вошел в круг танцующих и крепко взял ее за локоть.

— Айя-Ни! — умоляюще прошептал он. — Пойдем со мной! Мне нужно тебе что-то сказать.

Девушка чуть повела в его сторону глазом, но словно бы не узнала и продолжала так же двигаться по кругу, взмахивая опахалом и подпевая — до того тоскливо, что у немедийца едва не потекли слезы. Но он не отпускал ее руки и шел рядом, то и дело называя по имени.

Один из старейшин, самый древний и молчаливый, беседующий обычно лишь с бестелесными духами, неожиданно поднял веки и посмотрел прямо в глаза Шумри. Ему показалось, что взгляд этот пронзил его от зрачков до пяток, прошел сквозь тело, заледенив сознанием безмерной своей вины и стыда.

— Айя-Ни... — в последний раз выдал он из себя, пробиваясь сквозь лед, сковавший грудь и горло. — Сын Неба просит тебя о помощи!

От этого имени девушка словно очнулась, во взгляде ее проснулась боль. С большим трудом, с явной неохотой она высвободилась из пут танца и, подчинившись руке Шумри, вышла вслед за ним из круга. Он отошел с ней на несколько шагов и остановился. Положив руки на

плечи девушки и внимательно глядя ей в лицо, он произнес медленно и раздельно:

— Сын Неба ранен, сильно ранен. Он может умереть. Пойдем со мной! Вместе мы попытаемся его вылечить.

Девушка попыталась ответить, но из губ ее вырвался лишь тихий шелест, словно голос уже умер в ней, прежде всего остального.

— Пойдем же! — настаивал Шумри. — Ведь ты сама просила Сына Неба взять тебя с собой, разве ты не помнишь? Это было вчера ночью. Сын Неба согласился. Он зовет тебя, Айя-Ни!

— Айя-Ни не может, — наконец проговорила она так тихо, что немедиец с трудом разобрал слова. — Айя-Ни больше нет.

— Ну что за глупости! — Шумри рассердился. — Ты есть! Ты очень молодая, очень сильная, очень красивая! Ты не больна, ты даже не ранена!

Он схватил ее за руку и потащил в сторону реки. Девушка не упиралась, но шла так, словно была действительно смертельно больна или ранена. Через пять-шесть шагов ноги ее подкосились, и она упала ничком в траву, раскинув беспомощные тонкие руки. Находясь в кругу своих, она могла танцевать, напевать, взмахивать опахалом, но вырванная из родного круга, казалось, в тот же миг лишилась последних своих сил.

— Ну что же ты! Ну встань, встань! — Шумри тряс ее, гладил руками лицо, заглядывал в глаза, неотвратимо гаснущие. — Ты забыла о великом вожде, который должен у тебя родиться? Тебе нельзя умирать!

При словах о великом вожде Айя-Ни попыталась подняться, но руки ее подломились. Она беспомощно покачала головой.

Шумри раздумывал, не лучше ли будет подхватить ее на руки, донести до пироги и постараться уплыть подальше от этих заунывных, умирающих звуков. Может быть, перестав слышать их, девушка оживет? Но может случиться и так, что, оторванная совсем от родного племени, она угаснет, как искра, отлетевшая от костра?..

Пока Шумри колебался, ритм барабанов стал еще глуше и медленнее. Высокий голос тростниковой флейты смолк. Взглянув в сторону ритуальной поляны, он заметил, что в танце произошли значительные изменения.

Трое старейшин в центре уже не стояли, но сидели, обнявшись, лицом друг к другу, и седые их волосы переплетались между собой. Круг мужчин тоже не двигался. Они стояли на коленях, сцепившись руками, опустив подбородки на грудь и закрыв глаза. Женщины еще шли, приседая, волоча по земле черные опала, но так медленно, что видно было — вот-вот остановятся и они. Живее всех были музыканты и дети, но улыбок уже не было и у самых маленьких.

Айя-Ни лежала на траве, ее плечи и руки подрагивали в такт там-таму, становившемуся все медленнее, угасавшему, как ее пульс, как стучащие в едином ритме сердца маленького племени.

Словно вспомнив что-то, девушка повела глазами и пошевелилась. Шумри нагнулся над ней, чтобы расслышать ее слова.

— Дух Айя-Ни сейчас выйдет, — прошептала девушка. — Если хочешь, пусть он войдет в тебя. Айя-Ни разрешает. Айя-Ни кажется, что ты ей почти как брат... Если ты сумеешь поймать его, ты будешь уметь все, что умела Айя-Ни... — Она чуть улыбнулась, насколько это было возможно при обезобразивших рот кольца. — Дух Айя-Ни через твои губы сможет разговаривать с Сыном Неба... Только ты не покидай его никогда, никогда...

Немедиец кивнул и склонился над ней еще ниже.

Там-там уже не рокотал, но шелестел еле слышно. Шумри поднял было голову и взглянул на поляну, но тотчас опустил ее. Он не хотел, не мог смотреть на самые последние мгновения жизни племени. Замерли все. Маленькие дети застыли, прижавшись к своим матерям. Замерли все музыканты, опустив головы в колени и обхватив их руками. Только последний музыкант медленными, угасающими движениями касался кожи барабана...

Неожиданно древний старец с волосами до колен, собеседник умерших и нерожденных духов, встал на ноги и воздел к небу руки. Замолк последний там-там.

Шумри не сводил глаз с лица Айя-Ни. С последним звуком там-тама она глубоко вздохнула. Он почувствовал этот вздох — легкое, теплое дуновение — на своих приоткрытых губах.

Глава 8. Среди Людей Леопарда

Шумри не сумел бы потом рассказать, о чем он думал и что чувствовал в те часы и дни. Он просто греб и греб, с рассвета до стремительно падавшей на джунгли ночной темноты, а затем проваливался в короткий, не дававший ни отдыха, ни расслабления, сон. Во сне он снова и снова содрогался от предсмертного крика озерного бога, хохота Конана, умирающих звуков там-тама...

Он был благодарен киммерийцу за то, что тот все время молчал. За исключением самых необходимых фраз, он также не произносил ни слова. Целые дни проходили в молчании, нарушаемые лишь звуками тяжелого дыхания, со свистом рвущегося из груди Шумри, не привыкшего к долгому физическому труду, да всплесками весел.

Грести теперь было необязательно — они плыли вниз по течению, и можно было лишь править веслом, но немедиец напрягал мышцы спины и плеч, стремясь как можно скорее оставить далеко за собой опустевшее селение ушедших вслед за своим богом бесхитростных детей, так любивших танцы, яркие перья и звон костяных колец...

Безымянная речка, по которой он плыл, брала начало в том же озере, что и великий Стикс. Правда, текла она не на юг, а на юго-запад, но Шумри, лишенный выбора, не колеблясь, направил пирогу по ее водам.

В течение пяти дней по берегам не встречалось ни одного признака человеческого жилья. Утром шестого дня, заслышав шорох в кустах на берегу и слабый скрип натягиваемой тетивы, Шумри мгновенно бросил весло, встал во весь рост, едва не перевернув при этом пирогу, и поднял вверх открытые ладони. Он несколько раз прокричал на языке Дегей Ба-Луун: «У меня нет оружия! Я не хочу войны! Я прошу у вас помощи!»

Быстрая реакция и тонкий слух спасли их с Конаном. Увидев беззащитные ладони и услышав слова на знакомом языке, туземцы опустили луки и вышли из своего укрытия. Спустя недолгое время путники обрели временный кров в селении Людей Леопарда, как называло себя это новое, встретившееся на их дороге племя.

Люди Леопарда с первого взгляда очень походили на детей озерного бога: такие же низкорослые, буйно курча-

вые, питавшие слабость к ярким перьям и костяным украшениям. Но, как выяснилось очень скоро, были не в пример суровее и воинственнее. Мужчины почти не расставались с луками и каменными топорами. Глаза их глядели на чужеземцев настороженно и недоверчиво. Впрочем, лед немного растопили монеты Конана — их еще оставалось достаточно в его дорожном мешке. Цену золота туземцы, конечно, знать не могли, но веселый блеск солнечных кружочков, тонко вычеканенный профиль аквилонского короля безмерно их поразили и позабавили. Мужчины тут же бросились сверлить монеты острыми кристаллами кварца, чтобы продеть их в носы, губы и уши.

Вождю племени — высокому (по туземным меркам), с горделиво расправленными плечами и выпяченной грудью, что придавало ему сходство с длинноногой болотной птицей — предусмотрительный немедиец отвалил целую горсть монет. Он объяснил ему, что его спутник — могучий и знаменитый воин северных земель — повредил спину, упав с кокосовой пальмы. Если кто-нибудь среди Людей Леопарда сможет его вылечить, Шумри оставит племени много веселых желтых монет, а также ряд других интересных и полезных вещей.

Вождь распорядился, чтобы Конана отдали на попечение старухи-знахарки. То была женщина лет под девяносто; сухая морщинистая кожа и почти полное отсутствие плоти придавали ей сходство со стигийской мумией, но мумией живой и подвижной, сохранившей к тому же превосходные зубы и острое зрение. Когда она вскидывала на Шумри маленькие глазки из-под седых, похожих на пучки иссохшего мха, бровей, тому казалось, что в него втыкают короткие, но очень острые лезвия.

В хижине старухи остро, горько и пряно пахло от всевозможных сухих трав и многочисленных мазей и притираний, хранящихся в мешочках из змеиной кожи, отличающихся друг от друга узором и цветом.

Киммерийца устроили в углу, на ворохе мягких шкур. Поскольку никто из членов племени не выразил ему явных знаков гостеприимства, Шумри ночевал в этой же хижине, позаимствовав у неподвижного спутника пару шкур. Дни же он старался проводить подалеже от хижины и ее хозяйки, внушавшей ему невольный страх своими пронзительными глазами.

Неожиданно для себя немедиец полюбил то, к чему не имел склонности прежде: ставить силки на зверя, ловить руками рыбу в ручье, забираться в поисках сладких медовых сот на самые высокие деревья. И получалось у него это все не хуже, чем у коренных обитателей джунглей. Каждый вечер он приносил женщинам племени то тушу антилопы, то полную корзину рыб, то груды крокодилийх яиц — и с полным правом принимал участие в общих трапезах.

Но не только возросли его навыки охотника, добытчика и старателя — он обнаружил в себе и другие новые и странные привычки. Так, прежде чем послать стрелу в зверя, он на миг вкладывал каменный наконечник в рот, словно уже ел пораженную и зажаренную добычу. А когда ему приходилось забираться в особенно густые джунгли, он привязывал себе на одежду кожу лягушки: став скользким, как это животное, он сможет легко впутываться из самых цепких и колючих кустов.

Как-то раз, раскачавшись на длинной и прочной лиане и перелетев с ее помощью через реку, Шумри с удивлением подумал, что еще пол-луны назад совершить такое для него было бы немыслимо. Что произошло с ним, с его телом, со всей натурой?.. Ему вспомнились последние слова девушки из племени озерного бога: «Ты станешь уметь все то, что умела Айя-Ни...» Неужели и впрямь ее нежная душа вошла в него при последнем выдохе, и все ее дикарские навыки, способности и предрассудки перешли теперь к нему?.. В это трудно было поверить. Поразмыслив основательно, немедиец усмехнулся: помнится, девушка сказала еще, что теперь ее дух устами Шумри будет разговаривать с Конаном. На это как раз и не похоже: по-прежнему он говорил с киммерийцем только в случае крайней необходимости. Нет, видимо, все его новые навыки и туземные привычки — результат гибкости и восприимчивости натуры, изменившейся и приспособившейся, чтобы выжить.

Конан на молчание отвечал таким же молчанием. Только в первый вечер того дня, когда четверо дюжих туземцев перенесли его из пироги в хижину старухи, он обратился к немедию, с видимым усилием выдавливая из себя слова:

— Пошли кого-нибудь из них в племя Ба-Лууун. Дай им побольше золота. Пусть разыщут Айя-Ни и скажут ей, что я ранен и что я зову ее.

Шумри отвернулся. Он до сих пор не сказал киммерийцу, что племени Ба-Лууун больше не существует. Но когда-то это сделать все равно придется. Не поворачиваясь, он ответил:

— Айя-Ни нет больше. Никого из них больше нет.

Конан не произнес ни звука, и немедиец, не в силах делить с ним это молчание, бросился вон из хижины и бродил по джунглям до глубокой ночи.

Каждый вечер старуха-знахарка с помощью Шумри и одного из туземцев осторожно приподнимала тело Конана и переворачивала на живот. Она втирала очень вонючую, похожую на деготь, мазь в какие-то видные ей одной точки на шее, плечах и пояснице варвара. Затем плавными движениями, не касаясь тела, водила ладонями вдоль его спины — вверх и вниз, справа налево, по кругу. При этом она пела. Неожиданно звонкий и сильный для ее возраста голос выводил звуки, то быстрые, резкие и яростные, то нежные, похожие на колыбельные напевы, которые поют своим младенцам все матери на свете. В этом заключалось все лечение. После песни и взмахов ладоней киммерийца снова осторожно переворачивали на спину и оставляли с самим собой.

Дня через три, когда знахарка, окончив очередной сеанс лечения, оставила раненого в покое, Конан снова заговорил:

— Дай мне мой кинжал, Шумри.

Немедиец отрицательно покачал головой. Он был готов к такой просьбе. Тело Конана было полностью неподвижно ниже пояса, руками же, шеей и головой он шевелить мог, хотя и с большим трудом. Возможно, для того, чтобы пронзить себе сердце, сил у него не хватит, но перерезать острым туранским лезвием горло — с этим справится и совершенно лишенный сил человек.

Конан прикрыл глаза. Если бы немедиец знал, сколько раз за день он мысленно сжимал в ладони верную, крепкую рукоять и с наслаждением погружал узкое лезвие между ребрами в левой стороне груди! По тысяче раз убивал он себя мысленно и днем, и бессонными ночами.

О Кром! Последнее священное право, которое даровал ты своим детям, право самому уйти из жизни, если нельзя продолжать ее дальше так, как подобает воину, — отнято у него злосчастной судьбой.

Когда-то Конан слышал, что очень далеко на востоке, за загадочным Кхитаем, живет народ юки, чьи воины умеют уходить из жизни при любой ситуации, даже будучи связанными по рукам и ногам. Кажется, они прокусывают себе языки, сглатывают кровь — так, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул и враг ни о чем не смог догадаться — и умирают спустя недолгое время от потери крови. Великое и мужественное искусство! Но обучают ему с ранних лет, путем долгих тренировок на животных...

— Шумри, — заговорил он снова, — я знаю, что ты враг мой. Ты проклял меня. Я никогда ничего не прошу у своих врагов. Но — клянусь Кромом! — протянуть кинжал труд небольшой. Разве жажда мщения в твоём сердце еще не утолена? Взгляни, во что превратилось мое тело! Порадуйся — и дай мне уйти.

Шумри резко вскинул голову. Румянец гнева опалил его лицо. Вот оно что! Значит, Конан считает, что он не дает ему оружие из мести?! Он тащил его по берегу, вез в пироге, умолял о лечении вождя Леопардов — и все это лишь затем, чтобы наслаждаться видом поверженного, беспомощного тела?.. Он едва сдержался, чтобы, отцепив кинжал от пояса, не бросить его на грудь киммерийцу.

— Конан, — погасив ярость, Шумри заговорил почти спокойно, — я клянусь тебе, что как только старуха скажет, что лечить тебя бесполезно и ты никогда не встанешь, я тут же дам тебе кинжал. Или меч. Или чашу с ядом. Все, что захочешь.

— Старуха скажет! — Конан расхохотался — насколько в его положении эти звуки могли произвести впечатление смеха. — Ты даешь ей один золотой в день за мое лечение, не так ли?

— Да, — подтвердил немедиец.

— Так сделай наоборот, недоумок! Не давай ей ничего, но скажи, что в день, когда я встану на ноги, ты выложишь ей столько золота, сколько она захочет!

— Я так и сделаю, — коротко ответил Шумри.

На следующий день он объяснил старухе, что больше не будет давать ей денег, пока больной не поднимется.

Та не выразила ни удивления, ни неудовольствия. Вечерний ритуал был все тот же: растирание, пассы, пение.

— О Кром! — ворчал киммериец. — Объясни ей, что от ее воплей мне не лучше, а гораздо хуже. Пусть лечит молча!

Шумри сказал старухе несколько слов. Язык Ба-Лууун был очень схож с языком Леопардов, и они без труда понимали друг друга. Старуха ответила. Она говорила довольно долго и с большим чувством, а в конце своей речи выразительно фыркнула, взмахнула руками и три раза сплюнула на пол.

— Она говорит, — повернулся Шумри к киммерийцу, — что поет не тебе, но твоему позвоночнику. Если тебе так уж противно, ты можешь заткнуть уши. От звуков ее песни происходит заживление всего, что было насильственно порвано в твоём теле. И еще она говорит, что ты давно мог бы встать, если бы захотел.

— Что?!..

— Ты давно мог бы встать, — повторил Шумри, — если бы хотел этого достаточно сильно.

— Так, по-твоему, мне нравится лежать здесь, как тупое бревно, как дохлая туша, как... как... — от ярости Конан поперхнулся и закашлялся.

— Не по-моему, а по ее, — спокойно поправил немдеец, переждав хриплый питорм кашля. — Она сказала, что если еще через несколько дней ты не встанешь, она своими руками выпшвырнет тебя из хижины, и плевать ей на все твоё золото.

Но Конан все не вставал. Оставшись наедине с собой, когда не на кого было выплеснуть ярость, презрение и сарказм, он не мог не согласиться в глубине души, что старуха права. Он хочет встать, но, видимо, не достаточно сильно. Сильнее — о, гораздо сильнее! — хотел бы он сжать рукоять кинжала и нанести вождьеленный удар. «Кром! Позволь мне уйти, суровый владыка! Сколько душ переправил я в прохладный сумрак Серых Равнин, позволь же теперь и мне от одного короткого и точного удара отойти, отлеgetь, откатиться кубарем, провалиться — неважно как и куда, но — отсюда!..» Пусть скорее

старуха выпшвырнет его из своей хижины. Возможно, кто-то из ее соплеменников окажется милосерднее немдеецкого проходимца.

Стоило Конану хоть на мгновение прикрыть веки, как на внутренней их стороне тут же возникало лицо Айя-Ни, огромные глаза ее, то ласковые, то озорные, шевелящиеся от дыхания лазоревые перья, стремительные и нежные руки. Неужели всего этого нет больше?.. Неужели осталась только тень, полупрозрачная, зыбкая, тихо стонущая на бескрайних и однообразных Серых Равнинах? Но отчего тогда в памяти Конана она так полнокровна, так солнечна — до рези в глазах?..

...Вот Айя-Ни встает на колени перед тушей пантеры, которую киммериец только что выпутал из сетей охотничьего паука Шохи. Она что-то горячо объясняет мертвому зверю, то прижимая ладони к левому его боку, то касаясь ими своей груди. Она просит прощения за то, что они лишили пантеру жизни: племени нужна еда, нужна теплая шкура, на которой совсем скоро будет спать маленький будущий вождь. Конан смеется: неужели она всерьез воображает, что холодеющий труп слышит ее? — но девушка косится в его сторону строго и укоризненно и продолжает просить прощения — и за смех киммерийца в том числе..

...Вот она показывает ему глубокой ночью на светлотуманную полосу, протянувшуюся через весь небосклон. «Это дорога, по которой души уходят на небо после смерти. Очень много душ уже умерло, поэтому она такая широкая и утоптанная». «И куда же они идут?» — спрашивает Конан, просто чтобы подыграть ей. Он-то знает, что после смерти души идут не на небо, но в противоположную сторону. «Они идут каждый на свою звезду. Айя-Ни знает несколько племен: одно в трех днях пути от селения Ба-Лууун, другое в пяти, третье в десяти днях. И все они верят, что звезды, куда они переселяются после смерти, сияют тем ярче, чем больше человеческих глаз съедено ими за время земного существования. Но дети озерного бога знают, что это не так! Это очень большая тайна. Трое старейшин хранят ее. Айя-Ни ничего не может сказать...»

«О Кром! Справедливый Кром, равнодушный Кром, смеющийся над трусами и слабаками! Я не досаждал тебе просьбами и молитвами. Ни у богов, ни у врагов, ни у женщин я никогда ничего не просил. Но на один миг, всего на один лишь миг верни былую подвижность моей спине! Чтобы я мог дотянуться до кинжала или меча, которые немедиец кладет себе под бок, когда засыпает...»

Глава 9. Честь, оказываемая пленным

Главное отличие Людей Леопарда от племени Ба-Лууун состояло в том, что у них существовали враги. Похоже, что врагами были все окрестные племена. То и дело чернокожие охотники, возвращаясь из джунглей, вместо туш зверей приносили и с гордостью показывали соплеменникам отрезанные головы несчастных, встретившихся на их пути и оказавшихся менее удачливыми. Случалось и наоборот: уходившие на охоту больше не возвращались, становясь предметами горделивой радости удачливых мужчин из соседних племен. Надо сказать, именно благодаря такому порядку вещей Шумри, отправляясь за добычей либо на прогулку, старался держаться не далее пятиста шагов от селения и чутко прислушивался к шорохам в кустах.

Однажды вместо отрезанных голов в селение привели с охоты двух живых и невредимых врагов со связанными за спиной руками. Охотники, чьей добычей они оказались, были особенно горды, особенно громко вскрикивали, то и дело в радостном возбуждении втыкая копьё в песок возле своих босых ступней с растопыренными пальцами.

Шумри спросил у одной из женщин, показавшейся ему более приветливой и словоохотливой, чем остальные, какая участь ожидает пленных. Женщина радостно ответила, что их ожидает большая честь — их отдадут Великому Леопарду.

«О Митра! — вздохнул про себя немедиец. — Всюду одно и то же! Стоило забираться в такую даль... В Стигии — Великий Змей, в глуши юга — Великий Леопард, и тот и другой — вечно голодны, набить их великие желудки — большая честь...»

Приготовление к торжеству были возбужденными и спорными. Довольно быстро все члены племени собрались

вместе, образовав тесный круг на главной поляне селения, возле горящего днем и ночью костра.

Шумри разрывался между желанием уйти как можно дальше и тягой остаться и стать свидетелем нового для него зрелища. Его хваленое любопытство, разумеется, пересилило, но все же он пошел на компромисс, пообещав себе, что как только зрелище станет совсем отвратительным, он тут же уйдет. Поэтому и место в кругу зрителей он позаботился занять так, чтобы, с одной стороны, ему были хорошо видны главные действующие лица, но в то же время можно было, не привлекая особого внимания, покинуть поляну в случае необходимости.

Пленников развязали. Один из них был совсем молод, не больше семнадцати лет. Другому с виду было около тридцати. Они старались не выказывать ни отчаяния, ни испуга, и лишь по оцепенелости их фигур да звериной тоске в глазах было видно, что они догадываются — либо знают точно — о деталях предстоящей им казни.

Больше всего Шумри удивляло, что жертвоприношение Великому Леопарду совершается прямо в центре селения. А если зверю окажется мало двух жертв для насыщения своего голода? Если он захочет увеличить их число, будет ли он отличать своих от чужих?.. Матери не боялись за своих маленьких детей и не прятали их — напротив, проталкивали в самые первые ряды, поближе к будущим участникам действия.

Загудели большие там-тамы, легко затрещали маленькие барабанчики, величиной чуть больше ладони. Разговоры, шепот, смех, позвякивание колец и продетых в носы и уши золотых монет Конана — все стихло. Наступил священный и торжественный миг. Толпа расступилась, пропуская кого-то в центр круга. Немедиец ожидал, что это будет леопард — большая пятнистая кошка с круглыми ушами, но с удивлением узрел, что рассек толпу и остановился в четырех шагах от пленных не зверь, но человек. Несомненно, он был одним из членов племени, но Шумри видеть его до сих пор не приходилось — увидев раз подобное существо, забыть бы его потом он не смог. Это был человек лет пятидесяти, татуированный с головы до ног очень странным образом. Рисунок был нанесен белой краской на черную, как деготь, кожу таким

образом, что получалось впечатление черных пятен на белой шкуре. Той же краской на лицо были нанесены тонкие полоски в виде кошачьих усов на верхней губе и бровей на лбу. Что самое странное, глаза у незнакомца были не темно-карие, как у остальных туземцев, но желтые, с очень маленькой и жесткой точкой зрачка, что придавало ему еще большее сходство с мордой тотемного зверя.

Под учащающийся ритм барабанов человек-леопард закружился вокруг пленных, обреченно поводящих глазами вслед его движениям. Он то крался на согнутых ногах, опираясь на землю руками с растопыренными пальцами, то замирал, затаивался, выжидая время для прыжка, а затем пятнистой дугой рассекал пространство. Верхняя губа его приоткрылась, сморщилась, показывая очень белые зубы, и сдавленное рычание то и дело перекрывало гул там-тамов.

Его танец по-настоящему завораживал. Шумри следил за ним, не отрывая глаз, ни о чем не думая, став единым целым со всей чернокожей толпой. Он не заметил, не успел отметить в сознании, каким образом человек-леопард стал настоящим леопардом. Он только видел, что по поляне уже крадется, сужая круги вокруг двух застывших жертв, гигантская пятнистая кошка — ощерившаяся, с прижатыми ушами, с голодным и яростным огнем в желтых глазах.

Леопард замер. Присев на задние лапы и задрав морду, он издал грозный рев, от которого сердце немедийца заледенело. Там-тамы смолкли. Толпа, как один человек, затаила дыхание и еще шире — хотя шире, казалось, было уже невозможно — распахнула глаза. Зверь приготовился к прыжку — и на этот раз не ритуальному, а настоящему. Судорога нетерпения прошла по его шерсти от загривка до хвоста, длинный хвост широко раскачивался, взметая белую пыль. Зверь подобрался и прыгнул, выбрав в качестве первой жертвы более старшего пленника...

В тот момент, когда нижние лапы леопарда оторвались от утоптанной глины поляны, Шумри зажмурился, преодолев наваждение. Видеть, что произойдет дальше, он не хотел и не мог. Повернувшись, он стал проталкиваться сквозь жадно дышащую толпу с красными от прилива

крови белками безумных глаз. В ушах его стоял крик пленника, сбитого зверем с ног. Он тут же перешел в хриплый клекот, а затем вовсе угас. Гораздо громче кричала возбужденная толпа — потрясая кулаками, хлопая в ладоши, выбивая пыль крепкими пятками босых ног...

Нервы у Конана сдали не то на восьмой, не то на девятый вечер. Когда старуха подошла к нему, как обычно, готовая переворачивать на живот, поводить руками и петь, киммериец закричал на нее так страшно и дико, как только мог. Он хотел оттолкнуть ее, но руки плохо ему повиновались — зато крик вышел славный, во всю немалую мощь его легких и голосовых связок. Знахарка не испугалась и не удивилась. Она только скривилась презрительно, словно увидела что-то непристойное, и несколько раз, по своей привычке, сплюнула на земляной пол хижины.

— Ты с ума сошел? — спросил видевиный все это Шумри. — Она же выпвырнет нас вон! Кроме нее, никто не поставит тебя на ноги, ты что, не понимаешь?!

— Ну и что, — пробормотал киммериец. — Пусть выпвыривает. Я жду этого не дождусь.

«Еще лучше, — подумал он, не сказав вслух, — если она поднесет мне вечером вместо питья туземного яду. Он действует быстро и наверняка».

Но старуха не стала прибегать к яду — она отомстила за оскорбление по-иному.

Утром следующего дня Шумри хотел было отправиться на свою обычную охоту-прогулку. Он был несказанно удивлен, когда двое туземцев, едва он вышел из хижины старухи, преградили ему путь, недвусмысленно поигрывая топорами. На его возмущенные расспросы они ничего не отвечали, лишь на их лице играли загадочные улыбки. Наступая на немедийца и тесня его, они заставили Шумри вернуться в хижину.

Недоумение разрешила старуха. Она охотно объяснила Шумри, что ночью видела сон — как синеглазый воин севера убил озерного бога и увел тем самым из этого мира все племя его детей. Он не падал с кокосовой пальмы — рану свою он получил в этой битве. Точно так же, лишь только встанет на ноги, он хочет уничтожить и племя Леопарда. Поэтому, пока он не встал, его необхо-

димо принести в жертву Великому Леопарду. Вместе с ним, конечно, честь будет оказана и его спутнику, который так ловко болтает на их языке и сорит блестящими желтыми кругляшами. Она говорила бесстрастно, помещивая когтистым пальцем одно из своих снадобий в ореховой скорлупе, но в маленьких пронзительных глазках под пучками седых бровей плясали искры злорадного торжества.

Слышать все это было так дико, особенно после безмятежного времени, проведенного среди детей озерного бога, таких же с виду туземцев, что и эти (даже более страшных, благодаря обезображенной нижней губе), что Шумри не сразу поверил в происходящее. Он попытался снова выйти из хижины, но бдительные стражи снова преградили ему дорогу. Положение казалось полностью безнадежным. Немедиец разыскал хорошо запрятанный в гряде вещей кинжал и протянул его Конану.

Тот схватил клинок с такой жадностью, словно был умирающим от жажды в пустыне, которому протянули полный мех воды. Он положил лезвие себе на грудь, острием под левый сосок. По лицу его пробежала тень облегчения.

— Кажется, наши новые друзья что-то затеяли? — спросил Конан спокойным голосом. — Отдельные слова старухи я понял. Да и твой щедрый жест кое о чем говорит.

Шумри лаконично обрисовал ему положение дел.

— Хвала Крому! — пробормотал киммериец. — Накопец-то!..

Шумри почувствовал, как горло ему стиснула обида. Ему захотелось выругаться — громче и грязнее, чем это делал обычно варвар. Проклятье! Тухлая утроба Нергала!!! Если ему не хочется жить, неужели обязательно утаскивать за собой и того, кто рядом?.. Но вместо того, чтобы выругаться, он спросил со слабой надеждой:

— Ты уверен, что совсем не можешь встать?

Киммериец отрицательно помотал головой.

— Попробуй захотеть по-настоящему! — настаивал немедиец. — Может быть, тебе захочется покинуть это ложе хотя бы для того, чтобы раскидать десяток-другой наших славных гостеприимных хозяев?..

Конан усмехнулся, но ничего не ответил.

Исчерпав все свое красноречие, Шумри затих. Спустя недолгое время, словно вспомнив что-то, он порывлся в вещах и вытащил свою цитру. Давно он не прикасался к ее струнам... Пусть прозвучит под его пальцами ее нежная, меланхоличная душа — в последний раз.

— О Кром... — заворчал киммериец. — Мало мне пения безумной старухи, теперь еще ты!.. Пощади, не порти последних мгновений на этой земле.

Но прозвучало это совсем не зло, и Шумри, улыбнувшись, покладисто кивнул.

— Хорошо, не буду петь. Расскажу одну немедийскую балладу, как помню, своими словами. Буду наигрывать, но совсем тихонько...

И он начал:

«Знатен и доблестен был юный рыцарь Роальд, и хорош собой, как первый луч на восходе солнца, и отважен, как молния, разбивающая в щепки тысячелетние дубы.

Любил он прекрасную Эльбет, дочь грозного рыцаря Гранибэра, и Эльбет любила его. Минуло ей шестнадцать лет, и приближался день свадьбы Роальда и прекрасной Эльбет, который ждали они с нетерпением не один год, ибо полюбили друг друга, когда еще были детьми.

Но всего за неделю до свадьбы, когда гуляла прекрасная Эльбет в саду при замке своего отца, налетел среди ясного дня вихрь, серая кружащаяся воронка прямо с неба, со стороны запада, и втянула в себя девушку, закружила, подняла в воздух и в мгновение ока унесла прочь.

Великим трауром облекся рыцарь Гранибэр, и все домашние его, и все вассалы, и слуги, и рабы.

Только рыцарь Роальд не менял одежд, не посыпал голову пеплом и не рвал на груди бронзовые и золотые цепи, содрогаясь в горе. Но накинул походный плащ, выбрал из оружейной своего отца самый звонкий, прочный и ладно держащийся в ладони меч, оседлал любимого скакуна, доказавшего свою преданность не в одной битве, и отправился на запад, на поиски своей невесты.

Маг и звездочет Сцивилиус, живший в замке грозного Гранибэра, поведал ему, что невесту его украл Харрок, получеловек-полудемон, живущий в замке на берегу океана, там, где глухие никтские пустоши переходят в тундры Ванахейма. Долог и опасен путь туба. Лежит он через

суровые леса, высокие норы, бурные реки и снежные равнины.

Долго ехал рыцарь Роальд.

...Ехал он зелеными аквилонскими дубравами. Прекрасен собой и строен был молодой рыцарь, и дриады — девы деревьев — провожали его глазами. В полупрозрачных, зеленых — под цвет листьев — одеждах девы выглядывали из-за ветвей. Свисали живыми орхидеями с высоты. Их распущенные волосы шуршали, смешиваясь с листвою.

— О рыцарь, рыцарь! — звали дриады приглушенно-птичьими голосами. Они обкусывали длинные лепестки цветов, сжимали в ладонях тела зрелых плодов, орошая их соком дорогу и волосы спешащего по ней Роальда. — Замедли свой шаг, рыцарь! Оглянись, удивись, останься...

Но Роальд лишь дерзко улыбался, не замедляя хода коня.

Одна из дриад неосторожно низко наклонилась над землей, и он, шутя, ухватил рукой за ее ступню. Испуганно охнув, дева выдернула ножку, но, потеряв равновесие, чуть не упала и долго раскачивалась, уцепившись за ветвь, гневно вращая большими глазами, похожими на зеленоватые мыльные пузыри...

Все дальше и дальше спешил Роальд.

...Путь его пролегал вдоль порожистой быстрой речки, берущей исток в снежных вершинах вздыбленных вдали гор. В лепет струй, перепрыгивающих через камни, вплетались голоса дев с белыми волосами из пены.

— Рыцарь, рыцарь! — манили наяды чистыми, как хрусталь, голосами с интонацией томно-капризной. — Наши струи обнимут и заласкают, наше течение унесет, ледяные прикосновения наши утолят боль, и порывы, и память...

Девы перекачивались в потоке, играя, словно форель на нересте. Вслед Роальду они посылали каскады брызг, от которых он отряхивался, смеясь, и живых рыб, ртутью блещущих на солнце.

Особенно настойчивым Роальд посылал воздушные поцелуи и безостановочно спешил дальше.

В одном месте ему пришлось, сойдя с коня, вброд перебираться на другой берег, шагая по скользким камням. Одна из наяд, подплывшая совсем близко, протянула ему тонкую руку. Благодарно улыбнувшись, рыцарь при-

нял ее ладонь — но рука его, не ощутив опоры, скользнула сквозь струистую водяную плоть.

Наяды вспыхнули переливчатым смехом...

Все ближе и ближе был рыцарь к своей цели.

...Грядущим суровых киммерийских гор предстояло ему преодолеть. У подножья их ему пришлось расстаться со своим верным конем: по узким карнизам, нависающим над пропастью, проехать верхом было невозможно. Умное животное осталось ждать его на лугу у ручья, в тени последнего дерева.

Роальд карабкался по склону горы, голому, поросшему лишь белесым лишайником да верблюжьей колючкой. Суровые скалиды обитали в этих пустынных местах.

Девы с окаменелыми, мертвенно-серыми лицами выглядывали из трещин в скалах, застывали, словно статуи, на карнизах и выступах. Их скулы были резко обточены, словно грани драгоценных камней, одежда прямыми тяжелыми складками вбивалась в землю, подобно каменному водопаду.

— Рыцарь, рыцарь, — гулко вещали девы, — останься, если ты мужествен. Здесь, высоко под небом, остаются только отважные и крепкие духом. Звонкие духом, словно высокая, одинокая струна...

Заглядевшись на одну из них, Роальд оступился и покатился по склону. Уцепившись в последний момент за выступ камня, он завис над расщелиной.

Скалиды, затихнув, бесстрастно наблюдали, как он напугает мускулы, пытаясь подтянуться и выкарабкаться...

Преодолев все тяготы и соблазны пути, Роальд добрался-таки до замка Харрока.

Ровно в полночь с помощью кинжала и крепкой веревки рыцарь преодолел ограду замка и очутился в саду. В ту ночь было полнолуние. От неистового света луны все вокруг было белым, словно припорошенным инеем. Он был удивлен, что ни стражники с алебардами, ни хищные звери не охраняли подход к обители полудемона.

Деревья в саду росли на значительном расстоянии друг от друга. Они были очень ровные и прямые, будто взметнувшиеся вверх тонкие цилиндры. Роальд крался, перебегая от одного ствола к другому, но в ярком свете луны его было прекрасно видно.

Порой он запинался обо что-то мягкое — то были большие птицы, спящие в траве. Спросонок они коротко вскрикивали и вновь погружались в сон.

Замок из светло-серого ноздреватого камня, облитый луной, казался призрачно-белым. Задрав голову, Роальд пробирался вдоль его стен, внимательно вглядываясь в узкие окна. Одни окна были темны, другие светились мертвенным синеватым светом, в третьих мерцали гроздь свечей. Ни в одном не промелькнуло ни силуэта, ни тени, словно замок был необитаем.

Одно окно — небольшое, со светлыми занавесками и теплым отсветом свечи — заставило его остановиться. Помедлив, он поднял с земли горсть камешков. Бросил в стекло — один, другой, третий...

Тихий, радостный смех раздался за его спиной.

Роальд обернулся.

— Эльбет!

Она стояла, прислонившись спиной к дереву, смеющаяся, сияющая, в белом платье и белом лунном луче.

— Как ты догадался, что это окно мое?

— О Эльбет! — Роальд прижимал ее к себе так крепко и так нежно, как только мог.

— Он не сторожит тебя — этот безмозглый выродок, упырь, летучая мышь! Какое счастье!.. Бежим! — Он увлек ее прочь от угрюмой громады замка.

— Постой! Это бесполезно! — Эльбет пыталась остановить его, но не могла — и бежала, подхваченная его порывом.

Они достигли стены.

— Лезь! Я подсажу тебя!

Переводя дыхание, она опустилась прямо на влажную ночную траву.

— Прошу тебя, выслушай!

Он протянул к ней руки, чтобы поднять с травы.

Эльбет покачала головой.

— Не надо! Мне не сбежать от него, нет. Я пробовала много раз. Дальше этой стены он меня не выпускает. У него нечеловеческая воля. Как бы я ни боролась, он может вернуть меня обратно, даже не шевельнув пальцем.

— Ну, это мы еще посмотрим! — рассмеялся Роальд. — Полезли скорей! Мне не терпится увидеть, как чья-то воля будет пытаться отнять тебя у меня!

— Нет! — по лицу ее пробежала короткая судорога. — Нет. Я не могу, чтобы ты видел, как это будет.

Эльбет оглянулась и поглядела вверх, на одно из узких оконцев под самой крышей замка.

— Какими забавными, беспомощными фигурками видимся мы ему оттуда...

— Ты забыла про мой меч! — вскричал Роальд. — Я просто убью эту тварь!

Она грустно улыбнулась.

— Он бессмертен. Я убеждалась в этом множество раз.

Они замерли в долгом горьком молчании.

Эльбет нежно и тихо перебирала нечесанные, спутанные на затылке волосы рыцаря.

— Что же нам делать? — спросил он.

— Я смогу уйти, только если он отпустит меня добровольно. Он скажет, что отпустит меня, если ты исполнишь его условие.

Роальд вскочил.

— Так за чем дело стало? Сейчас же иду к нему!

Эльбет смотрела на него с невыразимой печалью.

— А условие он придумает такое, что оно разорвет нам сердце. Самое лучшее — тебе сейчас уйти и никогда не возвращаться.

— Ты же знаешь, что я не уйду, — сказал Роальд.

— Я знаю, что ты не уйдешь, — ответила Эльбет. — А условие он придумает такое, что оно разорвет нам сердце...»

Конан слушал немедийскую балладу, прикрыв глаза и не выпуская из лежащей на груди ладони рукояти клинка. Казалось, что он дремлет. Но он не был убаюкан тихим перебором цитры и голосом Шумри. Под его закрытыми веками проплывали, словно дивные рыбы из глубин сознания, лица всех женщин, к кому он когда-либо в своей жизни загорался хоть мимолетной страстью. Нежные и грубоватые, кроткие и властные, пленительные и надменные, светящиеся неподдельной преданностью и обдающие высокогорным холодом... Любил ли он когда-нибудь так, как рыцарь Роальд? Пожалуй что нет. Правда, после нелепой гибели Белит, великолепной, нежной, яростной

и бесстрашной королевы морских разбойников, долго болела и ныла душа, и рана казалась незаживающей. Но вот — зажила же. И после Белит были другие... За многих из своих женщин киммериец не раз рисковал головой, вступал в битвы с могучими вождями, чародеями, демонами... но что из того? Точно так же он с упоением дразнил смерть и бросался в неравный бой и без всяких женщин... Конан испытывал странное чувство, никогда не знакомое ему прежде: он завидовал рыцарю Роальду. Завидовал выдуманному герою, который и героем-то не был — так, слабак, только и умеющий, что взмахивать мечом да держать в седле горделивую осанку. Завидовал... но отчего? Какая бы ни была эта его Эльбет, вряд ли она могла потягаться красотой, умом и характером с той же Белит... с зеленоглазой Карелой... с раджессой из далекой Вендии... с принцессой Синэллой... с...

Шумри между тем продолжал:

«...Наутро после встречи в саду Роальд получил аудиенцию у хозяина замка. Тот ожидал его в одном из просторных залов со стрельчатыми высокими окнами и звонкими пентаграммами пола. Полудемон владел искусством изменять внешность, применяясь к обстоятельствам. На этот раз он предстал в блике кротком и безобидном — высокий юноша с серыми глазами, часто помаргивающими, словно от нервного тика. Ничего зловещего. Только в полуобороте головы, в изгибе губ проскальзывало порой что-то холодное и неприятное. Чисто выбритый подбородок утопал в длинном, мягком шарфе, охватывающем шею.

— Весьма рад нашей встрече, — сказал Харрок.

Роальд слегка наклонил голову.

— К сожалению, не могу ответить любезностью на любезность.

Полудемон понимающе покивал головой.

— Вы хотите забрать Эльбет, и это ваше желание вполне понятно. Я, в свою очередь, хочу — и не менее сильно, — чтобы Эльбет оставалась со мной.

— Зачем она тебе? — спросил рыцарь.

Харрок коснулся тонкими чуткими пальцами мягкой шерсти шарфа.

— Я одинок, — сказал он. — Одиночество заполняет меня изнутри. Пропитывает все поры. Столетия и тысячелетия одиночества почти совсем подточили меня. Она же не дает мне рассыпаться в серую пыль. Она — последнее мое прибежище.

“Прибежище”, — Харрок прошептал, прикрыв глаза тяжелыми веками и откинув назад голову, обнажив беззащитную худую шею.

— Не пытайся меня разжалобить! — воскликнул Роальд.

— Я не пытаюсь вас разжалобить, — сказал полудемон. — У меня очень сильная воля. Вот, смотрите, — он вытянул ладони, повернув их в сторону рыцаря. — Сейчас вы будете качаться вслед за моими руками, хотя я не прикоснусь к вам.

Харрок начал поводить руками из стороны в сторону.

Роальд стоял неподвижно, с презрительной усмешкой на лице.

— У вас тоже не слабая воля, — заметил Харрок. — Я мог бы вас кое-чему научить, если бы вы захотели пойти ко мне в ученики. А чтобы не быть голословным, — он подошел к одному из окон и поманил к себе рыцаря: — Взгляните.

Внизу в саду разгуливали птицы — напущенные павлины и фазаны с яркоцветными, волочащимися по траве хвостами.

Харрок поднял ладонь.

Одна из птиц оторвалась от земли и, наращивая скорость, понеслась в их сторону. С шумом ударилась о стекло — и словно приклеилась к нему.

— Смотрите, — продолжал Харрок.

Будто порывом ветра с птицы сдуло все ее оперение, и она кричала, стуча клювом в стекло — голая, когтистая, жалкая...

Роальд вспомнил, как не хотела Эльбет перелезть вместе с ним через ограду, вспомнил судорогу ужаса на ее лице...

— Хочу предупредить вас сразу, — сказал Харрок, отходя от окна. — Мое условие окажется невыполнимым для вас. Я не хочу отдавать Эльбет. Поэтому не обессудьте. Я предлагаю вам выйти из игры, не вступая в нее.

— Не трать на меня подобные слова, — попросил рыцарь.

— Хорошо, — Харрок улыбнулся, мягко и пленительно. — Мой стойкий, мой отважный юноша! Отчего бы нам и не поиграть?..»

Как ни был захвачен Конан балладой, но он при этом отлично слышал все происходящее за стенами хижины. Рев барабанов, становящийся все более резким, подстегивающим, яростным... короткие команды, которые вождь отдавал мужчинам племени... стук каменных топоров... возбужденные повизгивания детей в предвкушении яркого зрелища...

Киммериец еще крепче сжал кинжал. Ему показалось, что руки его стали постепенно обретать силу. Раньше любое физическое усилие давалось ему с трудом — теперь же ладонь его уже давно сжимала рукоять оружия так, что побелели костяшки пальцев, но слабости он не ощущал.

«...На следующее утро полудемон ждал рыцаря в то же зале с пентаграммами пола и высокими окнами. Он был в том же облике, с кротким и мягко-грустным выражением на лице.

По правую руку от него стояла Эльбет.

Роальд послал ей нежную улыбку, но она не смогла улыбнуться в ответ. Она была очень бледна.

— Мы начнем без вступительных речей и приветствий, — сказал Харрок. — Я дам вам задание, и если вы справитесь — вы, оба, — девушка будет свободна. Если не справится хоть один — испугается, отступит, — Эльбет навсегда останется здесь.

Он негромко хлопнул в ладоши. Подхваченный эхом звук хлопка разнесся по анфиладам замка.

В одну из дверей, позвякивая висящими на поясе железными инструментами, вошел слепой старик с запрокинутой головой.

— Моя правая рука, Усталый Го, — представил его Харрок. — Несмотря на усталость, человек он довольно пылкий. Полный выдумки и огня. И ребячьей фантазии. Природа обделила его светом и красками. Звуки, издава-

емые людьми и животными, с которыми он играет, или, точнее, над которыми ставит опыты, в какой-то мере заменяют ему его потерю.

Старик повел головой, прислушиваясь, затем, гремя железом и шаркая ступнями, приблизился к Роальду и остановился в двух шагах от него.

— Скажу сразу, я не знаю, что будет Го делать с вами, рыцарь. Всплески его фантазии непредсказуемы, и я не склонен ограничивать их полет. Талант изобретателя сочетается в нем со склонностью к психологии и тонким чутьем художника... Вы, Эльбет, будете наблюдать за всем этим. Наблюдать, храня достойное, приличествующее вашему высокому роду молчание. Если вы выразите — жестом или звуками — какое-либо неудовольствие или протест, опыт закончится, а вы будете считаться не выдержавшими испытания.

— Я скажу сразу! — хрипло рассмеявшись, воскликнула Эльбет. — Отзовите назад вашего жуткого Го! Я скажу сразу, что не выдержу испытания и отказываюсь участвовать в нем.

— Эльбет! — огорченно крикнул ей Роальд. — Да пусть этот зверь даже разрежет меня на куски — я ведь знал, на что шел. Ты только потерпи, закуси губы, чтобы не произнести ни звука. Ты ведь сильная! Соберись с духом, заклинаю тебя!

— Я не согласна! — оборвала его Эльбет. — Если хотите, — она обернулась к Харроку, — я могу приступить к крикам и жестам протеста прямо сейчас.

Полудемон смеялся.

— Послушай! — обернулся к нему рыцарь в отчаянии. — Что ты хочешь от хрупкой женщины? Какой с нее спрос? Зачем впутывать ее слабые нервы в наши мужские дела? Я пришел сюда сам, и мне отвечать. Мне — а не ей! — выполнять твои проклятые условия.

— Вы убедили меня, — сказал полудемон, наконец отсмеявшись. — Оставим женщинам женское и не будем принимать в расчет слезы и нервы. Как бы ни вела себя девушка, ее поведение учитываться не будет. Остальные условия те же. Минут двадцать или полчаса Усталый Го позанимается с вами, и после этого Эльбет будет свободна.

— Роальд! — попросила девушка непривычно тихим и хриплым голосом. — Не делай этого...

— Любимая моя Эльбет, — ответил ей рыцарь, — позволь мне принимать решения самому.

Харрок снова хлопнул в ладони, и Усталый Го, оживившись, стал перебирать корявыми пальцами свои причудливые железки...»

Внезапно во входном проеме хижины появились две рослые черные фигуры туземцев.

Шумри смолк и быстро оглянулся на киммерийца. Один из вошедших крепко сжал плечи музыканта и рывком поднял его на ноги. Другой подошел к Конану и взялся руками за его лодыжки, намереваясь волоком вытащить его из хижины.

Никто не ожидал того, что последовало мгновением позже. Конан согнул ноги и резким, мощным ударом отбросил туземца к противоположной стене. Сила удара была такова, что хижина не выдержала, с потолка посыпались плотно сбитые вороха листьев, стены из тонких пальмовых стволов обрушились вовнутрь. Пронзительно заверещала придавленная старуха.

Сноровисто работая руками и ногами, Конан выбрался из древесных развалин, оглянувшись, моментально сориентировался и выхватил у одного из поверженных туземцев каменный топор, кинжал же переложил в левую руку.

Шумри, слегка оглушенный, но не потерявший сознания, также благополучно выбрался на свет. Он увидел, как семь или восемь воинственно вопящих туземцев окружают их со всех сторон.

— Прикрой мне спину! — крикнул киммериец, бросая ему топор.

Сам он подхватил одно из длинных увесистых бревен и поднял его над головой. Казалось, за долгие дни неподвижности сила его ничуть не уменьшилась. Наоборот, он крушил подбегавших к нему дикарей с такой необузданной яростью, с такой мощью, словно застоявшаяся в нем сила забродила, стала хмельной и выплескивалась из берегов.

Немедиец, честно пытавшийся встать у него за спиной с угрожающе поднятым топором, едва не стал жертвой бревна, со свистом рассекавшего воздух, крутясь над головой у киммерийца.

— Поберегись!!! — заорал, меняя приказ, Конан.

Шумри пригнулся — и вовремя: сразу двое низкорослых воинов совсем рядом с ним молча повалились на землю с разбитыми черепами.

Настроение туземцев резко переменилось. Они словно вспомнили, что этот светлокожий гигант не так давно поразил озерного бога, древнее, как сама земля, чудовище. И сейчас, всего за несколько минут, уложил почти треть племени... Побросав каменные топоры, они бросились ничком в пыль, униженно повизгивая и завывая, на коленях ползя к ногам разбушевавшегося варвара.

Конан по инерции едва не обрушил бревно на худые черные хребты, подергивающиеся раболопно у его ног. С трудом сдержав размах руки, он отшвырнул свое оружие далеко в сторону и сплюнул. Он только-только вошел во вкус битвы, яростная и прекрасная ее музыка еще звучала в его ушах, и переход к мирному состоянию был слишком резким. Но не убивать же поверженных в прах, униженно молящих о пощаде!..

Конан оглянулся вокруг с тайной надеждой: не ринется ли к нему еще десяток-другой воинственно вопящих и размахивающих топорами дикарей... Но все было спокойно. Трупы молчали, оставшиеся же в живых не вставали с колен, продолжая тихонько повизгивать.

Из-под развалин своей хижины, отплеываясь и ругаясь, выползла старуха. Киммериец направился было к ней, но внезапно сзади раздался предостерегающий оклик Шумри:

— Конан!

Он обернулся. В пяти шагах от него, когтя землю и молотя себя хвостом по ребрам, приготовилась к прыжку гигантская пятнистая кошка. Конан не знал, что мгновение назад кошка эта была человеком, он не был свидетелем недавнего пиршества Великого Леопарда, и, возможно, это было к лучшему.

В руке у киммерийца был лишь кинжал. Когда леопард прыгнул, он мгновенно пригнулся и скользнул вперед так, что брюхо животного пролетело над его головой. Быстрее, чем зверь обернулся, он бросился ему сзади на шею и стал душить, одновременно пытаясь пробить кинжалом его на редкость прочную шкуру. Леопард бешено вырывался. Задними лапами он пытался достать до спины варвара и располосовать ее когтями. Ощеренные клыки величиной с указательный палец мужчины силились дотянуться до сжимающих ему грудь и бока колен... Обладающий разумом человека, леопард пошел на хитрость, недоступную животному: он внезапно обмяк, уронив голову на лапы, словно мертвый. Киммериец разжал руки

и выпрямился, слегка удивленный столь быстрой победой — и в этот момент, ожив, зверь мощным рывком сбил Конана с ног и навалился на грудь, готовясь когтями и зубами впиться в шею. В реве его киммерийцу послышался человеческий злорадный хохот... Неожиданно хохот смолк, а ощеренная, с желтой пеной вокруг зубов морда тяжело упала, стукнув варвара по подбородку.

Шумри, во все время схватки с леопардом не выпустивший из рук каменный топор, в самый нужный момент сумел пустить его в дело. Если бы он замешкался на мгновение, было бы поздно — но он успел. Зверь рухнул с раздробленным черепом.

Киммериец испытал сильное потрясение, когда, выбираясь из-под туши убитого, вместо звериной морды увидел над собой лицо человека с яростно оскаленными зубами, с желтыми глазами, вылезшими из орбит в последнем усилии... Поднявшись с земли, он увидел, что у ног его распростерт туземец со странной татуировкой в виде черных пятен на белом фоне и с кровавым месивом вместо затылка.

Конан вопросительно посмотрел на немедийца. Тот пожал плечами, словно хотел сказать: ну, что ж, в этих диких краях случается и не такое... Руки его, нанесшие удар топором, сильно дрожали. Чтобы скрыть эту дрожь, он сделал вид, что слегка пританцовывает в экстазе победы.

Киммериец снова огляделся вокруг. Племя Леопарда, лишившееся своего Великого Зверя, пребывало в таком ужасе, что даже не тряслось, не повизгивало, не скулило — оно просто оцепенело, превратилось в странную композицию из резного черного гранита, полированного до маслянистого блеска...

Конан подошел к старухе, замершей около своих развалин. Обхватив мощными руками, он неожиданно подбросил ее в воздух, как соломенную куклу. Знахарка вышла из ступора, зашипела, замахала руками и ногами, но гигант подбросил ее еще пару раз, затем бережно поставил на землю и, смеясь, повернулся к Шумри:

— Переведи этой славной старушке, что она не зря выводила свои песни. Не люблю чувствовать себя должником, поэтому отсыпь ей монет, сколько она захочет. И давай-ка двигаться дальше! Сдается мне, мы здесь порядочно загостились!

Глава 1. Неудавшийся рыцарь Кельберг

Шумри покривил душой, сказав, что не помнит своего настоящего имени. Имя он помнил, хотя вот уже десять лет на произносил его и не слышал от других. Звали его Кельберг и был он единственным сыном владетельного рыцаря Брегга, одного из самых влиятельных и знатных людей в Бельверусе.

Мать его умерла, когда ему не исполнилось и пяти лет, братьев и сестер не было, и в огромном родовом замке, в закоулках которого можно было потеряться и блуждать в поисках выхода целый день, мальчику было одиноко и холодно. Отец почти не интересовался им, вернее, интересовался лишь его успехами в воинских искусствах, для развития которых нанял лучших наставников и учителей.

С ранних лет Кельберг воспитывался, как и полагается будущему рыцарю: чуть-чуть музыки и рисования, немного этикета, главное же — долгие упражнения с мечом и копьем, верховая езда, рукопашные схватки. Мальчик был невысок ростом и узок в плечах, но отличался большой ловкостью, что заменяло недостаток физической силы. Отец его, суровый и опытный вояка, наблюдая за упражнениями сына на деревянных мечах, отмечал с горечью, что плечи у его отпрыска и наследника могли бы быть пошире, ладони покренче, а подбородок — внушительнее, и что рано умершая мать запечатлела в нем свои черты в большей мере, чем ему бы этого хотелось. Но, с другой стороны, быстрота, ловкость и гибкость тоже не последние качества в ратном деле. Не раз рыцарю случалось быть свидетелем того, как гиганты с квадратными плечами оказывались побежденными неказистыми с виду, но быстрыми и находчивыми противниками. Соображение это изрядно скрашивало первоначальную горечь. Правда, благородному Бреггу еще не нравилось

то, что юный сын его не меньше, чем состязаться на мечах и гарцевать, любил читать, сочинять стихи и наигрывать на лютне. Но суровый отец благоразумно позволял сыну предаваться этим малодостойным занятиям, полагая, что, выйдя из нежного возраста, Кельберг отбросит от себя дурь, как дети оставляют привычку сосать материнское молоко, сидеть на коленях у кормилицы и пугаться темноты.

Когда Кельбергу исполнилось четырнадцать лет, произошло одно событие, незначительное с виду, но, как оказалось впоследствии, роковым образом определившее всю его последующую жизнь.

В тот день отец его со свитой вассалов, слуг и ловчих с утра отправился на охоту. Мальчик отказался принять участие в этой забаве, сославшись на ушибленную во время занятий с мечом руку. На самом деле рука у него давно зажила, но он очень ценил время, когда оставался в замке один и можно было вволю порыться в старинных свитках и манускриптах, не опасаясь ворчания отца, которого это занятие всегда раздражало. Было тихо, хорошо вышколенная прислуга не попадалась на глаза. Направляясь к библиотеке, Кельберг проходил мимо оружейной и слышал доносящиеся оттуда звуки: шаги, шорохи, легкий звон. Зная, что слугам в этой комнате делать нечего, мальчик осторожно приоткрыл дверь. Он увидел, как неряшливо одетый незнакомец рассматривает рукояти клинков, висящих по стенам, видимо, отбирая наиболее дорогие, украшенные драгоценными камнями. Вне всяких сомнений, то был вор, непонятным образом пробравшийся в замок в отсутствие хозяев. Мальчик неслышно прокрался вдоль стены и снял один из мечей, не слишком тяжелый, как раз впору своей полудетской руке. Когда вор оглянулся, он встретил решительный взгляд и обнаженный клинок, направленный ему в грудь. Кельберг вовсе не собирался убивать наглеца, он только хотел доставить его под конвоем в распоряжение стражников. Вор, ободренный тем, что перед ним подросток, тоже схватил меч и сделал выпад. Но юный наследник замка Бреггов имел лучших учителей: он с легкостью отразил наскок противника и после нескольких звонких ударов стал о сталь сделал стремительный и точный бросок. Блестящее лезвие легко вошло в грудь, обтянутую рваной и засаленной тканью. Послышался негромкий звук —

словно что-то лопнуло, порвалось. По одежде незнакомца заструилась темная, торопливая кровь...

Вор с изумлением посмотрел на свою кровь, затем на мальчика. Грубое его лицо стало почти детским, обиженным и обманутым. Он выронил меч и без звука повалился на дубовый паркет.

Любой другой подросток в такой ситуации почувствовал бы себя героем, с радостью принимал поздравления домашних, но — тут-то и проявилась изначальная ущербность Кельберга! — мальчик убежал и спрятался в подвале замка.

Отец, вернувшийся с охоты и жаждущий принародно похлопать сына по щуплым плечам, долго не мог отыскать его, а отыскав, не на шутку рассердился: видано ли дело, чтобы будущий рыцарь приходил в уныние по поводу продырявленного тела какого-то оборванца!

С этого случая в юном Кельберге словно что-то сломалось. Он по-прежнему каждый день осваивал искусство вращать мечом, пробивать копьём и разить коротким кинжалом, учился крепко и уверенно сидеть в седле, даже когда плечи, голова и спина придавлены тяжелыми доспехами. Но теперь наставники, прежде часто хвалившие его за ловкость и точность руки, приходили в недоумение: не подменили ли юного наследника замка? Рука его была уверена и ловка, когда Кельберг отбивал удары, защищался, не подпуская клинок противника к своему телу. Но когда нужно было сделать выпад, поразить самому — словно что-то мешало, останавливало, связывало мускулы.

Удивление и недовольство наставников не прошли незамеченными для владетельного рыцаря Брегга. Он сурово поговорил с сыном и услышал потрясенную его до глубины дремучей души просьбу: Кельберг умолял не посвящать его в рыцари. Его натуре глубоко противно убийство, не важно, во имя какой цели оно совершается. Если бы вместо долгих упражнений с мечом и секирой ему позволили читать или заниматься музыкой, он не посрамил бы благородного имени своего отца — напротив, прославил бы его как ученый или музыкант.

От такого заявления владетельный нобиль пришел в ярость. Не тратя речей, он безжалостно разнес лютню Кельберга об угол камина, а на дверь библиотеки приказал повесить огромный замок. Он поклялся, что не будет разговаривать с сыном и есть с ним за одним столом до

тех пор, пока тот не выбьет дурь из головы и не устыдится столь неподобающей мужчине трусости.

Будь мать Кельберга жива, одиночество и отчаянье не так терзали бы его полудетскую душу. Заменой матери в каком-то смысле была люгня, но она погибла. Правда, со временем юноша смастерил самодельную люгню, с почти таким же звонким и светлым голосом, но ему приходилось теперь прятаться с ней в подвалах или чердачных комнатах замка, откуда звуки музыки не могли достигнуть ушей грозного родителя. Книги он продолжал читать, но гораздо реже и только благодаря помощи старого дворецкого, владеющего всеми ключами в замке и рисковавшего ради юного господина своим местом.

По обычаю немедийской знати посвящение в рыцари производилось, когда юноша из достаточно древнего и благородного рода достигал семнадцати лет. Устраивался турнир, на котором молодежь, желающая обрести почетное рыцарское звание, должна была показать свою отвагу, умение владеть мечом и знание этикета.

Немедия была государством высокоразвитым и культурным, жизнь аристократии ценилась здесь весьма высоко, и поэтому, дабы избежать ненужных потерь среди цвета немедийской молодежи, состязания эти были только наполовину турнирами, второй же половиной напоминали гладиаторские бои. Претендент на звание рыцаря в полном боевом облачении должен был сражаться с рабом — полутолым, вооруженным лишь острым мечом, крепкими мускулами да безумным желанием выжить. Перед выходом на ристалище доспехи рыцаря покрывались слоем воска. Чем быстрее и красивее был убиваем раб и чем меньше оказывалось царапин на воске — следов от меча противника — тем радостнее приветствовали зрители юного героя. Тем добродушнее улыбался король и кокетливее — королева, а за нею и прочие знатные немедийские дамы.

Когда Кельбергу исполнилось семнадцать лет и настала пора принять участие в подобном турнире, за несколько дней до торжественного события он предпринял еще одну попытку объясниться с отцом. На этот раз благородный нобиль ничего не ломал и не крушил. Он уже почти похоронил сына в сердце своем, похоронил все связанные с ним надежды и оттого был спокоен. Если Кельберг не

выступит на турнире, объявил отец, он откажется считать его своим сыном. И если утром следующего за турниром дня он увидит его в своем замке, будет тут же отдан приказ стражникам схватить самозванца, выдать ему сорок плетей и вышвырнуть за ограду.

Сказано было сильно. Зная характер отца, юноша не сомневался, что он именно так и поступит. Ночь, следовавшая за этим разговором, ночь выбора — была самой мучительной в его жизни.

Кельберг ни на миг не задумался бы покинуть замок — без гроша в кармане, без титула, нищим оборванцем, но с легкой и свободной душой, если бы не Илоис. О, если бы не Илоис!

Сердце его было в плену великой любви. Не меньше, чем рыцарь Роальд прекрасную Эльбет, любил он юную Илоис. И рок, нависший над ним и его любовью, был не менее грозным и неодолимым, чем злая воля полудемона Харрока. Хотя для постороннего глаза рок этот казался вовсе незаметным, и любой из друзей — если бы они у него были — назвал бы его надуманным.

Прекрасная Илоис была его нареченной невестой. Как водилось в высокородных кругах Немедии, родители в нежную пору его детства сговорились с не менее знатной и богатой семьей барона Цальса и обручили своих детей. В первый раз невесту свою юный Кельберг увидел за несколько лун до рокового происшествия в оружейной. Барон вместе с дочерью и свитой слуг прибыл в родовой замок Бреггов по приглашению хозяина, чтобы принять участие в охоте — его поместья славилась густыми лесами с обилием разнообразной дичи.

«Познакомься же, сын мой, со своей невестой! Пора, давно пора! Я в твои годы давно уже провожал глазами хорошенькие мордашки и маленькие грудки! Такое загляденье — и через пару лет твое!» От грубого веселья отца мальчика покорило. Он через силу подошел к хрупкой девочке в бархатных серо-голубых одеждах, слишком для нее тяжелых, пригибающих фигурку к полу, и чинно склонил голову, сделав полукруг левой ногой, как того требовал этикет. У девочки был высокий лоб, темно-русые волосы, собранные на затылке, и строгие серые глаза, прозрачные, как горный хрусталь. Юноша хотел сказать что-нибудь непринужденно-галантное, но все изящные фразы вылетели из головы под этим серьезным взглядом,

и он только отрывисто пробормотал приглашение совершить вместе с ним прогулку по саду.

Разговор долго не клеился. По сердитому румянцу на нежных скулах, по сжатым губам Кельберг видел, что девочка разгневана фриivolностью его отца и гнев этот перенесла на сына. Она была младше его на два года, но он робел так, словно был простым музыкантом или пастухом, сопровождающим надменную высокородную даму.

Все попытки его завести разговор о цветах, мимо которых они проходили — о чем же еще разговаривать с прекрасными девицами, если не о прекрасных цветах? — терпели крах, разбиваясь об ее ледяное молчание.

— ...Не правда ли, эти белые лилии, похожие на девушек в длинных платьях, благоухают так, словно сегодня день их свадьбы?.. Вы не находите, что дельфиниумы слишком сини, такой яркий насыщенный цвет трудно вынести?.. Я не большой любитель роз, они слишком пышны и сладки, впрочем, к вашим волосам пошли бы даже эти цветы...

Кельберг выдохся. Если бы Илоис хотя бы кивала в ответ на его изысканные речи или шевелила бровью, давая понять, что слушает его, он мог бы говорить бесконечно — но лицо девочки было непроницаемо, а губы по-прежнему сжаты.

Наконец юный наследник благородного Брегга замолчал и остановился. Будь что будет. Если ей неинтересно с ним, пусть уходит к своему отцу и остальным гостям. Он смотрел на нее и молчал, и девочка немного растерялась. Она неуверенно оглянулась вокруг. Громада родового замка Бреггов высилась прямо за их спинами. От нее веяло безжалостной мощью.

— Какой мрачный у вас замок! — сказала, наконец, Илоис. — Ни за что на свете не согласилась бы жить в этих угрюмых и холодных камнях!

— А кто может заставить вас жить здесь? — пожал плечами Кельберг.

Но тут же он понял, что сказал глупость. Ведь Илоис его невеста! Где же ей еще жить, если не в родовом замке мужа?.. Юноша, покраснев, спохватился:

— Простите, я не это имел в виду! Наши родители обручили нас — но это вовсе не значит, что вы должны проводить свои дни в месте, которое внушает вам отвращение. Можете мне поверить, мне он тоже не нравится!

Как только я стану владельцем этого замка, я тут же продам его. О, я получу много-много денег за эти мрачные камни! И знаете, где мы с вами будем тогда жить?

— Где же? — спросила девочка с любопытством.

— Где только захотим! — воодушевленный ее интересом, начинающим таять в серых глазах льдом, он отпустил удила фантазии. — Мы будем путешествовать по всему миру и жить везде понемногу! В самых разных домах! Знаете ли вы, например, что в Гиперборее живут в домах изо льда?

— Изо льда?! Но ведь это очень холодно, — забеспокоилась девочка.

— Конечно, холодно! — согласился Кельберг. — Но невероятно красиво. Особенно, когда на небе солнце, и лед сверкает, как алмазная шкатулка великана. Впрочем, мы проживем там совсем немного, чтобы не простудиться. Гораздо больше времени мы будем проводить в странах Юга. Между Вендией и Кхитаем есть область, где люди живут в грибах.

— В грибах?!..

— Да, в гигантских грибах! Пока гриб еще маленький, человек сам выбирает себе будущий дом, поливает его, отгоняет червей и гусениц. Затем вырезает середину и поселяется в нем. Гриб растет, и комнаты становятся все просторнее... Но больше всего, я уверен, вам понравится жить в плавучих домах среди некоторых племен Южного Океана! Каждый дом — это маленький плавучий остров, который ветер гоняет по воде, куда ему вздумается. Семья выбирает себе островок по вкусу и по размерам. Главное, чтобы был источник пресной воды да фруктовые деревья. Натягивают большой тент от солнца и дождя из листа гигантского лотоса, еще нужна сеть для рыбы — и больше ничего! Куда прибьет их ветер, что встретят они на своем пути — один Митра знает!..

Кельберга несло. Пригодились знания, почерпнутые из старых отцовских книг, которые он растворил в безмерном море своей фантазии. Прозрачные серые глаза вдохновляли и подстегивали...

«Невеста! Невеста! Моя невеста!» — как одержимый, повторял он внутри себя долгие дни и ночи, вновь и вновь прокручивая в голове упоительный момент первой встречи. Дивное, хрупкое, строгое и гордое создание каким-то чудом, необъяснимой милостью небожителей! —

оказалось его невестой, его будущей собственностью и сокровищем.

Когда отец сломал лютню, запретил читать и лишил своего общества, немалым утешением юноше, помимо самодельного музыкального инструмента, были уединенные мечты в крохотной чердачной комнатке, в которых прозрачные глаза, обращенные к нему, светились преданностью и нежностью.

Всего три встречи с юной Илоис подарила Кельбергу судьба. Второй раз они виделись во время торжеств по случаю коронации короля Нимеда. Кельбергу уже исполнилось шестнадцать. Отец, хотя и не разговаривал с сыном, настоял, чтобы тот был одет как можно богаче, чтобы достойно представлять на королевском празднике свой знатный и древний род. Пышность собственных одежд угнетала юношу, привыкшего в своем замке носить то, что по внешнему виду не отличало его от наставников и слуг. Белоснежный накрахмаленный воротник стягивал и царапал шею, бархатный, унизанный топазами и жемчугом, камзол давил на плечи и грудь. По этой причине он не принимал участия в танцах и прочих увеселениях, которыми изобиловало торжество. Тем самым он вызвал еще большее раздражение у своего родителя, исподтишка наблюдающего за ним. Благородный Брегг опустошал бокал за бокалом и с такой яростью вгрызался в жареный бараний бок, словно то было горло позорящего его сына.

Впрочем, не танцевал Кельберг еще по одной причине. Немыслимо было бы пригласить на танец какую-либо девушку, но не Илоис. Ибо глаза его следили только за Илоис, ум повторял про себя одно ее имя. Танцуя с другой девушкой, он все время отворачивался бы от нее, отвечал невпопад и наступал на ноги. Но пригласить Илоис он также не мог! Она была слишком хороша. Уже не строгий, насупленный ребенок в ниспадающих прямыми складками одеждах, но девушка, очень юная, колеблющаяся на неуловимой грани между ребенком и женщиной. По-прежнему хрупкая, горделивая, с очень прямой спиной, теперь она была живой и насмешливой, с озорными искрами в серых глазах. Таковую уже не займешь рассказами о домах-грибах... С ужасом и отчаянием отмечал Кельберг каждую улыбку, каждый взмах ресниц, посылаемые Илоис кому-либо из молодых блестящих кавалеров. В первый раз вкусил он отраву ревности и сразу же — полной чашей. То блаженство, которое вызы-

вали в его душе слова «моя невеста!» в сочетании с образом Илоис, сменилось теперь мукой. Что из того, что она его невеста, если сияние ее неповторимых глаз обращено не к нему? Даже если ее отец принудит сойтись с ним браком, заставит жить в ненавистном ей замке Бреггов, все равно глаза ее, душа ее будут обращены не к нему! На птиц небесных будут смотреть ее глаза сквозь узкие оконца замка, на цветы полевые, на облака... и вот этого, уж точно, Кельберг перенести не сможет.

Третья и последняя встреча произошла через полгода. Илоис исполнилось пятнадцать лет. По законам Немедии это был возраст совершеннолетия для женщин, достигнув которого, девушка могла вступить в брак. На это торжественное событие в замок благородного Цальса были приглашены ее жених и его отец. Кельберг все время со дня их последней встречи провел в писании мрачных стихов и полном одиночестве, нарушить которое не решились даже слуги. Он почти ничего не ел и очень исхудал.

Юноша категорически отказался надевать пышное и богатое платье, подобное тому, что было на нем во время коронации Нимеда. Он оделся во все черное, словно был зван не на день рождения, а на похороны. Черный цвет камзола и шляпы подчеркивал его бледность, худобу и глубокие тени под глазами. С Илоис он поздоровался подчеркнуто вежливо и холодно; сел в самый дальний угол стола, где и собирался, не вставая, провести время до окончания вечера.

Кельберг дал себе слово ни разу не посмотреть на девушку. Пусть расточает улыбки и озорные взгляды кому угодно, его это больше задевать не будет. Просто потому, что он не будет об этом знать. Чтобы легче было сдержать данное слово, Кельберг все внимание обратил на стоящие на столе бутылки. Никогда прежде он не выпивал так много, но тоска его от хмеля не рассеивалась, наоборот, становилась острее и отчетливей. Он забормотал вполголоса стихи, сочиненные недавно, и неожиданно к ним проявила живой интерес сидящая по правую руку от него особа лет тридцати. Обрадовавшись слушателю, Кельберг читал ей все подряд, что только помнил. Чтобы не мешать бормотанием другим гостям, он наклонялся к самому уху заинтересованной и вздыхавшей в нужных местах ценильницы прекрасного.

Илоис, выступавшая в этот вечер в роли хозяйки дома и бывшая нарасхват у гостей, испытала почти те же самые муки, что и Кельберг при прошлой их встрече. Если бы он специально задался целью причинить ей боль, он не сумел бы ранить сильнее. Именно острота боли явилась для нее непреложным и ошеломительным признаком ее любви к нему. В прошлый раз, когда он был таким разукрашенным, перевитым золотыми цепями, в шляпе со страусовым пером, при взгляде на него ее каждый раз охватывал приступ смеха. Слишком не вязался блеск золота и жемчугов с растеряннo-жалобным выражением круглых глаз и понурыми плечами. От этого сдерживаемого смеха глаза ее искрились еще больше, а насмешливо-нежные улыбки сводили с ума рой лъстивых кавалеров. Но на этот раз он был не смешон, не забавен. Плечи, казалось, стали еще уже, но это была отрешенная худоба аскета. От темных теней под глазами, запавших щек и скорбной складки у губ лицо приобрело выражение человека, чья душа за короткий срок познала всю тщету мира, разочаровалась во всех иллюзиях и соблазнах. Не семнадцатилетний мальчик сидел в дальнем углу стола, не отрываясь от бутылки и шепча что-то на ухо взволнованной и раскрасневшейся дуры, но мрачный и свободный поэт, одинокий мыслитель.

Гордость Илоис требовала положить конец ее терзаниям. Раз и навсегда! Он не любит ее? Прекрасно! Тогда нужно сделать так, чтобы он никогда больше не бывал в ее доме, а также там, где их пути могли бы пересечься.

Твердым и грациозным шагом Илоис подошла к Кельбергу и объявила, что желает сказать ему несколько слов наедине. Ошарашенный юноша вылез из-за стола и последовал за ней на виду у гостей, приостановивших на время свои разговоры, чтобы сполна насладиться пикантностью ситуации: два юных создания так явно стремятся уединиться! Илоис были глубоко безразличны перешептывания гостей. Кельбергу тоже. Он следил только, чтобы идти как можно прямее, что было, учитывая количество выпитого им, крайне нелегко. Рассудок, правда, сохранял свою первоначальную ясность, как и язык...

Они вышли в сад. Он был не таким огромным и роскошно-вычурным, как сад Бреггов, но гораздо меньше и уютнее. Впрочем, и замок барона Цальса был намного меньше замка отца Кельберга, и от него не веяло холодной мощью безжизненных камней.

Собравшись с духом, Илоис заговорила, стараясь, чтобы голос ее звучал холодно и решительно:

— Наши родители обручили нас в раннем детстве, не правда ли? Они не спрашивали при этом нашего с вами согласия. Теперь мы выросли. Не кажется ли вам унижительным, что и во взрослом состоянии мы не можем располагать своей судьбой по собственному усмотрению?

— Я понял вас, — ответил Кельберг. Он изо всех сил старался не шататься. К счастью, Илоис, заметив его не всегда удачные попытки соблюдать строго вертикальное положение, подвела к мраморной скамье, и они сели. — Я с вами полностью согласен.

— Одного согласия мало, — возразила девушка. — Нужны действия. Определенные решительные действия, совершив которые, можно было бы испытывать уважение к самому себе.

— Да, вы правы, — откликнулся юноша. Он и сидя умудрялся покачиваться из стороны в сторону и старался только не задеть при этом плеча сидящей рядом Илоис. — Я готов совершить все действия, которые, как вы считаете, должны быть совершены. По-видимому, вы имеете в виду расторжение нашей помолвки? Я готов сегодня же вечером поставить своего отца в известность, что мы с вами больше не жених и невеста. Вы, со своей стороны, можете совершить то же самое в отношении своего почтенного родителя. Больше того, вы должны сказать ему, что инициатива разрыва исходит от меня. Я — а не вы! — решительным образом отказываюсь вступать с вами в брак. В этом случае гнев наших родителей будет направлен лишь на меня, ваше же доброе имя ничем не будет запятнано.

— Но это несправедливо! — возразила девушка. — Лучше будет сказать, что мы приняли это решение по обоюдному согласию.

— Нет, нет! — Кельберг протестующе взмахнул рукой. — Ни в коем случае! И не считайте это жертвой с моей стороны. Дело в том, что мои отношения с отцом испорчены глубоко и окончательно. Отказ от помолвки не сможет утяжелить их, ибо они и без того предельно тяжелы. Так что ваша совесть может быть спокойна.

Он поднялся и галантно склонил голову. Илоис поднялась следом.

— Значит, вы даете слово... Вы не забудете его, ведь ваше теперешнее состояние?... — Да, я даю слово! Мое

состояние этому не помеха, поверьте. Я мог бы выпить в пять раз больше и столь же твердо отвечать за свои слова. Сегодня же вечером я сообщу о своем решении отцу, а он, конечно же, сообщит эту новость вашему. И вы обретете полную свободу и сможете выбрать избранника себе по сердцу.

Он еще раз поклонился и шаркнул ногой, отчего потерял равновесие и чуть не ткнулся лицом в мраморную чашу с цветами. Выпрямившись, он быстрыми шагами направился к замку.

Если бы Кельберг не оглянулся тогда! Если бы у него хватило сил тем же беспечным шагом дойти до дверей и вернуться в гул и звон пиршества... Тогда его голова не стала бы седой в семнадцать лет, а сердце, хоть и сполна напитавшееся отчаяньем и печалью, не было бы разорвано.

Но он обернулся. Илоис по-прежнему стояла возле скамьи, спиной к нему. Что-то в ее фигуре насторожило его. Совсем не так должна бы держаться девушка, только что получившая вожделенную свободу, избавленная от перспектив брака с немилым.

Быстрыми шагами Кельберг вернулся к скамейке. Илоис отвернулась, но он успел заметить, что она плачет. Плачет беззвучно и горько. Душа перевернулась в нем...

Их свадьба должна была состояться вскоре после турнира, на котором юный Кельберг отвагой и ловкостью должен был заслужить почетное звание рыцаря.

Казалось бы, о чем размышлять, к чему колебаться? После короткой схватки Кельберг пронзит мечом раба, груды мускулов, чужеземца, полуживотное, и под приветственные крики знати, рукоплескания дам подойдет к королевской ложе с алым драконом на развевающемся штандарте, символе Немедии. Король Нимед наполнит свой кубок багряным пенящимся вином, отопьет и протянет юноше. Выпить из одного кубка с королем и означает вступить в славный и доблестный круг немедийских рыцарей. Красивейшие дамы будут улыбаться ему, и Илоис... Илоис, которая непременно окажется в числе зрителей, пошлет ему взгляд, полный гордости за него и счастья...

В ночь после разговора с отцом волосы Кельберга стали наполовину седыми. Выбор, который требовала от него судьба, оказался чрезмерным для его души.

На одной чаше весов была Илоис, свет ее серых глаз, долгие годы нежной гармонии двух любящих, быющих в унисон, сердец. Но платой за это был звук рвущейся человеческой плоти. И если бы только один раз! Но нет, став рыцарем, Кельберг должен был бы принимать участие во всех военных походах, которые вздумается затеять королю. Рука его в тяжелой рыцарской перчатке должна убивать, убивать, убивать... хладнокровно и монотонно.

Если б он мог, как обещал Илоис в четырнадцать лет, продать мрачный замок и отправиться с ней в путешествие по миру длиной в целую жизнь!.. Но отец его был крепок и бодр, он мог еще прожить, оставаясь полновластным владельцем замка, и двадцать, и тридцать лет...

На чаше весов, противостоящей Илоис, были лишь одиночество, нищета, тоска — и свобода.

На рассвете из ворот замка вышел человек. Было еще сумрачно, и стражники не разглядели его как следует, заметили только, что он был молод и, судя по небогатой одежде, принадлежал к простому сословию.

Кельберга, наследника титула, замка и поместья владетельного Брегга, не стало. Появился Шумри — бродяга, степной ветер, слоняющийся по свету перекати-полем.

Через несколько лет бессмысленных и бесцельных скитаний (если и была цель, то — избыть грызущую душу тоску, забиться — дорогой ли, нехитрой работой, песней, беседой со случайной спутницей или спутником) Шумри попал в Аргос, где целых полгода провел в услужении у странного человека. То ли он был великий мудрец, то ли изгой и сумасшедший, Шумри толком так и не понял. Но многие из его поучений запали в душу, укоренились в ней, придали новые краски мыслям и стремлениям.

Особенно поразило его утверждение старца, что мир наш не плоский, но формой своей напоминает сферу. И если идти в одном направлении (не только идти, но и плыть, если появится на пути океан), то в конце концов придешь в ту же самую точку, откуда начал свой путь. Странная идея поселилась в его голове, забродила, как молодое вино: что, если обойти вокруг мира-шара и вернуться в Бельверус, и разыскать Илоис, почтенную замужнюю даму с выводком детей и деспотичным войкой-мужем. Не для того, конечно, чтобы пытаться раздуть

в ее груди искру давней любви. У рубаки-мужа не будет поводов для ревности — да и кому пришлось бы в голову ревновать к нищему, усталому оборванцу? Он только объяснит Илоис, отчего вынужден был убежать от ее любви и своего счастья. Он расскажет о своих странствиях, и она догадается, что трусливому и жалкому человеку совершить такое было бы не под силу. Он вымолит ее прощенья! Он протянет ей дар — круглый, как яблоко или арбуз; маленький, раз он смог одолеть его своими ногами; родной, поскольку каждая встреча, событие, каждый яркий рассвет или ночное падение звезды впитались в его душу.

Дар мой не отвергай, о моя госпожа! Сто пар башмаков износил, покуда дошел. Сердце протерло ребра, глаза устали смотреть. Снежно-белые волосы темя мне холодят. Вот, на ладони моей этот дар — смотри. Он не велик, не больше яблока или мяча. Не больше сердца, и формой почти, как оно. Не отвергай, заклинаю! — я долго шел...

Глава 2. Водопад

Сила так и бурлила в Конане. Казалось, она скопилась в нем за долгие дни неподвижного лежания в темной и вонючей туземной хижине и теперь требовала выхода. Короткая битва с Людьми Леопарда только раззадорила его, ничуть не утолив жажды борьбы, активности, неистовой игры мускулов.

Легкая пирога скользила вниз по течению со скоростью птицы. Тонкое весло казалось тростинкой в мощных руках киммерийца. Когда Шумри предлагал сменить его, он только отмахивался. Немедиец не особенно настаивал: гораздо больше, чем грести, ему нравилось полулежать на покрытом шкурами узком дне пироги, одной ладонью лениво трогая струны цитры, другую опустив за борт в прохладные легкие струи...

Впрочем, на привалах Шумри развивал бешеную деятельность. И киммериец с удивлением должен был осознать, что ловит рыбу, ставит силки на мелкую дичь и разжигает огонь его спутник быстрее и удачливее, чем он.

— Клянусь Кромом, ты неплохо за это время овладел туземными навыками! — как-то заметил он с легкой завистью, поднимая с земли тяжелые гроздья бананов,

которые немедиец сорвал, без труда взлетев на самую вершину тонкой и гладкой пальмы.

— О, это не моя заслуга! — беспечно ответил Шумри.

— А чья же?

Немедиец осекся. Он только сейчас сообразил, что придется называть имя Айя-Ни, которое — по негласному уговору — ни тот, ни другой не упоминали в своих разговорах.

— Чья? — повторил свой вопрос Конан.

— Когда умирала Айя-Ни, — с усилием выговорил Шумри, — она сказала, что дух ее перейдет в меня. Если я поймаю ее последнее дыхание. Она сказала, что я буду уметь делать все то, что умела она.

Словно северный ветер сковал черты киммерийца. Он нагнул голову, чтобы Шумри не видел его глаз, и какое-то время молчал.

— Она сказала еще, — добавил Шумри, — что сможет теперь разговаривать с тобой. Моими губами. Кажется, эта мысль доставляла ей радость.

— Ерунда! — Конан встряхнул головой, выходя из оцепенения. — Дикарские верования! Неужели ты сам не видишь, что это полная чушь? Если дух выходит из тела, он отправляется на Серые Равнины. Ни в кого другого он вселиться не может! Посуди сам: если в тебя кто-то вселился, куда же при этом делась твоя собственная душа? Или их становится двое в одном теле? Не тесновато ли?.. А если начнутся ссоры и драки? — Он расхохотался, представив, как щуплое тело Шумри сотрясается от того, что населяющие его души решили выяснить отношения.

— Да я, в общем-то, и сам не слишком в это верю, — покладисто сказал немедиец. — Дикари, они еще и не то выдумают. А то, что я хорошо по деревьям стал лазать, так это просто: захочешь есть — поневоле научишься.

Он очищал бананы, насаживал их на тонкую веточку и медленно поджаривал на огне. Сок их с шипеньем капал на завернутое в листья, пекущееся в пепле мясо молодой антилопы.

— А скажи-ка мне, Конан, как ты думаешь, — Шумри хотелось развить интересную для него тему, — вот выходит душа из тела, отправляется на Серые Равнины, и что дальше?

— А ничего, — лаконично ответил киммериец.

— Как — ничего? Что же они там делают, все эти толпы душ?..

— А что они могут делать? Тела у них нет, значит, есть они не хотят. Женщин любить не могут по той же причине. Захотят подражаться — совсем смешно: что за драка, если нельзя убить врага или хотя бы ранить? Ничего они не делают, а только слоняются по своим равнинам и скулят, вспоминая жизнь.

— Но ведь это жутко тоскливо, Конан, — разволновался Шумри не заметил, как поджариваемые бананы покрываются черной корочкой сажи. — Скулить и слоняться, слоняться и скулить — и так бесконечное число лет...

— Тоскливо, — согласился киммериец. — Впрочем, не знаю, как у вас в Немедии, а у нас Великий и Справедливый Кром всем воинам, погибшим на поле битвы и не запятнавшим себя трусостью, дарит другую участь. Он берет их в свои чертоги, где они пируют и веселятся в обществе таких же славных бойцов, что и они. Захочется звона мечей и крови — пожалуйста! Души там облечены плотью и то и дело устраивают битвы между собой. Все погибшие наутро оживают, снова садятся за стол и поднимают звонкие бронзовые чаши...

— Но бесконечно сражаться и пить тоже ведь надоедает, — заметил Шумри.

— Проклятье! — рассердился Конан. — Так чего же ты хочешь?!

— Я ничего не хочу. Я просто думаю...

— А я вот — вовсе не думаю об этом! Когда отдохну, напорюсь в бою на чей-нибудь меч, тогда и буду думать! И если мне будет там скучно, я уж как-нибудь найду способ себя развеселить! А пока я здесь, задумываться над тамошней жизнью и иссушать себе мозги я не намерен.

— Хорошо тебе, Конан. А я вот задумываюсь... — Глаза Шумри приняли мечтательное выражение. Окончательно обуглившиеся бананы упали в костер, но он этого не заметил. — Помнишь, я рассказывал тебе про аргосского мудреца, у которого я жил и работал полгода? Он объяснил мне не только про круглую форму мира, он знал еще много удивительных вещей. Все соседи считали его сумасшедшим, мальчишки на улице плевали ему вслед и корчили рожи. Он почти ничего не ел, носил нищенскую одежду, и я, пока жил у него, исхудал так, что мягкосердечные женщины при виде меня бросали мне корки хлеба. Но я не уходил от него. Мне было интересно. Наверное,

я еще долго прожил бы там, если б он сам не прогнал меня. Знаешь, Конан, что этот мудрец говорил про вылетевшие из тела души?

— Не знаю и знать не хочу, — отрезал киммериец. — Я же сказал, что задумываться надо всем этим буду после. А ты предупреди меня в следующий раз, когда захочется помечтать. Тогда я хоть сам буду присматривать за ужином, — он пошевелил в костре палкой и выгреб мясо, изрядно почерневшее, но, к счастью, не успевшее еще полностью разделить участь бананов и превратиться в кусок угля.

Плыть стало намного веселее, когда кончились джунгли. Сухое знойное солнце саванн переносилось душой и телом несравненно легче, чем удушливые испарения, вечный сумрак, запах гниющих растений и ядовитые твари на каждом шагу. Река стала шире и полноводней. По берегам ее то и дело попадались группы раскидистых толстоствольных баобабов, в тени которых хорошо было пережидать полуденную жару. В высокой сухой траве бродили, почти не скрываясь и не таясь, звери: полосатые зебры, высоченные, колышющиеся при беге жирафы, антилопы всех мастей и расцветок. Застывшие по самые ноздри в воде, приземистые гиппопотамы лениво проводжали сонными глазами проносившуюся в двух шагах от них пирогу.

Раза два путь преграждало стадо слонов, гигантов с обвисшей морщинистой кожей и желтыми бивнями, которые, зайдя по брюхо в реку, шумно поливали себя из хоботов, похожих на толстых змей. Приходилось, остановившись, пережидать слоновье купание. Предусмотрительный киммериец при этом натягивал лук, Шумри же только смеялся: что этим гигантам какие-то стрелы! Только группа туземцев с копьями и каменными топорами, действуя сообща, может завалить подобного красавца. А уж справиться со всем стадом...

Но серые гиганты их не трогали. Равно как и львы, которые каждую ночь оглашали окрестности утробным раскатистым ревом, пожиная плоды удачной охоты. Правда, учитывая обилие хищников, путники дежурили ночами по очереди, следя за тем, чтобы огонь костра всегда был высоким и ярким, дабы у больших кошек не воз-

никло желания подкрасться к их лагерю и рассмотреть их поближе.

Через несколько дней относительно спокойного и привольного пути возникла неожиданная преграда. В тот день, начиная с полудня, Конану стал слышаться странный шум, что-то вроде монотонного рокота или гудения. Чем дальше они плыли, тем шум становился явственней. Шумри тоже слышал его, и они долго совещались, пытаясь определить, что бы это могло быть. Несомненно, источником его не было живое существо. Больше всего это напоминало звуки, которые издает волнуемое бурей море. Море? Но до берега Южного Океана по всем их расчетам, даже с учетом того, что двигались они по течению реки не на юг, а на юго-запад, было еще не близко.

К вечеру шум стал совсем громким, а течение реки, до сих пор несшей себя томно и медленно, внезапно ускорилось. Когда их понесло вперед со скоростью вспугнутой антилопы, Конана внезапно осенило.

— Водопад! Клянусь потрохами Нергала, это водопад!

Он стал спешно грести к левому берегу, который был ближе от них. Взмывшее течение разворачивало пирогу, стремилось унести с собой, но с помощью Шумри, прыгнувшего в поток — к счастью, вода доставала ему лишь по грудь — и упирающегося в борт руками, пирога наконец ткнулась носом в прибрежный песок.

Если бы река не делала поворот в паре сотен локтей впереди, они, конечно, заметили бы водопад гораздо раньше. Но он был скрыт от них массивным скалистым выступом. Вытащив пирогу на берег, они прошли вперед, обогнули выступ — и их взорам предстало впечатляющее зрелище: сине-зеленая лента воды обрывалась. Над обрывом переливалась радуга, горящая в мельчайших брызгах, парящих в воздухе. Далеко у горизонта темнели горы. К подножию их тянулась извилистая синяя нить — их речка, внезапно очутившаяся далеко и глубоко под ними.

Осторожно подойдя к скалистому краю обрыва, они заглянули вниз. На глубине не менее ста локтей пенилась и рычала обрушивающаяся на камни вода. Гул стоял такой сильный, что приходилось напрягать голос, чтобы расслышать друг друга. От густых брызг их волосы и набедренные повязки мгновенно намокли...

— Клянусь усмешкой злобного Сета, выхода у нас только два! И ни один мне не нравится! — заявил ким-

мериец вечером следующего дня, который они целиком посвятили исследованию обрыва по левую сторону реки. — Либо мы идем вдоль обрыва, таща на себе пирогу и вещи, до тех пор, пока не набредем на приличный спуск. Это путешествие может занять — один Кром знает сколько! — дней. Спустимся и повернем назад, к нашей речке, опять-таки с пирогой на хребте. Есть другой выход: спускаться прямо здесь, вблизи от водопада, — он махнул рукой в сторону ревущей воды. — Лазаешь ты, как обезьяна, я тоже не совсем плох в этом деле; веревок у нас приличный запас. Вот только лезть придется, тоже прихватив с собой пирогу и вещи. Ибо мне не хотелось бы продолжать путь на юг на своих двоих...

Он вопросительно взглянул на собеседника. Шумри задумался. Первый путь был долгим и изнурительным, второй — изнурительным и коротким, но при этом смертельно опасным. Как и Конану, ему не внушали ни малейшей симпатии оба варианта.

— Пойдем, взглянем еще раз, — попросил он.

— Отчего не пойти, — согласился киммериец.

На закате, под лучами медленно опускающегося за хребты дальних гор темно-золотого солнца водопад выглядел еще фантастичнее.

— Послушай, — не сводя зачарованных глаз с раскинувшейся впереди и под ним чудесной картины, начал Шумри, — может быть, есть и третий путь? Самый быстрый?

— Почему нет? — пожал плечами киммериец. — Давай вырежем из парусины пару крылышек, привяжем к локтям и... — он взмахнул руками, словно собираясь оторваться от земли и воспарить в воздухе. — Всего десять лун назад мне бы ничего не стоило перемахнуть через эти камни. Тогда у меня был приятель-кутруб, огромная образина, весь мохнатый и с крыльями. Он бы перенес меня вниз за три взмаха крыла... Помню, когда я сидел на его волосатой и жесткой, как старое мясо, спине, а внизу проносились пустыни, поля и оазисы... люди мельтешили, как муравьи, верблюды казались саранчой... — я ему позавидовал: и почему боги наградили крыльями это чудовище? Чтобы удобнее было разыскать с высоты караван в пустыне, ринуться вниз и вдоволь нажраться человеческой плоти?.. Тупая и кровожадная тварь летает, а человек должен ползать, как муравей или ящерица...

— Да, да, — Шумри взволнованно покивал головой. — Человек должен ползать, но, знаешь, это не навсегда. Мой аргосский мудрец говорил мне, что после смерти...

— Опять аргосский мудрец! — в сердцах вскричал киммериец. — Хватит с меня и того, что по милости твоего мудреца я оказался один Нергал знает где, и главное, непонятно с какой целью! Не желаю выслушивать прочие его бредни! Пошли лучше спать. Отоспимся как следует: завтра потребуются свежие силы.

Глава 3. С помощью бури

Но как следует отоспаться не удалось. Во всяком случае, Шумри. К монотонному реву водопада, не дававшему погрузиться в ласковый омут дремы, присоединилась какая-то необычная духота. Проворочавшись без сна на паре мягких шкур, немедиец поднялся с первыми лучами солнца. Его удивило, что к рассвету духота не уменьшилась.

Когда солнце поднялось над верхушками дальних деревьев, на небе показалось небольшое облако, густо-серое, похожее на плотно сжатый комок немытой овечьей шерсти. Оно на глазах увеличивалось в размерах, и Конан, встречавшийся с похожими явлениями в пустынях Турана, принялся быстро, хотя и без суеты, принимать меры. Прежде всего из группы баобабов, среди которых они разбили свой лагерь, он выбрал самое низкое и толстое дерево. К его стволу он прочно примотал веревками пирог и собранные в два дорожных мешка из кожи носорога вещи. Пока он с помощью Шумри занимался этим, туча выросла и закрыла половину небесного свода. Духота сменилась порывами резкого ветра.

Киммериец облачился в легкую, но прочную одежду из кожи, посоветовав Шумри сделать то же самое, нацепил на пояс меч и кинжал, на спину повесил лук со стрелами и дно из шкур, которые они употребляли в качестве подстилок. Затем, не жалея веревок, привязал напарника к тому же дереву, рядом с пирогой. Привязывать себя самого, без чьей-либо помощи, было довольно трудно, и он покончил с этим занятием, когда вокруг уже вовсю грохотало, ревели и заливало ринувшейся с небес водой.

То, что было маленькой тучкой, превратилось в дикого небесного зверя, в вопящую глотку разгневанного, либо

пьяного вдрызг божества. Ветер стал ураганным. Он кружил, словно сорвавшийся с цепи мокрый пес, то и дело меняя направление. То влажные и упругие воздушные лапы давили в лицо киммерийцу, выжимали слезы из плотно зажмуренных глаз, то вдруг он напирал в спину, наваливался, рычащим дыханием обдавал шею, грозил расплющить о грубую кору дерева.

Река ревела, пенилась, и невозможно было различить границу между ее белесыми валами и падающей с небес завесой дождя. От непрерывных раскатов грома лопалась голова. Конан с ужасом слышал то справа, то слева от себя треск, а затем похожий на глубокий вздох мокрый шорох — то падали вывороченные с корнем деревья, столетние баобабы, чьи стволы могли бы обхватить, взявшись за руки, лишь два-три человека.

Всем своим телом киммериец чувствовал, что и их дерево, кряжистый великан, потрескивает и вздрагивает в объятьях ветра, готовое разделить судьбу сдавшихся товарищей. Подобно тем мифическим гигантским существам, которые где-то в толще земли держат на плечах весь груз мира, Конан изо всех сил напрягал мускулы рук, плеч и спины, стараясь удержать дерево, не дать ему рухнуть. Босые его ступни чувствовали, как рвутся под землей со звонким стоном, словно струны, могучие корни...

Даже могучее тело варвара не способно было выдерживать подобные усилия долго. Конан стал уставать. Апатия овладела им. От мокрой, облепившей грудь кожаной одежды тоскливый холод подкатил к сердцу.

К счастью, устало и пьяное божество. Все реже, все слабее доносились с взлохмаченного неба его проклятия и ругательства. Стена дождя иссякла. Ветер, словно собака, тонко чувствующая настроение хозяина, перестал бесноваться, улегся, свернувшись калачиком, на мокрой и грязной земле. Буря утихла так же быстро и резко, как и началась.

Плохо повинующимися пальцами Конан распутал узлы веревки и отлепил тело от жесткой коры. Сбросив с себя мокрую кожу и размяв онемевшие мышцы рук и ног, он с наслаждением подставил плечи под лучи вернувшегося светила и огляделся вокруг.

Шумри, с прибитыми к темени мокрыми волосами, обалделый и оглушенный, также благополучно справился

со своими веревками и опустился прямо в траву у подножия дерева.

Божество порезвилось вволю. Из всей рощи баобабов стоять остались лишь три или четыре дерева, оказавшихся самыми стойкими. Большинство же было повержено. Вывернутые светлые плети корней вздымались, словно застывшие в брачном танце змеи. Ярко-зеленые, умытые ливнем листья гордых крон, недавно еще шумевших высоко под небом, перемешивались с травой.

Сильный дождь смыл почву и песок, и теперь берега реки, взволнованно скачущей, плюющей белой пеной, состояли из голых камней, бордовых, с розовыми прожилками, напоминающих плоть окаменевшего великана.

— Он славно повеселился, старина Кром! — сказал Конан. — Или это было какое-то местное божество? Отвел душу, нечего сказать! Попугал чернокожих лодишек! Клянусь подземельями стигийских жрецов, близится период дождей!..

Идти на охоту после всего перенесенного не хотелось, и путники перекусили сушеным мясом и вяленой рыбой из своих запасов. Мешки из кожи носорога не подвели, и пища не отсырела.

После обеда Шумри отправился бродить по окрестностям, а Конан, растянувшись на высохших шкурах, принялся размышлять. Нужно было решить в конце концов, которым из двух путей они продолжат свое путешествие. Долго раздумывать для киммерийца было не свойственно. Он выбрал второй путь, более быстрый, хотя и опасный.

Как только решение было принято, лежать дальше не имело смысла. Кипучая натура варвара не выносила долгого отдыха и бездействия. Он поднялся на ноги, намереваясь отыскать напарника, сообщить ему о выбранном пути и совместно начать готовиться. Шумри он увидел довольно скоро, тот занимался совсем детским, с точки зрения киммерийца, делом: подпрыгивал на густых пружинящих ветках одного из поверженных баобабов.

— Эй, хватит скакать, как свихнувшаяся обезьяна! — крикнул Конан, подходя к впаившему в детство немедийцу. — Мы неплохо отдохнули — пора ползти дальше!

Но Шумри, словно не слыша его, продолжал прыгать. Он взлетал все выше и выше, ветви хлестали по разогнутому, улыбающемуся лицу.

Конану пришлось напрячь голос:

— Кончай прыгать, говорю, или я отправляюсь дальше один!

Негласно считавший себя капитаном в их команде из двух человек, Конан не любил, когда его распоряжения не выполнялись сразу. Он повернулся и зашагал назад, спиной давая понять, что угроза покинуть его здесь и двинуться дальше в одиночестве — не пустой звук.

— Подожди! — Шумри наконец-то оставил дерево и в два прыжка нагнал рассерженного киммерийца. — Оглянись-ка на этот подарок местного божества!

Конан оглянулся, но никакого подарка не увидел. Поваленные ничком деревья, разом оголившаяся, словно полисевшая даль саванны...

— Не люблю шуток, которые не к месту, — нахмурясь, сказал он.

— Это не шутки! Посмотри! Неужели ты еще не догадался? Пока ветви дерева свежие, они очень упруги. Они еще полны сока внутри, и их не так-то легко сломать...

Безумной была идея Шумри или блестящей, но Конана она захватила. Полдня провозились они, работая мечом, кинжалом и каменными топорами, пока не выросла целая гряда ярко-зеленых гибких ветвей.

Затем груды поделили на три кучи. В одну кучу упрятали, тщательно закрепив веревками, пирогу и скарб. Двумя другими окружили собственные тела, привязав к ногам, рукам и груди нижние концы ветвей таким образом, чтобы густая, пружинящая древесная плотность защищала их со всех сторон.

Завязав последний узел на предплечье киммерийца, Шумри отступил на негнущихся ногах, подметая листьями землю вокруг себя, и громко расхохотался.

— Ты думаешь, ты выглядишь красивее? — Конан, не выдержав, расхохотался тоже. — Клянусь Кромом, если бы кто-нибудь увидел нас сейчас, он лопнул бы со смеху!

— Ну, Кром, наверное, и видит! И лопается!..

— Не смей насмехаться над Великим Кромом! — сдвинул было брови киммериец, но снова фыркнул от сдерживаемого смеха. — Если мы рассмешим Великого Крома или хотя бы какое-нибудь местное божество, оно, быть может, протянет вовремя лапу и не позволит нашим костям хрустнуть о камни!..

При упоминании о костях улыбка сбежала с лица немедийца.

К краю обрыва оба подошли в полном молчании. Вначале отдали на произвол реки упакованную в листья пирогу. Почти мгновенно зеленый ворох замаячил внизу, но насколько целым и неповрежденным осталось его содержимое, разглядеть с высоты было невозможно.

Медлить было нельзя, чтобы не пришлось потом догонять далеко уплывшие от них вещи. Конан взглядом спросил, предпочитает ли Шумри отправиться перед ним или после и не нужно ли ему помочь: слегка подтолкнуть, к примеру. Немедиец решительно мотнул головой, зажмурился и повалился в несущийся под ногами поток. Конан вдохнул, набрав в легкие побольше воздуха, и последовал его примеру...

Все произошло очень быстро. Быстрота, пожалуй, была самым ценным и приятным качеством головокружительного спуска. Холод обрушившейся со всех сторон воды... сумасшедшая качка и кувырки через голову... треск ломающихся ветвей... Так быстро, что ни испугаться, ни, тем более, взмолиться кому-нибудь наверху, времени не было.

Сразу после падения с высоты, словно обессилев, река становилась тихой и спокойной. Разрезав кинжалом ветровки и не без труда выпутавшись из ветвей, Конан выплыл на берег. Шумри уже был на берегу и спешил за маячившими впереди вещами.

Пирога, к счастью, не пострадала, равно как и кости, и остальные необходимые в походе предметы. Пьяное божество, устроившее им утром грозную сцену с проклятиями, со швырянием наземь вековых стволов, с плюющей водой и ломающим спину ветром, в глубине души благоволило двум безумцам-авантюристам. Или же — они сумели рассмешить грозного Крома. Если, конечно, Кром отрывал иногда свой взор от заснеженных скал Киммерии и обращал его далеко на юг, следом за своим неугомонным сыном.

Глава 4. Подозрительное место

С нижней точки водопад выглядел намного грозней и внушительней, чем сверху. И грохот был громче, и широкий прямой поток воды, искря на солнце, поражая стихийной, дробящей валуны, мощью.

— Если бы я смотрел на него отсюда, снизу вверх, ни за что бы не решился оседлать это ревущее чудовище, — признался Шумри.

— Если бы ты смотрел на него снизу вверх, тебе не нужно было бы его оседлывать, — резонно заметил киммериец. — Если только твоя великая голова не родила бы способ, как подняться вверх по течению. Но даже для твоей головы это слишком...

Они медленно плыли, удаляясь от ревущего потока. Грести Конану после всех бурь и встрясок не хотелось, и он только правил веслом, скользя взглядом по берегам и высматривая место для ночлега.

Грохот водопада постепенно стихал, растворялся в предсмертной тишине.

Обогнув скалистый уступ, река поворачивала вправо и сразу за поворотом образовывала что-то вроде заводи или небольшого озера. Со всех сторон заводь окружали высокие багрово-черные скалы, оставляя только узкий, в двадцать локтей шириной, выход к реке.

— А вот и отличный ночлег! — Конан направил пирогу в заводь и, выбрав место, где скалы подступали к воде не вплотную, а оставляли неширокую полосу песка, решительно подгрел к берегу.

— Место-то отличное... — Шумри с сомнением огляделся вокруг. — Но чем-то оно мне не по душе.

— Ерунда! Хищные кошки не любят такие места. Туземцы тоже не дураки, чтобы селиться на голых скалах. Можно даже не дежурить сегодня ночью и вдоволь выспаться. К тому же, ты только посмотри, какой нас ждет ужин! — Он кивнул в сторону прозрачной прибрежной воды, в которой ясно были видны крупные, важно шевелящиеся плавниками спины рыб.

Пока Шумри разжигал огонь, Конан, вооружившись острой и зайдя по пояс в воду, стал выслеживать добычу. Рыб было много, они неторопливо сновали в двух шагах от него, ленивые, отливающие живым серебром. Но вели себя рыбы странно. Стоило Конану осторожно подкрасться и прицелиться острой, как они моментально вильнув всем телом, бросались в сторону. При этом, увильнув на безопасное расстояние, они быстро поднимали голову и искоса поглядывали на киммерийца. Таких рыб Конану прежде видеть не приходилось. Ему стало мерещиться даже на бесстрастных мордах с полуоткрытым ртом и выпученными глазами что-то вроде усмешки.

Потеряв терпение, киммериец решил сменить тактику. Он лег в пирогу животом на дно и, оттолкнувшись от берега, поплыл, стараясь, чтобы снизу было видно одно

лишь дно лодки. После нескольких неудачных попыток ему удалось перехитрить одну из рыб, не успевшую вовремя увернуться, и молниеносным движением всадить ей в спину острогу. Он выволок бьющуюся рыбу на берег и швырнул на песок. Судя по размерам, хватить ее должно было на обоих. Но, вытаскивая из толстой спины острогу, киммериец испытал сильное потрясение: рыба закричала. Из глотки ее доносились громкие звуки, похожие на те, что издает капризный пятилетний младенец, не желающий доедать свою кашу или, наоборот, три дня не кормленный. Подбежал побледневший Шумри и тоже устал на бьющееся на песке, орущее диво.

Рыба кричала долго. Последний звук затих вместе с последним биением тела.

— Ты как хочешь, а я есть эту тварь не буду, — сказал, вздрогнув, немедиец. — Отведав такой рыбки, рискуешь сам превратиться во что-нибудь не менее странное.

— А я буду, — буркнул Конан. Но больше из духа противоречия: и у него есть это противоестественное создание большого желания не было.

Шумри повесил на плечо лук и вскарабкался вверх по склону, туда, где в зарослях редких кустов слышался клекот и хлопанье крыльев. Совсем скоро он вернулся, держа за ноги убитую дичь: довольно крупную птицу в желто-коричневом оперении с черным хохолком на голове.

С торжеством посмотрев в сторону киммерийца, который с брезгливым выражением на лице вяло чистил рыбу, Шумри принялся ощипывать свою добычу. Когда птица забилась и задергалась в его руках, он не удивился, решив, что только ранил ее, но не убил. Когда из черного узкого клюва ее раздалось шипение, он тоже вынес это более-менее спокойно. Но когда в этом шипении стали ясно проскальзывать слова на незнакомом языке, скорее всего, туземном наречии... нервы Шумри не выдержали. С криком он отшвырнул от себя пернатого демона подальше в кусты.

Конан, глядя на него, не смог не расхохотаться. Хотя веселого во всем этом, если вдуматься, было немного.

— Ты был прав, — отсмеявшись, сказал он. — Место не очень хорошее. К сожалению, искать новое поздно: вот-вот стемнеет.

Очистив рыбу, он не захотел тратить время на ее приготовление и съел сырой, оставив все-таки половину для немедийца.

— Как видишь, — похлопав себя по животу, сказал Конан, — я не умер и не превратился в рыбу. Так что можешь есть спокойно.

Пока сумерки не сгустились, он решил бегло осмотреть место, на котором им предстояло провести ночь. Один Нергал знает, какие еще сюрпризы могут их здесь поджидать.

Шагах в двухстах от их лагеря, на противоположном берегу заводи Конан обнаружил круглое отверстие у подножья скалы, нечто среднее между большой норой и маленькой пещерой. По доносившейся вонь было ясно, что там жил какой-то зверь. Но какой? Следов возле норы не было, обглоданных костей и помета — тоже. Вернее, след был, но странный: казалось, что в нору волоком затаскивали кого-то тяжелого. Приглядевшись внимательно, Конан обнаружил несколько клочков шерсти, белесосерой и жесткой. Понюхав ее, киммериец отметил, что такого запаха не встречал ни у одного зверя: он был резким, таким острым, что от него першило в горле.

Какое-то время Конан постоял, прислушиваясь: не доносится ли из норы голос ее хозяина или хозяев. Но все было тихо. Киммериец вернулся к костру.

Шумри сидел у огня с видом обиженного ребенка. Заводь эта ему решительно не нравилась, но никогда он не мог переспорить или переубедить своего спутника!

— Дежурить все-таки придется, — объявил Конан. — Невдалеке я заметил одну норку — и, судя по размерам, хозяин ее далеко не маленький. Клянусь Кромом, я не смог определить, что же он такое. Но пахнет на редкость мерзко.

Киммериец наломал побольше веток кустарника, чтобы хватило скармливать огню на всю ночь, и растянулся на шкуре.

— Ты не стесняйся, буди меня сразу, как что-нибудь почувешь или увидишь, — пробормотал он, засыпая. — Огонь... огонь пусть горит посылнее...

Шумри вздохнул. Он мог бы сказать, что твари, подобные кричащей рыбе или лопочущей птице, вряд ли боятся простого огня, но не стал спорить — все равно это было бесполезно.

Ночь была странно тихой. Ни всплеска рыб, ни по-сви́ста птиц, ни гудения ночных насекомых. От этой тишины в голове зарождались самые тревожные мысли. Чтобы отогнать от себя страх и ни о чем не думать, Шумри применил свой обычный способ: стал негромко напевать, раскачиваясь и не сводя взгляда с причудливого танца огня. Разбудить своим пением Конана он не опасался, сон у того был крепкий. Слова приходили сами собой.

Средь душной тьмы, в лесу чужом, под небом злым и странным Огонь веселым языком зализывал мне раны. Мой пес огонь, мой брат огонь, приятель красно-рыжий, Бродяга вечный, как и я, и никого нет ближе...

Странные звуки заставили Шумри оборвать песню. Ему показалось, что кто-то поет вместе с ним, подпевает ему. С ужасом он осознал, что тишина кончилась. Но не всплесками рыб, свистом птиц или жужжанием насекомых была наполнена ночь: казалось, сотни невидимых одушевленных существ разом заговорили, зашептали, запричитали на всевозможных языках.

Самое удивительное было в том, что звуки раздавались не в пространстве, а внутри него, под черепным сводом. В первый момент немедиец решил, что от перенесенных испытаний лишился рассудка. Но нет, мысль его работала так же легко и четко, что и всегда. Не разбудить ли Конана? Посмотрев на распростертую в безмятежном сне фигуру варвара, он отказался от этой мысли. Если звуки только в голове Шумри, Конан лишь посмеется над ним или, того хуже, обольет ему темя холодной водой, как поступают обычно с буйнопомешанными. Если же и киммериец услышит их... то что он может сделать? Бесплотные существа не проткнешь мечом, не пригвоздишь стрелами, не заставишь утихнуть с помощью каменного топора... Пусть Конан спит. Пока спит. Возможно, дальше будет еще страшнее...

Голоса бормотали и шептали на разных языках. Много Шумри понимал. Он знал немало хайборийских наречий, к тому же перенял основные туземные слова от племен Ба-Лууун и Леопарда. Постепенно в этом многоголосом кошмаре он стал улавливать некую логику.

Высокий детский голосок продолжал мелодию его песни, вилетая свои непонятные слова:

«...Огонь... ластело покота... мне раны-раны-раны... Брат рыжий... ундио илла... зализы... лесотаны...»

Грубый, рокочущий бас повторял: «...Двое, двое, двое... хватит надолго... Двое...»

«Боль! Боль! Спина! — вскрикивал третий, и голос его, возмущенно-жалобный, напомнил Шумри вопли убитой Конаном рыбы. — Новое тело! Тело! Большое тело!»

«Будите Пха! Пха! — приказывал пронзительный женский голос, дрожащий от жуткого нетерпения. — Где Пха?!»

«Пха вышел, вышел, вышел, — рокотал бас. — Ждем Пха, ждем Пха...»

Голова немедийца раскалывалась. Он дошел до берега, окунул ее в воду, встряхнулся как собака. Но легче не стало.

«Мокрый, мокрый, мокрый! — скулил детский голосок. — Мокрый — мой! Мокрый — мой!...»

«Мой! Мой! Мой!» — трещало на всех голосах.

«Мой — большой! Мой — большой! Спина, спина, спина!...»

Слово «Пха» все чаще звучало в визгах, шепотах и поскуливаниях. По всему чувствовалось, что Пха уже близко. Немедиец приготовился к встрече.

Он пересел поближе к спящему Конану, приготовил два каменных топора, проверил, на месте ли кинжал. Кинжал был на месте, равно как и меч варвара, лежавший, как обычно, рядом с ним на шкуре.

О появлении Пха прежде всего возвестил запах. Резкий, удушливый, он острой волной ударил из тьмы. Одновременно с этим голоса в голове Шумри взорвались радостными воплями, визгами и попискиваниями.

Таинственный Пха выполз на свет костра, и Шумри толчком разбудил Конана. Тот вскочил, сперва сжав рукоять меча, а уж после открыв глаза. Синий взгляд его был ясным и цепким, словно он и не лежал только что в объятьях крепкого сна.

— Выполз наконец-то, — пробормотал он, моментально учуяв знакомый запах. — Ты взгляни только, какой красавец!

Шумри ничего подобного прежде видеть не приходилось. Пха был огромной тварью, величиной с хорошую акулу, без ног и ушей, поросшей серой жесткой шерстью. На удлиненной морде с острыми мелкими зубами, выглядывавшими из-под верхней губы, горели круглые красные глаза. Больше всего он напоминал помесь гигантской крысы с не менее гигантским питоном. Правда, для змеи тело его было коротковато. Более светлое, по сравнению

со спиной, брюхо скользило по песку, отвратительно извиваясь, пока морда его не оказалась над самым костром. Видимо, тварь совсем не боялась огня. Напротив, казалось, она подползла к нему так близко, чтобы в его свете ее можно было получше рассмотреть.

— Клянусь Кромом, этот змеекрыс хочет, чтобы мы как следует им полюбовались!

Киммериец взял в левую руку топор и жестом велел Шумри отойти в сторону. Тот сделал несколько шагов влево, так же сжимая топор и не сводя глаз с чудовища.

Пха сразу понял, кто его главный противник. Он направил свои красные глаза в сторону варвара и в продолжение всей схватки не обращал на Шумри никакого внимания.

— Ну же, иди сюда, иди, вонючая крыса! — прорычал варвар, поигрывая мечом.

Пха ринулся на него прямо через костер. Видимо, шкура его была так крепка, что его не страшили ожоги. Конан увернулся. Извивающееся толстое тело пронеслось в пол-локте от него. Развернувшись, киммериец ударил мечом в шею чудовища. Но шкуре его позавидовала бы любая броня: славный тяжелый меч, много раз выручавший в самых опасных схватках, лишь прогнулся, зазвенев, но не вошел в плоть.

— Проклятье!.. — Конан переложил меч в левую руку, а топор взял в правую.

Пха, раскрыв пасть, в которой жарко трепетал язык и блестели в отсвете костра острые желтые зубы, издал что-то похожее на смех.

— Ты еще веселишься, тварь! — Варвар в ярости замахнулся тяжелым топором, намереваясь обрушить его на череп чудовища.

Но голова его быстро извивалась вместе с телом, и топор со свистом проносился мимо.

Чудовище снова вытянулось в броске. На этот раз Конан увернулся с большим трудом, желтые зубы кланули возле самого его уха.

Шумри, стремясь чем-нибудь помочь киммерийцу, подошел ближе и тут же был сбит с ног извивающимся коротким хвостом Пха. От толчка и падения в голове его вспыхнула идея. Быстро поднявшись на ноги, он подскочил к костру, почти совсем потушенному проползшим по нему брюхом твари, и выгнул самую толстую тлеющую ветку.

Отбросив ненужный ему топор, крепко сжав ветку, он шаг за шагом стал обходить бьющихся, стараясь держать-

ся подальше от хвоста и зубов Пха, но поближе к одному из круглых, красных, как зерно граната, глаз. Из-за того, что тварь постоянно мотала головой, извивалась всем телом, то и дело меняя направление, задача была не из легких.

Наконец ему удалось поймать момент, когда Пха, готовясь к очередному броску, на миг перестал извиваться. Подавшись вперед, Шумри с силой вонзил горящий конец ветки в нацеленный на Конана глаз. Раздалось шипение, а следом за ним — kloкочущий хрип. Пха повернул морду, сиюсья рассмотреть, что за наглец причинил ему эту жгучую боль. Пользуясь тем, что припавшая к земле голова замедлила свои движения, киммериец несколько раз ударил по узкому темени топором. Пха замер. Несомненно, он был лишь оглушен, а не мертв, поэтому Конан быстро приподнял ногой его голову и вонзил меч в кожу под подбородком, которая была намного тоньше, чем на шее и на спине.

Пха дернулся. Судорога волной пробежала от головы до конца хвоста. Он поднял голову и мощным рывком всего тела отбросил киммерийца с его мечом на несколько шагов. Но нападать не стал — наоборот, оставляя на песке кровавый след, размазанный скользкими движениями брюха, Пха поспешил убраться с поля сражения.

— Он ценит свою жизнь, — заметил Конан, вытирая меч о траву и вкладывая его в ножны. — Кто бы мог подумать, что у этой вонючей твари в голове не совсем пусто. Но он рано обрадовался: битва не кончена.

Шумри не стал спрашивать, что он имеет в виду. Нервам его и всему телу требовался отдых.

— Спи, спи, — разрешил варвар. — Теперь я посижу. Думаю, змеекрыс больше не явится. Если, конечно, в его пещере не обитает еще его жена, или там сестренка...

Шумри рад был бы заснуть. Но голоса, притихшие на время битвы, вновь заполнили его усталый череп. Теперь в их воплях звучали разочарование и надрывающие душу жалобы.

Киммериец — счастливчик! — не слышал никаких голосов, и Шумри решил ничего ему о них не говорить.

— Да нет, Конан, это ты спи. Мне все равно не удастся заснуть. Да и рассвет уже скоро...

Небо на востоке светлело. Скоро рассветет, и можно будет укладывать вещи. И, поскорей оттолкнув пирогу от берега, оставить за собой проклятую заводь как можно дальше.

Рано утром, пока Конан еще спал, Шумри собрал вещи, приготовил еду из старых запасов и с нетерпением стал ожидать пробуждения киммерийца, чтобы скорее отправиться в путь. Но, проснувшись, Конан огорошил своего спутника, заявив, что они покинут заколдованное место, как только он разделается с недобитым вчера врагом.

— Конан! Заклинаю тебя! Плюнь на эту одноглазую вонючую крысу. Мы же никогда ее больше не встретим!

Киммериец внимательно посмотрел на него, и Шумри тотчас вспомнил историю с Ба-Лууун. Тогда он тоже заклинал и просил, но Конан его не послушал. Может быть, учитывая характер варвара, нужно поступить наоборот? Умоляюще сложить руки: «О Конан! Убей его! Убей! Пока ты его не убьешь, я шагу не сделаю с этого места!» И тогда киммериец сплюнет, усмехнется и оттолкнет пирогу от берега...

— Не считай меня последним идиотом, — прервал его размышления варвар. — Я вовсе не собираюсь лезть в его вонючую нору и драться в темноте, нос к носу с ним и его сестренкой — если она там есть! Я только хочу завалить его вход камнями. Если ты мне поможешь, вдвоем мы сделаем это и уберемся отсюда вдвое быстрее.

Вдвоем они и впрямь справились быстро. У отверстия норы выросла гора валунов таких размеров, что не только один, но и дюжина змеекрысов не сумели бы сквозь нее пробиться. Конан не поленился обойти скалу со всех сторон и проверить, нет ли у Пха запасного выхода.

— Вот и все! — Он похлопал по телу ладонями, счищая песок и грязь. — Не пройдет и дня, как приятель наш благополучно задохнется.

Он еще говорил, когда песок под их ногами неожиданно зашевелился. Конан отпрыгнул в одну сторону, Шумри — в другую. На месте, где они только что стояли, крутилась широкая воронка из песка и земли. Миг — и из центра ее показалась знакомая, еще более отвратительная при свете дня морда. На месте одного глаза запеклась кровь, с зубов капала желтая слюна.

Конан выхватил из ножен меч, но Пха оказался быстрее: прежде чем острое лезвие лишило его последнего глаза, зубы его пропоролли правую ногу варвара, на ладонь выше колена.

— Отродье Нергала!!! — взревел киммериец.

Не давая чудовищу времени, чтобы выбраться из-под земли целиком, он подхватил самый большой валун из тех, что только что они вдвоем с Шумри еле-еле водрузили на вершину груды, заваливающей вход в нору, — ярость удесятирила его силы. Конан опустил камень на темя чудовища, и раздавшийся вслед за этим треск показал, что битва наконец-то пришла к концу.

Укус Пха оказался не опасным, но из раны, не оставиваясь, текла кровь. Шумри тщательно промыл рану, смазал мазью, выпрошенной на прощанье у старухи-знахарки, и туго перевязал — но кровь еще долго сочилась, пропитывая повязку.

Конан, сидящий на песке, опершись спиной о подножье скалы, бесстрастно наблюдал за хлопотами приятеля. Внезапно он почувствовал слабость. Голова закружилась, видимо, от большой потери крови, к горлу подступила тошнота, и он потерял сознание.

— Конан! Очнись! — Шумри похлопал его по щекам. Затем побежал на берег, чтобы набрать воды и облить лоб киммерийца.

Вернувшись с пригоршней воды, он с радостью увидел, что глаза раненого снова открыты.

— Вот и славно! — рассмеялся было немедиец, но осекся.

Взгляд поднятых на него глаз не был взглядом Конана. Совсем другое существо смотрело на него из таких знакомых, синих, с черными прямыми ресницами и маленькой точкой зрачка глаз...

— О Кром!.. — прошептал Шумри, невольно перенимая проклятье приятеля.

Конан пошевелился и легко поднялся на ноги. Казалось, рана совсем перестала его беспокоить, и потеря крови больше не ощущалась. Не сводя глаз с немедийца, он злорадно рассмеялся.

— О, моя спина! Здорово он разворотил мне спину! — голос был Конана, но язык и интонации, с которыми это произносилось, напомнили Шумри бушевавшую у него вчера в голове обиженно-капризную рыбу.

Оборотень шагнул ему навстречу, ухмыльнулся и подмигнул. Неожиданно он выбросил вперед руки и вцепился немедийцу в шею.

Шумри закричал. Крик его перешел в бессильный кашель. Бороться с мощными мускулами варвара было бессмысленно. Сильные пальцы сдавливали горло все сильнее. Еще немного — и душа его выскользнет из-под скрюченных пальцев, покинет слабое, переставшее сопротивляться тело...

«Нет — мой, мой, мой! Большой — мой!» — вдруг запрыгал в его голове тонкий вопль из тех, что долбили всю ночь изнутри его бедный череп.

— Мой! Я первый! — рявкнул человек-рыба.

Его пальцы на горле Шумри неожиданно ослабли. Видимо, среди бесплотных тварей шла нешуточная борьба.

Воспользовавшись неожиданной заминкой, немедиец вырвался из мощных рук. Он добежал до пироги, вытащил каменный топор и угрожающе поднял его над головой.

Оборотень, как ни странно, не обратил на топор никакого внимания. На Шумри он тоже больше не смотрел. Лицо его странно дергалось. Глаза то вылезали из орбит, то превращались в щелочки между прижмуренных век. По щекам пробегали судороги. Из открытого рта вылетали странные звуки: завывания, хохот, повизгивания, победный рев...

Шумри отложил топор и вместо него взял длинную веревку. Сделав на конце ее длинную петлю, он осторожно стал обходить оборотня сзади. Это было нетрудно сделать, так как тот был полностью поглощен борьбой внутри себя. Очутившись за широкой спиной, немедиец быстро накинул петлю на шею, крепко затянул ее и, не давая оборотню времени опомниться, несколько раз обмотал веревкой все его туловище.

Могучее тело рухнуло на песок, покатилося, изрыгая проклятья рокошущим басом на туземном наречии. Обездвижить его, привязав к острому и длинному, похожему на голый ствол дерева, обломку скалы, оказалось непросто. Шумри уже стал подумывать о том, чтобы оглушить ревущего монстра, ударив по голове увесистым камнем, но пожалел череп приятеля. К тому же, он мог не рассчитывать удара, и тогда заканчивать путешествие на юг ему бы пришлось одному...

В конце концов, истратив весь запас веревок и все свои невеликие силы, немедиец справился с этой задачей. Привязанное и неподвижное тело сразу почему-то перестало быть полем борьбы. Теперь из его распухших кро-

воточащих губ доносились звуки детского голоса, напевающего песенку Шумри про огонь:

«Под тьмой, под солнцем, под луной... Остеропое више... Пляши, огонь... губи и пой... аррио... сердца ближе...»

Немедиец сидел на берегу, сжав виски руками. Маленькие волны приятно холодили пальцы ног. Голоса убрались из его головы, могучий торс неуправляемого рассудком варвара был надежно связан, но легче от этого не стало. Наоборот... Что делать теперь? Кто бы мог подсказать ему, как привести в себя Конана, как изгнать из его тела нагло влезавших туда, неведомых и настырных духов?..

Ему вдруг вспомнилась Айя-Ни. Вот кто смог бы помочь! Маленькая и бесстрашная, так много умеющая и знающая дикарка. Где-то она теперь? Неужели и впрямь поскуливает, ежась от ветра, на бескрайних и унылых Серых Равнинах, вспоминая короткую свою любовь?..

Шумри вздрогнул. Из груди Конана теперь доносились совсем другие звуки. На чистом немедийском наречии вкрадчивый и мелодичный женский голос обращался прямо к нему:

— Шумри! О, развяжи же меня во имя пресветлого Митры!

Пораженный немедиец подошел к телу варвара. Синие глаза смотрели на него с мольбой. Готовые скатиться слезы повисли на черных ресницах. Из разбитых губ вырывались умоляющие слова:

— Ослабь мои путы, славный немедиец, земляк мой, брат мой! Заклинаю тебя всем, что тебе дорого! Заклинаю тебя именем твоей возлюбленной Илоис, о которой ты думаешь постоянно! Отпусти меня, Кельберг! О, отпусти же меня!..

Зачарованный нежным голосом и мольбой, изливавшейся из синих глаз — и то, и другое странно и дико контрастировало с грубыми чертами киммерийца, его мускулистой шеей и вздувшимися на скулах желваками, — Шумри потянулся было к веревке, но воспоминание о крепких пальцах оборотня на своей шее остановило его. Должно быть, на горле его надолго останутся синие пятна, и долго еще оно будет болеть от малейшего напряжения.

— Кто ты? — спросил немедиец. — Откуда ты знаешь про Илоис? Кто сказал тебе мое настоящее имя? Что стало с Конаном?..

— О, я расскажу тебе все! И о себе, и о Конане, и об Илоис! Только прежде развяжи меня. Острый камень так больно впивается мне в спину и шею! Мне трудно дышать... Мои муки безмерны... Помоги же мне, добрый брат мой Кельберг, сородич мой!..

Шумри отрицательно покачал головой.

— Я не притронуся к веревкам, пока ты не расскажешь мне, что все это значит, и что вы сделали с Конаном.

Из глаз киммерийца безудержным потоком заструились слезы. Это было поистине удивительное — и крайне неприятное — зрелище. Тело варвара содрогалось от рыданий — но Шумри был непоколебим. Только в первый момент очарование нежного голоса и родного языка едва не заставили его совершить опрометчивый шаг.

Тело сотрясало все сильнее. Оно старалось порвать путы, либо перетереть их об острые края камня. По лбу катились крупные капли пота, зубы скрипели. Усилия, которые оборотень предпринимал, чтобы освободиться, совсем не соответствовали нежной истоме голоса...

— Порви путы!!! — неожиданно рывкнул оборотень грубым басом.

От неожиданности и силы голоса Шумри отскочил на три шага назад.

— Тебе говоря! Сейчас же развяжи меня, иначе горько пожалеешь об этом!.. — бас изъяснялся по-аквилонски.

Придя в себя, Шумри достал для надежности еще один моток веревки и обмотал им тело поверх первой.

Осознав бесплодность всех усилий освободиться, голоса притихли. Снова зажурчал-забормотал голосок ребенка с бесконечной песенкой. Бессонная и сумасшедшая ночь давала о себе знать. Шумри добрал до угасшего костровища и повалился на шкуру. Под унылый голосок, лопочущий губами киммерийца, его постепенно стало затягивать в трясину дремы... Но ненадолго. Видимо, как следует отдохнуть ему и этой ночью было не суждено. Проснувшись, он не сразу понял, что его разбудило. Кажется, голос опять изменился и сказал ему что-то важное. Но что?..

— Пха, Пха! Сожги шерсть Пха! — крикнул оборотень взволнованным женским голосом, который показался немедицу знакомым. Неужели это... Но додумать Шумри не дали.

Тело киммерийца вновь затряслось и закричало басом:

— Не слушай ее!!! Не слушай ее! Спи! Спи!

«Да уж, тут выспишься...» — устало подумал Шумри, почти теряя сознание от усталости. Но вновь забормотал монотонный детский голосок, и, поддавшись заунывному ритму, немедиец послушно уснул...

Измученные тело и душа Шумри требовали долгого отдыха. Проснулся он от жарких лучей полуденного солнца. Голова была тяжелой и смутной. Все события прошлой ночи приходилось восстанавливать по кусочкам, словно мозаику.

Немедиец вспомнил о странном приказании или совете, прозвучавшем на языке детей озерного бога. Что именно нужно ему сделать? Взять шерсть убитого Пха и... Следом за советом прозвучал грозный рык, приказывающий забыть услышанное. И он в самом деле забыл. Забыл?.. Нет же, он вспомнил: нужно поджечь шерсть!..

Шумри бросился к туше змеекрыса с разбитым черепом. Преодолевая отвращение, он острым кинжалом срезал несколько пучков шерсти с боков и спины, где она была длиннее всего.

Вернувшись к костру, немедиец свернул из вонючей шерсти Пха несколько жгутиков, положил в скорлупу от ореха и поставил у ног связанного варвара. Затем принялся поджигать их — один за другим. Едкий дым от тлеющей шерсти, на редкость отвратительный и тошнотворный, стал подниматься вверх, прямо к ноздрям и глазам киммерийца.

Оборотень перестал петь, брови его поползли на лоб. Великое отвращение исказило его черты.

— Перестань! Пха — не надо! Не надо Пха! — завопил детский голос.

— Еще как надо! — возразил Шумри.

Ребенка сменил аквилонский бас:

— Убер-р-ри! Убер-р-ри пр-рочь!!!

— Как бы не так! — весело парировал немедиец. — Вонь изрядная, в этом вы правы. Ради вас мне приходится ее терпеть тоже. Выматывайтесь-ка поскорее!

— О Кельберг! Если вы не перестанете это делать, ваш друг погибнет! — вкрадчивый женский голос щекотал нервы родным языком и родным именем. — Вы не понимаете, в какой он сейчас опасности... От вас зависит его жизнь!..

Шумри заколебался, но лишь на миг. Ночному туземному голосу он доверял несравненно больше, чем бестелесной немедийской колдунье.

— Спину, спину, спину! — заголосила обиженная рыба. — Разобьем ему напоследок спину!

Тело киммерийца попыталось выгнуться и удариться лопатками о скалу, но, к счастью, привязан он был крепко, и попытки эти окончились ничем.

— Язык! Язык! Откуси ему язык!!! — не унималась мстительная рыба.

— Проклятье! Надоели вы мне! А ну, прочь отсюда! Живо!!! — Шумри поднес чашу с дымом к самому носу варвара.

Из глаз его обильно заструились слезы, тело задрожало с головы до ног, словно в припадке падучей.

— Чтоб тебе сгинуть!.. — со злобной мукой в голосе захрипел бас. — Чтоб тебе провалиться в глотку Багрового Ока!..

Шумри, не дыша, вглядывался в неподвижные черты. А вдруг это конец? И Конан никогда не вернется?.. Что, если визги, вопли и драки, а также вонючий дым отогнали его душу далеко-далеко отсюда?..

Но вот веки варвара дрогнули и приоткрылись. Взгляд был непонимающим и тяжелым, каким бывает наутро после слишком веселой и затянувшейся пирушки.

— Клянусь Кромом... — пробормотал Конан. — Какой враг так скрутил меня?..

— Клянусь Кромом! — с облегчением подхватил Шумри, бросаясь распутывать узлы. — Клянусь Нергалом, Сетом и Эрликом вместе взятыми! Привязал-то тебя не враг! Враг оставил бы на потеху ссорящимся духам. Славная игрушка — такая большая, красивая, с мощными мускулами и крепкими зубами, а главное — с совсем пустой головой! Пустой и звонкой, как выпитый кокосовый орех!..

Измученный киммериец даже не нашел в себе сил рассердиться...

— А что ты почувствовал, Конан, когда... когда перестал быть собой? — хваленое любопытство Шумри требовало насыщения.

Они скользили по медленной воде. Киммериец со свежей повязкой на ноге лежал на дне пироги. Шумри

настоял на том, чтобы как можно скорее сменить место лагеря, и Конан, на удивление тихий и молчаливый, не стал особенно возражать.

— Что почувствовал?.. Закружилась голова, затошнило... Потом я увидел себя самого со стороны. Со стороны и сверху, словно висел локтях в пяти над землей. Было довольно странно... Я сам, оставшийся на земле, стал вытворять что-то непотребное. Запел тонким голосом какую-то чушь... От этого мне, висящему в воздухе, стало мутно и стыдно. И я куда-то не то провалился, не то заснул. Потом ничего не помню... А что ты вытворял тут со мной? Все тело ноет, как будто бы по нему топтались в подкованных железом сапогах. Отвел, наверное, душу?..

— Отвел... — задумчиво согласился Шумри.

Глава 6. Ледяная ладонь исцеления

Несмотря на мазь старухи, рана киммерийца, казавшаяся вначале такой пустяковой, не заживала. Воспаление не уменьшалось, напротив, расплзалось все дальше по ноге. Шумри с возрастающей тревогой вспоминал гребца-кушита, умершего от укуса гнилых крокодилийх зубов. Вряд ли зубы крысовидной твари были чище...

Конан ни на что не жаловался, но ни грести, ни просто сидеть в пироге не мог. Новое место для стоянки, выбранное Шумри, оказалось спокойным, не таило никаких сюрпризов, и немедиец решил, что они останутся здесь, пока Конан полностью не исцелится. Правда, с каждым днем надежд на исцеление становилось все меньше.

На следующий вечер после того, как они разбили свой новый лагерь, Конану стало хуже. Завернувшись в широкую шкуру (его бил озноб), он полулежал у огня. Аппетита у него не было, и вкусно пахнущая жареная птица, лежащая перед ним на жестком листе речного лотоса, оставалась нетронутой.

— Скажи мне, Шумри, — негромко спросил вдруг Конан, — что ты за демон такой? С тех пор, как ты сплел свою дорогу с моей, меня преследуют одни несчастья. Сначала птичка жреца чуть не выклевала мне глаз. Но это пустяки, мелочь. Затем — перебитый позвоночник. Не спорь, я знаю, отчего это произошло. Оттого, что ты меня проклял. Теперь вот нога. Я помню, как от такой же раны чернокожий гребец быстренько покинул нашу

землю и отправился в края, куда более скучные и прохладные. Ты хочешь, чтобы я поскорее отправился туда же? Кто ты?... Никогда рука судьбы не била меня с такой частотой, один удар за другим...

Шумри промолчал. Что возразишь на такое? Будь Конан здоров, он просто ушел бы, не оборачиваясь. Конечно, он мог сказать, что и сломанный позвоночник, и рана — результат безрассудства и самонадеянности киммерийца, и меньше всего виноват в этом его спутник. Но что можно сказать о коршуне Кээ-Ту, чей желтый беспощадный глаз связал в один узел их судьбы? Если б не тот вечер в кемийском захудалом кабаке с бордовым вином и переполнявшей его грудь благодарностью!.. Впрочем, может быть, виновата не птичка и не хозяин ее, изувер Сет? Может быть, кто-то, кто выше и больше злобного Сета, сплетает ковер из живых нитей человеческих судеб. Если бы Шумри мог взлететь, подняться над землей и самим собой и увидеть этот ковер сверху, разобраться в его узоре! Тогда бы он понял, для чего они выпивали с Конаном в том кабаке и почему несчастья сыплются на киммерийца с такой силой, что он готов обыкновенного и не слишком счастливого человека счесть злобным демоном.

— Я не демон, — после долгого молчания сказал немедиец. — Но если несчастья и вправду преследуют тебя из-за меня, нам надо расстаться. Как только ты выздоровеешь, можешь возвращаться с пирогой назад. Я же пойду дальше на юг один, своими ногами.

Конан усмехнулся с горечью.

— По всему видно, что назад мне уже не дойти. Вперед, правда, тоже. Наверное, кое-кто в Серых Равнинах скучает по мне и жаждет встретиться!..

— Скорее всего, кто-нибудь из тех, кого ты препроводил туда в свое время, — предположил немедиец.

— Скорее всего. Их было немало... — Конан задумался. — Интересно, как рассудит старина Кром: сойдут ли желтые зубы змеекрыса за оружие грозного противника? Назовет ли он мою гибель достойной воина?

— Назовет, — успокоил его Шумри. — И будешь ты пировать и драться, драться и пировать... до полного оупения.

Конан не позволял себе ни жаловаться, ни стонать, но, заснув, не мог уже контролировать себя. Блики костра перебегали по его воспаленному лицу с закрытыми гла-

зами. Грудь тяжело вздымалась, изо рта вырывались прерывистые хриплые стоны.

Шумри, мучаясь от того, что ничем не может облегчить его страданий, отошел от костра подальше и присел на берегу. Полная луна висела на небе, бросая на медленно текущую воду яркие блики.

Пха захотелось отчего-то опустить руку в воду, в круглый, покачивающийся на мелких волнах блик. Вода была теплой, поток мягко струился сквозь пальцы. Но там, где на ладонь падал свет луны, придавая ей призрачно-серебристый оттенок, кожа стала холодеть. Он передвинул ладонь так, что вся она окунулась в лунный луч. Казалось, что на ней перчатка из тонкой серебряной фольги. Кисть быстро заледенела — словно он опустил ее не в теплую воду тропической речки, а в источник где-нибудь в лесной глуши Немедии.

Когда Шумри стало казаться, что вместо ладони у него искристый кусок льда, он вынул из воды руку и, повинаясь невинному порыву, вернулся к костру. Присев над беспокойно ворочающимся во сне Конаном, он положил ладонь поверх повязки на его ноге. Немедиец почти чувствовал, как прозрачный холод из его пальцев стекает вниз, на воспаленную кожу вокруг раны, а от нее, в свою очередь, течет к нему жар и ноющая боль. Спустя короткое время Шумри с удивлением осознал, что ладонь его стала горячей, вспухшей и болела, словно он опустил ее в котел с кипятком.

Он вернулся к реке, опустил распухшую кисть в лунный блик и ждал, пока она вновь не стала бесчувственно-ледяной. Река и луна незаметно забрали боль, унесли с собой, растворили в искрящихся струях.

Шумри еще два раза возвращался к Конану и повторял лечение. На третий раз он заметил, что сон киммерийца стал спокойным, дыхание — тихим, и стоны уже не срывались с его губ. Да и ладонь, лежащая на повязке, больше не распухла и не болела.

Немедиец вернулся к реке. Теперь он просто смотрел на луну, с легким сердцем, с удивлением и благодарностью. Спасибо вам, Луна и Река! Спасибо... Айя-Ни?

Неожиданно с темного неба спустилась на воду и поплыла в его сторону какая-то птица. В белоснежном оперении, побольше чайки, но меньше лебедя, с тонкой стройной шеей, маленьким клювом и блестящими, как черный янтарь, глазами. Казалось, птица смотрит прямо

на него. Не доплыв пяти локтей до берега, птица подняла крылья и помахала ими в воздухе, подняв теплый ветер. Несколько белых перьев упали на воду. Взглянув на него, как показалось Шумри, строго и требовательно, странная гостья оттолкнулась крыльями от воды и взмыла в воздух, вскоре растаяв в ночном небе.

Немедиец зашел по колено в реку и подобрал все перья, пока они не уплыли от него вниз по течению. Их было пять. Подумав, три он повесил себе на шею на тонком шнурке, остальные же приложил к ране Конана, обернув сверху свежей повязкой.

Шумри разбудил энергичный громкий рев киммерийца.

— Ты долго собираешься еще разлеживаться? Посмотри на солнце! Клянусь Кромом, в самую жару будешь махать веслом ты, а не я!

Пробуждение было резким и почти болезненным: что-то важное видел немедиец во сне, что необходимо было обязательно досмотреть до конца. Но могучий рев продолжался, не давая удержать ускользающее видение.

Как обычно, после периода неподвижности и апатии кипучая натура варвара бурлила, все мелькало в его руках, груженная пирога подрагивала у берега, готовая оторваться и плыть, шесть толстенных рыб покрывались хрустящей корочкой в огне костра.

— Значит, ты рискуешь плыть дальше на юг со злобным демоном? — поинтересовался Шумри, с сожалением подымаясь со своего ложа.

Конан расхохотался.

— Запомни, юноша! Ни одному демону, даже повыше тебя раз в пять и пошире в плечах раза в три, не удавалось до сих пор вышибить мою душу из тела. Она цепко держится там, всеми когтями и зубами, и вытряхнуть ее нелегко!

Эти речи мало сочетались со вчерашним меланхолическим настроением варвара, с его сомнениями, в какой разряд отнесет его гибель старина Кром, но Шумри не стал заострять на этом внимание. Конан выздоровел, он вновь жизнерадостен и полон диких природных сил, ну и славно.

Разделавшись со своей долей рыбы, Конан развязал повязку на ноге и, с удивлением воззрившись на два белых пера, присвистнул:

— Это тебя незабвенная леопардовая старушка научила таким штучкам? Интересно, где ты раздобыл белую птицу? Да еще ночью! Она сама отдала тебе перья, или ты ее долго упрашивал? Как бы то ни было, мне они больше не понадобятся! — Он бросил повязку и перья в костер.

Шумри дернулся было, чтобы выхватить из огня дар ночной гостьи, но заколебался на миг под усмешкой Конана, и легкие белые перья рассыпались серым пеплом.

Глава 7. Люди деревьев

Все забываю спросить, что там дальше было с этим чудачком? — поинтересовался Конан, размеренно взмахивая легким тонким веслом.

— Каким чудачком?... — рассеянно отозвался Шумри.

Он склонился над бортом пироги, наблюдая, как в прозрачной толще воды шевелятся водоросли, похожие на тощих зеленых змей, снуют разноцветные рыбки и прочая речная живность. Сгоревшие в костре перья неотступно стояли перед глазами, их было отчего-то очень жалко, и разговаривать не хотелось.

— Ну, как его... Роальдом. И его невестой. Ты ведь не успел мне тогда досказать свою балладу.

— Не знаю, — меланхолично ответил немедиец.

— Как так? Всякая песня должна быть допета, всякая история рассказана до конца, — назидательно произнес варвар. — Или ты не помнишь?

— Не помню, — соврал Шумри, чтобы отделаться от разговора. — Я слышал ее совсем маленьким. Бард, который ее пел, на этом месте всегда понижал голос до шепота. Трудно было различать слова.

— Жаль, — искренне вздохнул Конан. — Конечно, Роальд этот слабак и трус, и мне не особенно интересно, что там с ним дальше произошло. Но вот девушку жалко. И с женихом ей не повезло, и тварь эта, Харрок в вязаном шарфе, всю кровь ей выпьет, не задумается. Эх, меня бы туда!..

— И что бы ты сделал? — спросил Шумри.

— Первым делом я хорошенько потряс бы Харрока — до тех пор, пока его душонка со свистом не вылетела бы из щуплого тельца. Даже меч бы пачкать не стал. Потом взялся бы за Веселого Го...

— Усталого Го, — поправил немедиец.

— Усталый он там или веселый, все одно! У меня бы он хорошо поплясал, несмотря на усталость, гремя своими железками!

— Но ты забыл, что Харрок бессмертен, — заметил Шумри.

— Ерунда! Если есть хороший меч и крепкая рука, и в груди бьется сердце мужчины — любсе отродье Нергала можно сделать смертным! Не выношу разговоров про то, что какую-то тварь невозможно победить, потому что она бессмертна. Нет, это лживое утешение трусов!

Разгорячившийся воображаемой битвой с Харроком и Го, киммериец стремительно гнал пирогу, оставляя за кормой шипящий пенистый след.

— А мне кажется, что у них был только один выход, — задумчиво произнес немедиец. — Взяться за руки и вместе — с помощью доброго меча или чаши с ядом — покинуть этот мир. Харроку и Го останутся лишь оболочки, которые нелепо и неинтересно мучать. Души же будут свободны. Это единственный путь к свободе, который есть всегда и у всех.

— Да, — согласился Конан, — путь этот есть у всех. Правда, — он помрачнел, вспомнив, как несколько дней назад лежал в вонючей туземной хижине с одной мечтой, одним страстным желанием: погрузить узкий клинок в промежутки между ребрами, — иногда случается так, что и этот путь перекрывает судьба. Судьба, либо слишком мягкосердечный приятель, — он покосился на Шумри с усмешкой, но тут же мотнул головой, не желая предаваться тягостным мыслям. — Ты лучше вспомни, как оно там случилось на самом деле. Как вспомнишь — сразу же Расскажи мне.

— Хорошо, — послушно кивнул немедиец.

Он не мог сказать, что продолжения истории Роальда и Эльбет не имеет. Он сочинил ее, как и множество других историй с рыцарями, их возлюбленными и злобными демонами, о себе и Илоис, о безнадежной их любви. Если он встретится когда-нибудь с Илоис и вымолит у нее прощение, он доскажет эту историю. Вернее, она доскажет сама собой...

Река, поджимаемая со всех сторон скалистыми берегами, сузилась, течение стало быстрее. На левом берегу каменные уступы вздымались довольно высоко, на правом, более пологом, в толще почвы, покрывавшей розовый гранит, росли высокие развесистые деревья.

Местность показалась Шумри знакомой. Где он мог это видеть: деревья с густой листвой и толстыми, горизонтально нависающими над землей ветвями, похожие на баобабы, но выше и с более пышной кроной... голые розовые скалы на противоположном берегу... пенящийся поток... Он видел это во сне! В том самом сне, который не дал ему утром досмотреть киммериец! Он вспомнил: почему-то они с Конаном вышли из пироги, разгрузили ее и шли по левому, каменистому берегу, неся на плечах и лодку, и скарб.

— Конан! — окликнул он варвара. — Остановись скорей! Нам нужно пройти на это место пешком, но только по левому берегу!

Киммериец оглядел левый берег, затем правый, окинул взглядом все течение реки и с изумлением уставился на своего спутника.

— Клянусь Кромом! К чему нам идти пешком, да еще прыгая, как козлы, по голым скалам? Течение отличное, пороги впереди не видно...

— Я не знаю! Знаю только, что так надо!

Варвар выразительно приподнял брови и вздохнул, давая понять, что сумасшествие его спутника, к счастью, не заразно.

— Конан! — Шумри заговорил быстро и горячо. — Помнишь, когда душу твою вытолкали из тела какие-то духи и вселились в него, я прогнал их вонючим дымом от шерсти Пха? Почему я знал, что надо делать именно это?.. А вчера ночью? Ты не спрашивал, каким образом зажила твоя рана, но, поверь мне, этот способ, который я применил, никогда не был мне известен! Это явная помощь, Конан. Мне помогают!

— И кто же тебе помогает? — иронически поинтересовался варвар. — Пресветлый Митра?

— Да нет, почему Митра? Я думаю... Айя-Ни. Ведь я уже говорил тебе...

Киммериец нахмурился. Желваки проступили под бронзовой кожей, синие глаза посветлели от сдерживаемой ярости.

— Послушай, — он говорил медленно, с трудом подбирая слова. Пронзительные глаза врезались в немедийца, словно два льдистых лезвия. — Ты, верно, считаешь меня животным. Бесчувственной тварью с кожей гиппопотама... Вот уже второй раз ты издеваешься надо мной, называя это имя. Да, она погибла по моей вине! Но не тебе, жалкий бродяга, судить меня и беречь раны! Смейся

над кем-нибудь другим. Смейся над равным себе! Иначе, клянусь Нергалом, ты захлебнешься своим смехом...

Он с такой силой опустил весло в воду, что оно едва не переломилось, взметнув столб воды. Пирога закружилась на месте.

Шумри затих. Никогда до того не видел он варвара в таком гневе. Но отчего он не слышит его, не хочет понять? Груз вины, давящий ему на сердце, сразу стал бы легче...

Какое-то время они плыли в полном молчании. Ничто вокруг не внушало опасений, и Шумри недоумевал, что же значил его сон-предупреждение. Беспечно свистели птицы. Криками, похожими на птичий клекот, переговаривалась стая черных обезьян, прыгающих по толстым ветвям деревьев. На всякий случай Конан отдал весло немедийцу, сам же спустил с плеча лук и приготовил стрелу. Но все было спокойно.

— Хороши бы мы были, ковыляя по скалам с пирогой на плечах, — хмыкнул Конан, мельком взглянув на левый берег. Гнев его утих, бронзовое лицо снова было спокойно-непроницаемо. — Кстати, мы еще ни разу не пробовали обезьяньего мяса. Туземцы едят и ничего, нравятся. Здесь столько этих тварей, что не придется тратить много времени на охоту.

— Странноватые обезьяны, — заметил Шумри, не сводя глаз с правого, поросшего деревьями берега. — Никак не могу понять, чем они занимаются.

— А чем они могут заниматься? Орут и кидаются друг в друга тухлыми бананами. Не думаю, чтобы их мясо было жестче, чем у дикой свиньи или...

Конан не успел договорить. Пирога неожиданно наткнулась на невидимую преграду впереди и развернулась боком, едва не вывалив в воду обоих путников.

— Проклятье! — перегнувшись через нос лодки, киммериец попытался выпутать его из тонкой сети, которая перегородивала всю реку, с одного до другого берега.

Сеть была прозрачной, незаметной уже в двух шагах и очень смахивала на паутину, с которой охотился приятель Айя-Ни, паук Шохи. Шумри хотел помочь ему, выпрыгнув в воду, но не успел. В этом месте река была очень узкой, и одна из длинных толстых ветвей дерева нависала с правого берега, почти достигая противоположного. С этой ветви на их плечи и головы обрушилась такая же липкая паутинная сеть, а следом за нею посыпались мохнатые орудия тела. Не меньше двадцати обезьян навалились на спины путников, перевернули пирогу

и, барахтаясь в воде, скрутили их по рукам и ногам прочными пеленами.

Уже через пару мгновений то, что было прежде Конаном и Шумри, превратилось в два серебристых кокона, которые обезьяны вытащили из воды и поволокли по берегу. На могучее тело варвара приходилось не меньше шести мохнатых тварей, с Шумри справлялись трое.

Они были спеленуты так плотно, что не могли шевельнуть ни единым мускулом. Паутина, облепившая лицо, мешала смотреть, да и дышать можно было с большим трудом. Вскоре их прекратили тащить, когтистые лапы выпустили плечи, ноги и спины, и пленники почувствовали, что их поставили вертикально. Следом за этим уже не паутина, а настоящие путы из крепких звериных жил охватили их запястья и лодыжки. Конан и Шумри поняли, что их привязали спинами к двум деревянным столбам.

То, что это не обезьяны, а туземцы, Конан понял, еще когда толком ничего не мог рассмотреть. Звуки, которыми они переговаривались, лишь издали могли сойти за звериные: посвистывание, клекот, причмокивание. Вблизи же в этой какофонии ясно различались осмысленные интонации, слова и целые предложения. Правда, язык этот не походил на знакомые им наречия Ба-Лууун и Леопардов.

Потоки теплой едкой жидкости обрушились на головы и тела пленников. Под ее воздействием паутина растворялась, грязными комками сползала вниз. Их явно мыли. Теперь, когда лицо и глаза очистились, можно было как следует рассмотреть так ловко пленивший их древесный народец.

То были невысокие и очень подвижные существа, абсолютно голые, поросшие густой темно-коричневой шерстью. На мужчинах шерсть была гуще и темнее, чем на женщинах, дети были вообще без шерсти. На шеях их болтались украшения из звериных клыков, у женщин к этому добавлялись ожерелья из речных раковин. Волос на голове не было, их заменяла шерсть, несколько более густая, чем на всем остальном теле. Из-под низких лбов блестели темные глаза с красноватыми белками.

По-видимому, деревья играли в их жизни большую роль. На ветвях они проводили значительно больше времени, чем на земле. Из-за густых листьев на высоте десяти-двенадцати локтей проглядывали их жилища — большие похожие на гнезда из веток, сухой травы и очень крупных и длинных птичьих перьев. Голые дети с раз-

дутыми животами прыгали с ветки на ветку, напоминая упругие черные мячи.

Несколько больших темно-фиолетовых пауков — точная копия Шохи — сновали вверх и вниз по стволам и чувствовали себя вполне уверенно и спокойно. Видимо, они были здесь чем-то вроде домашних животных: женщины и дети кормили их, наливая в миски из скорлупы ореха кокосовое молоко и мелко кроша туда рыбу. Часть пауков работала: суча ножками, плела липкую сеть между воткнутых вертикально в землю тонких палок. Женщины наблюдали за ними и по мере необходимости уносили готовые серебристые пелены, держа их двумя пальцами на вытянутых руках.

Столбы, к которым привязали пленников, были врыты в землю вблизи друг от друга, и они могли переговариваться, особенно не напрягая голоса.

— Клянусь Кромом, — проговорил Конан, отплывавшись после очередной вылитой ему на голову порции едкой воды, — это было в последний раз.

— Ты о чем? — спросил Шумри, внимательно разглядывавший все происходящее вокруг них, несмотря на периодически заливаемые глаза.

— Последний раз я не послушал твоих предчувствий, слова и прочего такого...

Шумри невесело усмехнулся.

— Да уж, воистину в последний. Боюсь, больше тебе не представится случая выбирать, слушать меня или не слушать.

— Не скули раньше времени! Клянусь потрохами Эрлика, я славно поиграю с этим мохнатым народцем, лишь только избавлюсь от своих пут и доберусь до меча!

— Твой меч на дне реки, — напомнил ему немедиец.

— Мохнатые отродья!!! Я справлюсь с ними голыми руками!

Конан ни на секунду не переставал напрягать кисти рук и ступни ног, крутил ими в разные стороны, пытаясь перетереть стягивающие их путы. Но звериные сухожилия, вымоченные в особом растворе, были прочнее самой толстой веревки: они лишь впивались в тело при каждом движении, причиняя резкую боль.

— А интересно, — задумчиво сказал Шумри, — как ты думаешь: это племя недавно было обезьянами или же в скором будущем превратится в обезьян?..

— Меня интересует совсем не это! — прорычал киммериец. — Мне интересно, когда они, наконец, перестанут поливать нас этой едкой дрянью!

— От немытой пищи в животе могут завестись черви, — глубокомысленно изрек немедиец. — Удивительная и весьма похвальная чистоплотность...

Когда тела пленников полностью очистились от паутины и заблестели, в среде маленьких полулюдей возникло некое беспокойство. Один из них вдруг взволнованно заверещал, указывая на висевшие на шее Шумри перья. Правда, после соприкосновения с липкими нитями и потоками едкой воды, они потеряли свою форму и белоснежность. Тем не менее, при виде их туземцы разделились на две группы. Часть, тыча в шею немедийца черными пальцами, чего-то требовала; другие не соглашались с ними. Произошла даже легкая потасовка, в результате которой несколько полуобезьян позорно бежали и скрылись в ветвях, откуда доносились их ругательства в виде отрывистого клекота и громкого шипения.

— Как ты думаешь, чего они не поделили? — спросил Конан.

— Не знаю. Эти перья, наверное, что-то для них значат, но что?..

Видимо, побитой оказалась та часть, которую чем-то взволновала шея Шумри. После потасовки и позорного изгнания восстановилась прерванная активность. Маленькие обезьяно-люди все делали быстро, ловко с веселыми присвистываниями и звонкими причмокиваниями. Покончив с мытьем добычи, они стали подбрасывать в еле тлеющий шаг в пяти от столбов огонь тонкие и толстые ветки.

Все усилия Конана ослабить путы не привели ни к чему. Он попробовал расшатать и вытащить из земли столб, к которому был привязан, но и в этом не возымел успеха.

— Клянусь Кромом, скоро они начнут поджаривать свою великолепную добычу! — усмехнулся он, наблюдая, как тянется ввысь и вширь почти не видимый в ярких лучах солнца костер.

— Не такая уж она великолепная, — возразил Шумри. — Ты еще, может быть, и неплохой кусок, а что касается меня... одни кости, нервы да волосы.

— Значит, меня съедят мужчины, тебя же бросят женщинам и старикам! — сказал киммериец с гордостью.

Несмотря на всю безысходность их положения, Шумри не мог не рассмеяться. Конан улыбнулся в ответ. Он в

очередной раз напряг мускулы плеч и спины, и ему показалось, что столб чуть-чуть зашатался...

Тем временем два туземца притащили, прижимая к животам, два темных земляных вороха, обернутых в листья, и бросили каждый к ногам пленников. С удивлением и омерзением те увидели, что это были развороченные куски большого муравейника. Рыжие крупные муравьи тут же стали взбираться по их голым ногам, животам, груди, то и дело пуская в ход челюсти. Каждый укус был пустяковым, но, сливаясь воедино, они опутывали тело зудящей и жгучей сетью.

Конан заскрипел зубами от невозможности стряхнуть с себя маленьких тварей, облепивших его так плотно, что он стал похож на одного из полуобезьян, только заросшего не черной, а рыжей шерстью. Шумри зажмурил глаза, так как смотреть на кишящих насекомых было тяжелее, чем выносить их укусы...

Выждав какое-то время, один из туземцев обмахнул обоих пленников метелкой из птичьих перьев, сметая муравьев. Их обнаженная кожа покраснела, как облитая кипятком, и невыносимо чесалась.

— И что бы это могло значить?.. — спросил Конан.

Шумри открыл глаза и провел языком по пересохшим от отвержения губам.

— Наверное, для вкуса... Мясо, если оно с кислинкой... вкуснее...

Но предел шуток и смеха был исчерпан. Настало тягостное молчание.

По всему было видно, что приготовления к праздничному обеду вступили в последний этап. В костер кидали уже совсем толстые ветви и целые бревна. Пламя достигло высоты в полтора человеческих роста, и жар его вплотную ощупывал пленников.

— Шумри, — негромко произнес Конан. — Я, вообще-то, редко произношу это слово. Оно непривычно моим губам... Прости меня, если сможешь.

Немедиец хотел было ответить, но не смог справиться с пересохшим языком и сжавшей горло судорогой.

— Клянусь тебе, — глаза киммерийца вдруг загорелись, — если душа твоя попадет на Серые Равнины, а моя окажется в другом месте, — я клянусь тебе: я вытащу тебя оттуда, чего бы мне это ни стоило!

Шумри снова закрыл глаза, не в силах смотреть на последние приготовления туземцев.

Дружный возглас страха и изумления, раздавшийся из многих глоток, заставил его приоткрыть веки. Сначала он ничего не понял. Все туземцы смотрели на него, раскрыв рты, и в диких глазах их было что-то похожее на благоговение. Проследив за направлением их взглядов, немедиец повернул подбородок и увидел на своем левом плече присевшую туда большую бабочку. Каждое ее золотисто-желтое крыло было величиной с его ладонь. Бабочка сидела неподвижно, чуть подрагивая резными заостренными кончиками крыльев.

Один из туземцев, низко приседая и втянув голову в плечи, стараясь не спугнуть дивное насекомое, зашел за спину Шумри и костяным ножом перерезал его путы.

Как только немедиец обрел свободу и сделал несколько шагов на негнувшихся, застывших ногах, бабочка взмыла вверх, мелькнула в листве живым желтым цветком и исчезла.

Проводив ее взглядами, туземцы снова разом выдохнули. Растерявшийся от неожиданной и непонятной свободы Шумри не знал, что ему делать. Массируя распухшие запястья, он оглянулся на Конана. Его, по всей видимости, освобождать не собирались.

— Они дарят тебе жизнь, — сказал киммериец. Он с трудом улыбнулся. — Иди. Не думай обо мне, не оглядывайся. Уходи скорее.

Шумри попытался объяснить с туземцами на нарекании людей Ба-Лууун, но ничего не вышло — они его не поняли. Тогда, указывая на Конана, он жестом показал, что разрезает путы на его ногах и руках. Дикари загалдели и заулыбались, но не двинулись с места. Казалось, они ждали, когда он уйдет, чтобы продолжить прерванные приготовления к обеду. Обед этот, правда, наполовину уменьшился, но тем сильнее они жаждали к нему приступить. В посвистах и причмокиваниях сквозило явное нетерпение.

— Уходи, — повторил Конан. — А то ведь они могут передумать. Я бы на твоём месте не размышлял.

Шумри с горечью усмехнулся. Что бы сделал Конан на его месте? Да уж, размышлять бы он не стал — просто раскидал бы этих мохнатых полулюдей, словно малых

детей, голыми руками. Он же — жалкий, бессильный, слабее женщины или подростка — ничем не может помочь...

Один из туземцев, настойчиво посвистывая, указывал немедийцу в сторону берега. Шумри сделал несколько шагов и увидел свою пирогу. Видимо, ее поймали и вытащили из воды. Две женщины нагружали ее кокосами, фруктами и еще чем-то, завернутым в листья. Его выгоняли, но выгоняли вполне вежливо. Даже одаривали, стремясь загладить неприятные впечатления, полученные во время стояния у столба.

Шумри сделал строгое лицо и показал пальцем на каменный нож, висящий на шее одного из дикарей. Затем выразительно похлопал себя по бедру. Он был понят правильно. Началась суета, взволнованные переговоры, прыжки, перебежки с места на место. После недолгих поисков кинжал был обнаружен у одного из туземцев, который успел нацепить его на шею и гордо поглаживал мохнатой лапой. Дикарь не желал расставаться с блестящей и полезной игрушкой, поэтому пришлось основательно его потрясти и укусить в ухо, прежде чем кинжал был возвращен законному владельцу.

Немедиец заметил, что туземцы боятся подходить к нему близко. Дикарь, возвращавший кинжал, приблизился лишь на миг, держа оружие за самый кончик рукояти, и тут же отскочил назад.

Настал самый трудный момент. Не глядя по сторонам, стараясь двигаться быстро и решительно, Шумри подошел к столбу Конана и двумя взмахами перерезал стягивавшие его руки и ноги путы.

Из глоток дикарей вырвался дружный протестующий вопль. Они задергались и задвигались, заскребли по земле когтями. Жест немедийца их глубоко оскорбил. Казалось, они вот-вот ринутся на Шумри, чтобы вернуть отнимаемую прямо у них на глазах еду. Но что-то сдерживало их. Видимо, табу — неписанный туземный закон, нарушить который страшнее смерти — запрещал прикасаться к тем, кого почтила своим выбором желтая бабочка.

Обретший свободу Конан разминал застывшие мускулы и оглядывался по сторонам с выражением грозным и недвусмысленным. Шумри взял его за локоть, жестом призывая к спокойствию. Стараясь придать своим круглым глазам жесткое и властное выражение, он на всякий

случай громко прокричал несколько раз на языке Ба-Лу-уун, то указывая на киммерийца, то ударяя себя в грудь:

— Мое! Мое! Это — мое!

По мохнатым спинам снова прошли судороги негодования. Туземцы не скрывали своего возмущения и отчаянья: они прыгали на четвереньках, мотали головами, перекатывались в пыли, растягивая в жалобных гримасах толстогубые рты. Некоторые откровенно рыдали.

— Клянусь Кромом, мне их жаль, — насмешливо сказал варвар, когда они спустились на берег к пироге. — Великолепный обед был, можно сказать, уже в их желудках, а им так и не пришлось попробовать ни кусочка!

Его зоркие глаза разглядели свой меч, который, к счастью, не успокоился в речных водах: один из туземцев, довольно рослый и крепкий, прижимал его к телу, почти целиком упрятав в густой шерсти.

— Попроси-ка их вернуть мое оружие, — велел Конан.

Но забрать у туземцев меч оказалось гораздо труднее, чем вернуть кинжал. Рослый дикарь был, по-видимому, вождем. Никто из его сородичей не решился пререкаться с ним или, тем более, вступить в схватку. Грозные и требовательные крики Шумри, его выразительные жесты не помогли тоже.

Конан нахмурился. Оставляя свое славное и верное оружие в лапах полуобезьян он не собирался.

— Им же хуже, — проворчал он, оглядываясь в поисках чего-нибудь очень крепкого и очень тяжелого. Он протянул к немедийцу руку: — Дай-ка мне ненадолго твой кинжал. Сам же садись в пирогу и жди меня шагах в двухстах ниже по течению.

— Погоди, — Шумри пришла в голову забавная мысль. — сейчас я попробую кое-что другое...

Он резко поднял вверх вытянутые руки, обратил их к солнцу и гортанно заговорил, запел, завыл. Затем замахал руками, словно сводя на землю громы и ливни, и несколько раз плюнул вокруг себя.

Роль колдуна и заклинателя стихий вполне ему удалась. Туземцы, пригибаясь к земле и поскуливая, разбежались во все стороны, попрятались в ветвях деревьев. Меч был быстро и подобострастно возвращен. К нему были добавлены лук и стрелы. Из ценных и необходимых вещей не доставало лишь цитры; но как ни старался Шумри, изображая, что щиплет струны, открывает рот и закатывает глаза, цитра не появлялась. Видимо, она утонула. Из своих

же запасов племя ничего предложить не могло, так как не знало музыки.

Когда путники сели в пирогу и оттолкнулись от берега, Конан оглянулся. Дикари провожали их глазами, выглядывая сквозь просветы в густой листве.

— Хотя бы пяток этих тварей... — мстительно пробормотал киммериец, доставая стрелы и лук.

— Не трогай их! — быстро схватил его за руку Шумри.

— Мохнатые отродья Нергала!!! Я вам покажу муравьев!..

— Конан, ведь ты же поклялся! Разве суровый Кром не презирает клятвопреступников?

Киммериец опустил лук. Шумри, не теряя времени, стал работать веслом. К счастью, течение здесь было сильное, и через мгновение деревья с туземцами отделились от них на расстояние, не достигаемое для стрел.

— Клялся-то я клялся, — проговорил Конан, словно опомнившись, — только о другом. Говорил, что не буду отмахиваться от твоих снов и предчувствий. Но разве я обещал когда-нибудь оставлять безнаказанными людоедов, едва не набивших нами свои желудки?..

— Но ведь все-таки не набивших, — примирительно сказал Шумри.

Он продолжал грести изо всех сил, словно боялся, что кипящий жадой мести киммериец ринется в воду и поплывет назад.

Глава 1. Таинственное плато

Из всех вещей, которые утонули, вывалившись из пироги, больше всего Шумри было жаль цитры. К своим музыкальным инструментам он привязывался, словно к живым существам, нежным и добрым. На следующей стоянке он принялся мастерить нового звонкоголосого друга. Материалом служили тонкие сухожилия из ног молодой антилопы, мясо которой пошло на ужин, да половина скорлупы огромного ореха. Жилы антилопы звенели высоко и тонко, голосок у новой цитры получился плачущим. Когда в предсумеречной тишине он испробовал свое творение, киммериец поморщился.

— Уж слишком она скулит!

— В унисон нашей с тобой судьбе, — философски заметил Шумри. — Взамен развалин древних городов, полных золота и самоцветов, которые я наобещал тебе, — лишь раны, болезни и снова раны...

— Положим, раны не позорят мужчину, — возразил Конан. — Что же до развалин, — он посмотрел на вздыбившийся вперед зубчатый массив гор, — чувствует мое сердце, что мы, возможно, как раз приближаемся к ним.

— Да, от этих громад веет какой-то тайной, — согласился Шумри. — Пусть не древние города, но уж что-нибудь интересное мы там встретим непременно...

На третий день пути те самые горы, которые они разглядывали, стоя у обрывающейся вниз струи водопада, приблизились вплотную. Острые их вершины закрыли половину небес. Река совсем сузилась и стала такой глубокой, что веревка в двадцать локтей с привязанным на конце камнем не достигала дна. Пирога неслась стремительно, то и дело рискуя зачерпнуть бортом воды и

перевернуться. Приходилось проявлять чудеса ловкости, стоя на коленях на дне и используя весло в качестве руля.

Неожиданно пенящаяся струя воды впереди исчезла. Она обрывалась у каменной толщи, вздымающейся отвесно вверх на высоту не менее тысячи локтей. Это было гигантское плато с ровной, поросшей лесом вершиной. Снизу деревья казались короткой зеленовато-голубой шерстью.

Бурля и клопоча, река ныряла в отверстие у подножья плато, устремляясь в подводное русло. Конан и Шумри едва успели выпрыгнуть в воду и с трудом выкарабкаться на каменный берег. Пирог у них спасти не успели: с бешеной скоростью ее утянуло в каменный зев.

К счастью, новорожденная цитра, висевшая на плече немедийца, на этот раз уцелела. Кроме нее, кинжала и меча на бедре Конана, у них ничего не осталось.

Обсохнув и отдышавшись, разом обнищавшие путники устроили недолгий совет. Нужно было выбирать одно из двух: либо пробираться вдоль каменной толщи на запад, сквозь тесно обнявшиеся, переплетенные лианами деревья, колючие кусты и осыпи валунов — в надежде когда-нибудь ее обогнуть и вернуться к прежнему направлению; либо — продолжать двигаться на юг, то есть карабкаться по почти отвесной стене, где опорой для рук и ног будут лишь узкие карнизы и трещины, да пучки сероватых кустов.

Под давлением киммерийца спутники выбрали второй путь. Была надежда, что, пройдя поверху, они отыщут свою реку, которая должна же когда-нибудь выйти на поверхность. К тому же, если и есть в этих краях развалины древних городов с подвалами, набитыми сокровищами, со скелетами, сжимающими в рассыпавшихся пальцах драгоценные рукояти клинков, то на огромном плато, с которого видны все окрестности на несколько дней пути, самое место такому городу.

Восхождение заняло полдня и оказалось довольно трудным. Мучительнее всего была жажда. Воду они не взяли, чтобы не отягощать плечи лишним грузом, но уже через короткое время после начала подъема проклинали себя за беспечность. От жажды кружилась голова и мутнело в глазах, а если стоять при этом на узком каменном выступе с пропастью за спиной... то лишь милостью светлых богов можно объяснить, отчего они не сорвались вниз, дробя черепа и кости о поросший лишайником гранит.

Не раз Шумри казалось, что он больше не выдержит. Когда он с трудом добрался до маленькой площадки, где можно было перевести дух, отлепив потную грудь от шершавого камня, и поднял голову вверх, стон отчаянья вырвался из его пересохших губ. Выше стена была совсем гладкой, почти без трещин и выступов... Неожиданно что-то белое пронеслось возле его лица, обдав прохладным ветром. Птица — та самая, что приплывала к нему ночью и оставила перья, либо очень похожая на нее — села на скалу в двух локтях от его измученного тела. Немедиец обрадовался ей, словно доброй знакомой или радостной вестнице. Ее черные круглые глаза смотрели на него с осмысленным, почти человеческим выражением. «Приободрись! — словно хотела сказать ему птица. — Осталось немного!» Шумри оглянулся на Конана, чтобы тот тоже взглянул на светлую вестницу, но киммериец уже был локтях в десяти выше него, взбираясь медленно, но безостановочно и упорно. От его распыленной вертикально фигуры, загорелой до цвета темной бронзы, с отросшей ниже лопаток гривой черных волос, исходила спокойная сила. С благодарностью взглянув на птицу и улыбнувшись ей, Шумри снова пополз вверх...

— Клянусь Кромом, сюда стоило карабкаться, хотя бы для того, чтобы взглянуть вниз! — воскликнул Конан, когда они, одолев последний каменный барьер, растянулись на прохладной траве вершины.

— Да... глядя на это, начинаешь понимать, отчего боги редко сходят на землю, но предпочитают смотреть на нее сверху, — заметил Шумри, еле шевеля распухшим от жары языком.

Долго любоваться на раскинувшийся под ними зеленый, палевый и голубой мир они не стали: нужно было срочно отыскать воду и припасть к ней, пока душа не выскользнула из иссушенного тела. К счастью, ручей им попался скоро: прохладная быстрая лента искрилась в траве, и они не отрывались от нее до тех пор, пока не стали задыхаться.

— Послушай, — ополоснув лицо и намочив волосы, удивленно сказал Конан, — куда подевалась жара?

Действительно, зной, так измучавший их за время восхождения, на вершине не ощущался. Свежий ветерок

причесывал листья. Яркое солнце лишь дарило тепло, но не жгло.

На ровном плато, под лучами милосердного солнца растительность была совсем иной. Хотя здесь попадались и пальмы, и баобабы, и лианы живыми веревками опутывали стволы, но деревья стояли не вплотную. Не было ни тесноты, ни духоты джунглей. Конан узнал несколько растений своей суровой родины: треугольные ели, сосны с шелушащимися розовыми стволами, можжевельник, — но много было и таких, которые он видел впервые. Особенно удивительны были высокие мхи серо-голубого оттенка. Они росли у подножий хвойных деревьев, пробились сквозь щели в округлых белых валунах, достигая уровня колена.

Бабочки вышивали в воздухе разноцветные узоры. Среди этих летучих созданий с крыльями ярче и больше цветов Шумри заметил несколько золотисто-желтых, совсем таких же, как та, что не так давно присела ему на плечо, даровав спасение от мучительной смерти.

То и дело рядом с ними, едва не задевая их ступни и колени, пробегали мелкие звери: ежи, зайцы, еноты, горностаи. В кустах раздавался шорох и хруст, и нетрудно было заметить то нежную морду оленя, то полосатый бок зебры или доверчивые блестящие глаза антилоп.

— Ну и скучно же здесь будет охотиться! — вздохнул Конан. — Кажется, мы первые люди, появившиеся в этих краях.

— Либо они были здесь, но исчезли очень давно, — добавил Шумри. — Тем лучше: значит, никто, кроме нас, не будет претендовать на древние развалины...

Не успел еще немедиец собирать для костра веток, как Конан уже тащил пронзенную стрелой тушу олененка со светлыми пятнами на рыжей шкуре. Вскоре нежное мясо жарилось на горячих углях, потрескивая и дразня соблазнительным запахом ноздри и желудка путников.

— Охотиться здесь скучно и рыбу ловить, я думаю, тоже, но тем не менее, мне бы хотелось, чтобы этот лес не кончался подольше, — сказал Шумри, передвигая куски мяса кончиком кинжала, чтобы они не пригорели. — Я даже не возражал бы, если он будет тянуться до самого Южного Океана.

— Да я и не против, — согласился Конан. — Больше всего мне нравится, что никакая мелкая тварь не жужжит

над ухом и не впивается в кожу. Да и змей я пока не встречал.

— Здесь легко дышится! Здесь не тянет постоянно прислушиваться, припихиваться и оглядываться, опасаясь враждебных глаз в кустах или...

Шумри не договорил. Лицо его приняло странное выражение. Конан обернулся в ту сторону, куда смотрел немедиец, и окаменел следом за ним. Если бы навстречу им из кустов вышел говорящий единорог или призрак в развевающихся одеждах, он удивился бы меньше.

Перед ними стояла женщина. Высокая, светлая, похожая на уроженку Аквилонии или Немедии. На ней было светлое платье из грубой ткани, подпоясанное плетеным ремешком. Густые русые волосы свободно струились по плечам и спине, перехваченные на лбу гибким стеблем лианы. Ноги ее были босы. Никаких украшений ни в ушах, ни на пальцах, ни на тонких запястьях не было — лишь шею охватывало небольшое ожерелье из темно-синих непрозрачных камней.

Возраст незнакомки трудно было определить с первого взгляда. Ей могло быть и двадцать, и тридцать пять лет. Тонкое лицо с нежными благородными чертами казалось совсем юным, но во взгляде были глубина и покой, которые приходят только с годами. Синие глаза, того же оттенка, что и камни на шее, смотрели на путников без улыбки, но также не было в них страха или удивления. Укоризну и грусть излучали ее глаза.

Глава 2. Никакой магии

Сделав несколько шагов и остановившись возле костра, женщина заговорила первой:

— Едва ступив на мою землю, вы тут же осквернили ее убийством. Я ждала вас, но стоило мне немного не рассчитать и замешкаться, как сразу же пролилась кровь.

Она говорила на правильном немедийском наречии, с едва уловимым акцентом.

Конан вышел из оцепенения и овладел собой.

— Убийством? Ты ошибаешься, прекрасная госпожа. Мы никого не убивали на твоей земле. Может быть, потому что просто не успели, — честно прибавил он.

Женщина кивком головы показала на свежеспущенную шкуру олененка и дымящееся мясо.

— Что?! — Киммериец расхохотался. — Это ты называешь убийством? В таком случае все люди на земле — убийцы! Ну, может быть, кроме нескольких безумных отшельников, жующих саранчу и сухой мох.

— Да, это так, — кивнула женщина. — Только отшельники, о которых ты говоришь, тоже убивают: саранча рождена для жизни не в меньшей степени, чем ты или твой спутник.

На такой явный бред даже возразить было нечего. Киммериец пожал плечами и обернулся к Шумри, приглашая и его тоже посмеяться над детскими глупостями с виду взрослой и несумасшедшей женщины. Но немедиец не смеялся. Он не сводил с незнакомки глаз, впитывая каждое слово, произнесенное, к тому же, на его родном языке.

— Ну, хорошо, — покладисто сказал Конан. — Ради твоей красоты мы постараемся никого не трогать в твоём лесу. Ты говоришь вещи, смешные до колик, но ты первая белая женщина после долгих лун пути, которую мы встретили. К тому же, клянусь Кромом! — такая женщина, какую не часто увидишь и в самых блестящих дворцах Немедии или Аквилонии. Поэтому мы не будем смеяться, мы потерпим. Я постараюсь не вынимать из ножен меч и не снимать с плеча лук до тех пор, пока мы не пройдем через твой лес. Если, конечно, он успеет кончиться до того, как мы проголодаемся снова.

— Мой лес не оставляет голодным никого, кто идет по нему, — сказала женщина. — Но для этого не нужно вынимать меч или натягивать лук. Больше того, с оружием идти по нему нельзя. Вы отдадите мне свой лук, меч и кинжал, когда же мои владения кончатся, все это вернется к вам снова.

— Ну уж нет! — вскричал киммериец. — Свое оружие я не отдаю никому! Я многое готов был бы отдать в твои прелестные белые руки, но не меч. Не будем ссориться, прекрасная госпожа леса. Мы только пройдем на юг сквозь твои владения, никого и ничего не трогая. Конечно, если бы ты не была так строга, мы с удовольствием задержались бы и погостили в твоём дворце, но... — Он притворно вздохнул и взглянул на нее как мог выразительно.

Но женщина не ответила на красноречивый взгляд. Она шагнула вперед и протянула руку.

— Отдайте мне меч и все остальное. Либо вам придется вернуться назад тем же путем, что привел вас сюда.

Киммериец наконец рассердился.

— Или я не ясно сказал?! Клянусь бородой Нергала, никогда еще с тех пор, как я владею этим славным мечом, не прикасалась к нему чужая рука! Иди же, зови своих стражников, свою чернокожую охрану! Пусть они попробуют сообща отнять у меня мой меч. Вот тут-то, я тебе обещаю, и случится убийство! И не одно, уж можешь поверить. О, эти женщины! — Он в ярости повернулся к Шумри, до сих пор странно оцепенелому и молчаливому. — Они будут убиваться над подстреленной птичкой, над раздавленным муравьем, они будут называть это убийством! Но когда потребует их каприз, они не задумаются послать под мечи и стрелы множество крепких молодых мужчин!..

— Я не буду посылать под стрелы молодых мужчин, — сказала незнакомка. — У меня нет никакой охраны. На много дней пути, кроме меня, здесь нет ни одного человека.

— Я не верю тебе! Да, они хорошо умеют прятаться, твои вышколенные слуги. Их не слышно и не видно, даже запах их не витает в воздухе. Видимо, они поджидают наиболее удобный момент, чтобы с гиканьем выскочить из кустов!..

Женщина чуть пожала плечами.

— Оттого, что ты мне не веришь, чернокожие стражники не смогут материализоваться в воздухе. И звона мечей, о котором ты так мечтаешь, не будет.

Конан прислушался. Действительно, так искусно затаиться и спрятаться люди бы не смогли... Лес был полон звуков, шелестов, шорохов, но то не были приглушенные шаги босых ног, звяканье оружия или шепот. Шумри был прав, заметив, что из этих кустов не сверлят спину настороженные или враждебные взгляды...

— Клянусь Кромом, это очень странно! Но даже если ты не врешь, меч свой я все равно не отдам.

Незнакомка сделала еще два шага вперед. Теперь они стояли почти вплотную.

— Я не дерусь с женщинами, — усмехнулся киммериец. От ее красоты, вдвойне поразительной в этих диких местах, у него захватило дух. Стараясь не показать своего волнения, он заговорил с преувеличенной развязностью: — Впрочем, я догадываюсь. Меч — это только по-

вод. Тебе нужен повод, бедная моя крошка! Ты изрядно истосковалась здесь одна, без мужчин. Подумать только: на много дней пути нет никого, кто мог бы хорошо тебя приласкать! Иди же ко мне! Чтобы крепко обняться, не нужно для этого затевать драк...

Он хотел обнять ее. Женщина, защищаясь, подняла ладонь, и неожиданно его рука наткнулась на невидимую преграду. Ему показалось, что в синих ее глазах блеснули веселые искры, а по губам пробежала улыбка. Он хотел схватить ее левой рукой, но и та застыла в воздухе, немного не доставая до ее плеча. Неуловимым движением незнакомка выхватила из ножен меч.

Какое-то время варвар стоял с беспомощно поднятыми руками и подергивающимся от ярости лицом. Потом руки его отпустило.

— Проклятье!!! Опять эта магия! Как я не догадался сразу, что только ведьма может быть такой красивой, только ведьма может жить совсем одна в лесу на краю света!..

— Магия? — удивленно переспросила женщина.

Конан перевел взгляд на серебряный шарик, венчающий рукоять клинка, который был в ее руках. Всегда, когда вблизи от него присутствовали колдовские чары, заговоренное серебро раскалялось, начинало багрово светиться. На этот раз — странно! — шарик не изменился. Незнакомка проследила за его взглядом.

— Серебро? Да, серебро хорошо чувствует злые чары и умеет их разрушать. Добрый металл не обманывает тебя: здесь нет никакой магии. Я не нуждаюсь в помощи посторонних, тем более, темных и злых сил. Все силы, которые мне служат, мои собственные.

Она обошла его легкими шагами, подняла брошенные вблизи костра лук и стрелы. Не дожидаясь ее слов или протянутой руки, Шумри сам отдал ей кинжал. Незнакомка улыбнулась ему и, кажется, подмигнула, отчего по сердцу и по скулам его разлилось жаркое пламя.

Конан решил на время смириться. Конечно, он не поверил, что она не пользуется никакой магией. Должно быть, магия ее необычного свойства и настолько тонка, что серебро не воспринимает ее. Ну, так что же! В свое время ему с успехом приходилось преодолевать и не такие таинственные и непонятные силы. Не страх, не сомнение в своих силах побудили его отступить, но нечто иное. Может быть, красота этой лесной незнакомки, может, ее

непостижимое спокойствие и воля, сквозившая в каждом движении, в каждом звуке голоса...

— В далеком Кхитае многие войны владеют приемами этой борьбы. Она называется там цзо-пог, «остановить, не коснувшись», — продолжала незнакомка. — Правда, родилась она не там. Родилась она много тысячелетий назад в стране, которой уже нет на свете.

Она собрала оружие вместе, скрепив его и обвязав крепкими лианами. Связанный пучок она отдала немедицу. Он же, повинаясь ее молчаливому повелению, отвернул один из больших валунов вблизи костровища, положил в образовавшееся углубление все, что осталось от олененка, и поставил валун на место.

Затем Шумри затоптал остатки горящих угольев и разровнял костровище с землей, так что поляна приняла такой же вид, что и до их появления. Конан хотел было возмутиться по поводу зря пропавшего, зарытого в песок ужина, но что-то удержало его.

— Она так жалобно кричит сейчас, душа этого олененка. Счастливы вы, что не можете это слышать... Сегодня вечером мне придется долго успокаивать его. Страх-то пройдет скоро, но он будет сильно скучать: по матери, по теплоте ее молоку и родным запахам... Только-только привык он к этому миру, теперь нужно привыкать к другому... Подымать руку на таких маленьких!..

— У больших и старых мяса жесткое! — возразил Конан, усмехнувшись ей с вызовом.

Шумри метнул на него испуганный и укоризненный взгляд.

Незнакомка ничего не ответила, лишь посмотрела на него чуть дольше обычного, и Конан отчего-то пожалел о вылетевшей у него фразе.

Женщина проплась по поляне, словно проверяя, все ли на ней в порядке, и остановилась перед путниками.

— Простите меня, — сказала она. — Совсем не так готовилась я вас встретить. Эта смерть расстроила меня и выбила из колен.

— Готовилась?.. — переспросил киммериец. — Интересно было бы знать, кто сообщил тебе о паре бродяг, плывущих в пироге и карабкающихся по скалам? Разве не ты сказала, что на много дней пути здесь нет ни одной человеческой души?..

— Мы можем поговорить об этом, если тебе интересно, но не в двух словах и не сейчас. Если вы не очень

спешите, я буду рада пригласить вас пожить у меня. Отдохните и погостите столько, сколько вам захочется.

— Мы не очень спешим, верно, Шумри? — выразительно спросил Конан.

Немедиец машинально кивнул.

— Меня зовут Конан, я родом из Киммерии. Брожу по свету, ловлю удачу за хвост, неудачам и потерям смеюсь в лицо. Стараюсь, чтобы суровому Крому не за что было меня презирать. А это, — он показал на своего безмолвного спутника, — Шумри. Прикоснуться к мечу для него все равно, что взять в руки ядовитую гадину. Но во всем остальном с ним можно иметь дело и делить кусок хлеба или рваную шкуру под открытым небом. Он из Немедии, как и ты, красавица. Сам себя он называет ветром, который что-то там пинает в бескрайней степи.

— Он уродился немым? — улыбнулась незнакомка.

— Как бы не так! Это твоя красота лишила его языка. Но когда он очухается и обретет голос, да еще начнет терзать струны той странной вещицы, что висит у него за спиной... ты сама будешь умолять его, чтобы он затих хоть ненадолго.

Женщина легко рассмеялась.

— Что касается меня, можете называть меня Алменой.

— На немедийское имя это не похоже, — заметил Конан.

— А кто вам сказал, что я из Немедии? Только потому, что я употребляю этот язык? Я могу говорить и на киммерийском, но тогда Шумри перестанет меня понимать. Немедийский же знаете вы оба.

— Алмена, Алмена... Может быть, аргос?

— И не Аргос. Да и имени у меня, говоря по правде, нет. Очень давно я покинула свое имя, как птенец покидает скорлупу. Но надо же вам называть меня как-то? Алмена — на древнем, вымершем языке — означает «Исчезающая в свете»...

Таинственная владычица леса жестом пригласила их идти за собой. Ее босые ноги ступали по мхам, травам и древесным корням, перебегали вброд мелкие ручьи с такой легкостью и естественностью, словно она вела гостей по комнатам своего замка, устланного мягкими коврами. По бесконечной галерее с высокими потолками, хрустальной крышей и яркоцветными витражами на окнах...

Мимоходом она сорвала с одного из деревьев пару плодов. Шумри хорошо знал это дерево: непривычное для здешних жарких мест, оно в изобилии росло в садах Немедии. Он заметил, что плоды — небольшие темно-зеленые шарики — еще не созрели. Но когда, спустя некоторое время, Алмена протянула ему один из них (вторым угостив Конана), он с изумлением увидел, что из зеленого он стал желто-розовым, увеличился в размерах, а под его зубами брызнул сладким соком. Мельком Шумри отметил, что киммериец, к счастью, не заметил превращения плода, иначе у него был бы повод опять грозно свести брови и с отвращением рывкнуть: «Магия!»

Путь был недолгим. Вскоре Алмена остановилась и гостеприимным жестом обвела поляну с небольшими пригорками, поросшими мхом, с пересекающим ее наискосок ручьем, впадающим в небольшое озеро. Дубы, платаны и вязы бросали на траву широкие острова тени. Обвитые плющом невысокие скалы и золотистый песок на берегу придавали месту особенно живописный и уютный вид.

Алмена подвела путников к озеру.

— Наверное, вы не часто купались, хотя и путешествовали по воде, — улыбнулась она. — Могу вас заверить: ни крокодилов, ни кровожадных рыб здесь не водится. После купания можете набросить на себя это, — она указала на два куса светлого полотна, такого же, из какого было сшито ее платье, лежащие на траве. — А я пока соберу ваш ужин.

Конан огляделся по сторонам.

— А где же ты живешь? — спросил он.

— Здесь, — просто ответила женщина. — У меня немало мест, где я остаюсь подолгу. Это — одно из самых любимых.

— Где же твой дворец? Или дом? Или, по меньшей мере, туземная хижина?..

Алмена рассмеялась. Смеялась она легко и охотно, словно второй ручей, звеня, прокатывался по поляне.

— Это и есть мой дворец. Я очень богата — у меня десятки прекрасных дворцов, каждый из которых не похож на другие. Или суровый киммериец не привык спать под открытым небом?

— Я-то привык, — усмехнулся Конан. — Но ведь ты женщина. Твоя кожа бела и нежна. А москиты? А змеи? Дожди?..

— Москиты и ядовитые змеи здесь не водятся. А если вздумают поселиться, им придется изменить свои привычки. Дождь бывает редко. И то, если я его об этом попрошу.

Она махнула рукой, давая понять, что покидает их, чтобы они, не смущаясь, могли погрузить в озеро пыльные и потные тела.

Глава 3. Гадание

Клянусь Кромом, — сказал киммериец, выходя из воды и закутывая в белое полотно, на манер тоги, мощные плечи. — Если она и чародейка, то очень странная. Ни разу не встречался мне маг, который спал бы на траве и обходился без слуг и рабов.

— Она не чародейка, — откликнулся Шумри. Голос у него наконец прорезался, но выражение глаз было, словно у грезящего наяву. — Если она говорит, что не использует магию, значит, так оно и есть.

— Так кто же она?

— Исчезающая в Свете, она ведь сказала...

Конан фыркнул.

— Замечательно объяснил! Не чародейка, не демоница, не дух, не призрак... Что-то исчезающее! Но при этом, — он усмехнулся, — ее стройное и белое тело ступает по земле не хуже, чем у ее более обыкновенных подружек! И вряд ли превратится в туман, если его потрогать.

— У нее нет подружек, — рассеянно возразил Шумри. — И я не уверен, что у тебя с ней что-нибудь получится.

— Посмотрим, — лаконично ответил киммериец.

Конан догадывался, что вряд ли на ужин им будет подано дымящееся жаркое или нежная печень дикой свиньи. Но, тем не менее, увидев на расстеленном на мху куске синей ткани грудку разноцветных фруктов и ягод, из которых больше половины были ему незнакомы, он растерялся.

— Извини меня, прекрасная госпожа. Но я привык каждую еду не начинать, а заканчивать подобной пищей.

— Извини и ты. Но ничего другого предложить я вам не смогу. Взгляните, — Алмена взяла один из плодов, желто-зеленый, с шершавой кожурой и нежным запахом,

напоминающий дыню, с помощью которой Шумри когда-то уговорил киммерийца ринуться в безрассудное путешествие. — Эти создания — единственные, которые Природа сотворила только для того, чтобы ими насыщались живые существа. Оттого их не надо ни жарить, ни печь, ни солить. Оттого ничто в мире не может сравниться с ними ни вкусом, ни запахом.

— Пахнут они неплохо, — согласился Конан, — разве я спорю? Я бы с удовольствием съел две-три штуки, но набивать живот ими одними?.. Пусть это пища фей, пища сумасшедших вендийских отшельников, пища странных лесных красавиц вроде тебя, — но не воинов! Да грозный Кром просто лопнет со смеху, увидев меня за таким занятием. Или превратит в обезьяну.

— Очень жаль, — Алмена поднялась с легким вздохом (до этого она сидела во мху со скрещенными перед собой ногами, как любят сидеть в Вендии или Иране). — Надеюсь, до утра вы не успеете умереть с голоду. Рано утром я покажу вам самую короткую дорогу на юг. — Она потрогала носком босой ноги пружинящий мох. — Если спать во мху, приснятся самые сладкие моменты из прожитой жизни... А если выбрать гамак, — она кивнула на пару сеток, сплетенных из водорослей и висящих на крепких ветвях дуба, — он убаюкает вас, как когда-то укачивала в колыбели мать. Сниться же будет... что-то неведомое, несказанное.

Когда ее светлое платье скрылось за деревьями, Конан задумчиво повертел в ладонях самый крупный и спелый плод и вонзил в него зубы. Шумри, как оказалось, успел уже уничтожить штук пять предназначенных Природой для съедения созданий...

Осталось неизвестным, что снилось Конану, который выбрал в качестве ложа густую шерсть мха. Но наутро в синих его глазах было непривычно мечтательное выражение. Немедиец выбрал гамак. Даже прохладные воды озера, в которые оба нырнули с первыми лучами солнца, не смогли смыть с его лица изумление заглянувшего за край перевернутой небесной чаши...

— Конан, — начал Шумри, когда они присели возле лоскута с фруктами, чье число и разнообразие превосходили вчерашнее, — я тебя ни разу ни о чем не просил...

— Можешь не продолжать, — прервал его киммериец. — Сейчас ты скажешь, что решил остаться здесь навсегда.

— Что ты! Навсегда остаться здесь невозможно. Но несколько дней... Не могу объяснить тебе, как это для меня важно!

Он взглянул на варвара с такой мольбой, что тому стало неловко. Ему самому не хотелось покидать это загадочное место, эту странную женщину, непонятную и влекущую. Но признаваться в постыдной слабости своему спутнику было в его глазах недостойно мужчины.

— Что ж, — Конан сделал вид, что борется с собой. — Я поживу здесь, пока мой желудок совсем не расстроится от обезьяньей еды. Но даже после этого я могу подождать какое-то время, пока ты не утолишь свое знаменитое любопытство. Выйду за пределы запретного леса и поживу один. Вернее, в теплом обществе жареных косуль и печеных зайцев.

Круглые глаза немедийца вспыхнули благодарностью. Он резко сжал Конану руку и, устыдившись своего порыва, вскочил и умчался куда-то в лес, подбрасывая в ладонях пару предусмотрительно прихваченных фруктов.

Весь день ни варвар, ни Шумри не видели своей хозяйки. Она появилась ближе к закату, вынырнув из леса, словно белая птица, с белой же птицей на плече. Присмотревшись, немедиец узнал свою старую знакомую, чьи потерявшие вид перья по-прежнему висели на его шее.

— Да-да, — кивнула Алмена, подойдя к ним, на его невысказанный вопрос. — Это она.

Двумя ладонями она осторожно сняла птицу с плеча и чуть подтолкнула. Та взлетела, но невысоко и тут же вновь опустилась на ее плечо.

— Не хочет покидать нас! Видимо, ей приятно ваше общество... Но я должна извиниться. Я не пришла к вам утром, как обещала, потому что мне показалось, вы раздумали уходить. Я не ошиблась?

— Ты не ошиблась, — подтвердил Конан. — Читать в чужих головах, как в своей собственной, это тоже не колдовство?

— Конечно, нет. Но ты преувеличиваешь. Читать в головах, вернее, слышать я могу лишь то, что звучит там достаточно громко, — она улыбнулась лукаво и ласково.

— Громко звучало у него, но не у меня! — Он кивнул на немедийца. — Я бы хоть сейчас отправился дальше... Но ты обещала сказать, кто предупредил тебя о нашем приходе.

— Я прочитала об этом. Весть о таком крупном событии нельзя было не заметить. Да-да, я не шучу. Об этом было написано малиновыми письменами на восходе солнца три дня назад. Бабочка, та самая, что села тебе на плечо, Шумри, вслед за тем полетела сюда и многое мне рассказала...

— Я хотел спросить про эту бабочку!.. — восторженно воскликнул немедиец.

— ...А еще вот она!.. — Алмена вновь ласково подбросила вверх свою птицу, и на этот раз та, с неохотой взмахивая крыльями, поднялась в воздух.

— Не знал, что насекомые и птицы умеют разговаривать, — буркнул Конан. — Убей меня Кром! — если это не называется магией!

— Это называется умением читать на всех языках Природы, — ответила Алмена. — Но мне хотелось бы узнать о вас побольше. Если вы не возражаете, я еще почитаю. Можно?..

Конан взглянул непонимающе.

Алмена взяла его левую руку и повернула ладонью вверх.

— Вот очень подробная книга, которая никогда не врет. Даже в самом малом. И нельзя ее переписать, сжечь или вырвать не нравящиеся страницы.

— И что же там написано? — поинтересовался киммериец нарочито равнодушно.

Алмена взяла его правую ладонь и стала рассматривать обе, внимательно вглядываясь в узор четких линий.

— Река жизни... вот она, бежит большой палец и теряется на сгибе запястья... глубока и полноводна. Видишь, как она врезается в кожу, словно хочет пропахать ее до самой кости... Воля, неукротимая и упорная воля, пробивающаяся сквозь самую густую плоть жизни... меняющая чужие судьбы, и не только отдельных людей, но и целых народов. Видишь, вначале она широка и плохо обрисована, но становится все уже, все глубже... Оттенок ее бордовый — оттого, что в воды ее вливается много

чужой крови... Она почти алая в середине, кажется, кровь сейчас выплеснется из берегов и зальет все пространство ладони... Но нет, во второй половине жизни алгого становится меньше... меньше... и к старости этот оттенок совсем пропадает...

— Я доживу до старости?! — недоверчиво воскликнул Конан. — Ты не обманываешь?.. Умереть в своей постели, умереть беззубым стариком с трясущейся челюстью, гноющимися глазами и рассудком ребенка — позор для воина! Кром с презрением отвернется от меня и не допустит в свою обитель. Скажи, что ты пошутила!

— Ты умрешь, когда почувствуешь, что настала твоя пора. Рассудок твой будет ясным, а глаза зоркими. Что же до Крома, то к тому времени, я надеюсь, ты уже перестанешь зависеть от его насмешек, угроз или дурного настроения... Смотри, какая четкая шестиугольная звезда на царском холме, вздымающаяся, словно кемийская пирамида посреди пустыни! Бывший бродяга, пират и вор подымется высоко, очень высоко... Об этом же можно догадаться и глядя на дорогу судьбы. Смотри: она идет противоположно реке жизни. словно тропинка, ведущая на вершину горы... Редко рождаются люди, у кого она простирается так далеко, почти до самого кончика среднего пальца, прочертив его весь, как прямая трещина на гладкой скале. До самой смерти значительные события, внешние или внутренние, будут потрясать твою жизнь...

— А как там насчет богатства? — спросил Конан.

Алмена усмехнулась.

— Об этом не беспокойся. Впрочем, тяга к золоту и драгоценностям никогда не была и не будет твоей главной страстью. Разве не так? Даже когда ты был заморанским воришкой или грабил почтенные купеческие парусники вдоль западного побережья... Если бы тебе дали золотой дворец и усыпали до глаз драгоценными камнями, ты бы смог успокоиться?

Киммериец прикинул мысленно.

— Пожалуй что нет. Заскучал бы без звона мечей, без веселой игры в гляделки со смертью.

— Да, ты, пожалуй, раздал бы все золото, если бы оно мешало тебе упиваться хмелем битвы и обращать в бегство орды врагов... А вот эта линия рассказывает о женщинах.. самая верхняя, плодоносящая ветвь сердца. Как видишь, плодов на ней очень много, но все они не слишком крупные. Впрочем, одна женщина привяжет тебя к себе надолго и прочно. Вот только встретишься ты с

ней не скоро, почти через двадцать лет... О твоём уме говорит вот эта линия, пересекающая ладонь посередине, точно глубокая царапина. Она прямая, как лезвие твоего любимого меча, но конец, ее, истончаясь, уходит за тыльную сторону ладони. Что это означает, подумай сам... Вот эта линия, словно копье, вонзившееся в холм солнца... она говорит о славе, о блеске, о реве тысяч глоток, которые будут приветствовать тебя... А вот небесный поток, звездопад, вливающийся в реку жизни и дорогу судьбы. Это значит, что, явно или незаметно, но в судьбу твою всматриваются старшие братья и сестры людей. Порой только наблюдают, порой ненавязчиво направляют...

— А ты не из их ли числа? — спросил киммериец напрямик.

Алмена не ответила. Она еще какое-то время рассматривала его ладони, но молча. Потом подняла глаза.

— Сильная книга. Читать ее увлекательно, страшно и тяжело. Долго еще, наверное, будут стоять у меня в ушах ее звуки. Лязг мечей... хрипы коней... стоны убиваемых и раненых... крик огромного зверя, жившего в озере, пронзенного мечом в затылок... туземный там-там, под рокот которого тихо покинуло этот мир целое племя, загубленное ненароком...

— Там и это написано? — спросил Конан с недоброй усмешкой.

— И это. И еще многое. Но я, пожалуй, оставлю вас до завтрашнего утра. Надеюсь, вы не обидитесь? Если я тотчас не окунусь в воды моего заветного озера, эти хрипы, стоны и вопли могут стать постоянным моим наваждением.

— Или мне послышалось, что помимо криков и стонов там нацарапано еще кое-что?.. — угрюмо сказал киммериец.

— О, конечно! Удивительно богатая рука. Не обращай на меня внимания! Порой я сама не рада, что чувствую все так остро...

Она хотела было подняться с травы, но Шумри, до сих пор молчавший, удержал ее за руку.

— А я? Обо мне разве ты ничего не расскажешь?.. — спросил он с мольбой и обидой.

Алмена рассмеялась и легонько провела ладонью по его взъерошенным волосам с густой проседью, словно присыпанным белой пылью степей и песком пустынь.

— Конечно же, расскажу! И по руке, и по глазам твоим, по которым читать так же легко, как по перистым облакам

на небе или по рыбам в прозрачной воде. Но только завтра. Завтра я буду разговаривать с вами уже не вместе, но с каждым по отдельности, и вы сможете спросить меня, о чем захотите.

Она опять хотела встать и покинуть их, но какая-то мысль задержала ее. Алмена повернулась к Конану.

— Рисунок на твоих ладонях — это книга только одной твоей жизни, теперешней. Если ты разрешишь, я бы взглянула на картину всей цепи. Каждое звено ее — одна твоя жизнь на этой земле. Эта цепь тянется из смутных глубин прошлого в зыбкий туман будущего. Подробности рассмотреть невозможно, но общее направление уловить я сумею. Рисунок этот запечатлен на левой ступне. Да-да, на грубой ступне, которой ты попираешь землю.

Конан пожал плечами.

— Смотри, если хочешь. Я только смою с нее песок и пыль.

Он дошел до озера и тут же вернулся. Кряхтя, уселся в ту самую позу, которую обычно предпочитала Алмена: скрещенные ноги, прямая спина, — так, что подошва левой ступни оказалась на правом колене.

— Пыль... — задумчиво произнесла женщина, разглядывая узор линий, не таких глубоких и четких, как на ладонях, напоминающих паутинную сеть. — Есть еще другая пыль, незримая, которая не пачкает, но шлифует... Алмазная пыль Пути... Она прикасается не к ступням, но к сердцу... к душе. Словно ювелир, который работает над одним камнем столетия и тысячелетия, пока блеск его не станет подобен чистому свету звезды...

— Блеск звезды, на которую отправляется душа после смерти, тем ярче, чем больше человеческих глаз съедено за время земного существования, — повторяя чьи-то слова, произнес Конан.

Алмена взглянула на него удивленно и непонимающе.

— В это верят туземцы, — пояснил тот.

Она покачала головой с грустной улыбкой и поднялась с травы.

— Разве ты ничего мне не скажешь? — удивился ким-мериец.

— Нет, — мягко отказала она. — Еще не время. Может быть, потом, в следующую нашу встречу. Во всяком случае, хорошо, что я догадалась посмотреть на твою ступню. Вопли, стоны и крики в моей голове стали намного тише.

Глава 4. Только для Шумри

Скажи мне, Алмена, отчего мне все время кажется, что я уже был здесь когда-то? В твоём странном лесу на краю света я чувствую себя так, словно вернулся на родину, полузабытую родину, после многих годов странствий.

— Это и есть родина. Вернее, она очень похожа на родину, общую для всех людей. Но мало кто о ней помнит. Ты — один из немногих, кто сохранил смутные воспоминания о ней в своём сердце. Может быть, именно потому ты и пришел сюда. И первый шаг в эти края ты сделал давно, еще в детстве. Когда душа твоя содрогнулась от вида человеческой крови, когда рука твоя отказалась убивать.

Они беседовали в одном из «дворцов» Алмены — на высоком, поросшем душистой травой берегу над темно-зеркальным прудом с голубыми лотосами. Закатное солнце круглым пятном расправленного золота отражалось в воде.

Полная тишина стояла вокруг. Ни всплеска рыбы, ни посиста птицы, ни шороха ветра в листве. Шумри подумал, что еще никогда в жизни не слышал такой неземной тишины, охватывающей со всех сторон, словно вода в глубине океана. Еще более странное наблюдение пришло ему на ум: они разговаривают уже очень долго, он успел рассказать и о детстве своем, и о юности, и об Илоис, и о всех своих странствиях... а оранжево-блестящий диск солнца на синеющем небе не сдвинулся ни на пол-ладони. Солнце словно зависло, не желая покидать их и опускаться за пушистые кроны деревьев.

— Мне кажется, время остановилось, — не веря себе, прошептал Шумри.

— О нет. Время не остановилось, оно течет себе по-прежнему. Просто мы из него вышли. Там, где мы с тобой сейчас, времени нет.

— А... зачем это?

— Чтобы ты мог рассказать все, что у тебя на душе, не заботясь о времени. Чтобы Конан не успел соскучиться, пока мы тут беседуем. Впрочем, наверное, ты устал от полной тишины и неподвижности воздуха. Давай вернемся.

Она на мгновение задержала дыхание, и тут же Шумри услышал, как переговаривается в ветвях ветер, как мелкие волны шелестят о прибрежную гальку.

— А можно, мы еще немного поговорим? — спросил он.

— Конечно.

— Я хотел спросить тебя обо всем. Теперь ты знаешь все про меня. Могу ли я, имею ли я право встречаться с ней, напоминать о себе, молить о прощении? Она, верно, давно уже замужем, и наша любовь похоронена в глубинах памяти, как детский сон.

— Она замужем, но она все помнит. Ты не только можешь, ты должен встретиться с ней, и лучше сделать это поскорее.

Алмена привстала и сорвала с ближайшего дерева несколько орхидей на длинных стеблях, желто-зеленых, с причудливо вывернутыми лепестками и дурманным запахом. Она сплела из них венок и водрузила на голову немедийца, любуясь его смущенной физиономией. Потом сняла венок, распустила цветы и отнесла к озеру, осторожно погрузив концы стеблей в мелкую прибрежную воду.

— Эти цветы очень гибки, — сказала Алмена. — Из них можно сплести все, что угодно. К тому же, они очень живучи. Если поставить их в воду и послать небольшую искру жизни из кончиков пальцев, они пустят корни и вскоре превратятся в молодые тоненькие деревья... Но видишь ты те цветы голубого лотоса?

Шумри кивнул.

— Я не буду их рвать, но ты поверь мне: из них невозможно сплести венок. Их стебли сломаются, но не согнутся. И оживить их, если они сорваны, я тоже не смогу, как бы ни старалась. Есть девушки-орхидеи, но твоя Илоис не из их числа. Она похожа на голубой лотос. Предательство любимого человека — такой удар, от которого не может оправиться ее душа. Илоис умирает.

— Илоис умирает?! — переспросил немедиец, не веря своим ушам. — Но ведь прошло десять лет!

— Она умирает постепенно. Ни один врач не объяснит ее мужу и отцу, отчего она с каждым днем становится все хуже и печальней, отчего даже улыбки собственных детей не могут вызвать у нее смех.

Шумри вскочил. Голос его прерывался от волнения и ужаса.

— Но ведь я не хотел ей зла! Я ушел, не попрощавшись, чтобы причинить ей как можно меньше боли!..

— Мы не всегда можем почувствовать, что убиваем кого-то. Даже если убиваем самого любимого человека. Наверное, если бы ты пришел к ней и честно рассказал, отчего не можешь быть рыцарем, она ушла бы из дома вместе с тобой. Она взяла бы себе прозвище «гонимый ветром лепесток лилии», или что-нибудь в этом роде, она бродила бы с тобой, перебиваясь лепешками и родниковой водой, и была бы счастлива, как только может быть счастлива женщина на этой земле...

Шумри зажмурился и отвернулся, чтобы она не видела его лица.

— Впрочем, я не знаю, — продолжала Алмена с какой-то непонятной, раздражающей его сердце жестокостью. — Может быть, она бы и не решилась покинуть надежный и богатый замок своего отца, предпочтя ему нищенство, любовь и свободу. Но и в этом случае душа ее осталась бы не сломанной и живой: разлуку с любимым перенести можно, предательство же — нельзя.

— Я прошу тебя! — крикнул немедиец в отчаянии. — Хватит! Я понял!.. Я сейчас же возвращаюсь назад. Может быть... я успею.

— Ты успеешь, конечно же, — Алмена вновь заговорила мягко и негромко. Ее прохладная ладонь ласково проплась по его волосам — Шумри едва сдержался, чтобы не разрыдаться в голос, уткнувшись ей в плечо. — Прости меня, что я говорила с тобой так жестко. Я хотела, чтобы ты понял, понял до конца, всем существом своим, а не только рассудком. Ты успеешь. Я научу тебя самому короткому пути назад. Вам с Конаном не придется больше плыть по туземным рекам. Больше того, не обязательно тебе спешить обратно прямо сейчас. Поживи здесь, пока не почувствуешь, что душа твоя взяла все, что хотела, все, что могла взять. Поверь мне, полученное здесь тобой пригодится не только тебе, но и Илоис, когда надо будет возвращать ее к жизни. Ты видишь, как легко можно справиться со временем. Ты проживешь здесь одну или две луны, во внешнем же мире за это время пройдет лишь несколько дней.

Когда они вернулись назад, не доходя нескольких шагов до киммерийца (они оставили его задумчиво покачивающимся в гамаке, устремив глаза в просветы неба между дубовых листьев, и в той же позе он пребывал и

сейчас), Алмена остановилась. Желая хоть чем-то развлечь Шумри, потрясенного и подавленного, она спросила:

— Скажи-ка мне, ты не видишь, какого цвета его душа?

Шумри взглянул на нее непонимающе.

— А сейчас? — Она легко прикоснулась пальцем к его переносице.

Шумри с удивлением узрел, что от могучего тела Конана, прогибающегося гамак чуть не до земли, исходит разноцветное сияние. Краски играли, менялись, переходили одна в другую, словно переливы на самых дорогих иранских шелках.

— Что ты видишь? — спросила Алмена.

— Он светится, — изумленно прошептал немедиец. — Похоже на разноцветные полосы, которые бывают зимой на небе во льдах Гипербореи и Ванахейма, только ярче!

— А каких цветов больше всего?

— Бордовых и алых. Только в самой середине очень яркий белый огонь... нет, скорее голубой. Его то и дело заслоняют сполохи темно-желтого, коричневого и красного. Все цвета движутся и перемешиваются, только этот огонь неподвижен.

— Да, он похож на свет звезды Северный Страж. Той самой, вокруг которой вращаются на ночном небе все остальные звезды... Но вот эти бурые всполохи... Они показывают, что гость мой чем-то недоволен или неудовлетворен. Ты не знаешь, Шумри, в чем дело?

— Ему трудно питаться одними фруктами, — сказал немедиец. — У него такие мощные мускулы, они требуют мяса и еще раз мяса.

— Пожалуй... Но не только. Что-то там есть еще, не имеющее отношения к пище.

— Еще... — Шумри замаялся. — Не знаю, что бы могло быть еще...

— Ну ладно, — рассмеявшись, Алмена провела рукой по его лбу, и Конан перестал светиться.

— А у меня? — взволнованно спросил Шумри. — У меня есть такой свет, как у Северного Стража?

— Конечно, — успокоила его Алмена. — Вообще-то, он есть у каждого человека, но разглядеть его можно лишь у немногих. У тебя и у Конана он виден довольно ярко.

— И такие же красные всплески вокруг?

— О нет. Красного в тебе почти не видно — ты зеленый. Ярко-зеленый, как последний закатный луч, изредка вспыхивающий на ясном небе. Нежно-зеленый, как молодые иголки лиственниц. Темно-зеленый, как дебри хвойного леса. Конечно, и бурого, и серо-коричневого тоже хватает.

— А ты не можешь показать то же самое Конану? — спросил немедиец. — На мне или на себе самой?

— Зачем?

— Я думаю, если он увидит, какое сияние исходит от каждого человека, ему будет потом труднее вонзаться в человеческую плоть железа.

— Не знаю, не уверена... Хотя, может быть, ты и прав.

— Быстро же вы вернулись, — киммериец обернулся на звук их шагов и вывалился из гамака. — Я даже не успел подремать как следует. И со мной все разговоры будут так же коротки?

— Посмотрим, — сказала Алмена. — Это зависит от тебя. Вернее, от твоей души. Ведь ты и твоя душа — не одно и то же.

— Конечно, — согласился Конан. — Я — это мое зрение, мой острый ум, мои мускулы, мой желудок, мой... — он запнулся. — Ну, и душа, конечно. Хотя я и плохо знаю, что это такое.

Алмена чуть усмехнулась.

— Когда это нечто неуловимое захочет поговорить со мной, ты не стесняйся, Конан.

— Вот уж, чем никогда не страдал, так это стеснительностью!

Все трое рассмеялись. Даже Шумри, как ни тяжело было у него на сердце.

Благодаря удивительному умению Алмены выходить из потока времени вместе со своим собеседником, долгие душевные беседы с ней не давали повода к ревности или обидам на недостаток внимания. Правда, с Конаном она совершала подобные чудеса не слишком часто и ненадолго, так что тот вообще ничего не замечал. Она знала, что Шумри, предоставленный самому себе, не будет скучать и томиться.

И Шумри не скучал. Он бродил по светлому и ласковому ее лесу, слушал голоса насекомых и птиц, рассматривал собственное лицо в черном зеркале пруда с лото-

сами, впитывал, мечтал, думал... Но, конечно, когда рядом с ним была Алмена, каждое мгновение его бытия наполнялось и расширялось беспредельно.

Он не только разговаривал с ней и слушал ее, он старался учиться. Держа в ладони недозрелое яблоко, он представлял, как из пальцев его исходит живительное тепло, невидимые искры, от которых плод наливается, зреет, становится сладким, мягким и розовым. Найдя в лесу случайно сломанную каким-нибудь животным ветку, он опускал ее нижним концом в землю, поливал пригоршней воды из ручья и представлял, как то же тепло его руки гонит снизу вверх воду, соки и соли земли, а сверху вниз пробиваются и закрепляются в почве тонкие белые корни...

Алмена часто отвечала ему на вопросы, которые только еще рождались в его голове и не успевали облечься в слова. Он просил ее научить его так же слышать чужие мысли.

— Это совсем не сложно! Прежде всего надо научиться быть открытым. Ты начнешь слышать чужие мысли, когда перестанешь бояться, что кто-то услышит твои. Пока останется в твоей душе хоть что-то, что ты хотел бы скрыть от других, пока ты не станешь прозрачным и распахнутым, как пламя костра, как чистая вода водопада, ты не научишься...

Шумри задумывался: может ли он открыться полностью, не прятать от других ни одной мысли своей, ни одного стремления?.. Пожалуй, нет. Ему и представить страшно, что, к примеру, Конан узнает о его прошлом, о струсившем и сбежавшем из рыцарского дома мальчишке. Ведь тогда его мужественный спутник станет презирать его еще сильнее... Нет, видимо, читать в чужих головах он никогда не научится, как бы ни старался.

Во время самой первой их беседы Шумри поведал Алмене о мудреце из Аргоса, который научил его столь многим важным вещам, и благодаря которому он и предпринял свое странное и безрассудное путешествие, втянув в него доверчивого Конана.

— Я очень полюбил его, хотя жил у него впроголодь, много работал и почти не отдыхал. Я сам не понимаю, отчего я его полюбил — он не был ласков со мной. Он был холоден, разговаривал очень мало, перепады его настроения и неожиданные причуды то и дело ставили меня в тупик. Он прогнал меня однажды ни с того ни с сего, и это было так больно! Я не хотел уходить, я не понимал,

в чем моя вина перед ним. Ни одного слова не сказал я ему поперек. Более внимательного ученика и усердного работника он больше не сможет найти, как бы ни старался!..

Выслушав его обиженные излияния, Алмена тихонько рассмеялась.

— О, не обижайся на него, Шумри! Он был настоящий Учитель. Благодарю судьбу, что она подарила тебе встречу с ним. Только настоящий Учитель может прогнать своего ученика, даже самого любимого, если почувствует, что отдал ему все, что мог. Твой мудрец из Аргоса любил тебя не меньше, чем ты его, и оттого и прогнал. Он знал, что дальнейшая твоя жизнь, новые встречи, открытия и потрясения научат тебя тому, чему не может научить он.

Шумри никогда не приходило в голову рассматривать их разрыв под таким углом.

— Открытия и потрясения... — повторил он, как растерянное эхо. — Отчего же он не сказал мне об этом прямо, не объяснил?..

— Наверное, он предчувствовал, что ты встретишься с кем-нибудь, кто рассеет твои недоумения. Со мной, например, — улыбнулась женщина.

Чтобы рассеять как можно больше недоумений, Шумри засыпал Алмену вопросами. Он рассказал ей о странном событии, приключившемся с ним у заколдованной заводи, когда Конан на какое-то время перестал быть собой.

— Знаю, знаю, — Алмена кивнула с горечью. — Это место, куда слетаются со всего света души тех, кто при жизни занимался черным колдовством. В мире духов жизнь их очень тяжела, поэтому они стремятся побыть в теле из плоти, хоть недолго. В любом теле — человека, птицы, рыбы, крокодила...

— Там был даже маленький ребенок...

— Дети могут заниматься колдовством не хуже, чем взрослые. Даже лучше. Подчас им удастся вызвать такие силы, которые взрослым колдунам неподвластны. Правда, как правило, они не знают потом, как укротить их, и от этого случается немало бед...

— Ну, ничего! Теперь Пха больше не существует, и им не удастся заманивать в свою ловушку случайных путников. Разве только сведут с ума своими разговорами. О, до сих пор удивляюсь, как моя бедная голова не треснула от их воплей!.. А Конан — счастливчик! — почему-то ничего не слышал.

— Да, голоса духов слышат не все, — кивнула Алмена. — И это к лучшему, ты прав. Что же касается Пха, то с ним все не так просто. Не стоит рассказывать об этом Конану, иначе он огорчится. Пха не погиб. Из его мертвого тела спустя несколько дней появится молодой Пха. Таким путем эти неприятные создания размножаются. Смерть для них — все равно что новое рождение. И сам Пха, и духи благодарны Конану: ведь теперь он молод, и сил у него стало больше.

— Но он не хотел умирать! — припомнил Шумри. — Когда мы с Конаном его изранили, он уполз в свою нору, спрятался.

— Плоть его боялась и не хотела, только плоть.

— О, если бы мы знали, что он оживет! — сокрушенно воскликнул немедиец. — Тогда мы обязательно сожгли бы его тушу, как ни противно это занятие... Из пепла бы он не родился?

— Из пепла бы он не родился. Но родилось бы нечто иное, не похожее на Пха внешне, но сохранившее его злую сущность. Ведь там собрались души самых умелых и изощренных колдунов со всего света. Змеекрыс Пха — их совместное творение. Они бы выдумали что-нибудь новенькое, только и всего. Так что даже к лучшему, что вы не сожгли его и оставили все как есть.

Не сразу, во время третьей или четвертой беседы, Шумри решился рассказать Алмене об Айя-Ни и ее любви к Конану. Может ли так быть, что душа ее живет теперь в его груди, чтобы оберегать возлюбленного и разговаривать с ним? Либо это темные дикарские выдумки? Но как же в таком случае объяснить все умения и знания, которых не было у него раньше?..

— Не жди у меня ответов на все вопросы! Я вовсе не мудрый учитель, познавший все на свете и знающий на все ответ. Впрочем, таких учителей и нет вовсе, и быть не может. Если эта девушка сильно любила, сильно любит, — поправилась она, — многое для нее возможно. И наверное, какая-то часть ее души живет в тебе, и предостерегает, и помогает. Но вся душа так же необъятна, как это небо, — она засмеялась и обвела рукой звездный купол над своей головой. — Ты можешь представить себе два бескрайних небесных свода, слившихся воедино?

— Да, могу. Мне кажется, так бывает.

— Ты прав, так бывает. Но очень редко. В любви двоих.

Шумри был прав относительно причины мутно-бурых всполохов в душе Конана. Фруктовый пост изнурял его. Нет, он не становился слабее или болезненнее, сила по-прежнему бурлила в его мышцах, тело повиновалось не хуже, чем прежде. Но неудовлетворенная привычка к мясу подтачивала настроение, вплотную зала в сны. В ночных видениях он поглощал в огромном количестве жареные бараньи ножки, телячьи почки под острым соусом, хрустящие на зубах крылья фазанов и куропаток... Проснувшись, он какое-то время еще вдыхал их запах и ощущал вкус на своем языке, отчего переход к бодрствованию сопровождался тяжелым вздохом.

Была и вторая причина, еще более важная. О ней также Шумри не мог не догадываться. Однажды ночью Конан решил для разнообразия поспать в гамаке. Плетеные сети висели довольно близко друг от друга, и каким-то образом ему удалось утянуть в свой сон немедийца, мирно посапывающего рядом. Утром киммериец стремглав бросился в прохладные воды озера, стремясь как можно скорее смыть из памяти ночную оргию, где было очень много голых женщин с масляно блестящими, бесстыдными телами и очень много мяса, вареного, жареного, печеного и сырого, наваленного горами на низких дубовых столах.

Если бы Конан просто истосковался по женскому телу, это было бы не страшно. В своей жизни ему случалось переносить и более длительные периоды воздержания. Но нет, его влекло не к женщинам вообще, но к одной определенной женщине! И влекло не только телом. О, тело свое он сумел бы обуздать! Но как справиться с тем непонятным и неуловимым, что Алмена называет душой?

Конан к своим двадцати семи годам неплохо изучил женщин. Без труда разбирал он язык их взглядов, будь это опытная кокетка, прикрывающая алчные губы веером, либо стыдливая тринадцатилетняя девственница. В женских глазах — что отличало их от глаз мужчин, детей, птиц и животных — всегда плескалась игра. Горела вечная искра, проскакивающая при сближении двух изначальных, не могущих жить друг без друга противников — мужчины и женщины. Игра принимала разные формы. Это мог быть вызов: «А ну-ка, покори меня! Посмотрим, сколько сил, ума и отваги ты на это затратишь!» Это мог быть откровенный, чувственный призыв

(что, говоря по правде, лишало игру главной ее прелести): «Ко мне, ко мне, милый!» Наигранная надменность и холодность: «Никогда! Никогда! Скорее солнце свернет со своего пути, и луна скатится с небес!» Притворная робость: «Я так чиста и пуглива! Не надо! Даже взгляды ваши оскорбляют меня и оставляют на коже ожоги!» Совсем необязательно играющие дамы в конце игры поступались своим целомудрием. Чаще всего грехопадение происходило в воображении и занимало несколько мгновений. Верные и добропорядочные во мнении толпы жены лишь томно вздымали ресницы и наполняли нежной влагой уголки глаз: «Давай займемся любовью, но только на уровне взглядов, на уровне мимолетной мечты!..»

Совсем не играли в эти пленительно-однообразные игры лишь маленькие девочки и дряхлые старухи. Первые еще не осознали великой и хмельной тайны разделения полов; вторые уже наигрались за долгую жизнь и выдохлись.

Алмена по возрасту не принадлежала ни к тем, ни к другим. Правда, она давала понять, что лет ей довольно много, но Конану это было неважно. Она выглядела на двадцать пять-тридцать лет, и значит, была таковой. Значит, находилась в возрасте наиболее страстном, жаждущем любви и искупленном в любовных ласках. Но в глазах ее не было игры, не было пляшущей рыжей искры. Так могла бы смотреть семилетняя девочка, либо мудрая и добрая старуха, перевалившая за восьмой десяток.

На третий день жизни в зачарованном лесу (Конану казалось, что прошло, по крайней мере, пол-луны, хотя он так и не догадался об особых отношениях Алмены со временем) он наконец решил, что настала пора объясниться. В то время, как он подбирал в уме самые убедительные, сильные и яркие слова, Алмена, по обыкновению услышавшая то, что звучит в голове слишком громко, разыскала его первая.

— Ты хочешь сказать мне что-то важное для тебя, Конан? Я не ошиблась?

— Ты не ошиблась. Конечно, ты знаешь, ты слышишь все, что крутится у меня сейчас в голове. Но я все равно скажу тебе это вслух.

Конан помолчал, собираясь с силами. Его лицо было красным, напряженным и злым, словно он готовился объяснить в смертельной и застарелой ненависти.

— Слушай меня внимательно, Алмена. То, что я тебе сейчас скажу, я не говорил еще ни одной женщине. Хотя я не так уж молод, скоро мне исполнится тридцать. Только не перебивай меня!

Но Алмена и не думала перебивать. Она смотрела на киммерийца внимательно и просто, с чуть приметным сочувствием.

— Будь моей женой, Алмена! — выпалил Конан, решив начать с самого главного. Он потрянул волосами, как конь, распаленный битвой. — В моей жизни было немало женщин, не буду скрывать, но ни к одной не влекло меня так, как к тебе. Я делаю тебе предложение. Я — Конан-варвар, дикий киммерийский жеребец, вор, пират, командир наемников. Но если и впрямь эта книга не врет, а ведь это твои слова, что написанное здесь нельзя ни изменить, ни переписать заново! — тогда предложение тебе делает будущий Конан-полководец, Конан-вождь, может быть, даже Конан-король! Подожди, не отвечай мне! — крикнул он, заметив, что Алмена хочет ему что-то сказать. — Когда я закончу, будешь говорить ты. Пока я еще не все сказал. Ты можешь мне возразить, что сейчас я безродный бродяга, а не вождь или полководец. Всю мою собственность составляют лишь меч да лук со стрелами. Хорошо! Если ты дашь согласие стать моей, как только я взберусь на этот самый царский холм, — он вновь помахал раскрытой ладонью, — я взберусь на него очень быстро, можешь быть уверена! Я взлечу на него, цепляясь зубами и ногтями, пробивая дорогу верным мечом! Тебе придется подождать совсем немного!..

Конан остановился, чтобы собраться с мыслями и словами, сделав Алмене знак рукой, что он еще будет говорить и это лишь маленькая передышка. Пот крупными каплями катился с его лба, хотя было совсем не жарко. Киммериец не был мастером длинных речей, а уж тем более, речей любовных! Он предпочел бы выдержать битву с пятью здоровенными воинами или втащить на вершину горы камень в два его веса, чем убеждать женщину в необходимости связать с ним свою судьбу.

Алмена слушала его тихо и внимательно, опустив веки, чтобы не смущать своим взглядом. Слабая улыбка теплилась на ее губах, но киммерийцу она показалась усмешкой.

— Не усмехайся же, не усмехайся! — воскликнул он почти с яростью. — Слушай меня внимательно! Я завоюю

для тебя земли, много земель, намного прекрасней и богаче твоего леса! Ты будешь их полной владычицей. Но если вдруг ты не захочешь уходить отсюда, если это место дороже для тебя, чем все сокровища земли... Хорошо! Я и на это согласен. Ты видишь, тебе не придется ничем жертвовать ради меня. Живи здесь, вместе со своими ручьями, мхами и бабочками. Не буду скрывать, что сам я не смогу постоянно делить с тобой эту жизнь. Не смогу изо дня в день есть одни фрукты, качаться в гамаке и следить за письменами перистых облаков. Время от времени я буду покидать тебя, но каждый раз буду возвращаться! Я даже... — голос Конана на мгновение неуверенно дрогнул, — я даже обещаю хранить тебе верность во время своих отлучек. А знаешь, зачем я буду уходить? Я завоюю все окрестные земли, от истоков великого Стикса до Южного Океана! Джунгли с туземцами, саванны с диковинными зверями, пустыни, города на южном и западном побережье (если они там есть), древние развалины — все это будет твоим! Я построю тебе прекрасные дворцы, настоящие дворцы из слоновой кости, розового мрамора, нефрита и хрусталя. Десятки послушных рабов и рабынь будут исполнять каждое твое желание! Отборные войска будут хранить твой покой. Чего бы ты ни захотела — все будет у тебя, даже если для этого мне придется отправиться на другой край света или сразиться с дюжиной королей!

Конан замолчал. Никогда прежде не произносил он такой длинной и горячей речи. Грудь его вздымалась и опадала, как после долгого бега. Сердце ударяло в грудную клетку, как узник в бронзовую дверь темницы. С нетерпением ожидал он ответа прекрасной Алмены, но та медлила.

— Подумай, подумай, прекрасная госпожа. Но все же не молчи так долго!.. Клянусь Кромом, не каждый день доводится тебе слышать подобные предложения от проезжих мужчин!

Он вскочил и сделал несколько яростных кругов по поляне, не в силах выносить ожидания.

— Не сочти мой ответ за обиду, доблестный киммериец. Я благодарю тебя за все, что ты готов совершить ради меня. За все дары, которые ты хочешь положить к моим ногам. Я уже говорила тебе, что ты встретишь женщину, с которой прочно и надолго свяжешь свою судьбу. Но это будет не скоро — и это буду не я.

— Но почему же?! — Конан едва не выругался, в последний момент прикусив язык. — Ты ждешь более богатого, более знатного? Ты думаешь, что когда-нибудь сюда, на край света, явится великий полководец, либо король в золотой парче, усыпанной рубинами, и позовет тебя в жены?..

Алмена улыбнулась.

— Не думаю, что усыпанный рубинами король сумеет залезть сюда по отвесной скале...

— Он не залезет! — заверил киммериец. — И никто не залезет, можешь мне поверить! Если только какой-нибудь демон не опустится сюда с небес. Вроде моего знакомого кутруба — громадной образины с крыльями размахом в семь локтей! Но я сомневаюсь, что он тебе понравится: питается он не оленьими или зайцами, но только сладкой человеческой плотью. Разнеси меня Кром в ключья! Кого же ты ждешь, наконец?!

— Я никого не жду, — просто ответила Алмена.

— Не верю! Ты не стара, ты красива и полна сил! Ты не похожа на сумасшедших, иссохших, как скелеты, и трясущихся жриц бога Таписа, которые дают обеты целомудрия, чтобы им разрешили курить фимиаом божеству с головой гиены. Ты не жрица, ты не отшельница! Я ни разу не видел, чтобы ты курила благовония, молилась или завывала, чего-либо выпрашивая у своего божества. Я знаю, я видел и жриц, и отшельниц. Не лги мне!

— Но я никогда не лгу, — сказала Алмена.

— Но сейчас ты кривишь душой. Ты ждешь кого-либо более достойного, чем я, ведь правда?.. Ты называешь меня «доблестный киммериец», но, видимо, я недостаточно доблестен в твоих глазах. Я не привык рассказывать о своих победах, но спроси у Шумри. Он придумал неплохие песенки о битвах, в которых я дрался и побеждал. Пока мы плыли сюда по Стиксу, он развлекал ими гребцов, и им нравилось! Впрочем, что я! Шумри может и приврать, чтобы вышло красивее. Не надо спрашивать немедийца. Проверь меня по-другому! Поручи мне какое-нибудь опасное дело!

— Опасное дело? — удивилась Алмена. — Но какое?

— Я слышал немало песенок и историй из жизни рыцарей. Обычно девушка или прекрасная дама велит рыцарю ради нее убить дракона, великана или еще кого-нибудь в этом роде. Можешь мне поверить, на моем счету много подобных тварей, но для тебя я готов победить совсем уж невообразимое чудовище, с которым до меня

не сражался никто. Что же поделать, раз так принято! Я готов сразиться с самим Нергалом! Ты не знаешь кого-либо, достойного моего меча?

Алмена грустно усмехнулась.

— Достойных твоего меча много, доблестный киммериец. Но если говорить о самом большом зле, которое я знаю, то это Багровое Око. Слышал ли ты о таком?

— Никогда! Впрочем, постой, что-то подобное упоминал Шумри. Кажется, он говорил о рыцаре и о демоне... не помню!

— У него много имен, и ты мог слышать какое-нибудь иное. Чаще всего его имя вообще не произносится вслух. С ним пытались сражаться, но последняя попытка была очень давно. Победить его невозможно. Будь у меня враги, я и врага своего не послала бы к нему в логово.

— Врага не надо! Пошли меня! — радостно вскричал киммериец. — Где обитает это отродье?

— Он живет довольно далеко отсюда, на небольшом острове посреди Южного Океана.

— Чем же он тебе так досадил, если обитает не здесь, а за тридевять земель?... — спросил Конан.

— Я расскажу тебе все, что знаю о нем, и ты не будешь задавать подобных вопросов, — ответила Алмена. — Но ты действительно хочешь сразиться с ним?

— Еще как! — весело подтвердил киммериец. — Я разделаюсь с ним, и сразу вслед за этим прекрасная Алмена станет моей женой!

— Ты плохо слушал рыцарские истории, Конан, — сказала Алмена слегка укоризненно. — Боюсь, ты не понял главного в них.

— Чего же?..

— Рыцари убивали драконов, великанов и людоедов, не ожидая от прекрасных дам никакой награды. Кроме благосклонной улыбки, быть может. Порой дамы отдавали им свою любовь, порой просто махали из окна замка надушенным платочком. Часто они вообще были почетными замужними особами и вовсе не собирались покидать мужей.

— Так ты хочешь сказать, что не будешь моей... в любом случае?

— Я не буду твоей, Конан. Позволь мне объяснить. Может быть, ты сумеешь меня понять... Как ты думаешь, зачем Природа разделила людей на мужчин и женщин? Я знаю, ты скажешь: чтобы у женщин рождались дети и чтобы в любовных ласках получать от жизни одно из

высших ее наслаждений. Да, это так. Но это не все, это только внешняя сторона. Есть еще внутренняя, и она в том, что каждый человек не является целым, не является чем-то законченным. Мужчина стремится к женщине, а женщина к мужчине, чтобы, соединившись, обрести полноту и целостность. Вот, смотри, — она нарисовала веточкой на песке возле своих ног тонкую прямую линию. — Это мужчина, это то, как он идет по своему пути: прямо, вперед. Он проникает, он побеждает, он познает. А вот это путь женщины, — она нарисовала рядом окружность. — Как голубица вокруг гнезда с птенцами, женщина кружит вокруг того, что ей дорого, она растит, охраняет, питает своей любовью... А теперь женщина и мужчина соединились в одно целое, каким стал их путь?

Конан пожал плечами.

Алмена отбросила веточку и провела ладонью в воздухе плавную спиралеобразную кривую.

— Ты собирал когда-нибудь большие раковины на берегу моря? Помнишь, как они закручены красивой спиралью? Если соединить вместе прямое и круговое движение, получится спираль. А она может очень многое. Она может пройти сквозь синий небесный свод и унести выше, в иные и более светлые, чем наш, миры. Мужчина и женщина необходимы друг другу, как вода и ветер — чтобы плыть по морю под парусом, как дерево и воздух — чтобы поддержать огонь. Но если человек и без того живет по спирали, ему не нужно уже ни с кем соединяться. Ты понял меня?

— Я понял тебя, — сказал Конан.

Он не стремился вникнуть в ее туманные объяснения с прямыми и кривыми линиями, но он понял главное: Алмена отказала ему. Окончательно. Глухая тоска и столь же глухой звериный гнев теснились в его грудной клетке. Чтобы не сделать что-нибудь ужасное, не начать крушить все вокруг, он быстро встал и, не прощаясь, зашагал в глубину леса.

Село солнце, спустились серо-голубые сумерки, перешедшие в фиолетовую ночь. Конан все лежал ничком там, где он упал, споткнувшись о корягу, подбородком в мох, ладонями во влажный песок вдоль русла крохотного ручья.

Второй раз в жизни захотелось ему взмолиться о смерти. Совсем недавно, меньше луны назад, он лежал в туземной хижине, душной от запаха сушеных трав и

мазей, и умолял сурового Крома забрать его в страну мертвых. Но тогда он был недвижим, как подбитая на охоте тупа буйвола. Он имел право на мечты о смерти. А сейчас? Сейчас он здоров и силен. Женщина — подумай только, женщина! — сбила его с ног, сломала позвоночник — не тот, что из кости и нервов, но другой, невидимый... Конан закричал зубами. Нет, этому не бывать! Нужно немедленно уходить отсюда, из этого чудесного леса, который оказался ловушкой для его сердца. Такой же паутиной, что плетут пауки туземцев для ловли неосторожных путников. Нужно вернуть свой меч и лук и немедленно уходить.

Мягкие, еле слышные шаги заставили его приподняться и настороженно повернуть голову. Чья-то невысокая фигура вынырнула из-за темных ночных деревьев, приблизилась к нему, и он узнал Шумри. У Конана не было никакого желания разговаривать с немедийцем, он ждал, пока тот заговорит первым, чтобы грубо отослать его назад. Но Шумри молчал. Он присел на землю шагах в пяти от киммерийца и коснулся своей драгоценной цитры. Алмена помогла ему заменить струны: теперь они были не из жил антилопы, а из каких-то неведомых ему, очень тонких и прочных водорослей. Сразу изменился звук — он больше не был скулящим и плачущим, но походил то на игру лунного луча в черном полуночном зеркале озера, то на пляску солнечных пятен в листве.

Вечер смежил веки, Ветер гладит волны, Ветер гладит волны, Смирная Их бег неукротимый. Сердце утихло, После бури Ночь наступает, Ночь наступает.

Утром будет солнце, Ясное, как взоры, Ясное, как взоры Богини, Радостной и юной. Утром мы станем Ближе к небу. Станем мудрее, Станем мудрее.

Звезды или птицы, Моря тихий лепет, Моря тихий лепет Омоет Раны все дневные. Страхи и боли, Темные крики Музыкой станут, Музыкой станут...

Глава 6. Синие камни

Когда Конан проснулся — на том же самом месте, где провалился вчера в сон, убаюканный напевом цитры, — солнце было уже довольно высоко. Шумри, свернувшись калачиком, подтянув колени к груди, спал неподалеку. Впрочем, он тут же проснулся, словно сквозь сон наблюдал за каждым движением киммерийца.

В его глазах были тревога и сочувствие, как будто он смотрел на больного, и взгляд этот разозлил Конана.

— Интересно, как ты нашел меня вчера в темноте? — спросил он. — По запаху, по звуку, по тому, что гремело у меня в голове?.. Сдается мне, скоро ты обучишься здесь всем колдовским приемчикам и станешь настоящим магом. Не хуже стигийских жрецов!

— Магом я не стану, — возразил Шумри. — А как я тебя нашел — вряд ли сумею объяснить... Мне показалось, что на душе у тебя тяжело, да и Алмена после беседы с тобой выглядела расстроенной. Я думал о тебе. Брел, куда глаза глядят, и думал — и сам собой очутился возле...

— Алмена была расстроенной, ишь ты! — Киммериец скептически усмехнулся. — Ну ничего, она быстро утешится, когда я перестану маячить у нее перед глазами!

— Ты хочешь уйти? — удивился Шумри.

— В жизни своей ничего не хотел больше! И прямо сейчас.

— Ты даже не хочешь попрощаться с Алменой?!

— Мы хорошо попрощались с ней вчера. Правда, я забыл попросить назад свое оружие. Если бы ты сбежал за ним, я был бы очень тебе благодарен.

— Конечно, — немедиец кивнул. — Я схожу за ним и тотчас вернусь. Но ты и в самом деле ничего не хочешь ей сказать напоследок?

— Я же сказал, что нет!!! — рявкнул выведенный из себя варвар. — Я хочу только унести поскорее ноги из этих блаженных мест, и если ты будешь медлить, клянусь Кромом, я подожгу все вокруг!..

Шумри не стал больше спорить и благоразумно исчез за деревьями. Вернулся он скоро, как и обещал. В руках он держал меч, лук и стрелы, а также плотно набитый чем-то мешок, сплетенный из травы, и несколько сухих палочек, перевязанных ниткой. Все это он протянул киммерийцу.

— Алмена сказала, что если ты будешь все время идти вдоль ручья, который берет начало из пруда с лотосами, то всего через полдня пути он приведет тебя к южной границе плато. В этом мешке свежие и сушеные фрукты. Твое оружие теперь с тобой, но она просила, очень просила не обижать никого и не лишать жизни, пока ты не покинешь границ ее леса.

— Передай ей, что я потерплю, — сказал Конан.

— Она сказала, что южный спуск намного круче северного и преодолеть его обычным путем невозможно.

Нужно поджечь эти сухие палочки, одну за другой, и тогда на запах их дыма прилетит кто-то или что-то, кто поможет тебе спуститься вниз, чтобы продолжать свой путь дальше.

— Вот как! — Конан усмехнулся, рассматривая палочки. От них исходил резкий, но приятный запах. — Передай же прекрасной Алмене мою благодарность за то, что она так беспокоится обо мне!

— И еще... — Шумри на мгновение заколебался. — Если тебе не опротивело окончательно мое общество, и ты смог бы подождать один день перед тем, как спускаться вниз, дальше мы могли бы пойти вместе.

— Ты тоже собираешься уходить? — удивился Конан. — Но тебе-то зачем? Мне казалось, ты пребывал здесь все это время в полном блаженстве!

— Я узнал об одном обстоятельстве, из-за которого я должен попасть в Немедию как можно скорее. Так ты подождешь меня?

Конан пожал плечами. В душе он обрадовался, что продолжать путь они будут по-прежнему вместе, но не считал нужным открыто демонстрировать свои чувства.

— Почему бы и нет? К обществу твоему я кое-как притерпелся. Только одна просьба: все магические штучки, которым тебя обучили здесь, оставь при себе! У меня может сильно испортиться настроение, если ты будешь читать мои мысли, выращивать цветы из сухих прутиков или заниматься еще чем-либо подобным!

— Договорились, — покладисто кивнул Шумри. — К магии это никакого отношения не имеет, но переубеждать тебя я не буду. В таком случае, я не прощаюсь с тобой. Завтра около полудня увидимся!

Махнув рукой, он повернулся и пошел обратно, туда, где в одном из своих «дворцов» ждала его Алмена. Пусть всего лишь один день и один вечер, но он будет видеть ее, разговаривать с ней... ее легкая рука взъерошит ему на прощание волосы. Конан же никогда больше, никогда...

Киммериец развернулся в противоположную сторону и зашагал быстро и решительно, продираясь сквозь кусты, как раненый и ослепший от боли буйвол, ломая ветви, поднимая фонтаны брызг, скачками преодолевая ручьи.

Шумри не обманул Конана: Алмена была грустна. Вчерашний разговор и сегодняшний поспешный уход киммерийца расстроили ее. Ей казалось, что она не так говорила с ним, можно было найти иные интонации и

иные слова, не наносящие раны, от которой он убегал теперь, словно зверь с волочащимся в боку копьем.

Шумри, не привыкший видеть ее растерянной и печальной, старался не попадаться ей на глаза и не нарушать ее уединения, пока она сама не вспомнит о нем. Впрочем, она вспомнила быстро. Легкая и светлая, обычная ее улыбка зажглась на губах и в глазах, когда Алмена отыскала немедийца, понуро сжавшегося в комок под высоким платаном, шелестящими листьями, похожими на матовое серебро.

— У нас с тобой остался всего один день, Шумри. Не омрачай же его грустью! Давай проведем этот день так, чтобы и сердце твое, и твой ум витали как можно больше. Пойдем! — она поманила его за собой. — Ты видел уже все мои дворцы, но ты не видел еще моего храма. Конан сказал мне, что я не похожа на жриц, которые завывают и воскуривают благовония своим богам. Да, это так — но храм у меня есть. Сегодня я покажу его тебе.

Она долго вела его, взяв, как ребенка, за руку, по видимым ей одной тропинкам в густой траве и голубом мху. Наконец они вышли на берег небольшого овального озера. Во владениях Алмены было много прекрасных озер, но это не было похоже ни на одно из виденных им прежде. Вода густо-синего цвета, ярче и глубже, чем цвет вечернего неба, плескалась в каменных берегах, тоже синих. Подойдя ближе, Шумри понял, что дно и берега озера были из того самого камня, отшлифованные пластинки которого носила Алмена на шее. Казалось, прозрачная вода была налита в огромную чашу, которую вырезали из небесного свода небесные мастера и осторожно спустили вниз, на землю, пожалев и посочувствовав ее обитателям, живущим в убогой тьме.

— Если окунешься в его воды, — сказала Алмена, — то возьмешь все самое лучшее, что есть у воды и что есть у неба, и оставишь, растворишь в волнах все самое тяжелое, чем нагрозила тебя земля. Попробуй! Я отойду и не буду тебе мешать.

Она скрылась за деревьями, и Шумри осторожно и благоговейно вступил в живую прохладу. Сквозь прозрачную воду он видел, как его ноги, бледные и зыбкие, ступают по твердой синеве. От этого и от того, что тело в воде казалось невесомым, он чувствовал себя вознесенным высоко-высоко. Как и говорила Алмена, ничего земного — тяжкого, грязного, унылого, усталого — в нем не осталось. Хотелось забыть себя, раствориться в воде, стать

ее каплей, обкатанным синим камушком на дне, солнечным бликом на поверхности...

Он очнулся от того, что Алмена, смеясь, звала его с берега. Смущенный, он вылез из воды и укутался в свое белое полотно.

— Прости, что я вытащила тебя оттуда, — сказала она. — Еще немного, и я бы не смогла тебя докричаться. Ты остался бы там насовсем. Ты все позабыл, верно?

— Да, — согласился Шумри. — Если бы не твой оклик, я остался бы там, растворился в нем окончательно.

— А между тем, тебе нужно как можно скорей возвращаться в Немедию, — свела его Алмена с небес на землю. Она сняла с шеи ожерелье из синих камней и протянула ему. — Возьми.

— Зачем это?!

— Передашь его Илоис.

— Но я не могу его взять! Это — единственное твое украшение. Оно так идет тебе, и ты его любишь!

— Если бы я его не любила, мой подарок не имел бы смысла. Что касается украшений, то со мной остается это, — она кивнула на озеро. — Наверное, оно не меньше, а больше этой вещицы.

Шумри залюбовался игрой синих камней в его пальцах. Он поднял взгляд на Алмену и поразился: казалось, ее глаза, и эти камни, и озеро — части одного прекрасного целого...

— У Конана тоже синие глаза, — пробормотал он удивленно, вспомнив лицо киммерийца. — Ты приводила его сюда?

— Нет, — покачала головой Алмена. — Ему еще рано. Ты старше Конана, оттого ты можешь видеть это, он же еще нет.

— Старше? — переспросил Шумри. — Мне всегда казалось, что мы с ним ровесники. Ах да, моя седина!..

— Седина тут ни при чем, — улыбнулась Алмена. — Я говорила сейчас о возрасте души, но не тела. Конан — буйный тринадцатилетний подросток. Тебе же — семнадцать или восемнадцать лет, а может быть, и все двадцать четыре.

Шумри не очень понял, что она имела в виду, но объяснять Алмена не стала. Она взяла из его рук ожерелье, нагнула голову и закрепила на его шее.

— Носи его до тех пор, пока ты не встретишь ее. Эти камни нуждаются в тепле человеческого тела, они любят слушать, как бьется сердце. Они были на мне много лет,

и потому в них — мой покой, моя сила. На тебе они пробудут совсем недолго, но успеют нагреться от твоей любви. Они помогут Илоис. Они спасут ее, отведут от края могилы. Но, конечно, вместе с тобой. Сами по себе, без твоей любви, они будут бессильны.

— Ты точно знаешь, что я не опоздаю? — с тревогой спросил Шумри. — Отсюда до Немедии целая вечность пути.

— Ты успеешь, я уже сказала тебе. Да, Илоис сейчас умирает. В самой смерти нет ничего плохого, напротив, очень часто это гораздо более легкая и светлая вещь, чем рождение. Но очень важно, с каким грузом уходит человек. Умирать в отчаянии, проклиная родителей, без спросу наградивших жизнью вместе с грузом ее, проклиная богов, устроивших этот мир так, а не иначе, — очень плохо. Убийца, снесший, не думая, десяток голов своим мечом, виноват перед Великим Законом Равновесия меньше, чем тот, кто хоть одну душу столкнул в темноту отчаяния.

— Это я, — тихо сказал Шумри.

Алмена положила ему на плечо свою руку и заставила поднять глаза и улыбнуться ей.

— Завтра утром ты отправишься в путь и после полудня уже дойдешь до края моей страны, где будет ждать тебя Конан. Когда вы зажжете пахучие палочки, на запах их из трясины восточных болот прилетит одно очень древнее существо. Обычно оно спит, завязнув по самый клюв в иле, но от этого аромата всегда просыпается, и кое-какие воспоминания оживают в нем. Мой старый приятель не слишком красив, но я надеюсь, вы не испугаетесь и не станете его обижать. Он поймет, что вам от него нужно, хотя сам сказать ничего не сможет. Он спустит вас на себе вниз и, если вы захотите, доведет до селения на берегу Южного Океана. Это недалеко. Селение стоит в устье той реки, по которой вы доплыли сюда. Дома в нем из песка. Оно одно на много дней пути в округе. Там вы разыщете мою сестренку. Она не похожа на меня, она странная, но ты, Шумри, обязательно ее узнаешь. И она узнает тебя — и поможет вернуться на родину.

Рано утром Шумри уходил по лесной тропинке. На поясе его висел кинжал, на спине цитра, шее ласково холодили синие камни.

Алмена провожала его до пруда, заросшего лотосами, где они так часто и подолгу говорили, выскальзывая из цепких рук вечно спешащего времени.

— Я хотел бы спросить тебя напоследок об одной вещи, — сказал Шумри. — Отчего ты взяла себе такое странное имя — Исчезающая в Свете? Разве ты исчезаешь? Напротив, ты — самое реальное и сильное из всего, что я видел.

— Не все можно объяснить словами, — отозвалась Алмена. — Если ты сам не чувствуешь, что это такое: исчезнуть, раствориться, стать искрой, крохотным бликом...

— Я чувствую! Я почувствовал это вчера, в водах твоего синего озера.

— Так отчего же ты спрашиваешь?..

Надо было поворачиваться и уходить, но немедиец медлил.

— И еще одно, Алмена... самое последнее! Как ты думаешь, когда-нибудь я увижу тебя еще?

— Конечно! — Она улыбнулась так, что отсветы ее улыбки запрыгали по окрестной листве. — Это очень простой вопрос, Шумри! Тот, кто по-настоящему хочет кого-либо увидеть, обязательно встретается с ним.

— Но где, когда?..

— Где-нибудь и когда-нибудь. Извини, что пока не могу ответить тебе точнее.

Глава 7. Развилка

Как и сказала Алмена, вскоре после полудня Шумри вышел к южному краю плато. Первое, что он увидел, была спина киммерийца, неподвижно застывшего на краю обрыва. Он казался бронзовой статуей, отлитой искусным, но безумным скульптором вдали от людских глаз.

Заслышав шаги, он обернулся, и искренняя радость на миг оживила его лицо.

— Значит, ты не шутил!.. Признаться, я не верил, что есть силы, способные выгнать тебя... — весело начал он, но внезапно выражение его лица изменилось.

Конан увидел на шее немедийца синее ожерелье. Он медленно и нехорошо усмехнулся и вновь повернулся лицом в сторону обрыва, превратившись в статую, олицетворявшую сейчас воплощенное презрение.

— Конан, — Шумри с опаской тронул его за плечо. — Не знаю, о чем ты подумал, но эти камни Алмена подарила не мне.

— Мне, должно быть?! — Киммериец изобразил на лице преувеличенную радость.

— Нет... и не тебе. Она передала их для одной девушки, которая тяжело больна.

Конан яростно махнул рукой, давая понять, что никаких историй о больных девушках он выслушивать не намерен. Шумри вздохнул. В зависшем молчании оба они смотрели на раскинувшееся впереди и под ними вечернее лицо земли.

Обрыв был раза в три выше, чем тот, по которому они взбирались сюда. Далеко впереди синела широкая полоса океана, почти незаметно переходившая в чуть более светлую ткань неба. Блестящая плеть реки, выбиваясь из-под каменной глыбы слева от них, вилась по желто-серым степям и белым пескам и вливалась в спокойную океанскую чашу. Возле самого устья смутно виднелись крохотные строения. Видимо, это и было селение с домами из песка, о котором говорила Алмена.

Солнце клонилось к вечеру, и потому Шумри предложил отложить их спуск с помощью неведомого обитателя болот на завтрашнее утро. Ему хотелось подольше побыть на этом обрыве, в последнем прекрасном «дворце» Алмены. Угрюмый и молчаливый Конан пожал плечами.

Когда стемнело, Шумри разжег костер. Им нечего было варить или жарить, они не опасались нападения диких зверей, но огонь — третий собеседник в ночном разговоре, самый искренний и взволнованный — был необходим.

— Значит, мы не поплывем с тобой дальше вокруг нашей дыни? — нарушил наконец молчание киммериец. Возможно, он обрел способность говорить оттого, что, невидимые в темноте, синие камни больше не мозолили ему глаза. — Я помню, как ты горел этой идеей: из глаз сыпались искры, изо рта вылетали заманчивые обещания...

— Прости меня, Конан, — сокрушенно отозвался Шумри. — Мои планы переменялись. Я узнал здесь нечто такое, отчего мне нужно как можно скорее возвращаться к себе в Немедию. Наш мир действительно круглый, мой аргосский мудрец не соврал. Алмена сказала, что если бы мы поплыли на корабле дальше на юг, нам пришлось бы огибать огромную землю, вечно покрытую льдом и сне-

гом. Потом мы поплыли бы на север, и множество земель встретилось бы нам, похожих и непохожих на наши края. Потом снова были бы льды и снега, и лишь после всего этого мы добрались бы до родины. Много лун ушло бы, может быть, не один год... А мне нужно спешить. Прости меня, Шумри.

— Что же это за важную вещь ты узнал здесь, из-за которой теперь спешишь без оглядки?

— Это касается той девушки, которой я должен передать синие камни. Алмена сказала мне... — Шумри заколебался.

— Можешь не говорить, если не хочешь. Я не любопытен! — буркнул киммериец.

— Да нет, мне как раз хотелось бы рассказать. Когда делишься с другом всем, что у тебя на душе, намного легче выносить тяжесть пути. Но мне кажется, что тебе это совсем не нужно, Конан...

— Гм! — Киммериец задумался. — С другом — конечно. Но до сих пор, признаться, мне как-то не приходило в голову считать тебя своим другом. Слишком уж мы разные. Нередко ты приводил меня в бешенство. Несколько раз я даже хотел расстаться с тобой и идти дальше один. Увидев на твоей шее ожерелье, я чуть не сбросил тебя с этого обрыва, клянусь Кромом!.. Но что-то остановило меня.

— И что же именно? — поинтересовался Шумри.

— Должно быть, я понял, что это не принесет мне особой радости. Пока я сидел тут и думал — времени деять было некуда, я просто сидел и думал! — я не чувствовал облегчения от того, что завтра наши дороги навсегда разойдутся. Странно, да?..

— Нет, — Шумри пожал плечами, — отчего же... Меня это тоже совсем не радует.

— Правда?! Ну-ка, дай мне свой кинжал.

Шумри с некоторой опаской протянул ему острое лезвие, не понимая, зачем оно могло понадобиться киммерийцу.

— Друг — хорошее слово, — сказал Конан. — Но есть еще одно. И мне оно нравится больше.

Он сделал длинный надрез на своей левой руке возле локтя и передал кинжал немедию. Тот, поколебавшись мгновение, сделал то же самое. Затем они сблизили локти так, что струйки темной крови слились вместе и тонким ручьем устремились вниз, впитываясь в песок.

Когда кровь перестала течь, Конан зализал царапину. Кровавое пятнышко на песке он обвел острием кинжала, а затем выложил по окружности несколько белых гладких камней.

— Вот это будет храм, в котором живет теперь дух нашей дружбы. Здесь его никто не тронет. Мы с тобой кровные побратимы, Шумри. Расскажи-ка мне все, что ты не успел рассказать о себе за эти несколько лун.

— Но это займет много времени...

— У нас впереди ночь.

И Шумри рассказал ему всю историю своей жизни — так же откровенно и подробно, как он рассказывал недавно Алмене. О грозном отце, о несчастном заколоте воришке, о руках, которые отказались вонзать железо в чужую плоть, о рыцарском звании, которое он отверг, об Илоис...

Когда он кончил говорить, небо на востоке порозовело, а тьма истончилась. Конан долго молчал, не отрываясь от гаснущих углей костра.

— Счастливый ты человек, Шумри! — сказал он наконец.

— Почему? — удивился тот.

— Тебе есть куда спешить. Ты знаешь, что тебе надо позарез сделать в самое ближайшее время. Мне же... мне все равно куда.

Он встал, подошел к краю обрыва и внезапно взмахнул руками и нагнулся, словно намереваясь ринуться вниз. Испуганный Шумри схватил его за лодыжку. Конан обернулся и рассмеялся.

— Если я захочу уйти, ты меня не удержишь! И никто не удержит. Но я не хочу пока. Но только, во имя Крома! — посоветуй, куда мне идти теперь.

— Алмена сказала мне, что ее сестренка — та, что живет на берегу океана, — поможет нам попасть туда, куда мы захотим. Я вернусь в свою Немедию, а ты, Конан, куда только пожелаешь. У тебя огромный выбор! Когда мы с тобой встретились в Стигии, у тебя были какие-то планы, ты ими горел не меньше, чем я своим путешествием. Теперь ты можешь вернуться к ним.

— Да, я могу вернуться в Кеми. Интересно: помнит ли меня еще та наша птичка? Я думаю, в ее крохотной голове нет места для долгой памяти. А если помнит, тем интересней будет снова скрестить с ней когти! — В глазах его мелькнул на мгновение боевой огонь, но тут же погас. — Я могу вернуться в Кеми и продумывать хит-

роумные планы, как выкрасть из пирамиды бесценную сердоликовую маску с глазами из желтых топазов... и я украду ее в конце концов, но эти планы совсем меня не греют и не будоражат, вот в чем беда! Пока я слонялся по свету вместе с тобой, все это во мне остыло... Послушай, Шумри, — внезапно спросил он, — ты когда-нибудь слышал такое имя — Багровое Око?

— Багровое Око? — переспросил немедиец, — Дай подумать... Кажется, слышал. И даже два раза: первый раз в детстве, в какой-то балладе про храброго рыцаря и нежную даму... второй раз о нем упоминал мой аргосский мудрец.

— И что? Что именно?

— Аргосский старец говорил вскользь, я толком ничего не понял. Тогда была сильная засуха. Все посевы в окрестных полях погибли, горели леса, коровы мычали сутками от жажды... Он сказал: «Видимо, у Багрового Ока здорово пересохло в горле». Сначала я подумал, что он говорит о солнце — оно было тогда совсем красного цвета, как вспалившийся на небе нарыв. Я спросил: «Разве у солнца есть горло?» Он расхохотался, но не весело, а с горечью: «Кто сказал тебе, что в этом виновато солнце?!» Но ничего объяснить не стал, как я ни расспрашивал... А та баллада... я помню ее совсем плохо. Похожа на историю Роальда и Эльбет, такая же безысходная. Рыцарь не смог победить Багровое Око и погиб какой-то особенно мучительной смертью. А девушка покончила с собой... А от кого ты слышал о нем, Конан?

— Мне сказала Алмена, — коротко ответил киммериец. — Гляди, уже встает солнце! Так мы и не поспали. Ты-то отоспишься в своей Немедии, а вот я...

От тлеющих угольков ночного костра они подожгли палочки, которые дала им Алмена. Тонкий сине-зеленый дым заструился вверх, растворяясь в утреннем воздухе. Запахло так, как пахнет в вендийских храмах, где перед золотыми статуями с сапфировыми глазами днем и ночью курятся благовония.

— Либо наш будущий приятель спит где-нибудь недалеко, либо у него должен быть необычайно тонкий нюх, — заметил Конан.

— Алмена сказала, он спит в восточных болотах. Ничего похожего поблизости не видно. Будем ждать.

Ждать им пришлось не особенно долго. Едва перестала тлеть последняя палочка, как в воздухе справа от них послышался шум больших крыльев. Странное существо опустилось на край утеса шагах в пяти от приятелей. Было оно ростом с незабвенного змеекрыса Пха, но намного длиннее. На крыльях и хвосте росли перья зеленовато-ржавого цвета — каждое было размером с меч киммерийца. Голова, шея и трехпалые лапы были покрыты чешуей, блестевшей на солнце, как позеленевшие медные доспехи. Животное было похоже на гигантскую ящерицу, нацепившую на себя перья, чтобы походить на птицу. Золотистые глаза под тяжелыми морщинистыми веками смотрели сонно и хмуро.

— Он, видно, не очень-то рад, что мы его разбудили, — сказал Конан, примериваясь, как удобнее будет взгромоздиться на чешуйчатую спину.

— Алмена сказала, что он смирный и понятливый, — неуверенно проговорил Шумри, заставляя себя приблизиться к боку ящера.

— погоди, я сяду первый, — киммериец устроился так, чтобы ноги его не мешали взмахам огромных крыльев, и несколько раз подпрыгнул, заключив: — Жестковато. Плохо он там питался, в своих болотах: одни кости.

Ящер, давая понять, что прыжки на его хребте ему неприятны, поскреб когтями песок и несколько раз беззвучно открыл и закрыл клюв.

— Ты долго будешь мечтать? — спросил Конан.

Шумри подпрыгнул и, держась руками за пояс киммерийца, устроился позади него. Конан ударил в чешуйчатые бока пятками.

Переваливаясь с боку на бок, как большая утка, ящер доковылял до края обрыва и сорвался вниз. В падении он расправил крылья и, мерно работая ими, с металлическим лязгом трущихся друг о друга чешуй и шорохом перьев, полетел к синеющей вдали полосе океана.

Конану было не впервой совершать перелеты на живых существах. У Шумри же совсем захватило дух. Ровная серо-голубая стена камня за ними, блестевшая в лучах солнца, постепенно отдалялась. Синяя полоса океана становилась все шире. В лицо напирал свежий ветер с ощутимым привкусом соли.

Когда полоса воды совсем приблизилась и можно было уже разглядеть фигурки людей, сплывающих по берегу и возле своих хижин, ящер медленно снизился и призем-

лился на одну из песчаных дюн. До селения он не долетел шагов пятьсот, видимо, чтобы не посеять панику среди бесхитростных рыбаков и их детей.

— Жалко, что путь оказался таким коротким, — посетовал Шумри, прыгивая со спины летучего зверя. — Летел бы и летел дальше...

— Может быть, он довезет тебя прямо до Немедии? — спросил Конан.

Он почему-то медлил слезать с жесткого чешуйчатого хребта.

— Эй! Ты не будешь так любезен слетать на другой конец света? — спросил, дурачась, немедиец, заглядывая в сонный прищуренный глаз ящера.

Словно поняв его, тот затряс головой и заскреб лапами.

— Не хочет, — вздохнул Шумри. — А почему ты не слезаешь, Конан?

— Я возвращаюсь, — сказал киммериец. — Ты уж прости меня. Я решил это еще там, на обрыве. Вспомнил, что у меня тоже есть одно неотложное дело. А спустился вниз — чтобы тебе было веселее гарцевать на этой лошадке, — он похлопал ящера по зеленым бокам.

— За что же тебя прощать? Алмена очень обрадуется!

— В этом я не уверен, — усмехнулся Конан. — Но это не так уж важно.

— Удачи тебе... брат мой! Не знаю, что за неотложное дело тебя поджидает, но — удачи!

— И тебе удачи, брат! Пусть она выздоравливает, твоя Илоис! Пусть ты перестанешь пинать перекасти-поле и займешься чем-нибудь более веселым и более достойным мужчины. Жалко, что мы расстаемся, — он взглянул на припухшую царапину на своей левой руке. — Только вчера породнились, а сегодня дороги наши разбегаются в разные стороны.

— И мне жаль, Конан. Но мы встретимся.

Киммериец улыбнулся недоверчиво, тряхнул головой и прищипорил своего сонного, древнего, как само время, коня.

— Я не шучу, Конан! — крикнул ему вслед Шумри. — Алмена сказала, что все, кто хочет увидеть друг друга, обязательно встречаются. Я верю ей!..

Глава 1. Сестренка

Проводив глазами силуэт ящера с могучей фигурой киммерийца, чья черная грива развевалась по ветру, как пиратское знамя, Шумри побрел в сторону поселка.

Повсюду, насколько мог охватить взгляд, была лишь вода да дюны из белого песка, поросшие можжевельником и вереском. Под ногами то и дело попадались большие ракушки, засохшие морские звезды, клешни и панцири крабов, белые кости коров и овец, обкатанные морем так, что становились похожими на хрупкие безделушки.

Видимо, люди в поселке в основном жили тем, что дарило им море. То и дело навстречу попадались фигуры женщин и детей с корзинами на локте, которые, низко нагибаясь, собирали что-то из пены прибоя, из спутанных нитей водорослей. На чужезмца они взглядывали с настороженным любопытством, но не заговаривали с ним. Как видно, народ этот отличался нелюдимостью и сдержанностью. Они были смуглокожие, со светлыми глазами, черными или рыжими волосами, бровями, сросшимися на переносице. Звуки их резковатой, отрывистой речи щекотали ухо Шумри своей непонятностью.

Он прошел вдоль всего поселка. Густобородые мужчины, чинившие снасти или обмазывающие дегтем лодки, на миг поднимали на него взгляд и тут же возвращались к своей работе. Да, излишним любопытством здесь явно никто не страдал. Даже собаки, выбегавшие за изгороди, тявкали на него не больше двух-трех раз.

Больше всего поражали Шумри их дома. Отчего они не рассыпаются? Ровные, плоские крыши, шершавые стены из мельчайшего белого песка. Впрочем, раза два он заметил, как мужчины и женщины, таская песок корзинами, чинили рухнувший угол дома или снесенную ветром часть крыши. Немедиец подумал, что за подобной

работой они, должно быть, проводят немалую часть своей жизни. Но если им нравится жить в чистых, пахнущих морем, рассыпающихся под ветром домах, — это их право.

Больше всего Шумри беспокоило, что Алмена не описала ему как следует свою таинственную сестренку. «Ты ее узнаешь!» А как это сделать? Подходить к каждой женщине, хватать за плечи и всматриваться в лицо?.. Интересно, долго ли потерпят такое их молчаливо-работающие мужчины с крепкими загорелыми спинами и дикуватными взглядами из-под нависших бровей...

Поселок был совсем небольшой, в несколько шагов Шумри прошел его весь и снова оказался на берегу, усыпанном ракушками, причудливыми корягами и костями. Он присел на одну из коряг и стал смотреть на воду, задумчиво пересыпая в ладонях песок.

Стайка детей промчалась мимо него — лохматые веселые оборвыши. Дети оказались любознательнее взрослых, на какое-то время он привлек их внимание, но, увидев, что он не понимает обращенных к нему криков, они устремились дальше.

Очень долго не было вообще никого. Потом на берегу появилась девочка с огромной собакой. Она бегала и играла с ней, выбивая пятками брызги на мелководье. Приглядевшись, Шумри увидел, что то была не собака, но огромный волк с густой желтовато-серой шерстью, маленькими ушами и прямым хвостом. Он был таким громадным, что его подружка вполне могла бы кататься на нем верхом. Вдоволь наигравшись и навозившись со своим зверем, девочка подбежала к Шумри и, остановившись в двух шагах от него, о чем-то звонко спросила.

На вид ей было лет восемь. Растрепанные темно-русые волосы плескались за спиной, щеки порозовели от беготни. Большие желтовато-карие глаза освещали лицо и часть пространства перед ним. Шумри показалось, что, попав в полосу их света, ему стало тепло и чуть-чуть щекоотно.

Девочка вновь что-то спросила, весело и требовательно.

Шумри хотел было смущенно улыбнуться и пожать плечами, давая понять, что не знает ее языка, но внезапно он почувствовал, что понимает ее слова. Звуки языка по-прежнему были незнакомы, но, сопровождая каждый звук, в голове его вспыхивали картинки и рождались ощущения.

— Отчего ты сидишь тут один? — спросила девочка. — Тебе скучно?

— Мне не скучно, — ответил немедиец и почувствовал, что она также его понимает. — Я ищу одну женщину.

— Кто она?

— Сестра Алмены. Ты случайно не знаешь такую?

Девочка расхохоталась.

— Сестра Алмены? Но у нее нет никаких сестер!

— А разве это не ты? — с внезапной догадкой спросил Шумри. — Разве не ты ее маленькая сестренка?

Девочка опустила на песок, обняла за шею своего волка и уткнулась, смеясь, в его присыпанную песком шерсть.

— Алмена моя сестра? Ха-ха-ха! Что за выдумщица! Она не сестра, она — моя дочка!

— Дочка?! — ошарашенно переспросил Шумри.

Девочка перестала смеяться. Глаза ее приняли задумчивое, нездешнее выражение. Глядя на ее худые руки и плечи, на платье, представлявшее собой ворох серых лохмотьев, Шумри вдруг понял, что этот ребенок — деревенская сумасшедшая, маленькая юродивая. Но в то же время у него не было никаких сомнений, что это именно та, кого Алмена называла своей сестренкой.

— Пусть будет дочка, — сказал он покладисто.

Порывшись в своем мешке, он протянул девочке последний оставшийся в нем фрукт.

— Это тебе от Алмены.

Девочка с удовольствием вонзила в него зубы и мигом перемазалась душистым соком. Не доев, половину она протянула своему зверю. Волк обнюхал предложенное, но есть отказался. Тогда девочка съела все сама.

— Я тоже хотела бы передать кое-что Алмене, — сказала она, тряхнув волосами. — Вот, смотри.

Она протянула немедийцу раковину. Самую обыкновенную раковину, сотни которых валялись на берегу.

— Очень красивая, — вежливо сказал тот.

— Глупый! Посмотри, как она закручивается! Все раковины закручиваются направо, а моя — налево. Попробуй найти еще такую же!

Шумри честно поискал глазами вокруг. Все раковины, которые он мог видеть, и впрямь закручивались направо.

— Передай ее, пожалуйста, Алмене! Мне не жалко. Я могу найти очень много таких, левых. Они сами сползаются ко мне.

— Но я не увижу больше Алмену, — грустно сказал Шумри.

— Как жаль! — вздохнула девочка. Но унывала она недолго. Разглядев на шее немедийца ожерелье, она протянула к нему руку. — Подари мне свои камушки! Я поиграю с ними, а потом брошу в море, и оно станет еще синее!

Шумри вздрогнул. Рука его непроизвольно сжала подарок Алмены.

— Тебе жалко!.. — изумленно протянула девочка.

Ресницы ее задрожали, а рот горестно приоткрылся. Она поднялась с песка и потянула за шею своего волка.

— Подожди! — крикнул Шумри. Он испугался, что она исчезнет, и он никогда не сумеет попасть на родину. Что толку от камней, если он не встретится с Илоис? — Я дарю тебе их. Только в море бросать не надо, оно и без того синее всего на свете. Лучше носи на шее, — он снял с себя и перевесил на худенькую шейку прохладные камни. — Ты станешь очень красивая.

Девочка радостно засмеялась и бросилась вдоль прибоя, наперегонки с волком. Но смех ее внезапно резко замолк, словно отрезанный. Она бегом вернулась к немедийцу. По щекам ее катились слезы.

— Зачем ты дал их мне? Они жгутся! — Она сорвала с шеи ожерелье и бросила ему. — Ты не сказал мне, что эти камни будут жечь! Они не хотят висеть ни на ком, кроме тебя!..

Шумри с ужасом увидел на ее шейке, там, где она соприкасалась с камнями, волдыри от ожогов. Девочка плакала навзрыд, уткнувшись в шерсть зверя. Волк, покосившись на немедийца недобрым желтым глазом, угрожающе зарычал.

— Я не знал, что они будут жечь... — бормотал совершенно ошарашенный Шумри.

— Нет, ты знал! Ты знал, что это не простые камни!..

Рыдания утихли так же резко, как и начались. Девочка запрокинула голову, и волк бережно и сосредоточенно стал зализывать ее ожоги.

— Эти камни дала мне Алмена, — сказал Шумри. — Я должен буду подарить их девушке, которую люблю.

— Какой же ты глупый! Любишь девушку, а чуть не подарил их мне!

— Но только ты можешь помочь мне добраться до нее.

— Ты глупый вдвойне! За плату я не помогаю никому.

Девочка встала с песка и быстро пошла от него вдоль кромки прибоя. Зверь трусил подле ее ног, то и дело задирая голову и утыкаясь носом в ее пальцы. Шумри не знал, что ему делать. Вскочить и бежать за ней? Хватать за руки, умоляя и заклиная всеми богами?.. Но кто может угадать логику сумасшедших? Может быть, она рассердится еще больше...

Немедиец не тронулся с места. Обхватив колени руками, он сидел и смотрел на медленно набегающие на песок волны. Идти ему было некуда и не к кому. Ни языка, ни местных обычаев он не знал. У него не осталось ни одной веселой золотой монеты, звон которой мог бы растопить суровые сердца поселян. Поэтому он решил ночь провести тут же, на берегу. Быть может, утром маленькая юродивая снова придет сюда, и ее непредсказуемый, как прибрежный ветер, нрав разыграет в другом направлении.

Чтобы голодные спазмы в желудке не так терзали, Шумри покусывал горьковатую ветку вереска. Ночь нагнулась на глаза легко и бесшумно, как темное покрывало на голову певчей птицы. Было прохладно. Намного прохладней, чем в джунглях и саваннах, и даже на плато Алмены. Близость океана давала о себе знать.

Глубокой ночью ему послышался сквозь дрему детский смех совсем рядом с собой, шорох босых ног по песку и запах хищного зверя. Но звуки были негромкие, и проснуться он не сумел.

Рано утром тот же смех и шорох с легкостью вытащили его из сна.

— Вставай, пока я не ушла! — звенел над ним детский голосок. Открыв глаза, Шумри увидел, что девочка протягивает ему кусок белой лепешки. — Держи скорей! Бонго украл это для меня, когда пекарь зазевался. Ешь скорей и давай играть!

— Играть? — Шумри виновато улыбнулся. — Мне некогда играть. Я должен спешить на мою родину.

— Послушай! — Она присела перед ним на корточки, натянув платье на худые коленки. — Зачем тебе уходить? Останься! Никто из детей не играет со мной. Когда я подхожу к ним, они кидают в меня водоросли и называют глупыми именами. Они кричат, что я родилась не от женщины, не от человека. Только Бонго играет со мной! Бонго очень хороший, но человек тоже бывает иногда

нужен. Живи здесь! Бонго будет красть для нас обоих лепешки и козий сыр. Я научу тебя отыскивать раковины, закрученные налево. Ты соберешь их много-много! Я научу тебя бегать по воде. Вот так, смотри!

Она понеслась наперерез прибою и взлетела на гребень волны. Ноги ее не проваливались, но держались на поверхности воды, словно она ничего не весила. Бонго, помчавшийся вслед за ней, с беспокойством заметался у ее ног, завыл и зубами принялся тянуть за край платья на берег.

— Бонго ужасно не любит, когда я так делаю, — вернувшись, сказала она, смеясь и трепля зверя за уши. — Но я научу тебя! Тебя он не будет хватать зубами за ноги и тянуть на берег. А еще я построю тебе дом из песка. Какой ты захочешь! Захочешь — он будет рассыпаться от малейшего дуновения ветра, и так весело будет вновь его строить и бросаться друг в друга песком! Захочешь — он будет прочный-прочный. Такой стойкий и прочный дом для самых ленивых...

— Я бы очень хотел остаться, — сказал Шумри (и сказал почти искренне), — но девушка, которую я люблю, умирает. Она умрет, если я ей не помогу.

Девочка вздохнула. Подвижное лицо ее опечалилось. Волк, почувствовав перемену в ее настроении, положил ей на плечо морду и лизнул в ухо.

— Хорошо, — сказала она с покорной грустью. — Уходи куда тебе нужно. Уходи хоть прямо сейчас.

— Прямо сейчас? Но как?..

— Очень просто. Посмотри мне в глаза и представь в голове свой мир. Не весь, конечно, что-нибудь одно, но очень четко. И ты окажешься там.

— Каким образом?!

— Разве ты не знаешь, что через глаза человека можно попасть в другие миры? Ты такой большой, ты почти старый, и ты совсем ничего не знаешь!

— Но тогда все бы так и путешествовали, глядя друг другу в глаза! Не нужно было бы ни парусников, ни колесниц.

— Ну, это все не так просто! — с забавной важностью возразила девочка. — Чаще всего через свои зрачки человек пропускает лишь в один мир. В свой собственный. И порой там бывает так душно, так скучно... А иногда там водятся противные скользкие чудища... Брр! — Девочка передернула плечами. — Есть такие, как и я, но их

меньше. И они все умнее меня: никому не болтают о том, что могут, держат глаза полуприкрытыми, опускают ресницы, как решетку. И поэтому их не закидывают подорослями!..

Девочка встала на колени так, что глазищи ее оказались вровень с глазами Шумри. Янтарные искры перебегали вокруг двух черных зрачков, похожих на два таинственных глубоких тоннеля сквозь пространство и время.

— Чуть не забыла! Если ты представишь что-нибудь нечетко, ты можешь попасть в совсем другой мир. Потому что миров очень много. Даже я не сумела бы их все сосчитать, а ведь я сосчитала звезды!.. Если это случится, не бойся. Ты только обернись назад и хлопни в ладоши, вот так, — она подняла руки и звонко хлопнула над своей головой. — Тогда все в моей голове зазвенит, и ты тут же очутишься передо мной, на этом же самом месте.

Шумри вновь стал вглядываться в ее глаза, затягивающие в себя, как прозрачная морская пучина, пронизанная солнечными лучами, глубокие и невесомые, как заветное озеро Алмены.

Что же ему представить из картинок своей родины, своего мира? Что?.. Ему вспомнилась сосна, росшая на обрыве над речкой, на которую он часто залезал, когда был маленьким. Ствол ее был так удобно изогнут, что на нем можно было лежать часами, свесив босые ноги вниз и прижавшись щекой к шелушащейся теплой коре... Шумри постарался представить ее как можно четче: все ее изгибы, темную зелень игл, пушистую крону. Даже запах ее он попытался представить...

Внезапно что-то встряхнуло его с ног до головы, все тело словно погрузилось в стремительный и теплый вихревой поток. Перед глазами закружились сверкающие спирали. Шумри крепко зажмурился...

Глава 2. Много-много миров

Открыв глаза, Шумри увидел сосну. Ту самую, изогнутую над обрывом, с розовой корой, с острым запахом свежих иголок. Малиновое закатное небо висело над миром, словно багровая мантия короля. Было очень душно.

Шумри огляделся вокруг. Шагах в двухстах от сосны, вверх по холму, должен быть замок его отца — холодная

громада из пяти тяжеловесных башен. Но замка не было. Что могло приключиться? Разрушили враждебные войска аквилонцев или бритунцев? Смело землетрясением?.. Но тогда остались бы развалины. Холм же стоял совершенно пустой, с шевелящейся от слабого ветра травой, с редкими деревьями. В недоумении немедиец спустился к обрыву и заглянул вниз. Где речка, когда-то резво прыгавшая по черным скользким валунам? Внизу было сухо, красноватая пыль покрывала камни и мертвые коряги.

Еще больше Шумри удивился, когда поднял голову вверх. То, что он считал закатом, было серединой дня. Солнце проглядывало из облаков прямо над его макушкой, но солнце странное, багровое и тусклое, каким оно бывает только у самого горизонта.

Что за страшное стихийное бедствие обрушилось на его родину? Никогда не бывало в Немедии такой вязкой, иссушающей жары, такого зловещего солнца...

Станный порох заставил Шумри оглянуться. Из-под корней сосны выползло странное создание, напоминающее толстую гусеницу, но только увеличенную в несколько тысяч раз. Светло-зеленое туловище толчками вытягивало себя из-под земли, рябь мускулов кругами прокатывалась под кожей. На голове были два отростка, напоминавшие рожки, шевелящиеся из стороны в сторону. На каждом покачивалось по черному глазу, похожему на икринку огромной рыбы. Глаза эти наткнулись на Шумри и замерли. Затем неторопливо и размеренно гусеница стала толкать свое жирное тело в его сторону.

Ну, уж таких тварей земля Немедии никогда не родила! Догадавшись наконец, что к его родине этот мир не имеет никакого отношения, Шумри оглянулся и изо всей силы хлопнул ладонями над головой...

...Светлое солнце ударило по глазам. Запах соленой воды и свежесть ветра сменили вязкую малиновую духоту.

Лохматая девочка звонко смеялась, сидя на песке.

— Не получилось, не получилось! Может, останешься?

Шумри только помотал головой.

Девочка затихла, вздохнула и послушно придвинулась к нему, распахнув немигающие глаза.

На этот раз Шумри решил представить свой родовой замок. Правда, он не очень хорошо помнил детали: сколько окон, какой они высоты, какой узор вытесан над

каменной аркой ворот. В своем воображении он рисовал пять высоко взметнувшихся башен, узкие отверстия бойниц, мост на толстых подвесных цепях, глубокий ров со зловонной, подернутой ряской водой, пучки мха в щелях между камнями...

Тело рухнуло в знакомый сверкающий вихрь, его тряхнуло...

Вот он, его родной и ненавистный замок, обитель его детства. Пять грозных башен вырисовывались на фоне слоистых туч, низко нависших над землей. Узкие бойницы походили на холодные глаза рыцарей, смотрящих сквозь прорези в железных шлемах.

Жары и духоты не было и в помине. Дул резкий холодный ветер. Шумри быстро продрог в своей полотняной тоге. Он спустился с холма, на котором стоял, и направился к воротам замка. Мост был опущен, по нему шли пятеро человек в черных кожаных доспехах. Двое из них что-то тащили за собой волоком — по-видимому, очень тяжелое. Подкованные железом сапоги из грубой кожи гулко звенели по каменным плитам.

Шумри хотел было окликнуть их и расспросить. Он не был дома больше десяти лет. Кто правит теперь замком? Жив ли благородный рыцарь Брегг, его отец? По-прежнему ли он проклинает своего трусливого сына?.. Он открыл было рот, но что-то странное, то ли в фигурах, то ли в манерах людей заставило его прикусить язык. Подойдя ближе и вглядевшись повнимательней, он увидел, что фигуры в кожаных доспехах только издали напоминали людей. Под капюшонами из мешковины, низко надвинутыми на лоб, были не лица. Что именно — Шумри не сумел определить для себя достаточно четко. Почувствовав толчок ужаса и отвращения в сердце, он отпрянул.

Проклятье! Утроба Нергала!!! — как взревел бы Конан. Опять он попал не туда!..

Пятеро нелюдей также заметили его и остановились. Видимо, облик немедийца был для них так же страшен и отвратителен, как и их внешность для потрясенного Шумри. Они замерли, не решаясь двигаться дальше. То, что тащили двое из них, оказалось живым. Почувствовав заминку, оно принялось извиваться и подпрыгивать на каменных плитах моста. Из-под низко надвинутых капю-

шонов полились, нарастая, угрожающие звуки, похожие на шипение и треск масла на раскаленной сковороде.

Шумри поднял руки и хлопнул ладонями с такой силой и яростью, что у сестренки Алмены едва не распалась голова...

— ...Потише, потише! — Девочка приложила ладошки к вискам и трясла спутанными густыми лохмами. — От твоего хлопка она едва не раскололась на мелкие кусочки! Хороша бы я была без глаз, сам подумай! Дети совсем задразнили бы меня, а старая Мати перестала бы угощать пирогами с рыбой!..

— Проклятье! — Шумри не хотел и не мог сдерживаться. — Может быть, ты специально не хочешь меня отпускать? Нашла себе большую игрушку?! Что за миры ты мне подсовываешь? Таких нет на земле! А моя Немедия земная, земная!..

Внезапно Шумри оказался сбитым с ног, а на шее своей почувствовал мощную лапу с желтыми кривыми когтями. У самых глаз блеснули ощеренные клыки.

— Бонго, оставь его! Уйди, Бонго! — Девочка оттащила за шее рычащего любимца. — Он не любит, когда на меня кричат, — объяснила она немедийцу.

— А когда забрасывают водорослями? — поинтересовался Шумри, переведя дух и с опаской поглядывая на зверя.

— Детей он не трогает, потому что они свои, а ты чужой, — сказала девочка. — К тому же, от водорослей мне нет никакого вреда. Это даже весело! Иногда я специально обматываюсь водорослями с головы до ног и ныряю глубоко-глубоко. И все под водой принимают меня за свою! И черепахи, и осьминоги, и даже медузы... Только акулы иногда начинают что-то подозревать, не смотря на всю свою тупость!.. Но ты опять вернулся! В чем дело? Совсем не помнишь свою родину?

— Прекрасно помню! — с обидой возразил Шумри.

— Значит, ты просто не хочешь уходить отсюда! — заключила девочка. Она радостно закружилась вокруг него. — Так бывает, так часто бывает! Кажется, что тебе куда-то очень нужно, куда-то очень хочется, а на самом деле тебе хочется только валяться на этом песке и смотреть на это море!..

Она остановилась и испытующе заглянула ему в глаза.

— Скажи честно, чем твоя Немедия лучше этого моря и этого песка?

Шумри готов был согласиться, что Немедия не лучше, а намного хуже, но все-таки ему нужно было именно туда.

— Ах да, девушка! Я совсем забыла... Ну хорошо, давай еще попробуем. Вспомни что-нибудь, что есть только в твоей стране и нигде больше.

Шумри решил представить короля Нимеда. Ему не часто приходилось видеть его, но длинное лицо с тяжелым подбородком и надменно-презрительным выражением было запоминающимся. Для надежности над бронзовой короной на узкой голове он представил знамя с алым драконом, древним символом Немедии.

...Король Нимед, насупленный и иссиня-бледный, смотрел, как возвращаются с поля битвы его разбитые войска. Рядом с ним стояли придворные, советники и старые рыцари, не принимавшие участия в битве ввиду своего возраста. Никто не издавал ни звука. Похоронным молчанием столица встречала своих поверженных воинов. Слышался только глухой топот копыт усталых коней, звон доспехов, пыльных и грязных, да изредка вырывался из груди израненного бойца короткий стон. Алый дракон над головой короля казался вылинявшим и поникшим.

Шумри стоял в толпе горожан недалеко от королевской стражи. Он наклонился к одному из воинов, такому же бледному и угрюмому, что и его король, и негромко спросил:

— Добрый человек, я давно не был в этих краях. Скажи мне, в битве с кем потерпели поражение наши доблестные войска?

Он никак не мог ожидать, что простые эти слова вызовут такую реакцию. Стражник посмотрел на него сначала с недоумением, затем с подозрением, затем с безудержной яростью. Крикнув что-то другим стражникам, он крепко вцепился немедийцу в плечи. Его мигом окружили дюжие воины, скрутили руки и крепко связали их за спиной. Они громко переговаривались между собой на языке, который Шумри слышал первый раз в жизни.

Неужели и на этот раз он промахнулся?! Но как же — король Нимед? И алый дракон?.. Впрочем, никогда у короля Немедии не было такого свинцового оттенка щек,

да и дракон на знамени больше напоминал малиновую ящерицу, задравшую хвост.

Как бы то ни было, вернуться на песчаный берег к маленькой сумасшедшей подружке волка он больше не мог. Невозможно было хлопнуть над головой ладонями, крепко скрученными у позвоночника...

Стражники подтащили его к лже-Нимеду. Тот грозно спросил его о чем-то, сведя на переносице брови, похожие на щетки для чистки лошадей. По-видимому, то был допрос. Шумри ничего не понял, как ни старался применить на практике знания, полученные у Алмены, и расслышать, что же звучит в узкой венценосной голове с мертвенным цветом кожи. Впрочем, судя по выражению глаз, ничего хорошего для него там не звучало. Зрачки у короля, как и у всей его свиты, были не круглые, но вертикальные, похожие на прорезь кинжала. Теперь уже Шумри было не понятно, как мог он ошибиться и принять этот мир за Немедию! Все, все здесь было не такое, как на его родине! И вертикальные зрачки, и серые лица, и незнакомая ткань одежд, такая жесткая на вид, словно ткали ее из металлических нитей, и сам воздух, и витающие в нем запахи...

Шумри несколько раз повторил на своем языке, стараясь говорить миролюбиво, громко и внятно, что он не вражеский лазутчик и не желает вреда их стране и их королю. Он широко улыбался, он придавал своим выразительным глазам выражение простодушное и открытое... но все тщетно. Незнакомый язык разгневал лже-Нимеда еще больше. По его знаку стражники прошли по спине и бокам Шумри древками своих копий, надеясь, видимо, что он станет выражаться понятней. Но их надежды не оправдались. Отчаявшись добиться взаимопонимания, король раздраженно махнул рукой, и стражники поволокли немедийца прочь.

Шумри бросили в каменную нору без окон и каких-либо иных отдушин для света и воздуха. По-видимому, эта камера не предназначалась для долгого в ней сидения. На полу валялась охапка дурно пахнущей травы. У стены было выбито углубление в форме чаши, в которое откудато-то сверху сочилась тоненькая струйка воды.

Стражник, швырнувший его на травяную гниль, спустя какое-то время вернулся и бросил на грудь Шумри кусок черствого хлеба. Шумри попытался объяснить знаками, что ему нужно развязать руки, чтобы он мог поесть, но

стражник на это лишь задергался всем телом и застучал зубами. Шумри не понял, означало ли это приступ неудержимого смеха или ярость. Отсмеявшись, стражник вышел и закрыл за собой обитую свинцом дверь.

Шумри кое-как дотянулся зубами до хлеба, откусил маленький кусок и тут же выплюнул: на вкус это напоминало морскую губку, пропитанную конским потом. Правда, вода, которую приходилось втягивать в себя по капле, лежа на животе, оказалась настоящей водой, только очень несвежей и затхлой.

Заснуть со скрюченными на спине, ноющими от боли в запястьях руками было невозможно. Только раз или два Шумри провалился в короткую дрему. Плескалось море, слепил глаза белый песок, ветер освежал лицо своим соленым дыханием, смеялась своеобразная и странная девочка... Куда же она забросила его, сестренка Алмены?.. Или он сам виноват? Сам, конечно же, сам! Только полный идиот может спутать свою родину с чем-то чужим, не почувствовав в самый первый миг — по запаху, по оттенкам облаков, по собственному молчащему сердцу, по сухим глазам! — что это не то, не то...

Теперь Илоис умрет. Она не дожидется его и умрет в отчаянии. Он, Шумри, тоже умрет в отчаянии — и даже скорее, чем она, но вряд ли это будет достаточным для того, чтобы они встретились («где-нибудь и когда-нибудь», как говорила Алмена). Вряд ли Илоис когда-нибудь и где-нибудь его простит.

Наутро Шумри выволокли наружу. Он правильно догадался, что темница без окон и воздуха предназначалась для недолгого пребывания в ней смертников, ожидающих казни. Ничего похожего на суд в этом мире, видимо, не было. Слово короля было единственным законом. Вчера королю не понравился подозрительный чужеземец, с отвратительно розовым цветом кожи, с очень ярко блестящими глазами, с неприятной привычкой то и дело показывать свои зубы. Он даже не удосужился выучить язык той страны, против которой собирался строить козни! И сегодня чужеземца без излишней волокиты предадут казни.

Подталкиваемый тычками и пинками стражников, Шумри вышел на круглый двор, со всех сторон окруженный высокими стенами. В центре стоял врытый в землю деревянный столб — к нему и прикрутили прочными веревками пленника.

«Как все повторяется!» — усмехнулся про себя Шумри. Он уже стоял так, привязанный к столбу, и ждал казни, и было это совсем недавно. Правда, тогда в трех шагах от него стоял Конан. И они шутили и поддерживали друг друга, пока были силы, чтобы шутить... А потом, в самый последний миг киммериец, чувствуя себя виноватым, обещал ему вырвать его душу с унылых Серых Равнин!.. И хотя Шумри не верил, что это может у него получиться, от этих слов на сердце сразу потеплело, и отчаянье разжало немного свои тиски...

Несколько голых до пояса юношей с короткими луками выстроились напротив него. Их тела, как и лица, имели сине-свинцовый оттенок, что придавало им сходство с ожившими утопленниками. Судя по всему, они были совсем юными, только-только вышедшими из детского возраста. Должно быть, в этом мире, догадался Шумри, принято учить стрелять будущих воинов, используя живые мишени.

По команде старшего стражника первый в ряду юноша натянул лук — и, просвистев, короткая стрела впиалась немедленно в плечо. Он закрыл глаза. Пресветлый Митра, хорошо бы уже вторая попала в сердце! Пусть он окажется метким стрелком, стоящий вторым юноша из чуждального мира, зачем-то похожего на Немедию...

Но второй стрелы он не дождался. В рядах лучников и стражников возникло смятение. Открыв глаза, Шумри увидел, что все с изумлением смотрят на него — вернее, на струйку крови, текущую из раны. Вертикальные зрачки расширились и стали круглыми. Наверное, кровь у них другого цвета, устало догадался Шумри. Судя по оттенку кожи — темно-синяя или фиолетовая.

Без любимого короля никто не осмеливался принять решение. Спустя недолгое время появился лже-Нимед со свитой. Он величественно подошел к пленнику и долго разглядывал, шевеля бровями, его окровавленное плечо, затем прикоснулся к красной струйке пальцами. Окрасившиеся кончики пальцев он также внимательно рассмотрел, понюхал, вытер о край мантии и что-то отрывисто приказал стражникам. Те бросились отвязывать Шумри от столба. Веревки, стягивающие со вчерашнего дня его запястья, они распустили тоже.

Шумри так и не узнал, что за решение принял король. Возможно, он повелел отдать диковинку на растерзание ученых, чтобы те, изучив, рассмотрев и измерив все, что

только возможно, закупорили его тело в огромной банке со жгучей жидкостью, убивающей тление. Может быть, он велел оставить пленника при дворце, как собачку о двух головах, для увеселения знатных гостей. Может быть, он решил подарить его для забавы любимой дочке...

Как ни любопытно было немедленно узнать смысл высочайшего повеления, любопытство свое он удовлетворять не стал. Оглянувшись на серую стену за спиной, он взмахнул над головой руками. Хлопок получился вялым из-за резкой боли в плече, от которой он потерял сознание.

Глава 3. Повелительница птиц

Очнулся Шумри от той же боли. Плечо горело и пощипывало. Кто-то втирал в него горячую мазь.

— Не бойся! Бонго зализет тебе рану, и она заживет очень быстро! — звенел над ним успокаивающий детский голосок.

В глаза ударила пляска солнечных бликов на воде. Соленый океанский воздух казался почти столь же сладостным, как воздух родины. Той самой родины, в которую ему никак не удастся попасть...

Горячая мазь оказалась узким и шершавым волчьим языком. Как ни странно, зализывание помогало: боль в ране становилась слабее.

Шумри заметил, что они находятся теперь в другом месте. Песчаных домов поселка не было видно, куда ни кинь взгляд — лишь небо, море и белые волны дюн. Только у самого горизонта виднелась зеленая щетка деревьев или кустов.

— Где мы? — спросил он, пытаясь подняться и оглядеться.

— Мы забрели довольно далеко. Я часто ухожу с Бонго куда глаза глядят. Я ведь не ожидала, что ты вздумаешь вернуться. Прошел целый день и еще ночь, и вдруг ты вываливаешься. Весь в крови! Ты был как мертвый. Если б не Бонго, мне пришлось бы зарывать тебя прямо здесь, в песок!

Она ладошками зачерпнула песок и подбросила, показывая, как стала бы его зарывать для вечного успокоения.

Шумри покосился на зверя с благодарностью и осторожно погладил по загривку, на что тот клацнул зубами, словно сгоняя осу.

— Бонго не любит, когда его гладят. Он терпит это лишь от меня. Но как удачно, что мы встретили пастуха с козами! Бонго выпросил у него вот это. Держи! — Она протянула немедицу большой ломоть остро-пахучего сыра.

Этот запах, по сравнению с вонью жесткого куска, брошенного ему в темнице, показался Шумри утонченным благоуханием.

— Но скажи мне, — спросил он, утолив голод, — не ужели этих миров так много? И я могу до бесконечности ошибаться, все время попадать куда-нибудь, где хоть что-то напоминает мою Немедию?

— Миров много, я уже говорила, — сказала девочка. Ее лицо с полуоткрытым ртом, с тонкими ресницами, затенившими золотые искры в глазах, стало задумчивым и печально-нездешним. — Никто не может их сосчитать. Столько, сколько шерстинок у Бонго, сколько песчинок на этом холме, сколько мыслей, мелькающих у меня в голове разноцветными картинками...

— Может быть, я быстрее доберусь туда, если поплыву дальше на корабле?

— Конечно, плыви! — обрадовалась девочка. — Я помогу тебе построить корабль. Мы соберем много веток! На берегу есть красивые ветки, извилистые, как рога, и живые, как птицы или ящерицы. Мы сплетем из них корабль, как большое гнездо! Он будет плыть долго-долго...

Шумри отвернулся и уткнулся лицом в вереск. Не подшутила ли над ним Алмена?! Он чувствовал себя игрушкой, живой игрушкой в маленьких прохладных руках, с легкостью пересыпающих из ладони в ладонь не то песок, не то судьбы, не то небесные звездочки...

— Не плачь! И не грызи зубами песок, он невкусный! У меня здорово гудит в голове после каждого из твоих прыжков. Она становится огромной, мне приходится сжимать ее руками, чтобы она не разлетелась в разные стороны! — Девочка смешно надула щеки и сжала за ушами свою голову. — Но так и быть, попробуем еще раз! Все-таки ты плохо ее помнишь, свою родину. Если бы помнил, попал бы с первого раза!

— Я не был там десять лет, — пробормотал Шумри.

— Не так уж это и много! Но мы попробуем еще раз. Не плачь! Пусть только рана твоя немного затянется. А

то, если ты захочешь хлопнуть в ладоши, снова пойдет кровь!

Она вскочила и побежала прочь по песку, подсакивая и размахивая руками. Волк весело подключился к ее игре.

Шумри чувствовал слабость и головокружение от потери крови. Он откинулся спиной на пружинящий вереск и рассеянно наблюдал, как резвится девочка. Босые ноги ее семеняли по песку мелко и плавно, руки мерно взмахивали, как крылья большой птицы, порой замирая в парении. Она то кружила, то неслась наперерез чему-то невидимому, то вычерчивала пятнышками неглубоких следов широко раскручивающуюся спираль.

У Шумри затекла рука, поддерживающая голову, он лег затылком в песок, и глаза его обратились в небо. Все оно, от горизонта до зенита, было в мельчайших черточках птиц. Но птицы двигались странно, не было хаоса в их мельтешении, казалось, кто-то невидимый ими руководит. Еще раз взглянув на девочку, в затем на небо, он с изумлением понял, что движения птиц точно соответствовали ее движениям. Она словно дирижировала мириадом белых и серых живых комочков, вышивающих по светлой голубизне гигантский движущийся узор.

Круги, спирали, кресты, звезды, буквы неведомого Шумри алфавита сменялись на небе, подчиняясь воле тоненьких рук, босых стремительных пяток, голове с развевающейся русой гривкой. Волк то бежал за ее ногами, то останавливался, задирая морду и следил желтыми глазами за стройным танцем птиц. Из его полуоткрытой пасти с жарким радостным языком раздавалось мелодичное подвывание.

Шумри стало казаться, что и свежий морской бриз то затихает, то разгуливается согласно ритму движений девочки. И волны, с шорохом лижущие песок и мелкую гальку, ровным шумом своим стараются создать музыку для ее танца...

Наконец девочка, устав, подбежала к нему и рухнула на песок рядом. Распахнув огромные глаза, она следила, как птицы, уже без нее, долго и вдохновенно рисуют узоры по бескрайнему голубому пространству. Ее грудь прерывисто вздымалась, на губах играла мечтательная полуулыбка. «Кто ты?» — очень хотелось спросить Шумри, но он сдержался, понимая, что этот вопрос будет одним из самых глупых вопросов, когда-либо задаваемых им в жизни...

— Как твоя рана? — спросила девочка, когда птицы, исчерпав запас вдохновения и внутренней музыки, наконец рассеялись, и небесный свод вновь обрел холодноватую безмятежность.

— Я и забыл о ней, — ответил Шумри.

— Тогда давай попробуем снова перебросить тебя домой. Только учти, это будет в самый последний раз. Кто хочет куда-нибудь очень сильно, тот попадает сразу. А кто прыгает, как ты, на самом деле не хочет никуда.

— Не правда! — запротестовал Шумри. — Я очень хочу. Больше десяти лет я живу мыслью об одном человеке.

— Тогда почему бы тебе не представить ее лицо? Я думаю, девушка, которую так сильно любят, может быть лишь единственной на все мириады миров.

Шумри попытался увидеть внутри себя Илоис, но с удивлением понял, что черты ее лица стерлись, расплылись в памяти за долгие годы. Он видел только свет, голубоватый прохладный свет, струившийся из ее строгих глаз, слышал чистый запах лаванды, всегда сопровождавший ее, да еще — чувствовал боль и жар в своем собственном, горячо и сильно забившемся сердце.

Впрочем, Шумри решил, что это даже к лучшему. Если бы он вспомнил лицо Илоис до мельчайших деталей и представил его, и встретил бы в одном из миров не ее, но оборотня, укравшего ее черты, вряд ли он смог бы пережить такое.

— Нет, — сказал он, — ее я касаться не буду. Лучше другое. Главная площадь в Бельверусе, моем родном городе. Зазывные крики торговки, продающих овощи, молоко и овечью шерсть... Песня нищего мальчишки, которую он выводит тоненьким голоском, старательно и жалобно, чтобы вызвать слезу и вслед за слезой — монету у сердобольных хозяек, спешащих на рынок... Пятно на обшарпанной стене самого высокого дома в городе, дома, где живет купец, плавающий в Вендию и Иранистан. Когда я был совсем маленьким, мне казалось, что это не пятно, но профиль темного духа, оживающий по ночам... Крепкий запах кожи, доносящийся из раскрытой двери мастерской, где делают сбрую и седла... Фонтан, в котором веселая струя воды вылетает из распахнутой пасти запрокинувшего голову дракона...

Нищий мальчик тоненько и старательно выводил песню о разбившей ему сердце злодейке. Торговки, стараясь перекричать друг друга, расхваливали свой товар. Пятно на обшарпанной стене, со зловеще изогнутым носом и криво ухмыляющимся ртом, казалось, готовилось вцепиться кому-то в шею. Струя воды из фонтана дробилась о чешуйчатую каменную спину дракона, стекала по его ногам с кривыми когтями из желтого мрамора и выгнутому хвосту...

То был его родной город, ошибиться было невозможно! И свежие конские яблоки на каменной мостовой, и ругань двух старух, сцепившихся их-за медной монеты, и улицы, вполне широкие, но кажущиеся сдавленными и узкими из-за нависших над мостовыми тяжеловесных балконов — все это было знакомо до перехвата дыхания, до щиплющих слез, которым он не давал выкатиться из уголков прижмуренных глаз.

Удивительно, как он мог спутать те три мира, в которые попал вначале, с его родной землей! Да ведь один запах, в первое же мгновение коснувшийся его ноздрей, был единственным на свете, непохожим ни на что другое...

С бьющимся сердцем, растерянный и взволнованный, Шумри шел по улицам города, впитывая звуки, краски и запахи, за десять лет ничуть не ослабевшие и не полинявшие. Впрочем, как ни был он потрясен встречей с родным городом, шел он быстро и целенаправленно: к замку барона Цальса, отца Илоис. Жив ли барон? Если жив, он, должно быть, уже глубокий старик, ведь и десять лет назад он был далеко не молод... Если же его нет на свете, в замке остались другие родственники, у которых можно будет узнать о судьбе Илоис. Жива ли она? («Жива, жива!» — кричало сердце.) Насколько опасна ее болезнь? За кем она замужем? Как можно быстрее всего добраться к тому месту, где она живет сейчас?..

Подгоняемый ударами сердца, Шумри очень быстро добрался до северной окраины города, где находился родовый замок Цальсов — приземистое строение из серо-коричневого гранита с поясными барельефами рыцарей в тяжелых доспехах над аркой ворот. Два стражника в кожаных наплечниках и шлемах стояли по обе стороны двери, обитой толстыми медными листами. В руках они держали алебарды на длинных древках.

Шумри подошел к одному из них, показавшемуся ему моложе и добродушней: дюжему рыжеватуму парню со светлыми ресницами и перебитой в драке широкой переносицей.

— Добрый человек, я не был в этих краях больше десяти лет. Не скажешь ли ты мне, за кем сейчас замужем дочь твоего господина, прекрасная Илоис? — Шумри старался говорить небрежно и словно рассеянн, но вежливо.

Стражник посмотрел на него, как на выходца с того света. Возможно, причиной был странный наряд Шумри и его очень густой загар. Вдохнув про себя, что у него нет ничего, даже самой мелкой монеты, которой можно было бы отплатить стражнику за разговорчивость, немедиец повторил свой вопрос, добавив, что он обошел почти все страны Запада, Востока и Юга, только что прибыл с берегов Южного Океана и поэтому не успел еще ознакомиться со всеми новостями, случившимися в славном городе Бельверусе за время его отсутствия.

На этот раз его вежливая речь отчего-то привела стражника в ярость.

— Пошел прочь, безродный бродяга! Я не позволю смеяться надо мной! Если ты считаешь, что можно скалить зубы над теми, кто служит самому благородному барону Цальсу, одному из самых знатных и богатых господ в Немедии, ты жестоко ошибся! — Он сжал рукоять алебарды и треснул им о камни мостовой с такой силой, что едва не расщепил древко.

Не понимая, чем он мог вызвать такую бурю, Шумри оглянулся на второго стража, слышавшего каждое их слово. Но тот, насупленный и молчаливый, одарил его таким взглядом, что немедиец посчитал за лучшее не искушать более судьбу и попытаться найти ответы на свои вопросы у людей более уравновешенных.

Он отошел от ворот шагов на тридцать и присел под деревом, изображая усталого путника, присевшего отдохнуть. Довольно скоро ожидание его было вознаграждено: из ворот замка вышла пожилая полная женщина в бедном, но аккуратном и чистом платье. Следом за ней шагал высокий негр, неся в руках две огромные пустые корзины. Видимо, то была кухарка или работница кухни, отправившаяся на рынок.

Шумри, держась в отдалении, последовал за ней. Когда они отошли настолько, что стражники не могли его больше видеть, Шумри догнал женщину и задал ей тот же

вопрос. Чтобы растопить женское сердце, он прибавил, что слава о красоте и благородстве прекрасной дочери барона дошла до самых краев земли, из которых он, собственно, и прибыл сегодня утром. Но также, увы! — дошла и горестная весть о том, что она тяжело заболела...

В отличие от стражников, кухарка не страдала болезненным самолюбием, но оказалась зато не в меру смешливой. Хлопая себя по пухлым бокам и приседая, она разразилась захлебывающимся хохотом.

— Слава о красоте дошла... ха-ха-ха! до края света!.. Ну и шутник же ты, чужеземец! Оставайся у нас в замке! Господин барон любит хорошо посмеяться. На прошлой неделе как раз умер его любимец-горбун, подавился косточкой от персика! Ты будешь славно его веселить! Стоит лишь взглянуть на твой балахон, как уже смешно до колик. А уж твои шутки!.. Дочка барона... ха-ха-ха!.. весть о ее красоте... бедняжка... ха-ха-ха!.. тяжело заболела!..

Шумри испугался, что толстухе станет плохо: она побеговала и хватала ртом воздух. Но чем больше он пытался добиться от нее вразумительного ответа, тем сильнее она хохотала и тем упорней уговаривала поступить на службу барону в качестве замены подавившегося шута. Наконец он махнул на нее рукой и быстрыми шагами скрылся в рыночной толпе.

Что случилось? Отчего такой естественный вопрос о муже Илоис и ее здоровье приводит то в бешеную ярость, то к спазмам не менее бешеного хохота?.. Что могло случиться здесь за десять лет — нелепого, смешного, позорного?.. Если бы в этом городе у него был хоть один друг, который смог бы ему все это объяснить!..

Шумри не оставалось ничего другого, как снова вернуться к воротам замка Цальсов. Он решил сидеть здесь до тех пор, пока из них не выедет или не въедет сам барон. Вряд ли вопрос о здоровье дочери вызовет у него взрыв хохота. Даже если она — хвала Митре! — уже выздоровела. А может быть... может быть, ему повезет, и сама Илоис решит навестить сегодня старика-отца?..

Солнце уже клонилось к закату, когда медные ворота со звоном распахнулись, и из них выехала процессия всадников. Впереди на вороном коне с богатой серебряной сбруей ехал господин в зеленом бархатном камзоле, украшенном золотым шитьем. Его горделивая осанка и властный взор выдавали в нем очень знатного и влиятельного человека. Лицо его показалось немедийцу зна-

комым. Приглядевшись, он понял, что всадник очень похож на барона, но гораздо моложе. Видимо, то был его племянник или иной родственник. Если б Шумри не знал, что у Илоис нет братьев, он решил бы, что перед ним сын владельца замка. Самого барона в числе всадников не было. Так же среди них не оказалось ни одного человека, которого он бы видел прежде.

Пока Шумри колебался, обратиться ли ему со своими вопросами к родственнику барона Цальса, тот уже проехал мимо него, глядя прямо перед собой холодными и надменными глазами и не обращая внимания на многочисленные поклоны ремесленников, мастеровых и нищих.

— Этот молодой господин, должно быть, родственник владетельного барона Цальса? — спросил немедиец у одного из нищих, кланявшегося особенно низко.

— Родственник, родственник, — охотно отозвался нищий, машинально кланяясь и Шумри тоже. — Как есть, самый близкий родственник. Сынок его...

— Но у барона никогда не было сыновей! — воскликнул Шумри, окончательно ничего не понимая. — У него одна дочь!

— Дочерей как раз ему боги не дали. Сыновей было пятеро, да кто в детстве умер, кто погиб в сражениях с проклятыми аквилонцами, остался один вот этот, старшенький, — объяснял словоохотливый нищий. — Скоро, скоро будет он хозяином замка: старый барон совсем плох, уж и слуги больше слушаются молодого хозяина. Господин он достойный и воин доблестный, жену-красавицу недавно взял, дочка родилась две луны назад...

— Дочка... — растерянно пробормотал совершенно сбитый с толку Шумри. Смутная догадка вдруг забрезжила в его голове: — А как называли дочку, не знаешь?

— Отчего не знаю? — обиделся нищий. — Почитай, уж тридцать лет здесь сижу, под стенами его замка, все знаю — и про папашу его, и про всех родственников, даже собак любимых охотничьих как зовут, знаю...

— Не нужны мне собаки! Дочка, дочка?..

— Илоис называли... Ребенок здоровенький... Правда, он сына ждал, но и по случаю рождения дочки пир задал знатный, ублажил всех и меня, старика, тоже...

Шумри прислонился спиной к стене и уперся в нее руками, чтобы удержаться на враз ослабевших ногах.

— А год сейчас какой, старик?.. — прошептал он. — Год?..

— Год какой?!.. — Старик оскорбился, решив, что все это время беседовал с сумасшедшим.

— Я упал с коня в сражении... ударился головой, и теперь часто теряю память. Будь добр, только напomini...

— Год ястреба, какой же еще?..

Год ястреба! В этом году маленькому Кельбергу исполнилось два года, а Илоис только-только родилась...

— Эй, эй! — испуганно закричал старик. — Если у тебя падучая, отцепи от меня свои пальцы! Да ты же порвешь мне последнюю одежду!..

— Прости, — Шумри с усилием оторвался от плеча старика и попытался улыбнуться.

Но улыбка вышла такая, что собеседник его испугался еще больше и, отмахиваясь от него, как от наваждения, двумя руками, скрылся в потоке горожан.

Шумри все с той же улыбкой подумал, что где-то не очень далеко отсюда бегают маленький резвый мальчик по имени Кельберг Брегг. Его мать, прекрасная, нежная, юная, смеется над тем, как он выговаривает свои первые слова, как валяется во дворе замка в обнимку с охотничьими собаками, как размахивает крохотным деревянным мечом, самым первым подарком отца... Наверное, забавно было бы взглянуть на себя самого, хотя бы издали. Еще больше Шумри хотелось бы увидеть свою мать, которую он помнил лишь по портретам. Домашние и слуги рассказывали, что она была удивительная... Но не было сил.

Сил у него осталось лишь на то, чтобы завести над головой руки и свести их ладонями вместе. Хлопком назвать это было трудно, но, тем не менее, каменная ограда замка, мельтешня торговых, ремесленников и нищих, весь родной Бельверус, с таким трудом обретенный, исчез.

...Холодная соленая вода накрыла его с головой. Шумри чуть не захлебнулся от неожиданности. Он вынырнул на поверхность, выпустив изо рта и из носа терпкий фонтан, и поплыл к берегу, к счастью, видневшемуся всего в нескольких шагах.

Судя по залиvistому смеху, девочка чувствовала себя в воде прекрасно. Она ныряла и играла, как молодой дельфин. Серый зверь, дожидаясь ее, пританцовывал от нетерпения на прибрежной гальке.

Шумри выбрался на берег, отжал одежду прямо на теле и принялся растирать себе грудь и плечи, пытаясь хоть немного согреться. Как и в Немедии, здесь был вечер. Солнце почти целиком скрылось в волнах, осталась лишь узенькая огненная дуга, золотившая морскую рябь.

— Эй! Взгляни-ка сюда! — окликнула его девочка.

Но Шумри не оглянулся. Хватит с него. Он не желал больше смотреть, что бы она там ни вытворяла. Пусть закаты блики на воде сплели ковер из живого света, пусть лилово-розовые облака на небе играют друг с другом в догонялки, пусть все твари морские разом вынырнули из пучин, чтобы помахать плавниками и лапами ему, Шумри. Пусть. Ему это не интересно больше.

Он слышал, как девочка вышла на берег, прошелестела по песку, натянула свои лохмотья, потом что-то, смеясь, сказала волку. Спустя какое-то время она подошла к нему сзади и коснулась руки.

— Послушай! Я разожгла костер. Пойдем к нему, а то ты купался в одежде и можешь замерзнуть.

Не глядя на нее, немедиец прошел к небольшому костерку, пляшущему в кругу, красиво выложенному из белых и серых камней. Он не знал, каким образом она добыла огонь, но и это было ему не интересно.

— Снимай и суши одежду! — велела девочка. — Не бойся, я не буду на тебя смотреть. Гораздо интереснее смотреть вот на это! — Она указала подбородком на синеву, густеющую над их головами, с первыми искрами звезд.

Шумри разделся, положил мокрую тогу на камни у самого огня и придвинулся как можно ближе к теплу, так что чуть не обжег себе колени.

— Здорово я придумала, верно? — спросила девочка. — Но отчего ты не рад? Ведь ты попал наконец в свою Немедию, я же знаю!

Шумри не ответил.

— Тебе что, не понравилась моя затея?.. — удивилась девочка. — Неужели ты такой скучный? Разве не интересно взглянуть на свою девушку, когда она еще только родилась? Такая крохотная, забавная, легкая, как пушинка... Наверное, ты не любишь маленьких детей! — догадалась она. — Еще бы, ведь с ними нужно играть, кормить, петь колыбельную... Но уж с самим собой-то, наверное, встретиться было здорово! Можно щелкнуть самого себя по носу, можно рассказать сказку, можно

оставить таинственное, предупреждающее о будущих бедах, письмо. А что сделал ты?

И на этот раз не дождавшись ответа, девочка разочарованно вздохнула.

— Вот уж не думала, что ты такой взрослый, такой скучный! Не любишь играть, не смеешься от забавных шуток. Когда я увидела тебя в первый раз, мне показалось, что нам с тобой будет весело. Но я ошиблась в тебе!

— Одного я не могу понять, — тихо сказал Шумри. — Отчего Алмена назвала тебя своей сестрой? Вы с ней совсем не похожи. Алмена не жестокая, а вот ты...

— Алмена мне не сестра, я ведь уже сказала тебе! — воскликнула девочка. — Она моя дочка. А дочки бывают разные. Бывают дочки скучные, бывают вредные, бывают капризные, бывают послушные... Алмена — очень послушная дочка. Она совсем не любит играть! Вернее, играет иногда, но игры ее такие неинтересные, такие правильные... — Девочка сморщилась и затрясла головой, словно ей было скучно при одном воспоминании об играх Алмены. — Но раз она тебе нравится, значит, ты такой же, что и она. И мне с тобой больше не интересно! Уходи в свою Немедию! Можешь уйти утром, можешь — прямо сейчас, как только подсохнет твоя одежда.

— Я бы ушел сейчас и даже в мокрой одежде, — сказал Шумри. — Но я больше тебе не верю. Тебе снова захочется поиграть, и ты забросишь меня лет на пятьдесят вперед...

— Отличная идея! — Девочка захлопала в ладоши. — Именно так я и сделаю! Ты встретишь свою девушку, но она будет старенькой-старенькой. И очень мудрой. Впрочем, нет, старики не всегда мудреют. Может быть, она упадет в детство и станет совсем как я! Представляешь, как вам будет интересно встретиться и поговорить! Хотя... — Она засомневалась. — Ведь ты, кажется, сказал, что она тяжело болеет? Вряд ли она доживет до старости. Придется отправлять тебя в сегодняшний день!

Шумри потрогал свою одежду. Она была еще влажной, но он поднял ее с камней и принялся одеваться.

— Ты можешь посидеть еще! — нарочито безразличным тоном сказала девочка. — Конечно, мне порядком надоело твое общество, но я потерплю. Пусть хотя бы взойдет солнце! Пусть твоя одежда просохнет до конца.

— Я уйду сейчас, — сказал Шумри. — Твое общество мне не просто надоело... Если сейчас я не окажусь от тебя

на расстоянии трех полетов стрелы, я не знаю, что со мной будет...

Он решительно зашагал во тьму под скрип влажного песка и шорох ночного прилива.

— Эй! — девочка догнала его и забежала вперед. — Но так ты никогда не вернешься в свою Немедию!..

— Я в нее не вернусь в любом случае, — с безнадежностью в голосе проговорил Шумри. — Но, по крайней мере, не буду больше твой большой игрушкой.

— Ты не игрушка! Ты не игрушка!.. — топая ногой и трясая волосами, девочка заставила его остановиться. — Я играла с тобой, а не тобой, это совсем разные вещи! Я не ожидала, что ты такой занудливый и скучный! Уходи в свою Немедию! Сейчас же!!!

Лицо ее разгорелось, глаза сверкали, кулачки потрясали воздух. Глядя на нее, немедиец не мог не усмехнуться. Казалось, его усмешка охладила ее и успокоила.

— Должно быть, ты сердись, оттого что боишься опоздать к своей девушке? Но это так просто исправить! Если хочешь, я переброшу тебя во времени на три дня назад. На столько, сколько ты потерял здесь со мной. Хочешь?

Шумри отрицательно покачал головой.

— Но вернуться-то ты хочешь? Вернуться домой?!

— Хочу, — ответил Шумри. — Но я тебе не верю.

— А тебе и не нужно мне верить! Тебе даже не обязательно что-то представлять. Я ведь уже знаю, какая она, твоя Немедия, и где она. Только посмотри мне в глаза!

— Мне даже в глаза тебе смотреть не хочется, — пробормотал Шумри. — Они лгут.

— Ну хорошо, хорошо, хорошо! — Девочка взмахнула руками, словно желая от него поскорее отделаться и соглашаясь на все требования. — Ты совершенно ничего не понимаешь, но я не буду тратить время на объяснения. Не смотри мне в глаза. Посмотри вот ему, — она протянула к себе, ухватив за загривок, волка, не отстававшего от нее ни на шаг. — Он ведь тебе не лгал — он вообще никому не лжет. А я прижмусь к его голове, вот так. И это будет все равно, как если бы ты смотрел на меня.

Она обхватила зверя руками за шею и зарылась лицом в густую шерсть.

— Но сейчас темно... — неуверенно произнес Шумри.

Волк поднял голову и посмотрел на немедийца строго и холодно. Его прозрачно-желтые честные глаза неярко

светились. Он смотрел исподлобья и не мигая. Зрачки расширились.

— Я переброшу тебя во времени, но чуть-чуть, лишь на несколько часов, — пробормотала девочка. — Ты окажешься там утром, выспавшийся и отдохнувший. Жалко, что ты не любишь играть, мы бы могли с тобой так много, много придумать!..

Глава 5. Возвращение Кельберга

Было утро, как и обещала девочка. Не слишком раннее, но еще свежее. Шумри чувствовал себя так, словно только что проснулся и поднялся с гамака в зачарованном лесу Алмены. Он стоял перед входом в замок барона Цальса, на том же самом месте, где совсем недавно пытался разговорить стражника. Две фигуры с алебардами по-прежнему охраняли обитую медью дверь.

Подойдя ближе, он увидел, что правый стражник был тот же самый — с перебитой переносицей и рыжеватыми ресницами над преданно-тупыми, водянистыми глазами. Только от молодости его не осталось и следа. По грубым морщинам, избороздившим лицо, по густой проседи было видно, что ему не меньше пятидесяти.

Значит, сестренка Алмены наконец-то перестала забавляться с ним! Он у себя на родине. Он в сегодняшнем дне. Где-то — не слишком далеко отсюда — умирает от его предательства Илоис...

Хотя сердце его грохотало, как бешеное, Шумри принял самый непроницаемый вид. Он подошел к знакомому стражнику и заговорил, стараясь взять тон властный и решительный.

— Любезный! — высокомерно обратился он к нему. — Перед тобой — известный целитель из Кофа. Доложи обо мне своему господину. Скажи ему, что я сумею вернуть здоровье его дочери.

Стражник покосился на него с подозрением. На миг Шумри показалось, что он сейчас рывкнет: «Убирайся отсюда, безродный бродяга! Какой ты целитель?! Я помню, как ты вчера насмехался надо мной!» Но то, что для Шумри произошло лишь вчера, для стражника было незначительным эпизодом двадцатипятилетней давности, и он, конечно же, ничего не вспомнил. Подозрения его вызывала внешность Шумри. Известному целителю по-

лагалось бы одеваться получше. Да и золотых украшений — знаков достоинства и богатства — на нем что-то не видно. Впрочем, может быть, в Кофе так принято среди врачей: носить белую ткань вместо камзола и синие камни на шее вместо золота и серебра?..

— Я позову моего хозяина, — сказал страж неохотно, — только учти: если ты один из тех шарлатанов, что пользуются его несчастьем, чтобы выкачать побольше денег, то лучше проваливай сразу! Мой хозяин научился распознавать таких с первого взгляда! Он только взглянет — и тут же велит заняться тобой мне и моим приятелям!

— Не беспокойся, — надменно успокоил его Шумри. — Ни тебе, ни твоим приятелям не придется трудиться, выгоняя меня.

Стражник ушел и тотчас вернулся, приказав Шумри идти за ним в покои барона. Он провел его через анфиладу комнат и залов, богато украшенных, но запущенных, словно хозяйский глаз давно не скользил по их стенам, лепным украшениям и обивке мебели. У порога одной из комнат стражник остановился, приоткрыл дверь и, почтительно поклонившись, пропустил целителя внутрь и оставил наедине с бароном.

Прежде всего Шумри поразил контраст: совсем недавно он видел его лицо, пышущее молодостью и жизненной силой. Серые глаза смотрели горделиво и властно, богатый зеленый камзол облегал широкие плечи, городской люд клонился и расступался перед копытами его холеного вороного коня. Теперь перед ним был глубокий старик. Он изменился гораздо больше, чем стражник. Видимо, не только время трудилось, испещряя морщинами лицо, притушивая блеск глаз, пригибая к земле плечи и голову, но и большое горе. Правда, выражение лица не стало менее надменным, менее высокомерным, но надменность эта казалась ширмой, за которой скрывается усталость раздавленного судьбой человека.

Отец Илоис смотрел на него пристально и недоверчиво. Множество лекарей перебивало в его замке, и каждый клялся исцелить его дочь, единственное по-настоящему дорогое ему существо, но с каждым днем Илоис становилось все хуже, она медленно и безропотно уходила в мир серых теней... Вот пришел еще один. Не прогнать ли его сразу? Правда, на шарлатана, искателя легких денег он не похож, но на ученого целителя похож еще меньше.

Странный, загорелый до бронзовой смуглоты чужеземец в белой полотняной тоге, с цитрой за плечами, с синим ожерельем на шее и глазами, горящими таким напряжением, словно что-то важное должно сейчас свершиться в его судьбе. Кажется, где-то он уже видел это лицо, эти выразительные глаза, но очень давно, не вспомнить где и когда...

Барон кивком головы указал Шумри на кресло перед собой.

— Я почти не надеюсь, что кто-нибудь или что-нибудь сможет помочь моей дочери, — сказал он, закончив разглядывать странного посетителя. — Надежда иссякла в моей груди, как иссякает ручей в засуху. Илоис болеет уже десять лет. Самые знаменитые врачи Немедии и Аквилонии пытались ее лечить. Я платил им огромные деньги. Приходили вендийские и хитайские знахари, такие же странные, что и ты. Колдуны с далекого севера и с крайнего юга трещали над ней своими трещотками и обкуривали травами. Но все они только еще больше изнурили ее и ухаживали, звеня полученным от меня золотом. Давно уже я перестал платить лекарям. И ты, чужеземец, если надеешься что-либо получить от меня, лучше уходи сразу. Я заплачу тебе очень много, я заброшаю тебя золотом, но только тогда, когда я увижу свою дочь здоровой.

— Не будем пока говорить о плате, — сказал Шумри. — Я хотел бы услышать от вас поподробнее о ее болезни.

— О чем тут рассказывать? — Старик нетерпеливо вздохнул. — Илоис заболела, когда ей было всего пятнадцать. Некоторые, например, сестра моей жены, а также кормилица дочери говорят, что это случилось от того, что ее бросил жених. Но это глупые бабские выдумки! Жених ее был мальчишка, презренный, трусливый и слабый, испугавшийся выступить на рыцарском турнире и сбежавший из дома. Он опозорил и огорчил своего почтенного отца, он вызвал волну насмешек в среде знатной молодежи, но при чем же здесь моя дочь? Избавившись от подобного жениха, можно лишь возрадоваться да поблагодарить милосердного Митру за то, что не допустил ее стать женой ничтожества!

— Но, может быть, ваша дочь любила своего жениха? — осторожно предположил кофский целитель, стараясь, чтобы румянец, выступивший на его скулах, можно

было отнести за счет сочувствия и желания как можно лучше разобраться в причинах болезни.

— Любила?!.. — Барон затрясся, издавая кашляющие звуки, что должно было означать саркастический смех. — Да она и видела-то его один или два раза!

«Три! Три!» — чуть не поправил его Шумри, но благородно сдержался.

— Впрочем, ничтожество это не заслуживает столь долгого о нем разговора... Болезнь моей дочери развивалась постепенно. Сначала мы думали, что она просто скучает в девичество. В семнадцать лет ее выдали замуж, и, клянусь Митрой, любая девушка была бы в восторге от такого супруга. Доблестный воин, знатен, богат и отменно хорошо собой! У них родились двое прекрасных мальчишек, и я уже успокоился за ее судьбу, как вдруг, через три года после свадьбы муж ее потребовал, чтобы она оставила его и вернулась в родительский дом. Он заявил, что не может жить дальше с женой, которая в супружеской постели холодна и недвижна, как гиперборейский лед, которая может целыми днями сидеть, глядя в окно и не произнося ни слова, которая отказывается укринать собой пиры, балы, охоты и прочие благородные развлечения, а если после долгих уговоров и приходит на пир, то у добрых его друзей кусок не лезет в горло от ее бледного и умирающего вида. Спустя полгода он женился на другой женщине, которая, как говорят, хорошо заботится о сыновьях Илоис... Дочь же моя вот уже пять лет живет со мной в этом замке. Последние два года она почти не встает с постели... Ну, а теперь мы пойдем к ней, и если ты действительно хороший лекарь, чужеземец, ты расскажешь мне о ней больше, чем я тебе.

Барон встал, и Шумри поднялся следом за ним. От мысли, что сейчас он увидит Илоис, ноги отказывались ему подчиняться. Нет, надо как-то подготовиться к этому моменту и ее, и себя... Тем более, что встречаться придется в присутствии ее отца.

— В моей целительской практике я применяю не один метод, но несколько, — важно сказал он барону. — Возможно, один из них не приведет к цели, тогда поможет другой или третий. Начать бы я хотел, используя целительную силу музыки.

— Как тебе будет угодно, — пожал плечами барон.

Они поднялись по ступеням винтовой лестницы на верхний этаж замка и остановились у одной из дверей.

— В целях лучшего лечебного воздействия больная вначале не должна видеть меня, но только слушать музыку, — сказал Шумри.

— Хорошо, — согласился барон. — Я задерну полог на ее кровати. Он из плотного бархата, она не увидит тебя.

С бьющимся до боли в ребрах сердцем Шумри шагнул в округлую полутемную комнату с узкими окнами, сквозь синие и зеленые стекла которых пятнами падал на пол слабый свет. Темный бархат скрывал от него постель, на которой лежала та, о ком он думал каждый миг своей жизни.

Барон, стоявший у изголовья дочери, сказал ей тихо несколько слов, затем вернулся к целителю и кивнул головой.

Шумри снял с плеча цитру, чей голос был настроен нежными и чуткими руками Алены.

Сначала он просто вызывал к жизни мелодии, приходившие ему на ум, какие он слышал в своих бесчисленных странствиях. Какие впитывал в себя ветер, проносившийся по степям, горам и джунглям, pinaющий перекасти-поле, срывающий желтые орхидеи, путающий плети лиан... Потом он перешел к напевам родной Немедии. Он пел колыбельные, которыми немедийские матери уводят в сон своих маленьких детей, он пел огневые песни, которыми укрепляют свой дух воины перед битвой.

У старого барона помятели и прояснились глаза. Он на цыпочках подошел к постели дочери и заглянул за край полога. Вернувшись к Шумри, он знаком повелел ему нагнуть голову и прошептал на ухо:

— Она плачет! Я не видел ее слез уже несколько лет. Может быть, ты сыграешь что-нибудь веселое?

Шумри, не прерывая игры, так же шепотом ответил:

— Это хорошо, что она плачет! Пусть! Слезы тоже иногда бывают лекарством: они омывают и очищают душу, как летний дождь очищает лицо земли.

Теперь из-под пальцев его полилась любовная песня, та, что он играл и пел когда-то для Илоис. Это было в последнюю их встречу, когда ошеломительное открытие взаимной любви бросило их друг к другу. Тогда его качало от хмеля и счастья, и голос его прерывался, и слова путались, но Илоис сказала, что более прекрасной песни не слышала никогда.

То была история о двух влюбленных, которым судьба не позволяла соединиться. Решив покинуть этот мир, они выбирают, как сделать это красивее всего. Ринуться ли с высокого утеса, чтобы несколько мгновений пожить, как птицы, белые смелые птицы, не ведающие забот... спрыгнуть ли с борта лодки далеко от берега, чтобы в зеленой воде ощутить себя рыбами, вольными и прохладными, не знающими тоски... Или же остаться людьми и в последний свой миг и насмотреться на алый, на царственный и горячий цвет собственной крови, истекающий из раны в груди...

Внезапно песню прервал донесшийся из-за синего полога негромкий вскрик. Старый барон ринулся туда, и комнату потряс рев, полный отчаянья и бешенства.

— Ты убил ее!!! О, ты убил ее, мою дочь!..

Шумри выронил цитру и подбежал к постели. Он увидел Илоис, очень бледную и очень худую. Глаза ее были закрыты, под левой грудью на белой рубашке расплывалось алое пятно, а в складках белья лежал небольшой кинжал, выпавший из ее пальцев.

— Презренный обманщик! Наглый шарлатан! Я выдумую для тебя самые страшные пытки! — кричал вне себя старик, потрясая жалкими сморщенными кулаками.

Присмотревшись, Шумри с огромным облегчением увидел, что Илоис не мертва, но лишь в обмороке. Рана ее показалась страшной только с первого взгляда. Тонкой синеватой руке с прозрачными пальцами не под силу было сжать рукоять как следует и нанести смертельный удар.

Шумри хотел было перевязать ее рану, оторвав кусок простыни, но обезумевший старик оттолкнул его. На крики барона сбежалась стража.

— В темницу его! Он убил своей музыкой мою дочь! Хватайте его и вяжите крепче, крепче!!!

— Подождите! — Шумри едва успел сорвать с шеи ожерелье Алмены и вложить его в недвижную ладонь Илоис. — Неужели вы не видите: она вовсе не умерла! Ее рана не опасна, она всего лишь потеряла сознание!..

Но стражники, повинувшись воплям своего господина, навалились ему на плечи и руки и поволокли к дверям.

— Обещайте мне, — кричал упирающийся Шумри барону, — что вы наденете его камни ей на шею! Они обладают целительной силой! Они обязательно ей помогут! Если же не помогут — казните меня!..

— Я обещаю тебе!.. — кричал старик, в ярости пытаясь разорвать на себе парчовые одежды. — Я обещаю, что эти камни будут на твоей шее, когда ты повиснешь вниз головой! Я обещаю такие пытки, которым удивятся даже в Кхитае!..

Целителя из Кофа вытащили за дверь и поволокли вниз по лестнице.

— Сторожить как следует! Не спускать с него глаз ни на миг! И не вздумайте его казнить, пока я не придумаю ему самую страшную казнь! Я, я, я! — до утра буду выдумывать ему казнь!!! — задыхаясь и хрипя, наставлял стражников бегущий следом барон.

Он затих, только когда за Шумри захлопнулась тяжелая дверь темницы.

Когда барон на дрожащих старческих ногах поднялся в комнату дочери, его ожидало новое потрясение. Илоис пришла в себя. Не обращая внимания на струящуюся из неглубокой раны кровь, она рассматривала синие камни, оказавшиеся в ее ладони.

— Что это такое, отец? — спросила она.

Барон уже забыл звук ее голоса — так давно Илоис не разговаривала ни с ним, ни с кем-либо другим.

— Это... это... — забормотал он, протягивая к камням трясущиеся руки, — это талисман проклятого кофского колдуна... Отдай их мне! Я выброшу их в реку... Их колдовство принесет тебе вред!..

Но Илоис крепко сжала прозрачную ладонь с камнями и покачала головой.

Шумри оказался в каменном мешке, почти таком же, как тот, куда бросили его в мире с фиолетовой кровью. Единственное отличие — хлеб, кусок которого швыряли ему раз в день, был съедобным.

Его держали в камере смертников, потому что барон собирался казнить его самой лютой и страшной казнью на следующее же утро. Но память старика и его рассудок, подточенные долгими годами тревоги за жизнь дочери, были уже не те, что прежде. Проснувшись утром, барон был в полной уверенности, что кофийский шарлатан, заставивший его испытать такой ужас и такое отчаянье, уже предан мучительной смерти. Правда, он не очень помнил, какой именно, но это было и неважно. Даже если его подвергли не слишком изощренному виду казни,

особой беды в этом не было: ведь Илоис не умерла. Больше того, она встала с постели!

Прилежная стража продолжала сторожить узника, как было ей приказано, ни на миг не спуская с него глаз. Возможно, у начальника стражи и мелькала мысль, что барон выдумывает способ казни уж слишком долго, но, как полагается хорошо вышколенному слуге, он не позволял себе задавать хозяину лишних вопросов.

Шумри потерял счет дням, проведенным в полной тишине и тьме, нарушаемой лишь раз в день лязгом засовов и грохотом открываемой двери, когда ему приносили кусок хлеба и кружку воды. Ни отсутствие света, ни затхлость воздуха, ни каменный пол, ни голод не мучали его с такой силой, как мысль о том, что Илоис пыталась покончить с собой от звуков его музыки. Но почему? Если тема песни натолкнула ее на мысль, что многолетнюю муку можно пресечь одним решительным ударом, — тогда Шумри виноват лишь в том, что не подумал хорошенько, прежде чем запеть. Но если она узнала его? По той же песне, по голосу, по интонациям, по забившемуся сердцу?.. Конечно же, она узнала его, не могла не узнать! И воспоминание о его предательстве было таким мучительным, что вынести его она не смогла. Не смогла, не захотела дышать одним воздухом с трусом и предателем...

В таком случае она никогда не сможет его простить. И не помогут даже синие камни Алмены.

Илоис встала с постели. На третий день после того, как синие камни согрелись на ее худой шее, она окрепла настолько, что смогла выйти в сад.

Старый барон возносил искренние благодарения Митре. О кофийском целителе он старался не вспоминать. Конечно, он не мог не связывать улучшения состояния дочери с его коротким и нелепым визитом, но думать об этом, останавливать свое внимание он себе не позволял. Иначе что-то похожее на укоры совести могло омрачить его радость, что было бы совсем некстати.

Все домашние, все слуги пребывали в радостном возбуждении, ходили на цыпочках, стараясь предупредить каждое желание выздоравливающей. Но никаких особых желаний у нее не было. Разве что только одно.

В тот день, когда она смогла выйти в сад, Илоис спросила отца:

— Скажи, куда делся человек, который пел мне и который оставил синие камни?..

Барон замаялся. Сказать дочери, что он велел казнить человека, вернувшего ей желание жить, он не осмелился.

— Этот проходимец... он назвался целителем из Кофа... Он обещал тебя вылечить, но от его музыки ты еще больше расстроилась и... и чуть было не...

Она смотрела на отца с таким напряженным вниманием, покачиваясь от слабости, затаив дыхание... что ложь давалась ему с большим трудом.

— ...Он сразу же ушел из замка, испугавшись того, что случилось с тобой. Оставил свои камни, чтобы хоть немного смягчить мой гнев...

— Где он сейчас?!

— Откуда же мне знать?.. Шляется где-нибудь... Пытается вытянуть деньги из доверчивых простаков...

Он видел по глазам дочери, что она не верит ему, но ничего более убедительного в голову не приходило.

Илоис отошла, промолчав, но на следующее утро обратилась к нему снова.

— Отец, ты сказал мне неправду. Человек, оставивший мне камни, не мог уйти. Что с ним?

На этот раз ее непонятная настойчивость вывела барона из себя. Распуганные переживаниями и возрастом нервы старика не выдержали.

— Да, я сказал тебе неправду! — запальчиво и раздраженно воскликнул он. — Барон Цальс покривил душой, впервые в жизни! Не хотелось огорчать любимую доченьку!.. Его нет больше, этого кофийского шарлатана! Я приказал казнить его мучительной казнью за то, что он посмел расстроить тебя!..

— Это неправда, — прошептала Илоис.

— Правда! Правда! Вот это-то как раз и правда!.. — Старик даже притопывал ногой, словно раскапризничавшийся ребенок.

Через мгновение он уже пожалел об этом. Но было поздно — Илоис ушла.

Спустя недолгое время барон узнал от домашних, что дочь его снова слегла и снова перестала отвечать на вопросы и разговаривать.

Шумри знал, что если он не найдет способа выбраться из своей темницы в ближайшее время, Илоис умрет. Правда, она могла умереть и в том случае, если он обретет

свободу. Разве не под воздействием его песни она едва не лишила себя жизни?.. Если б ее исхудалая рука оказалась сильнее... И что за злая звезда висит над его головой, что за рок такой, заставляющий приносить несчастья всем, с кем пересекается его путь? Недаром Конан как-то засомневался, не демон ли он. Выбрать для умирающей девушки песню о двух самоубийцах! Вряд ли на это был бы способен кто-нибудь, кроме него. Кроме Кельберга, не ставшего рыцарем, Кельберга, загубившего свою любовь, Кельберга, не сумевшего за время своих долгих странствий обрести хоть каплю мудрости...

Эти отчаянные и безнадежные мысли захлестывали Шумри, перемежаясь с безумными проектами побега из каменного подземелья. О, если бы на его месте был Конан! Уж верно, могучий и бесстрашный варвар не стал бы валяться на гнилой соломе, предаваясь угрызениям совести и бесплодным мечтам. Он бы действовал!

Шумри старался представить себе как можно живее и подробнее, что стал бы делать на его месте киммериец, чтобы обрести свободу. Прежде всего он замолотил бы крепкими кулаками в дверь...

— ...Проклятье! Вы что там, спите, грязные отродья Нергала!!! — от мощных ударов обитая медными листами дверь мелко трясется. — Сейчас же отворите! Слышите!!!

— Ну, чего тебе там? — ворчит стражник, отодвинув засов и настороженно глядя в темноту камер.

— Это что тут, по-твоему, а?!.. — надывается с возмущением узник.

— Где?.. Что?..

— А ты посмотри! Посмотри вот сюда! — Конан ожесточенно указывает рукой в угол камеры. — Это что, по-твоему, сонная туша, ленивый выкормыш Эрлика?!

Стражник пытается рассмотреть, что именно вызвало столь безудержный гнев пленника, но кроме гниловатой трухи на полу не видит ничего. Он шагает вперед и наклоняется, на миг забыв об осторожности. Этого мига достаточно, чтобы ладонь киммерийца, ребром обрушившаяся на шею, лишила его сознания. Даже не вскрикнув, стражник валится лицом в тот угол, который тщетно пытался рассмотреть.

Конан выхватывает у него из рук копьё с медным наконечником и выбегает в коридор, не забыв плотно задвинуть засов на двери темницы, которая мгновенно назад была его собственной, теперь же стала принадлежать

другому. Как всегда, после периода неподвижности и вынужденного бездействия ярая молодая сила так и бурлит в нем. Еще двое стражников, на свою беду встретившиеся ему в коридорах подземелья, тоже не успевают понять, что произошло — пронесшийся на полной скорости мимо них киммериец лишает обоих способности двигаться...

Миновав галерею, оставив за собой длинные ряды комнат с застывшими, как раздетые изваяния, слугами, он взлетает по винтовой лестнице и рывком распахивает дверь.

— Вот и я!.. — на радостном выдохе восклицает Конан.

Илоис поворачивается к нему...

Конан... Но отчего же Конан? Это он, Шумри, должен распырывать, как соломенные чучела, стражников, взлетать по винтовой лестнице и рывком распахивать дверь. Но для него проделать все это немыслимо. Невозможно...

Яростный и веселый голос спутника и побратима стучал в его ушах. Мускулистые руки, ловко орудующие чужим копьём, переставали мелькать под закрытыми веками. Конан уходил.

И тогда появлялась Алмена.

«Алмена, Алмена, — тихо и настойчиво спрашивал у нее Шумри, — что бы ты стала делать, очутившись на моем месте, в этой безысходной тьме?..» Алмена улыбалась светло и грустно, она проводила ладонью по сырым стенам; казалось, от пальцев ее исходит сияние, и влага на камнях искрится, как луговая роса. «Прости меня, Алмена, — бормотал Шумри, уже не отличая мечту от действительности, — конечно же, ты не можешь оказаться на моем месте. И представить трудно, чтобы ты спела умирающей девушке песню о самых красивых способах смерти. Но — все-таки! — помоги мне, подскажи мне, как быть».

Алмена подходила к дверям, прижималась лбом к холодной меди и вслушивалась. Шумри знал, что она внимает не шорохам, лязгам и крикам, доносящимся из подземных коридоров, но слушает то, что творится в голове охраняющего дверь стражника. Шумри становился рядом и пытался сделать то же самое. Как она говорила?.. Чтобы услышать чужие мысли, надо перестать бояться, что кто-то узнает, чем полна твоя собственная голова.

О, он давно уже не боится! Еще там, на плато Алмены, он рассказал киммерийцу перед расставанием все о себе,

не утаив самого позорного. Он готов рассказать о себе всю правду и барону Цальсу. Несколько раз, когда стражники приносили воду и хлеб, Шумри просил их отвести его к хозяину, так как он хочет сообщить ему нечто важное. Но на просьбы его отвечали грубым смехом, либо пинками. Лишь однажды самый молодой и словоохотливый стражник заметил, что вряд ли их господин захочет слушать пленника, которому вот уже несколько дней выдумывает самую страшную казнь. Эта новость ошеломила Шумри. Но за что?! Ведь Илоис не погибла!

— Дочка его жива, — подтвердил стражник, поигрывая висящими на поясе медными ключами. — Несколько дней она даже ходила и разговаривала. Старик был на седьмом небе от счастья. Потом она снова слегла. И он совсем спятил! Сдается мне, если напомнить ему о тебе, он повелит казнить тебя тут же. Так что лучше затаись и помалкивай.

Чувствуя себя бесконечно открытым и бесконечно несчастным, Шумри подолгу простаивал, прислонясь лбом к медной обивке двери. И он стал слышать! Он постепенно научился различать то, что гремело, шуршало и скрежетало в головах охранявших его воинов. А стоило прикрыть глаза, как он начинал не только слышать, но и видеть. Это было удивительно!..

Его камеру охраняли, сменяясь по очереди, трое. Одному из них Шумри дал прозвище Пожиратель. Когда приходила его очередь дежурить, из-за модной двери к узнику просачивались картины всевозможных яств. Жареная туша телят на вертеле, фаршированные фазаны, скользкие угри, бочонки с пенящимся пивом, пузатые фляги с виноградным вином... В этом же ряду, почти не отличаясь по виду от рыбных и мясных блюд, проходили и женщины. Все они были толсты, с колыхавшимися тройными подбородками, трясущимися, как желе, плечами; они смеялись, призывно подмигивали и расстегивали пухлыми пальцами застежки на необъятной груди...

Второго стражника Шумри называл про себя Разрушитель. Именно от него чаще всего доставались ему пинки, затрещины и грубые ругательства. Разрушитель явно томился своей службой в замке барона. В его мечтах король Нимед всегда воевал с соседними странами, и он был в первых рядах могучих и грозных бойцов. Он врвался в чужеземные города, сокрушая врагов мечом и копьём, он оставлял широкие кровавые следы на доро-

гих коврах и резном паркете дворцов, он по локоть погружал окровавленные руки в сундуки с драгоценностями... Самых утонченных и знатных женщин он хватал, хохоча, за волосы, разрывал шелковые одежды, швырял на пол и грубо овладевал ими рядом с неостывшими телами их мужей...

Лучше всего Шумри себя чувствовал, когда дежурил третий охранник, тот самый, молодой и словоохотливый, что посоветовал ему не напоминать о себе барону. Мечтатель — такое прозвище он ему дал. В его светловолосой и безбородой голове не лязгали мечи и не трещало поджариваемое мясо. Женщины не хихикали и не кричали истошно, но шептали ласковые слова, овеявая ароматами духов, шурша полупрозрачными одеяниями. Шумри подозревал, что стражник был грамотным и прочел в своей жизни несколько книг. Часто воображение уносило его в неведомые страны, где обитали трехглазые великаны, люди с собачьими головами, женщины с прозрачными стрекозиными крылышками, мелко трепетавшими за спиной.

Со временем Шумри научился чувствовать доносящиеся из-за двери мысли и желания, как свои собственные. Но что это могло ему дать для достижения его главной цели — как можно скорее обрести свободу и увидеться с Илоис?.. Если бы у него были деньги, он мог бы попытаться подкупить Пожирателя, в чьих ленивых мозгах не было места понятию о долге слуги и воина. Но он был нищ... Шумри пробовал найти подход к Мечтателю. Каждый раз, когда тот приносил ему воду и хлеб, он вспоминал самые интересные эпизоды из своих странствий. Стражник внимал с любопытством, но страх, что его застанут за разговорами с узником (что ему, разумеется, было строгойше запрещено), делал их беседы короткими и мешал установлению теплых отношений, к которым так стремился неmediateц.

Однажды, с трудом отключившись от лязга оружия, хлещущей во все стороны крови и предсмертных воплей (за дверью дежурил Разрушитель), Шумри провалился в очередной омут отчаянья. Ему казалось, что последняя надежда оставила его. Даже Алмена, мудрая, могущественная и нежная Алмена не в силах ему помочь!..

В самый глухой час ночи, забывшись в полусне-полубомороке, он внезапно почувствовал, что в стенах его затхлой камеры идет дождь. Прохладная вода стекала по его лицу, шуршала трухой подстилки. Открыв глаза,

Шумри в изумлении увидел, что его глухая, без единого окошка, темница полна лунным светом. В лунном пятне на каменном полу сидела девочка, обхватив колени руками и положив на них голову. От мокрой, прилипшей к телу одежды она казалась совсем худенькой. Ее всегдашнего спутника, волка, не было у ее ног, и, может быть, оттого от фигурки ее веяло одиночеством и глубокой грустью.

Услышав, что Шумри зашевелился, девочка подняла голову. Со спутанных волос по лицу струилась дождевая вода, блестящая в лунном свете. Глаза же, наоборот, были совсем темными, как осенние озера.

— Тебе не скучно здесь? — спросила девочка.

— Скучно, — ответил Шумри.

— Тогда почему же ты не уйдешь отсюда? — удивилась она.

— Но как? Подскажи мне способ, как это сделать!

Девочка пожала плечами.

— Да просто выйди отсюда, и все. Выйди!..

— Но как, как?! — Шумри рванулся со своей подстилки, чтобы схватить ее за руки и умолять, и умолить! — вывести его отсюда, но ладони его ухватились за пустоту.

Девочки больше не было. Свет луны становился все слабее, пока не исчез совсем. Дольше всего с Шумри оставался дождь, но и он затих к рассвету.

Пленник едва дождался смены охраны. Никогда прежде не испытывал он такого сжигающего нетерпения. Следом за Разрушителем была очередь Мечтателя. Именно он, бесхитростный, незлобивый, отдающийся во время службы своим полудетским фантазиям, был необходим ему сейчас больше, чем хлеб и воздух!..

В урочное время загремел засов, и на пороге возникла фигура охранника. Поставив на пол миску воды и положив кусок хлеба, он остановился в дверях, ожидая, что, как обычно, услышит нечто любопытное. Он не ошибся.

— Задержись ненадолго, добрый человек! — попросил его пленник. — На этот раз я хочу сообщить тебе нечто особенно важное. Это касается моего сокровища, очень большого сокровища! Когда я пришел сюда, в ваш замок, на пальце моем был перстень с огромным изумрудом, с которым я никогда не расставался. В свое время я запла- тил за него несколько мешков золота. Он обладает мно-

гими волшебными свойствами, но перечислять их все мне сейчас недосуг. Когда на меня набросились стражники, я успел его спрятать. О, я хорошо припрятал его!.. Но дни мои сочтены. Сегодня я расстался с надеждой когда-либо выбраться отсюда, кроме как в те места, куда отправляемся рано или поздно мы все. Мне будет жаль, если сокровище мое пропадет без цели и смысла. Ты был добр со мной, и я расскажу тебе, как найти мой перстень. Только прежде разреши мне подойти к двери и рассмотреть твоё лицо при свете! Мне хочется увидеть и запомнить того, кому я оставляю самое дорогое, что у меня есть.

Стражник колебался недолго. Предложение было уж слишком заманчиво, чтобы не уважить последний каприз смертника. Он кивнул, разрешая Шумри подойти к нему, широко открыл дверь и встал так, чтобы свет, льющийся из квадратного окошка наверху коридора, падал ему на лицо. При этом он не забыл перегородить дверной проем копьём и собственной ногой в подкованном железе сапоге.

Шумри впился взглядом в светлые глаза, напоминающие безмятежное небо над выгоревшей летней степью. Ему мешали сосредоточиться мысли Мечтателя, возбужденным роем шумевшие в его голове. Найденный изумруд превращал нового владельца то в капитана парусника, покачивающегося на волнах, то в надменного вельможу в бархатном камзоле с золотым шитьем, то в беспечного и щедрого гуляку, раздающего жемчужные ожерелья трепещущим от любви красавицам...

— Ну, долго еще? — нетерпеливо воскликнул стражник.

— Сейчас, сейчас!.. — умоляюще прошептал Шумри.

Помимо грохочущих в чужой голове жарких мыслей ему мешало чувство вины. Ведь мост, по которому он собирался выбраться на свободу, своим основанием опирался на ложь... Шумри дал себе слово при первой же возможности извиниться перед доверчивым Мечтателем и одарить его хоть чем-нибудь, пусть и менее драгоценным, чем мифический изумруд.

Он постарался представить до мельчайших подробностей комнату с бархатным пологом над кроватью, с витражами на узких окнах, с белизной постели, с прозрачной синевой исхудавшей руки...

Светлые, часто моргающие глаза становились все более растерянными. Заподозрив неладное, стражник открыл рот, чтобы позвать на помощь, и крепче стиснул копые, но было уже поздно.

— Это ты? — спросила Илоис, приподымаясь на локте и вглядываясь сквозь сумрак затененной комнаты.

— Это я, — ответил Кельберг.

Он сделал четыре шага навстречу ей и преклонил колена возле ее постели.

Невесомая рука опустилась на его склоненную голову с дыбом стоящими на макушке жесткими волосами. Таковыми седыми, словно он и впрямь обошел кругом целый мир и впитал в себя все, что только может впитать человеческое сердце.

Глава 1. Испытание

Конан никогда не любил задумываться о собственных переживаниях и ощущениях. Он их просто проживал. Он жил настоящим, не зная мучительного самокопания или рефлексии. Но на этот раз, распрощавшись с Шумри, он не мог не задать себе вопрос: почему разлука с человеком, абсолютно на него не похожим, столько раз раздражавшим его за время долгого совместного пути, погрузила его в такое уныние? Может быть, причиной тому их побратимство? Но ведь горечь от того, что вскоре они расстанутся навсегда, возникла еще до того момента, когда он провел острым лезвием кровоточащую царапину на своей руке...

Быть может, Алмена ответит ему?.. Но где же она, Алмена?

Киммериец, вернувшийся с южного края обрыва назад, долго не мог отыскать хозяйку зачарованного плато. Он блуждал по ее «дворцам», одному за другим, окликал, вслушиваясь в шорох листвы и посвисты птиц. Но Алмена не отзывалась.

Может быть, она превратилась в белую птицу, или желтую бабочку, или росчерк перистого облака на закатном небе? Либо просто прячется от него?

Последняя мысль зажгла в нем обиду и раздражение.

Конан окликнул ее по имени в последний раз, громко и яростно, и ударил кулаком по стволу подвернувшегося под руку платана. В ответ раздался знакомый смех, светлый и искристый, и Алмена, как показалось ему в первый миг, слетела откуда-то сверху. Впрочем, конечно же, она не слетела, а слезла, стремительно и легко, с одного из деревьев. Конан заметил, что на ней теперь другое платье, с длинным разрезом сбоку, чтобы удобнее было взбираться по стволам.

— Прости меня, Конан-киммериец, что так долго заставляла себя ждать! Небесные иероглифы сегодня были

очень трудны, я долго билась над ними и никак не могла спуститься к тебе раньше. Но ты вернулся! Ты все-таки вернулся!..

Искренняя радость была в ее голосе и в ее лице. Столь искренняя и неприкрытая, что на миг киммерийца охватило жаркое ликование. Правда, только на миг. Что ему эта чистая радость в синих глазах? Так мог бы радоваться новой игрушке ребенок. Игры же, оранжевой искры, манящей, пленительной и столь много обещающей женской игры — как не было, так и нет!..

— Я вернулся, но у тебя я не задержусь, — буркнул он, отворачиваясь и продолжая постукивать кулаком по ни в чем неповинному дереву. — Мы так резко с тобой расстались, и ты не успела объяснить мне, как добраться до этого самого Кровавого Ока!

— Но мне показалось, у тебя не возникло желания встречаться с ним, — возразила Алмена, еле заметно улыбнувшись.

— Я передумал! — Конан беспечно тряхнул головой и погладил правой ладонью рукоять меча. — Шумри отправился к себе на родину, а продолжать путешествие на юг в одиночестве мне показалось скучноватым. К тому же мой славный меч приуныл. Давно он не выскакивал из ножен для настоящего дела!

— Твои слова наполняют меня и радостью, и глубокой грустью, Конан-киммериец, — сказала Алмена очень серьезно. — Передохни с дороги, поешь, выпись, и после я расскажу тебе все, что знаю о Багровом Оке, и как до него добраться.

— О, нет! — Конан покачал головой. — Я ничуть не устал! Я вовсе не голоден! Ведь твой лес, по которому я слоняюсь полдня, никого не оставляет голодным, — добавил он с легкой усмешкой. — Давай начнем поскорее! Мой меч в большой обиде на меня, мне хочется его поскорее утеплить!

Алмена ничего не ответила. Она только посмотрела на него чуть дольше обычного, затем дала знак следовать за собой.

Они шли недолго. Алмена все так же молчала. Она остановилась на небольшой поляне, которую плотной стеной окружали темно-зеленые ели. В центре поляны лежал большой камень с плоской горизонтальной поверхностью. Конан отметил про себя, что место это он видит в первый

раз. В отличие от прочих «дворцов», полян и пригорков Алмены оно было строгим и мрачноватым. Суровый холод исходил от деревьев и камня.

— Прежде чем отправляться на битву с Багровым Оком, ты должен пройти проверку, доблестный киммериец, — сказала Алмена. Казалось, голос ее тоже стал холоднее и строже, чем всегда. — Нет смысла пускаться в долгий путь тому, кто не прошел до этого испытания в Царстве Мертвых.

— В Царстве Мертвых? — переспросил Конан. — Ты хочешь сказать, что я должен отправиться в Царство Мертвых?!..

Алмена кивнула.

— Да. Это будет недолгое путешествие, но оно покажет, есть ли хоть маленькая надежда на то, что в битве с Багровым Оком ты окажешься победителем.

Конан почувствовал, как по всему его телу проползли ледяные щупальца. Царство Мертвых! Сумрачные Серые Равнины, с которых ни один человек никогда не возвращался!..

Алмена ждала ответа, и он, пересилив себя, постарался улыбнуться как можно беспечней и шире.

— Что ж, я готов! При мысли об этом царстве у меня переворачиваются кишки, если честно. Но я не прочь прогуляться туда. Если без этого никак нельзя, отправляй меня к мертвым!

Взгляд Алмены был предельно внимательным и серьезным.

— Ты готов отправиться туда прямо сейчас?

— А к чему медлить? Ты сама сказала, что это ненадолго. С неприятными вещами лучше разделяться поскорее!

Алмена показала взглядом на его меч, висящий в ножах.

— К сожалению, в Царство Мертвых я знаю только один путь. Тот, которым попадает туда каждый человек. Возможно, есть и иные, но мне они неизвестны.

— Ты хочешь... чтобы я убил себя? — растерялся киммериец.

— Да. Но как только испытание закончится, ты вернешься назад, в наш мир. Это я обещаю тебе.

Конан медленно вытащил из ножен свое оружие. Он повертел его в руках, словно впервые рассматривая бес-

пошадное голубоватое лезвие. Он вонзал его в свою грудь мысленно множество раз. Но тогда он был беспомощной калеккой, грудой мускулов, недвижно валяющейся в вонючей туземной хижине. Он едва не перерезал нить своей жизни, услышав отказ Алмены. Но тогда уязвленное самолюбие, ярость и боль достигли в душе такой силы, что он уже не помнил себя. Но сейчас?! Обагрить этот меч собственной кровью, которая так горячо, упруго и весело струится в жилах?..

Конана охватила тоска — тяжелая и холодная, как жертвенный камень, который дожидался его посреди поляны.

Алмена молчала, не сводя с него выжидающих глаз.

— Но как же я вернусь? — спросил киммериец, прервав тягостное молчание. — С Серых Равнин никто никогда не приходил назад...

— С Серых Равнин возвращались, хотя и очень редко, — сказала Алмена. — Ты вернешься. Я умею возвращать оттуда тех, кто ушел только что. Чье тело еще не остыло, а кровь не вытекла до капли.

Видя, что он все еще колеблется, женщина добавила:

— Но если ты не доверяешь мне, не стоит все это затевать. Уйдем же отсюда и вернемся назад.

— Ну, нет! — Конан блеснул глазами и сжал рукоять меча.

Слова Алмены подстегнули его, словно коня, робеющего перемахнуть через широкую и глубокую расщелину. Ни Алмена, ни кто-либо другой не дождутся, чтобы Конан-киммериец струсил! В конце концов, даже если она не сумеет вернуть его обратно, и он навсегда останется на Серых Равнинах, какая, в сущности, разница? Рано или поздно, но он все равно попадет туда... Пусть будет рано.

Да это проклятое сердце стоит пронзить хотя бы за то, что оно посмело заколебаться!

Склонившись над распростертым на камне недвижным телом, Алмена прежде всего стянула тонкими пальцами края раны. Она то осторожно дула ни широкий разрез, то нашептывала что-то, стараясь унять ток торопящейся горячей крови...

Глава 2. Каменный Страж Закона

Упав спиной на гладкий холодный камень, Конан мельком успел подумать, что Алмене следовало бы положить на него ворох сена — тогда он не так грохнулся бы лопатками и затылком... И эту мысль он утащил за собой и в ту круговерть черных и лиловых полос, в то ядро гигантского смерча, подхватившего и завертевшего его, в котором не было уже ничего знакомого, ничего земного.

«Ворох бы сена... не догадалась... не так жестко падать...» — по инерции повторял внутри себя киммериец, в то время как его крутило и несло неизвестно куда. Ни затылку, ни лопаткам давно не было жестко. Более того, глубокая рана, которую он добросовестно нанес себе в самое сердце, совсем его не беспокоила, даже не ощущалась.

«Сена бы... сена... Тыфу ты! — прервал сам себя Конан. — При чем тут сено?! Хотел бы я знать, долго меня будет трясти и кружить, словно плевок в водовороте!»

Постепенно вращение замедлилось. Черные и лиловые полосы стали светлеть. Теперь перед глазами был сплошной серый туман со множеством колеблющихся оттенков, от молочного-белого до густо-темного. Казалось, он попал в слоистую массу клубящихся дождевых туч. Постепенно тучи рассеялись, в сером мареве стали видны очертания земли, неба, невысоких округлых холмов, поросших серой травой. Ступни еще ощутили под собой твердую почву.

Несмотря на обилие туч, в воздухе было очень сухо и душно. Неизбывной тоской веяло от всего этого пейзажа.

Конан потрогал рукой грудь. Он ощутил пальцами края широкой раны, но — странно! — боли не было, даже при ощупывании. Не было и крови. Рана совсем не мешала ему идти. Присмотревшись, киммериец увидел, что унылый пейзаж обитаем — причем довольно плотно. То, что он принял вначале за перекатывающиеся клубы пыли, было на самом деле скопищем людских теней. Мириадами носились они по холмам — поодиночке, парами, группами. В их скольжениях и метаниях не было видно толку или определенной цели.

Некоторые одиночки и группы проносились совсем близко от Конана, и он смог их хорошо рассмотреть. Одни почти не отличались от живых обитателей земли,

лишь кожа их имела пепельно-серый оттенок. Это были люди всех возрастов, от младенцев, ползающих на четвереньках, до седовласых старцев и старух. Но больше всего было зрелых мужчин, воинов. Было видно, по какой причине каждый из них очутился здесь: у одного был распорот живот, у другого между лопатками зияла дыра от копья, третий придерживал голову, шея которой, перерезанная взмахом топора, больше не держалась на туловище. Но крови не было, и эти страшные раны досаждали им, по всей видимости, не больше, чем Конану — его смертельный удар. Другие тени были не столь плотны и объемны, в очертаниях их фигур сквозило нечто призрачное. Ни ран, ни телесных повреждений на них заметно не было. И возраста все они были примерно одного и того же: тридцати-тридцати пяти лет. Наконец, еще одна группа теней отличалась своей прозрачностью: сквозь их фигуры можно было рассмотреть линию горизонта, низкое небо, скопления более плотных их собратьев. Определить их возраст было невозможно, равно как и четко рассмотреть черты зыбко колеблющихся лиц.

Поразмыслив, Конан решил, что самые прозрачные — это те, кто находится здесь дольше всего. А самые плотные, меньше всего отличающиеся от людей, попали сюда совсем недавно.

Тени проносились мимо, иные с любопытством взглядывали на новичка, другие не обращали на него никакого внимания. Не заговаривал с ним никто. Здесь вообще не разговаривали во весь голос. В воздухе стоял странный шорох, шелест — от шепота тысяч и тысяч бесплотных губ.

Киммериец заметил, что ноги несут его как бы сами собой. Легкий, еле уловимый уклон вел его к центру равнины. Да, равнина была не плоской, она напоминала гигантскую воронку, по краям которой вздымались невысокие холмы, а в центре смутно чернел провал в земле. Над провалом нависало что-то похожее на гигантскую гранитную статую. Ее очертания показались Конану очень странными.

Чем ближе он подходил, спускаясь к центру воронки, тем выше и больше становилась статуя, и тем удивительней казался киммерийцу ее силуэт. Когда до подножия оставалось не более пятидесяти шагов, и нужно было уже заирать голову, чтобы взгляд мог достать до ее вершины,

Конан остановился. Широко расставив ноги и уперев руку в рукоять меча, он принялся внимательно рассматривать высеченную неведомо кем громаду.

Больше всего она напоминала того каменного зверя с головой женщины и телом льва, которого киммериец видел в пустыне недалеко от Кеми, рядом с одной из пирамид, которые он когда-то собирался ограбить. Огромное гранитное лицо с двумя трещинами вместо глаз было не мужским и не женским — оно не имело ни пола, ни возраста, ни выражения. Губы были плотно сжаты. Острые уши плотно прижимались к узкой, вытянутой голове; они были не человеческими, но, скорее, собачьими или шакальими. Короткая и узкая — по сравнению с головой — грудь опиралась на вытянутые лапы с когтями; каждый коготь был в рост киммерийца. Огромное тело плавно переходило в скалу, поросшую серым лишайником, пыльным мхом и плесенью. У монстра не было ни задних лап, ни крупа, ни хвоста. Казалось, его голова, грудь и передние лапы выплеснулись из скалы и застыли, а продолжение тела так и осталось в мрачных каменных недрах.

Несмотря на холодную застылость лица, груди и лап, Конану померещилось, что гранитный монстр — живой. Больше того, он чего-то ждет от него, Конана, пришедшего сюда по своей воле с веселых и солнечных земных долин.

Киммериец крепче сжал рукоять оружия, набрал полную грудь воздуха и крикнул:

— Эй! Человеко-шакал! Каменная дохлятина! Я пришел, слышишь?!

Казалось, Серые Равнины, привыкшие лишь к шепоту, шелесту и тихим стонам, сейчас потрясутся до основания и расколются от громкого голоса, вырвавшегося из широкой груди варвара, из крепкой его глотки.

Гранитные губы дрогнули, вызвав осыпь мелких и крупных камней, покотившихся по подбородку, шее и груди монстра. Порыв сквозняка вырвался из образовавшейся между губами щели, а вместе с ним послышался голос: холодный, скрежещущий и неживой.

— Это ты, Конан-киммериец, варвар с севера, наемник, вор, пират, грабитель, убийца?..

— Я! — весело подтвердил Конан. — Ты можешь еще добавить: бродяга, неплюхой воин, умелый любовник, ук-

ротитель магов и колдунов, пожиратель отборного мяса, поглотитель вина и пива, погибель вампиров, оборотней и прочей нечисти!

— Ты говоришь с Великим Стражем Закона, — проскрежетал камень.

— Ну, так что же? А ты говоришь со мной, Конаном-киммерийцем, получившим на Западном побережье имя Амра, что означает — Лев! А в южных краях меня называли Сыном Неба!

— Обернись направо, Конан-киммериец.

Конан повернул голову вправо. Ничего необычного он не увидел. Те же серые холмы, липайники, плесень да толпы слоняющихся теней. Впрочем, одна толпа не слонялась, а, плотно сбившись вместе, стояла шагах в тридцати от него в напряженном, выжидательном молчании. Вглядевшись, киммериец обнаружил, что многие лица из этой толпы ему смутно знакомы.

— Смотри, смотри, Конан-варвар. Ты узнаешь их? Это те, которые пришли в этот мир от твоей руки.

Конан расхохотался.

— Да, немаленькая толпа! Я и не ожидал, что их столько! Ну, так что же? Они горят жаждой мести? Я готов! Уж, наверное, победить бесплотные тени мне будет легче, чем приканчивать их во плоти на земле. Пусть набрасываются на меня хоть все разом!

— Они горят жаждой мести, — подтвердил каменный голос. — Но месть их будет не такой, какую ты ждешь. Не страшись ли ты их возмездия, Конан-киммериец?

— Ничуть! Моя совесть чиста! Я убивал один на один, в честной борьбе! Ни разу не поднял я руку на безоружного, не придушил спящего, не насыпал в стакан яду стоящему у меня на пути. Я всегда был готов подставить под клинок врага свою грудь, я не уклонился ни от одного боя!

— Не убивал безоружного? — переспросил камень. — Взгляни получше!

Конан вгляделся в молчаливую толпу и увидел за ней силуэт огромной живой глыбы с длинной шеей и маленькой головой с продолговатыми печальными глазами.

— Но это не человек! — воскликнул он.

— А они — тоже не люди?

У ног озерного бога толпились его дети — маленькие, темнокожие, с такими неуместно выглядящими здесь перьями в курчавых волосах.

— Но я не убивал их! Они сами захотели уйти за своим божеством!

— Сами? И твой не успевший родиться сын ушел сам?..

У Конана пересохло в горле. Он не нашел, что ответить безжалостной серой скале.

Среди кучки шоколадных туземцев он разглядел Айя-Ни. Девушка не носила больше полумаски из зеленых и голубых перьев, но и тяжелых колец не было в ее губе. Лицо ее, не обезображенное костяными кольцами, показалось киммерийцу необычайно прекрасным.

— Айя-Ни! — что было сил позвал он.

Девушка рванулась на его зов, но, словно наткнувшись на невидимую преграду, остановилась. Казалось, ее и киммерийца разделяла прозрачная стена. Все же она была теперь намного ближе к нему — так близко, что он мог рассмотреть слезы, струящиеся из широко распахнутых черных глаз.

— Айя-Ни! — крикнул он. — Ты жаждешь мести? Любую кару готов я принять от тебя — назови же ее!

Девушка быстро-быстро замотала головой. Она что-то шептала, но шепот ее не достигал ушей киммерийца.

— Она простила тебя. Она не хочет мстить, — сказал камень. — Но даже если половина этой толпы тебя простит, это ничего не изменит. Даже если все они простят тебя, это ничему не поможет. Потому что я — Великий Страж Закона. Закон же — один для всех и неумолим.

— Я плевал на твой Закон! — крикнул Конан. — Перед ней я действительно виноват и перед своим нерожденным сыном тоже. От нее я принял бы любую кару. Но она простила меня!

— Теперь слушай повеление Закона. Вот как будет с тобой, Конан-киммериец, варвар из северной страны, двадцати восьми лет! Столько раз, сколько стоит здесь, у моего подножья, людей, убитых тобой, ты будешь убит ими. Ты будешь рождаться на земле вновь и вновь, проживать короткую или длинную жизнь, но в конце каждой жизни тебя будут убивать, убивать, убивать! — казалось, каменный голос оживился, в нем появились человеческие нотки, яростные и злорадные. — Ты будешь

убит всеми способами, которыми когда-либо ты отправлял людей в мой мир. Тебя будут разрубать со всего размаха, сносить голову, протыкать насквозь, сворачивать шею, проламывать череп, распарывать живот, сбрасывать в пропасть, топить в воде, швырять в огонь...

От всех этих перечислений Конана затопило. Ему очень хотелось заткнуть чем-нибудь извилистую щель в камне, из которой исходили отвратительные слова.

— Но это еще не все, киммериец! — с торжеством продолжал голос. — Если во время этих жизней ты будешь сопротивляться своим убийцам, бороться с ними и убивать — снова убивать! — твоя кара растянется на бесконечно долгое время, пока каждое убийство не будет искуплено! Ты будешь молить Крома, ты будешь молить Митру, чтобы умирать во младенчестве — ведь тогда долгая череда кровавых веков промелькнет скорее!..

Внезапно злорадно-скрежещущий голос прервал пронзительный крик.

— Нет! Нет! Нет!

Это кричала Айя-Ни, ударяясь всем телом о невидимую преграду, разделявшую ее и Конана, вздымая вверх стиснутые кулачки.

Ее крик был таким отчаянным и резким, что мир, в котором лишь тихо шептались, вздыхали и стонали, дрогнул. Раздался глухой грохот, и по лицу гранитного монстра пробежала, змеясь, трещина. Она пересекла лицо наискосок, от края подбородка до левой выемки в камне, заменявшей ему глаз.

Конан расхохотался. Значит, эта пыльная, поросшая лишайником и плесенью громада не такая уж несокрушимая! Набрав в грудь побольше воздуха, он заорал во всю силу своих легких:

— Я плевал на твой закон, слышишь?! Мне не нравится твой закон, я не буду ему подчиняться! Я разбросаю тебя по пыли твоих равнин, дряхлая грудa камней! Ты станешь грязью!

Гранитное лицо задрожало. С тяжелых надбровий, скул и ноздрей покатались камни, с грохотом разбиваясь о неподвижные шакальи лапы. Казалось, еще чуть-чуть — и Страж Закона действительно превратится в пыльную грудку камней...

Но тут киммериец почувствовал резкую боль в груди. Все поплыло у него перед глазами, вновь со всех сторон

надвинулся, закружился серый туман, похожий на слоистые грозовые тучи. Унылые холмы и толпы теней исчезли.

Конан увидел над собой встревоженное и светлое лицо Алмены. Ее тонкие, золотящиеся в лучах солнца волосы коснулись его лба.

— Алмена! — крикнул Конан. Вернее, он постарался крикнуть, но получился лишь слабый хриплый шепот. — Алмена, пожалуйста!.. Мне нужно вернуться туда.. еще чуть-чуть!..

Усилием воли он вызвал перед глазами клубящийся серый туман, запредельным рывком бросил свою дупу на тусклую плесень холмов, к мириадам шепчущихся теней.

Конан хотел довершить начатое. Пусть зашатавшийся гранитный шакал рассыплется до основания, превратится в грудку булыжников, в щебень, в пыль... Он яростно набрал в легкие воздух, приготовившись к крику. Но из темного провала в земле, над которым возвышался Страж Закона, поднялся черный туман, скрывший в себе извояние до самой его вершины. К тому же порывы холодного ветра, упругие и крепкие, как ладони и ступни великанов, не подпускали его близко к подножью. Ветер относил его крик в сторону, эхом перекачивал по холмам, окружавшим края гигантской воронки.

Убедившись в тщетности всех попыток расправиться с каменным шакалом, Конан огляделся вокруг. Подхваченные ветром тени кружились в воздухе, словно сорванные с деревьев листья. В их коловращении трудно было рассмотреть отдельные лица, но киммериец все-таки отыскал Айя-Ни. Он бросился к ней, отмахиваясь от проносившихся мимо теней, как от роя мошкары в джунглях.

— Айя-Ни! — Он так много хотел сказать ей, но слова отчего-то застревали в горле. — Айя-Ни!.. Если бы ты знала, какая ты стала красивая...

Девушка боролась с порывами ветра, грозящими унести ее прочь. Слезы по-прежнему струились по ее лицу, но теперь они были больше похожи на слезы счастья. Впрочем, как следует разобраться в выражении ее удивительно похорошевшего лица, взволнованного, сияющего и тоскующего одновременно, было невозможно.

— Айя-Ни! Помнишь, ты рассказывала о душах, о звездах?.. Ты выдумывала? Ты рассказывала мне сказки?..

Девушка отрицательно помотала головой. Ветер качал ее, как хрупкий цветок в бескрайней степи.

— О нет! Айя-Ни не обманывала Сына Неба! Но Айя-Ни не может... не должна ни о чем рассказывать!..

— Я не Сын Неба, Айя-Ни! — с горечью выкрикнул Конан. — Я никогда не был Сыном Неба! Мой отец — простой киммерийский кузнец...

Айя-Ни вновь покачала головой.

— О нет! Сын Неба просто не знает!..

Она смотрела на него бесконечно любящими глазами, но, скорее, как мать на маленького ребенка, чем как юная девушка на своего возлюбленного.

Новый порыв ветра чуть не сорвал ее с места и не унес прочь. Но когда Конан хотел было схватить ее за плечи, чтобы удержать на месте, она предостерегающе замахала руками.

— Нет, нет! Сыну Неба нельзя касаться меня!..

— Но почему я не могу прикоснуться к тебе?! — крикнул Конан, преодолевая шум ветра и гул кружащихся возле теней.

— Потому что Сын Неба не наш! Сын Неба вернется в мир живых! — плача и улыбаясь, кричала девушка. — Посмотри на свою рану!

Конан опустил глаза на левую сторону своей груди. Там, где прежде был глубокий и широкий разрез от клинка, теперь виднелся лишь розоватый шрам. Он почувствовал, как Алмена вновь пытается вернуть его в солнечный, зеленый мир живых, как ее теплые руки ворожат над ним, вытягивают назад...

— Алмена! Я сейчас вернусь! Еще немного!.. — умоляюще крикнул он.

— Ты не вернешься! Ты не вернешься! — злобно зашипел кто-то возле самого его уха.

От неожиданности киммериец вздрогнул. Он увидел, что вся молчаливая толпа его жертв — тех, кого он отправил в этот мир собственной рукой, — плотно сгрудилась вокруг него. Айя-Ни оказалась оттесненной далеко назад.

Ветер незаметно утих. Тени больше не колыхались и не летали, они стояли неподвижно, подобравшись к нему совсем близко. В основном это были мужчины, суровые наспущенные воины со страшными ранами и увечьями. Большинство лиц было незнакомо — разве рассмотришь

лицо противника в пылу яростной битвы! Но некоторых Конан узнал. Вот двое-трое когда-то близких друзей, которые предали его и поплатились за это... Вот несколько отважных и умелых бойцов, чьим воинским мастерством киммериец не мог не восхититься, и оттого облик их запал в память. Как правило, они долго и дорого отдавали свои жизни, награждая Конана серьезными ранами... Вот несколько женщин, немыслимо безобразных, шипящих и плюющихся, как растревоженные змеи...

В первый момент, увидев женщин, киммериец опешил: разве когда-нибудь он подымал на них свой меч? Но затем вспомнил: да, были и женщины, но только злобные колдуньи, вампириши и оборотни, стремившиеся погубить его, либо близких ему людей любой ценой... Но отчего они так безобразны? Помнится, в мире живых среди них было немало соблазнительных красавиц, с первого взгляда берущих в сладкий плен...

— Ты не вернешься! Мы не отпустим тебя! — торжествующе шипела над ухом одна из убитых им когда-то ведьм.

На ее морщинистой щеке навсегда отпечатались следы от крепких пальцев варвара.

Голос ее подхватили другие женщины и мужчины. Молчаливая прежде толпа зашумела, заговорила, заворчала.

— С какой стати он вернется в мир живых, а мы останемся здесь?!.. — роптали угрюмые воины, пронизанные копьем, рассеченные секирой, изрубленные мечом. — Да, он молод и полон сил, но многие из нас моложе его! Многие из нас наслаждались светом солнца гораздо меньше, чем он!..

— Он наш, наш, наш! Не выпускайте его!.. — шипели, подстегивая воинов, ведьмы.

— Плотней, плотней окружайте, давите! Он не сможет вырваться и уйти!..

Конан не видел больше Айя-Ни. Он только слышал ее взволнованный звонкий голос.

— Оставьте его! Выпустите! Не трогайте!.. — кричала девушка, но мрачная толпа разжигалась все больше.

Конана сдавили так тесно, что он уже не мог пошевелить ни плечом, ни ногой, ни пальцем руки. Он даже не мог кричать и ругаться — так стиснуты были горло и грудная клетка. Тени были бесплотны, вернее, плоть их

была намного тоньше и легче, чем на земле, но, тем не менее, осилить их Конан не мог. Их было так много, их ненависть и жажда мести были так сильны, что прорваться сквозь их густой клубок было невозможно. Иные из них даже залезали сверху, напирая ему на макушку, надавливая на виски, на глаза...

Где-то очень далеко Алмена пыталась помочь ему, вырвать из серого мстительного клубка, вернуть в мир живых... но даже у нее ничего не получалось.

Неожиданно весь этот кошмар кончился. Тени перестали напирать на него и разлетелись в разные стороны, словно кто-то огромный подул на ворох сухих листьев. Конан открыл глаза, и дыхание его перехватило. Прямо напротив него высилась огромная матово-черная глыба убитого им озерного бога. Вспугнутые тени со свистящим ропотом уносились, огибая массивные бока и похожие на колонны ноги Ба-Лууун. Киммериец задрал голову и встретился со взглядом черно-блестящих, печальных, древних, как сама земля, глаз. Всего лишь мгновение смотрели они друг на друга...

Затем перед глазами Конана вновь за клубились серые тучи, небо перемешалось с землей, тусклые холмы растворились в зыбком воздухе.

Заныла рана в груди. Конан упал навзничь и потерял сознание.

Глава 3. Напутствие

Когда Конан очнулся, он обнаружил, что лежит на плоской поверхности камня, на котором нанес себе недавно смертельный удар. Рана в груди покалывала, но не сильно. Мысли путались, словно кто-то приложился к его голове хорошей дубинкой.

Повернув подбородок, он увидел, что его грудь забинтована белой тканью. Лежать было не жестко, и он понял, что спина и затылок его покоятся на ворохе мха и сухой пахучей травы.

«Все-таки догадалась и положила сено», — мельком отметил Конан, приводя в порядок мысли и воспоминания.

— Вот ты и вернулся наконец! — прозвучал над ним чуть насмешливый и ласковый голос. — Правда, у меня такое ощущение, что я вытащила тебя оттуда силой. Ты

так упирался, что я совсем было потеряла надежду вернуть тебя в мир живых! Что случилось?

— Да там... — замылся Конан, — мне встретишься девушка... туземка. Она попала туда по моей вине.

— Да, знаю, — кивнула Алмена. — Мне рассказывал Шумри.

— Вот странно, — пробормотал киммериец. — Она не только не захотела мстить мне, но наоборот... И она называла меня Сыном Неба, хотя я сказал ей, что моим отцом был простой кузнец...

— Возможно, о каких-то важных вещах эта девушка догадывается лучше, чем ты, — осторожно заметила Алмена.

Конан недоверчиво усмехнулся.

— И еще... Там был еще один, — вспомнил он. — Не человек... Тут уж я совсем ничего не понимаю.

— Не пытайся понять все сразу, — прохладная рука Алмены легла ему на лоб. — Особенно сейчас, когда тебе нужно не тратить силы, но восстанавливать их. Как себя чувствует вернувшийся с Серых Равнин?

— Великолепно! — отозвался киммериец. — Правда, грудь немного побаливает. Странно, там я совершенно не ощущал раны!

— Там нечему было болеть, — сказала девушка, осторожно поправляя повязку. — Ведь тело свое ты оставил здесь, на этом камне. Но ты не беспокойся: хотя рана твоя серьезная и глубокая, она заживет очень скоро, дня через два-три.

— Я могу встать прямо сейчас! — Конан хотел было подняться, но Алмена мягко придержала его за плечи.

— Успеешь! Успеешь и встать, и вдоволь намахаться мечом! Сейчас же тебе нужен покой. Ты не пожалел свою грудь и едва не проткнул ее насквозь.

— Пустяки! — Конан махнул рукой и тут же поморщился: рана все-таки ощутимо давала о себе знать. — Об одном я только жалею: что эта тупая груда камней не рассыпалась до конца! Еще бы чуть-чуть!.. У него уже камни сыпались с носа и дрожала челюсть... Если бы не проклятый ветер и не черный туман...

Алмена улыбнулась, но улыбка вышла не очень веселой.

— Превратить Стража Закона в груду камней не под силу даже тебе, доблестный киммериец. Но ты спорил с

языком, терзать струны цитры да вздыхать о своей родине, — он искренне бы расхохотался. Сейчас же он обрадовался бы даже самой занудливой, самой слезливой песне в его исполнении, из тех, которые вытягивал Шумри вечерами из струн своего инструмента. Самому пустому разговору — об аргосском мудреце, о блужданиях души, вылетевшей из тела, о туземных сказках и мифах...

Как-то он спросил у Алмены, не знает ли она, добрался ли Шумри в свою Немедию, и если да, встретился ли он со своей девушкой?

Алмена задумалась, вернее, прислушалась к чему-то внутри себя. Тень печали легла на ее лицо.

— Шумри достиг родины, сейчас он там. Не сразу у него это получилось, возможно, моя сестренка, по обыкновению, решила сначала поиграть... Но сейчас он там, куда так стремился.

— Тогда отчего же ты загрустила? — спросил Конан, внимательно наблюдавший за ней.

— Я не знаю точно... не вижу, но только чувствую: какая-то преграда стоит на его пути. Что-то мешает ему дойти до девушки, и от этого он сильно страдает.

— Проклятье!.. — пробормотал Конан. Он нахмурился и задумался, затем спросил: — А могу ли я, когда разделаюсь с этим Огненным Оком и вернусь назад, — если, конечно, вернусь! — поспешно прибавил он, — могу я с помощью твоей сестренки попасть туда, где он сейчас?.. Вместе со мной он скорее разберется со своими врагами и выпутается из затруднений!

— Ну конечно, — ответила Алмена. — Вдвоем вы справитесь, вы свернете горы, как не раз уже бывало.

— Бывало!.. — согласился киммериец. Глаза его потеплели от воспоминаний. — Если честно, на битву с этим самым Оком мне было бы веселее отправиться с ним на пару! Нет, близко к чудовищу я его, конечно, не подпустил бы!.. Пусть бы стоял на безопасном расстоянии, наигрывая свои песенки... Все-таки веселее!

Алмена тихо рассмеялась, представив подобную картину.

Конан вздохнул.

— Не смейся! Мы выручали друг друга даже тогда, когда он то безмерно раздражал меня, то смешил своими нелепыми выходками. А уж теперь, когда мы побратались с ним... Кровное братство — это совсем не пустяк!

— О да, — согласилась Алмена уже без улыбки. — Пожалуй, нет ближе людей на свете, чем кровные побратимы. За исключением, разве что, двух половинок... Но ты напрасно сокрушаешься, доблестный киммериец! Ведь Шумри остался с тобой.

— Как же это?.. — не понял Конан.

— Время, которое ты провел с ним вместе, не прошло для тебя бесследно, — объяснила Алмена. — Ты стал немного другим, чем был до встречи с ним, даже если ты сам этого не ощущаешь. В каком-то смысле есть два Шумри. Один — в твоей душе, в твоей натуре. Другой — на своей далекой родине. Но помогать тебе в битве с Багровым Оком будут оба, поверь мне!

Конан не очень понял, что она хотела этим сказать, как не раз уже бывало и прежде. Но переспрашивать Алмену не стал. Задумавшись, он какое-то время молчал. Затем шумно выдохнул и с гулким звуком похлопал себя по груди.

— Что-то я залезался у тебя, прекрасная Алмена! Мне пора! Царапина моя зажила окончательно.

— Ты меня не обманываешь? — спросила Алмена, внимательно вглядываясь в его беспечные глаза. — Ты действительно не чувствуешь больше боли?

— Она зажила еще вчера, если честно. Но у тебя здесь так хорошо, что я чуть было не стал расцарапывать ее снова. Клянусь Кромом, меня даже перестало мутить от твоих фруктов! И жареные груды мяса мне больше не снятся. Я бы с великой радостью задержался здесь, Алмена! — сказал он с такой горячей, почти детской искренностью, что она опустила глаза. — Мне придется силком гнать ноги с твоей земли! Но я боюсь, что мой щуплый братишка совсем загнется, пока я прохлаждаюсь здесь, у тебя. Надо спешить. Укажи мне наконец дорогу к своему красноглазому врагу!

Алмена склонилась над ним и осторожно сняла повязку с его груди. Розоватый шрам под левым соском почти совсем слился по цвету с окружающей его кожей.

— Рана твоя затянулась, — подтвердила она. — Даже быстрее, чем я рассчитывала. Дух твой светел и бодр, и ты врешь в бой, верно?

— Вот именно! — весело согласился Конан.

— Тогда слушай меня внимательно, доблестный киммериец. Я расскажу тебе все, что знаю, о твоем будущем

противнике. Если после моего рассказа ты передумаешь сражаться с ним, пусть тебя это не смущает: я не стану меньше тебя уважать. Лучше реально оценить свои силы сейчас, а не тогда, когда будет слишком поздно.

Конан возмущенно тряхнул головой, давая понять, что такое предположение для него и оскорбительно, и бессмысленно.

— Впервые о Багровом Оке я услышала от своего Учителя, когда мне было девятнадцать лет, — продолжала Алмена. — Как неизмеримо давно это было!.. Впрочем, — она улыбнулась, — может быть, по людским меркам это было и не так уж давно. Не знаю, согласишься ли ты мне, Конан, что я не имею представления о том, сколько мне лет? Когда я стала жить так, как живу сейчас, каждый миг моей жизни максимально наполнился, растянулся, вместил в себя целые дни, месяцы и даже годы. Поэтому мне кажется, что я живу на свете очень и очень долго... В девятнадцать лет я уже владела всеми приемами воинских искусств, которые знаю сейчас. И страха смерти уже не было в моей душе. Я думаю, что этого достаточно для того, чтобы сразиться с любым врагом — быть искусным воином и ничего не бояться! Но, оказалось, для битвы с Багровым Оком этого мало. Мой Учитель, очень мудрый и добрый человек, устав меня отговаривать, отправил в мир мертвых, так же как я отправила тебя несколько дней назад. И я не выдержала испытания... Видишь ли, Конан, главная трудность в том, что Багровое Око — создание не нашей земли!

— Создание?... — переспросил Конан.

— Я хочу сказать, что появился на свет он не в нашем мире, не на земле. Не знаю, известно ли тебе, что миров много, очень много. Одни из них голые и безжизненные, как раскаленные пустыни или гигантские ледяные айсберги... На других живут люди, вернее, разумные существа, очень напоминающие людей... На третьих — жизнь и разум совсем не похожи на наши. Багровое Око — именно из этих, третьих. У него много имен. Одно из них звучит так: Пожиратель Миров. Он обладает способностью переноситься на огромные расстояния. Неизмеримые пространства пропускает он сквозь себя за короткое время. Он выбирает один из миров — полный жизни, многообразный, радостный — и вцепляется в него, как вцепляется клещ в ухо собаки. Проходят столетия или тысячелетия,

прежде чем он оставляет выбранный им мир, но оставляет он голые камни, мертвую пустыню без единой живой души... Тогда он начинает искать новый мир, новую жертву, потому что голод его невозможно насытить. Голод его так же велик, как те пространства, которые он пересекает одним махом... Наш с тобой мир, Конан, наша земля — его последняя жертва. Он появился здесь сравнительно недавно — двести или триста лет назад. Местом своего обитания он выбрал остров в Южном Океане, вдали от больших земель. Хотя он никогда не покидает этого острова, он опутал невидимыми щупальцами все страны, все края, все города... Ты помнишь коршуна Кээ-Ту, отбирающего жертвы для Великого Змея Сета?

— Еще бы не помнить! — Конан передернул плечами. — Довольно пакостная и мстительная птичка. Как и ее хозяин.

— Сету достается лишь небольшая часть жертвенного пиршества. Большую долю забирает себе Багровое Око, о чем стигийское божество и не подозревает. Как и у Великого Змея, его пища — страдания, страх и боль людей, но только в гораздо больших количествах. Стигийский культ всегда отличался своим изуверством, но самый жуткий обряд — выбор коршуна — появился лишь двести-триста лет назад, как только Багровое Око нашел себе пристанище на нашей земле.

— Проклятое отродье! — выругался киммериец. — Мне давно пора было бы встретиться с ним! Отчего я раньше о нем не слышал?

— Возможно, ты слышал, но вскользь, полусловом, полупешотом. Впрочем, имя его иногда мелькает в балладах.

— Да, Шумри мне рассказывал об одной рыцарской балладе, — припомнил Конан. — Кажется, рыцарь погиб, а девушка сошла с ума. Еще мне помнится, в Кеми меня предупреждали о ком-то, кто злее и могущественнее, чем Сет... И где же этот остров?

— Его можно достичь за одну-две луны, если плыть все время на юг. Интересно, что если бы вы с Шумри продолжали свое путешествие так, как задумывали, вы почти наверняка наткнулись бы на него. Он совсем не велик. Городов там нет, но есть несколько селений. Ровный, не жаркий и не холодный климат, хорошие почвы, отсутствие хищников и змей превратили местных земле-

владельцев в народ незлобивый, ленивый и блаженный. Вернее, они были таковыми до тех пор, пока...

— Все ясно! Можешь не продолжать больше! — Киммериец нетерпеливо вскочил и рубанул ладонью воздух. — Вот только проблема: где найти корабль?

— И все-таки, Конан, выслушай до конца то, что я хочу рассказать тебе, — попросила Алмена. — Можешь мне поверить, это не праздные напутствия. К сожалению, знаю я не очень много. Хотя, кроме моего Учителя, о Багровом Оке я слышала и от других, и не только от людей... С кораблем же проблем не будет. Ты попадешь туда с помощью моей сестренки, очень быстро, как попал к себе на родину Шумри.

— Побейстрой бы! — попросил киммериец. — От того, что ты рассказала, меч, как живой, прыгает у меня в ножнах.

Алмена улыбнулась.

— Поверь мне, это самый быстрый способ, быстрее тебя туда не доставит никто. Меч же порой нужно придерживать. На этом острове кроме людей обитают и иные существа, совсем на людей не похожие. Многие из них разумны, как человек, а некоторые и более. Поэтому я заклинаю тебя не хвататься каждый миг за свой меч, не осквернять свой путь убийством, даже если тебе покажется, что убиваешь ты безобразное животное. И еще одно. У Багрового Ока есть немало рабов, полностью преданных его злой воле. Исчадия — вот как их там называют. Выглядят они как люди, поскольку все они и были когда-то обыкновенными людьми. Больше того, как правило, у них особенно симпатичный, трогательный или внушающий жалость облик. Как отличить их от настоящих людей? Подсказать сможет только сердце. Либо верный друг, который — я очень надеюсь! — появится у тебя там. Будь осторожен с этими существами. Победить их можно, но не мечом. Как, впрочем, и их повелителя. Багровое Око — не человек, не зверь, не дух, не демон. У него нет брюха, которое можно было бы распороть, или головы, которую можно было бы снести с плеч. На твоём месте я вообще не брала бы туда меч, но я знаю, ты не захочешь с ним расставаться...

— Еще бы! Свое верное оружие я, конечно, не брошу, если только не сойду с ума! — Конан погладил рукоять меча, висевшего за поясом. — На что-нибудь да сгодится!

Но чем же мне его уничтожить, если нельзя проткнуть брюхо или смахнуть с плеч его красноглазую голову?

— Если бы я знала! — горестно воскликнула Алмена. — Если бы это знал хоть кто-нибудь из тех, кого знаю я! Я посылаю тебя в неизвестность, Конан. Твоей крепкой руке и отважному сердцу очень пригодится ясная и холодная голова. И еще то, что можно назвать глубинным чутьем, голосом, идущим из тайников твоей натуры.

— Не знаю, как насчет тайников натуры, но голова меня обычно не подводила, — заметил киммериец.

— Надеюсь, не подведет и на этот раз. Вся моя надежда, Конан-киммериец, на то, что ты справишься. И наш с тобой мир не будет через несколько сотен лет напоминать пустую кожуру плода.

— Я справлюсь или умру, — очень серьезно ответил Конан. — Третьего быть не может.

— Я ни за что не послала бы тебя на битву с Багровым Оком, если бы не видела прежде твою ладонь, — сказала Алмена. — Умрешь ты в глубокой старости, до этого же совершишь много славных и не очень славных дел. Поскольку струсишь и откажешься от битвы ты не сможешь, значит... все кончится хорошо.

— Но я не хочу умирать в старости! — поморщился киммериец. — Я ведь уже говорил тебе! Кстати, а собственную ладонь ты смотрела?

— Конечно, смотрела, — ответила женщина. — Но о моей ладони мы поговорим в другой раз. Я не сказала тебе самое важное, Конан. Если вблизи от Багрового Ока ты почувствуешь страх, тоску, отчаяние — ты погиб. Ибо это его пища. Как магнит притягивает к себе железо, он затянет тебя и проглотит. Радость, торжество, вызов, смех — все это будет защитой от него, будет твоим щитом. И еще одно, самое последнее: если ты почувствуешь, что он одолевает тебя, почувствуешь, что близка гибель, — представь меня в этот последний миг. Мое лицо, мои глаза, мой голос. Это очень важно! Обещай мне, что ты сделаешь так.

— Я обещаю тебе, — сказал Конан.

Алмена замолчала. Поняв, что напутствие кончилось, киммериец поднялся со своего каменного ложа и переступил с ноги на ногу.

— Ну, я пошел? — спросил он.

— Разве ты не хочешь подождать до завтрашнего утра?

— После того, что ты мне тут нарасказала?.. Я вряд ли усну сегодня. Либо мне будут сниться чересчур выразительные сны!

Алмена рассмеялась.

— Ну что ж, тогда собирайся! До моей сестры мы дойдем вместе. Отпускать тебя одного я не рискую: она довольно шалая девчонка, и никто не знает, что может взбрести ей на ум в любой миг. К тому же, и это гораздо важнее: вдвоем с ней мне будет легче следить за тем, как продвигаются твои дела.

От мысли, что Алмена будет с ним рядом еще какое-то время, Конана захлестнула радость. О предстоящей ему страшной битве он пока старался не думать.

Пока они шли по лесной тропинке, направляясь к границе плато, он болтал что-то легкое и необязательное, сам себе напоминая незабвенного Шумри и втайне поражаясь собственной разговорчивости.

Глава 4. Сестры

Когда Конан с Алменой подошли к южному краю плато, уже вечерело. Розовые, лиловые и голубые краски незаметно вливались одна в другую на дне опрокинутой небесной чаши, переходящей вдаль в суровую синь океана.

Алмена зажгла пахучую палочку, и дым ее приятно защекотал ноздри.

— Ну, просыпайся же, просыпайся, старый лентяй! — приговаривала она, поводя палочкой из стороны в сторону.

Старый лентяй не заставил себя ждать. Подняв вихрь пыли и проскрежетав когтями по камням, он приземлился в нескольких шагах от них. Увидев Алмену, ящер издал клюкочущий крик, отчего мешок морщинистой кожи у него под подбородком задергался вверх и вниз. Он застучал правой лапой и забил хвостом, чуть не поломав себе длинные перья.

— Здравствуй, здравствуй! — засмеялась Алмена.

Она подошла к нему и погладила по чешуйчатому загривку. Ящер вряд ли ощутил ее прикосновение сквозь толстую медь чешуи, поэтому она еще раз осторожно погладила его — на этот раз вдоль верхнего века огром-

ного круглого глаза. Из глаз его исчезала сонливость и дряхлость. В глубине зрачков заиграли рыжие огоньки.

— Однажды этому славному зверю не повезло, — обернувшись к Конану, сказала Алмена. — Он очень древний. В его молодости на земле было много таких, как он, и никому его вид не казался странным. Теперь же, когда он рискует выползти из своего болота, не ведая того и не желая ничего дурного, он сеет панику и страх. Однажды одно туземное племя сообща набросилось на него с копьями, факелами и ядовитыми стрелами. Я тогда еще жила внизу и подросла не слишком поздно. Хотя выхаживать его пришлось не одну неделю. С тех пор он почти все время спит. — Она вновь погладила его по веку и коснулась пальцами ноздрей, отчего ящер шумно выдохнул. — Во сне он пребывает в своем прошлом, где в воздухе порхает множество таких же, как он, его братьев, сестер и прочих родственников, и никто не засыпает их ядовитыми стрелами...

Чтобы Алмене удобнее было залезть ему на спину, ящер прижался как можно ниже к земле, вдавившись в скалу брюхом.

Прежде чем последовать за ней и усесться на жестком, как черепичная крыша, хребте, Конан обернулся и посмотрел на выложенный на белом песке кружок из гладких камней. Храм, в котором живет дух его и Шумри дружбы, кровного побратимства. Увидится ли он с немедийцем? Сумеет ли ему помочь? Увидит ли он вообще белый свет после встречи с неведомым гостем с малиновыми глазами?..

Сестренку Алмены им удалось разыскать не сразу. Не один раз они прошли вдоль и поперек маленький поселок, заглянули за все холмы в округе, дошли даже до дальней полосы кустарника, увязая в мелком песке, — но все тщетно.

Конан заметил, что местные жители — молчаливые, сдержанные мужчины и женщины в грубых домотканых одеждах — здороваются с Алменой приветливо и тепло, но ни о чем ее не расспрашивают и не выказывают при виде ее удивления. Видимо, она была здесь нередким гостем. А может быть, и не гостем, а своей, родной.

— Но куда же запропастилась эта шалая девчонка? — утомившись от поисков, спросила Алмена. — И ведь она

прекрасно чувствует, что я здесь. Неужели специально спряталась?

— Где же быть маленькому ребенку, как не дома? — пожал плечами Конан. — Уже почти ночь. Отчего мы сразу не заглянули к ней домой, а рыщем, как шакалы, по дюнам?..

— Дома? — Алмена взглянула на него непонимающе, но тут же рассмеялась. — Она не может терпеть стены и крыши еще больше, чем я! Вот ее дом, — она обвела рукой вокруг. — Просторней и выше, чем все мои дворцы вместе взятые.

Конан удивленно приподнял брови, но промолчал.

Когда совсем стемнело и от моря повеяло резкой ночной свежестью, он не выдержал:

— Ну так позови ее хотя бы! И погромче!

— Я давно ее зову, — устало откликнулась Алмена. — И она слышит, можешь быть уверен. Девчонке просто здесь не с кем играть...

— Знаешь, как воспитывают таких шалых девчонок на моей родине? — спросил киммериец. — Берут хороший, крепкий недоуздок...

Но договорить он не успел. Два лохматых, бешеных, скулящих и хохочущих клубка налетели на них из темноты. При виде одного из них Конан схватился за рукоять меча, так как это был огромный волк, величиной с доброго теленка в загривке. Но другой клубок, который оказался девочкой лет восьми, большеглазой, растрепанной, в рваных лохмотьях вместо одежды, — вцепился ему в руку, крича что-то звонко и грозно.

Конан непонимающе взглянул на Алмену. Та, словно спохватившись, провела ладонью по его лбу, задержав прохладные пальцы на переносице.

— Бонго может обидеться, если ты вытащишь меч! И тогда он с тобой никуда не пойдет! — разобрал, наконец, Конан слова девочки.

— А куда должен идти со мной Бонго? — спросил киммериец, убирая ладонь с меча и с любопытством разглядывая это вылетевшее из ночи создание.

Звуки незнакомого ему языка становились понятны, так как каждый сопровождался теперь яркими и четкими ощущениями и картинками.

— К Багровому Оку, куда же еще? — удивилась девочка. — Разве ты не туда собрался?..

— Туда, туда. Только ты-то откуда об этом знаешь?

— А! — Девочка махнула рукой. — Это давняя мечта Алмены. Как-то раз я показала ей пару миров. Ну, те, в которых он побывал, а затем отбросил, словно высосанную шкурку плода! С тех пор она никак не может их забыть. И все надеется на какого-то неведомого героя!

— Может быть, и не зря надеется, — заметил Конан. — А зачем ты предлагаешь мне взять с тобой твоего зверя?

— Ну как же! — девочка всплеснула руками. — Ты ведь совсем один! Такой худенький, такой несчастный, такой одинокий!..

Если бы так издевался над ними не ребенок, а взрослый, Конан принял бы меры. Но тут он только принужденно расхохотался.

— Ну, какой бы я ни был худенький и одинокий, в зверюге твоем я не нуждаюсь, нет!

— Конан, — тронула его за руку Алмена, — раз она предлагает взять с собой ее друга, не отказывайся! Потом ты сам оценишь, какой это мудрый и щедрый жест.

Киммериец пожал плечами.

— Ну, если он будет меня слушаться, пусть идет.

— Как бы не так! — обиделась девочка за своего любимца. — Это тебе нужно слушаться Бонго! Тогда, может быть, у тебя что-то и получится, и ты вернешься назад.

— Так я не договорил, как воспитывают в Киммерии таких маленьких девочек, — сказал Конан, повернувшись к Алмене. — Берут недоуздок, но только совсем новенький, крепкий...

— О Конан! — засмеялась Алмена. — Уверю тебя, этим ты ничего не добьешься!..

— Тогда я добьюсь вот этим! — Конан неожиданно подхватил девочку подмышки и закружил вокруг себя с такой силой, что поднялся ветер, взметнувший вихри белого песка.

Затем он несколько раз подбросил ее в темное ночное небо, ловя у самой земли.

Волк скакал вокруг них огромными прыжками, громко подывая не то от восторга, не то от беспокойства.

Когда киммериец поставил девочку на землю, она сделала два шага, пошатнулась и села на куст можжевельника.

— Ну, хорошо! — Она подняла на него смеющееся лицо и вытащила из платья несколько колючек. — Ты

убедил меня! Бонго будет слушаться тебя, когда ты не будешь говорить глупости. Ты будешь слушаться Бонго, когда не будешь знать, что делать. Договорились?

— Договорились, — ответил Конан, чтобы прекратить этот ребяческий спор.

— Расскажи лучше, как ты отправила на родину нашего Шумри, — обратилась к шальному ребенку Алмена.

— Вашего Шумри?.. — поднявшись с песка, девочка махнула рукой и сморщила нос. — Ты уж, пожалуйста, не присылай мне больше таких, как он, Алмена! Очень тебя прошу. Сначала мне было с ним весело, не спорю. Но потом он стал скучный-скучный и даже заплакал. И стал грызть песок.

— Грызть песок?.. — удивился Конан.

— Да. Он забыл, как выглядит его родина и никак не мог туда попасть. То и дело пыхтел неизвестно куда. Моя голова от его прыжков едва не разлетелась на мелкие кусочки! Потом наконец он вспомнил. Я так обрадовалась! Приготовила ему замечательный подарок: сделала так, что он мог увидеть свою девушку совсем маленькой, только что родившейся. Он мог взять ее на руки и покачать, вот так, — она запела смешным басом: «Баю-бай, баю-бай, поскорее вырастай! Когда вырастешь большой, станешь ты моей женой!» Вы только подумайте, он мог научить ее самым первым словам!.. Мог налепить игрушек из глины, вырезать деревянную лошадку... Но он не захотел почему-то. И очень обиделся на меня.

— Я бы тоже обиделся, — сказал Конан. — А еще бы я взял...

— Знаю, знаю! — воскликнула девочка. — Ты бы взял недоуздок, новенький и крепкий. Хотя я и не представляю, что это такое, но думаю, довольно скучная штука! А ваш Шумри попал туда, куда ему было нужно в конце концов! Правда, он так обиделся, что не захотел смотреть на меня и ему пришлось смотреть в глаза Бонго. Бонго полдня потом тряс головой и чесал за ухом... Я думаю, ваш Шумри сразу же пожалел, что не оценил мой подарок. Ведь только что родившаяся девушка еще не болела. Да и вообще, с младенцами в тысячу раз легче и веселее, чем со взрослыми!..

— Да уж, особенно с такими, как ты, — согласился Конан. — Теперь я понимаю, Алмена, отчего ты не хотела отпускать меня сюда одного. Бедняга Шумри!..

Девочка подбежала к кромке воды и несколько раз перекувырнулась на влажном и скрипучем песке. Ее лохмотья в ночи казались лепестками большого цветка, подбрасываемого ветром.

— Жалко, что сейчас темно, — сказал Конан Алмене. — Я бы хотел поставить вас рядом и сравнить. Сдается мне, вы совсем не похожи. Неужели вы и вправду сестры?..

— Так она и тебе сказала, что мы сестры? — услышав его слова, девочка прибежала назад и укоризненно затрясла головой. — Ах, Алмена, Алмена!..

— Не сестры? Тогда кто же вы?..

Вместо ответа девочка шагнула прямо в вытянутые ей навстречу руки Алмены. Они обнялись. Зажмурив глаза, прижавшись к ее груди, девочка что-то неслышно шептала. Алмена же тихо гладила ее восторженные мокрые волосы.

Конан отвернулся и присел лицом к набегающим волнам, рассматривая узенький серп молодой луны. Бонго, перестав прыгать и вертеться у ног своей маленькой хозяйки, затаил и застыл в двух шагах возле. Он поднял было морду к луне и хотел повить, но, видимо, не решился нарушить общую тишину.

Конану пришло в голову, что сестры (а если не сестры, то кто же?..) словно прощаются друг с другом. Но отчего?.. Ведь они остаются вместе, это ему, Конану-киммерийцу, вечному бродяге и искателю приключений, нужно отряхнуть мелкий белый песок со своих ступней и отправиться в далекую и опасную неизвестность.

— Ему пора уходить, — нарушила молчание Алмена.

— Я знаю, — тихо ответила девочка. — Пусть идет. Бонго постарается, чтобы все было хорошо.

Она выскользнула из нежных рук и подошла к киммерийцу. Знаком велела ему опуститься на колени. Его взгляд оказался как раз напротив ее огромных, слабо освещенных узкой луной глаз.

— Ничего не бойся, — сказала девочка. — Просто смотри на меня и все.

Конан хотел было ответить, что ничего не боится и никогда не боялся, но почувствовал, что говорить сейчас, сотрясать воздух — лишнее.

— А ты не перепутаешь? — В голосе Алмены слышалось беспокойство. — Ведь он никогда там не был, он

ничего не сможет представить. Вдруг ты забросишь его неизвестно куда?..

Девочка повернулась к волку и поманила его к себе. Тот с радостью подошел и ткнулся ей носом в колени.

— Ты будешь первым, Бонго, — она обхватила его ладонями за ушами и поцеловала в лоб. — Иди.

— Только пусть они окажутся не у самого его логова! — попросила Алмена. — Ведь им нужно еще осмотреться, привыкнуть, найти друзей...

— Я кажусь тебе полной дурой? — спросила девочка. — Конечно, они окажутся на берегу.

— И еще — пусть они попадут туда утром!

— Утром, а как же иначе? Ясным, солнечным утром, — не отрываясь, она смотрела в пристальные и немигающие глаза волка. — Там очень много мелких желтых цветов, и от этого вся трава кажется желтой, пушистой, как цыпленок... Ветер от их пыльцы очень сладкий, его можно лизать, как мед...

Конан увидел, как растаяло в воздухе, совсем рядом с ним, лохматое тело зверя. Он поежился. От всего, что хоть отдаленно смахивало на магию, он всегда старался держаться подальше!

— О нет, Конан! — раздался за его спиной успокаивающий голос Алмены, словно слышавшей его мысли. — В этом нет ничего зловещего, ничего страшного. Она знает более короткие пути, только и всего.

— Твой приятель Шумри совсем не боялся, — сказала девочка. — Он только скакал взад-вперед и очень сердился, что все время попадает не туда. Но ведь я не знала, какая она, Немедия, и где она. А место, где ждет тебя Багровое Око, я вспомню, даже если разбудить меня среди ночи...

Глава 1. Шестилик

Бонго, обнюхивающий желтую траву, при виде появившегося киммерийца с достоинством подошел и замер у его ног. Конан огляделся вокруг. Вот уж, действительно, огромный цыплячий бок, а не земля! И отчего такой веселенький, похожий на детский рисунок островок выбрал местом своего обитания путешествующий Пожиратель Миров... Да полно, здесь ли он, этот самый монстр? Никаких следов присутствия Багрового Ока что-то не видно.

За спиной киммерийца шумело море. В двух шагах виднелась утоптанная тропинка, петляющая между желтых округлых холмов, поросших редкими деревьями. Особенно не раздумывая, Конан зашагал по ней. Рядом трусил крупной рысью Бонго. От сладкого, льнувшего к губам ветра было душновато. Солнце, хотя и не такое яростное, как в джунглях, припекало довольно сильно, и скоро киммериец почувствовал жажду. Он стал еще более внимательно посматривать по сторонам в поисках ручья, озера, на худой конец, болота или непросохшей лужи. Правда, Алмена дала ему с собой запас фруктов, могущих служить и едой, и питьем одновременно, но надолго ли их хватит? Конечно, Конан не хотел бы задерживаться здесь, будь его воля, он управился бы за один день, но кто знает, сколько времени уйдет у него на одни поиски затаившегося где-то чудовища?..

Конан посмотрел на трусившего рядом волка. Желтая трава, отражаясь в его янтарных глазах, придавала им особую яркость. Волк, казалось, ничему не удивлялся и не слишком любопытствовал окружающим необычным пейзажем.

— Будь другом, Бонго, — попросил его Конан. — Поищи-ка вокруг хоть какую-нибудь воду.

Для надежности он поднес ко рту сжатый кулак и показал, что пьет. Он не знал, понимает ли Бонго его

речь и мимику, но в конце концов зачем-то он был ему навязан в полутчики? Не просто же для красоты бежит рядом с ним этот зверь?

Бонго остановился и с достоинством огляделся вокруг. Приюхался, прислушался, развернув в разные стороны уши, затем широкими прыжками понесся вправо от тропинки, перепрыгивая овраги и одним махом взлетая на холмы. В ожидании его Конан присел в траву, сбросив с плеч дорожный мешок.

Он видел мелькающую серую спину то слева от себя, то справа, то дальше, то ближе. Волк оказался добросовестным и исследовал в поисках влаги каждый клочок земли. Неожиданно из небольшой ложбины, куда сунул свой нос Бонго, прямо из-под его морды взмыл в небо белый шар. Размером он был с три головы Конана, круглый, но не гладкий, с небольшими вмятинами и выпуклостями на поверхности. Впрочем, рассмотреть его как следует киммериец не успел: шар несся со скоростью выпущенной из лука стрелы и скоро растворился в белесоватом от зноя небе.

Проводив его глазами, Бонго вернулся к Конану, всем видом своим давая понять, что поиски его не принесли успеха.

— Ладно, — пробормотал киммериец, поднимаясь с травы. — Будем надеяться, что дальше нам повезет.

Его позабавил взлетевший в небо странный шар, и он размышлял, что бы это могло быть такое: не птица, не бабочка, не оружие, не детская игрушка, не гриб, не цветок...

Шагов через триста им действительно повезло: Конан увидел человека. То был мужчина средних лет, по виду пастух или земледелец. Он что-то собирал в траве, то и дело нагибаясь и раздвигая ее руками. Заслышав шаги киммерийца, он выпрямился и обернулся. Казалось, появление Конана его ничуть не удивило, но вот на Бонго он поглядывал с заметным изумлением и опаской. Конан вспомнил, как Алмена рассказывала ему, что на острове совсем нет хищных зверей.

— Не будешь ли ты так добр и не дашь ли мне напиться? — спросил его киммериец как мог вежливо.

Пока он не огляделся и не освоился в этом мире, лучше начинать с хороших манер. Поскольку такие интонации не были свойственны его голосовым связкам, он старался представить на своем месте Шумри. Как там говорил хитрый немедиец: «Добрый человек...»? Конан

изобразил, как он отдувается от жары, вытирает пот с лица, а затем пьет крупными глотками, высоко задрав подбородок.

Незнакомец понял его, потому что взгляд его быстро скользнул к стоящей в нескольких шагах от него большой, оплетенной лыком бутылке. Он открыл рот, откуда посыпались отрывистые звуки, напоминавшие крики дерущихся птиц. К звукам он присоединил красноречивые жесты. Все это вместе не оставляло никаких сомнений: местный житель отказывал ему. Большие того, он гнал его прочь.

— Ты не понял меня, — сказал Конан, стараясь, чтобы из-под языка у него истекали мед и елей. — Я не сделаю тебе ничего дурного! Я чужеземец. На пути моем не встретилось ни одного источника, ни одного колодца. Разрешите мне только утолить жажду, и я пойду дальше!

Незнакомец подхватил с земли свою бутылку и мешок, который он набивал чем-то сухим и мягким, и быстрыми шагами пошел в сторону, противоположную от тропинки, оставив киммерийца разочарованным и недоуменным.

— Надо было приставить меч к его глотке и гаркнуть: «Воды!!!» — проворчал Конан, обращаясь к Бонго. — Может быть, это бы подействовало.

Над головой у него раздался чей-то переливчатый смех.

— Подействовало, подействовало! — крикнул тонкий птичий голос.

Киммериец задрал подбородок. Локтях в двадцати над ним в воздухе парил шар, совсем такой же, что вылетел из-под носа Бонго, но только не белый, а светло-оранжевый. Присмотревшись, Конан увидел, что у шара было лицо, из растянутых губ которого доносился смех.

Желая припугнуть забавное явление, киммериец стянул с плеча лук, нащупал стрелу в колчане и сделал вид, что вот-вот выстрелит. Шар мгновенно изменил свой цвет, став белым, как иней, перевернулся в воздухе и унесся прочь.

— Погоди! — крикнул вслед ему Конан. — Я пошутил! Я не буду стрелять!

Шар растворился в воздухе, и киммериец вздохнул. Только у него появился собеседник, пусть и необычный на вид, но вполне общительный, как он умудрился спугнуть его своей необдуманной шуткой!

Он взглянул на волка. Прохладно-желтые глаза его смотрели с явной укоризной.

— Ладно, — Конан развернул мешок, вынул два крупных плода и один из них протянул волку. — Держи. Не сверли меня своими глазами.

Перекусив сочным и прохладным даром Алмены, киммериец воспрянул духом и бодро зашагал дальше. Неожиданно Бонго ткнулся мордой ему под колено, прикусив зубами штаны. Конан остановился. Волк задрал морду вверх. Проследив за его взглядом, киммериец увидел у себя над головой все тот же светло-оранжевый, весело трепещущий в воздухе шар. Видно, любопытство в нем пересиливало страх и осторожность.

— Эй! — Конан хлопнул над головой в ладоши. — Спускайся пониже да поговори со мной! Я больше не буду тебя пугать! Я не питаюсь воздушными шарами!

Помедлив, покачавшись из стороны в сторону, шар спустился. Теперь он был всего в трех локтях от лица киммерийца, и тот мог его хорошенько рассмотреть.

Поистине, это было удивительное творение природы. У него было не одно лицо, но шесть, каждое из которых отличалось своим выражением. Сейчас на Конана смотрело воплощенное удивление и любопытство. Ему сразу вспомнился Шумри, в круглых глазах которого так часто плескалась детская радость открытия мира.

— Ты кто? — спросил киммериец.

— Я — совершенно свободный! — пискнул шар.

Конан осознал, что разговаривает с ним так же, как и с сестренкой Алмены: видя то, о чем он говорит, своим внутренним взглядом.

— Кажется, я не спрашивал, какой ты. Я ясно спросил: кто ты? Но если у тебя нет имени, я буду называть тебя Шестилик. Здесь много таких, как ты?

— Я один, — ответил шар.

На мгновение перед Конаном мелькнуло другое лицо: печальное, с опущенными вниз уголками тонких губ. Видимо, мысль о собственном одиночестве была окрашена грустью. Но Шестилик тут же вернулся в прежнее удивленно-любопытствующее состояние.

— Это ты тогда вылетел из-под носа моего волка?

— Я! — подпрыгнул в воздухе оранжевый шар. — А зачем ты хотел меня убить?

— Я не хотел тебя убивать, — махнул рукой Конан. — Так, пошутил немного. Скажи-ка мне, Шестилик, как мне быстрее всего дойти отсюда до логова Багрового Ока?

— Багровое Око? А кто это?..

У Конана начала было отвисать челюсть, но Шестилик вспомнил:

— Ах, Багровое Око! Здесь мы называем его Черный Слепец!

— Пусть будет Черный Слепец. Хотя Слепец и Око, я бы сказал, — нечто противоположное... Но я думаю, это та тварь, что мне нужна. Вряд ли у вас их несколько. Как мне его найти?

Шестилик крутился в воздухе, меняя лица. То показывалось испуганное, снежно-белое, с расширенными от ужаса глазами. То его сменял багровый, с вывернутыми губами лик, в котором гнев смешивался с отвращением. Видимо, упоминание о Черном Слепце вызвало в нем целую бурю чувств. Вернувшись в более-менее спокойное состояние, шар спросил:

— А зачем он тебе нужен?

— Это мое дело, — ответил Конан. — Впрочем, если мы с тобой подружимся, если ты захочешь составить мне компанию, я расскажу тебе. Пойдем со мной! Ты ведь все равно болтаешься без дела, как мыльный пузырь.

Шестилик обиделся.

— Я не пузырь! Мой внутренний мир побогаче, чем у десятка таких, как ты! К тому же, ты забыл, что я совершенно свободный!

— Я не забыл, — возразил киммериец. — Именно потому, что ты свободен и времени тебе девать некуда, я и зову тебя с собой. Поверь мне, скучать ты не будешь!

— Я свободен! — Шар закружился со страшной силой, отчего оранжевые полосы завихрились в воздухе кругами, спиралями и крест-накрест, — явно демонстрируя свою свободу. — Ты видишь? Я лечу только туда, куда мне хочется в каждый миг моей жизни! — Он перестал кружиться и завис в воздухе. — Сейчас мне интересно болтать с тобой, и потому я здесь. Но скоро это занятие мне надоест, и меня здесь не будет! Вот — уже надоело! Пока! — Он стал плавно набирать высоту.

— Подожди! — Конан замахал ему рукой. — Ты не сказал мне, в какую сторону мне идти до Багрового Ока! — В какую хочешь! — пропищал с высоты шар. — К нему ведут все дороги! Но если ты будешь идти, как шел, ты дойдешь быстрее всего!..

Последние слова киммериец разобрал с большим трудом: они сыпались откуда-то с поднебесья.

Глава 2. Маленький больной ребенок

Что ж, кае-какими сведениями об этом мире Конан уже обладал. У местных жителей ничего нельзя просить, но только грубо требовать. Все дороги ведут к Багровому Оку, который, к тому же, еще и Черный Слепец. Дорога, на которой волею сестренки Алмены оказался Конан, приведет к цели быстрее всего. Порхающий мыльный пузырь превыше всего на свете ценит свою свободу, но с легкостью подцепляется на крючок любопытства...

Пейзаж вокруг по-прежнему не радовал глаз разнообразием. Все та же трава, присыпанная желтой пудрой мелких цветов, да холмы с невысокими деревьями. Внезапно впереди себя киммериец заметил на обочине дороги маленькую фигурку. Подойдя вплотную, он увидел, что то был ребенок четырех-пяти лет. Судя по светлому пуху на голове и тонким чертам крохотного лица, скорее, девочка. Ее одежда из тонкой и нарядной ткани была запачкана и порвана, худенькие руки горестно сжались в кулачки. Увидев киммерийца, дитя расцвело улыбкой сквозь слезы и потянулось к нему.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Конан, растерянно озираясь: не видно ли где поблизости матери или отца малютки. — Где твоя мама? Где твой дом?

Девочка что-то ответила, жалобно сморщившись. Увидев, что чужеземец ее не понимает, она показала на свой рот.

Конан вытащил из мешка плод покрупнее и протянул девочке. Она с наслаждением впилась в него зубами и даже заскулила от удовольствия. Киммериец задумался. Что ему делать с этой находкой, да и нужно ли что-нибудь делать?.. Он никогда не имел дела с маленькими детьми и не чувствовал к ним особой симпатии или умиления. Но бросить ребенка здесь, на солнцепеке, вдали от каких-либо признаков человеческого жилья?.. Пожалуй, будет лучше, если он отдаст девочку первым встретившимся ему людям.

Вздохнув, киммериец поднял девочку, дожевывающую сочный плод, и посадил себе на плечо. Бонго глухо заворчал.

— Ты что? — спросил Конан волка.

Тот вздыбил шерсть на загривке и приподнял верхнюю губу, показав ряд клыков. Киммериец потрепал его по шее, успокаивая.

— Не стыдно тебе рычать на ребенка? Вот посажу ее на тебя верхом, тогда будешь знать...

Зверь был такой рослый, а девочка такая крохотная, что она и впрямь могла бы ехать на нем верхом. Конан какое-то время обдумывал эту мысль, но тельце на его плече было почти невесомым, оно совсем не мешало ему идти, и киммериец решил не пугать понапрасну дитя, которое и без того наплакалось, потеряв родителей.

Раз они встретили девочку, полагал Конан, вскоре должно быть селение или деревня, а может быть, даже город. Впрочем, Алмена сказала, что городов здесь нет... Он не ошибся. Не прошли они и пятисот шагов, как слева от дороги показалось несколько хижин. Селение было маленькое, семей на пять-шесть. Все хижины были сделаны из травы, плотно переплетенной в жгуты и скрепленной веревками. Окнами служили небольшие круглые отверстия со вставленными в них полупрозрачными кристаллами слюды.

«Видимо, народ здесь невероятно ленивый, либо столь же невероятно тупой, — подумал Конан, подходя ближе и рассматривая убогие хозяйства и малочисленный домашний скarb. — Ведь все здесь может вспыхнуть от малейшей искры, не успеешь даже чихнуть!»

Он заметил женщину, выглянувшую из двери хижины, и, подойдя к ней, указал на ребенка.

— Эта девочка потерялась! Я оставляю ее у вас. Видимо, родители ее недалеко и скоро ее найдут. Заодно я хотел бы переночевать в вашем доме и поужинать!

Свои слова он сопровождал самыми красноречивыми жестами.

Хотя в его голосе не было и намека на просьбу, женщина отреагировала так же, как и мужчина, встретившийся им на лугу. Она протестующе замахала руками и закричала, словно он смертельно ее оскорбил.

Конан попробовал попытать удачу в другой и в третьей хижине, но с тем же успехом. Хотя говорил он грубо и властно, то и дело хватаясь за меч. Отчего-то ему показалось, что не столько он сам, сколько сидящий на его плече ребенок является причиной столь бурных отказов.

Проклятье! Ну и земля! Даже в диких льдах Гипербореи Конану легче было бы найти себе кров и ужин, чем в этих благодатных краях, поросших веселенькой желтой травкой...

Киммерийца немного утешило то, что прямо за селением он увидел реку с довольно прозрачной и прохладной

водой. Бонго первым кинулся с берега в мелкие волны и стал жадно лакать, торопливо взмахивая языком. Напившись, он с наслаждением развалился на песке и оглянулся на Конана, словно приглашая его сделать то же самое: можешь не опасаться, вода не тухлая, не горькая, не ядовитая!..

Конан спустил с плеча ребенка и припал к воде. Прозрачная вода не имела ни вкуса, ни запаха и отлично утоляла жажду. Вот если бы еще раздобыть какую-нибудь еду, чтобы совсем не зависеть от жадности и нелюдимости местных жителей!..

Словно прочитав его мысли, волк принялся обшаривать окрестности. То и дело он подбегал к Конану и что-нибудь приносил в зубах: то пару грибов с мягкими лиловатыми шляпками, то что-то похожее на моллюска, то землеройку, то саранчу размером с котенка, бешено дергающую длинными коленями в его пасти... От саранчи и грибов киммериец отказался, моллюска же съел, выковыряв из раковины. На вкус он был почти таким же пресным, что и вода. Последний оставшийся в мешке фрукт он отдал ребенку. Девочка весело напевала что-то, то и дело обращая к Конану хорошенькое лицо с припухшими веками и голубыми глазами. Казалось, ее вовсе не волнует то, что мама и папа до сих пор ее не разыскивали.

Как только ступились сумерки, киммериец решил отправиться на покой с тем, чтобы утром встать пораньше. Огня он решил не зажигать: ночь теплая, жарить и варить им нечего, хищных зверей можно не опасаться. Вернувшись к задворкам селения, он прихватил большую охапку сена из стога, который приметил раньше. Охапки хватило на мягкую и душистую постель для всех троих.

Конан хотел было, чтобы Бонго лег между ним и девочкой, чтобы лохматое его тепло доставалось им обоим, но упрямый зверь вставал до тех пор, пока его не оставили в покое, после чего сам выбрал себе место подле левого бока Конана. Ребенок же свернулся худеньким калачиком справа от него.

Как только киммериец погрузился в дрему и с наслаждением отдался ей, резкие и громкие звуки вывели его из забытья. Лежащий рядом с ним ребенок закашлялся. Худое тельце сотрясало от хриплых, отрывистых, похожих на лай звуков. По-видимому, ребенок сильно про-

студился, отбившись от своих родных и блуждая неведомо где.

Конан сбежал к реке, принес воды и попытался напоить девочку. Но вода выплескивалась из рта, а кашель не уменьшался. Он попробовал растереть ей пальцами спину возле острых лопаток и выпирающих позвонков, но безуспешно. В конце концов он набросал на нее сверху все сено, какое у него было, и вдобавок еще обхватил руками, чтобы ей было теплее. Но кашель не стихал. Казалось удивительным, откуда берутся силы в этой узкой грудке на такие долгие, раздирающие легкие содрогания... Только с первыми лучами солнца девочка успокоилась. Голубые глаза ее были полны слез, она со страхом смотрела на киммерийца, словно ожидая наказания за то, что не дала ему выпастись.

С гудящей от бессонной ночи головой Конан вновь отправился в селение, посадив девочку на плечо. Он решил просто оставить ее там у одной из хижин. Не полные же они изверги, эти местные жители! Хотя кто-нибудь да приютит маленького больного ребенка..

— Ты извини, малышка, но дальше я пойду без тебя, — сказал он девочке, ссаживая ее у двери одного из травяных домиков. — А тебя разыщет твоя мама и обязательно вылечит.

Но девочка не захотела расставаться с киммерийцем. Стремительно, как куница, она взобралась по его ноге и туловищу и вновь оказалась на шее, крепко вцепившись в нее ладошками.

— Ну нет, так не пойдет! — Конан хотел было вновь спустить ее на землю, но с удивлением почувствовал, что не может оторвать детских ладошек от своей шеи.

Он тянул изо всех сил, но они словно намертво приросли к его коже. Проклятье! Маленькие дети на этой земле будут похлеще взрослых!..

Конан встал на колени спиной к волку и велел ему избавиться себя от ребенка. Бонго схватил ее зубами за одежду и потянул, мотая мордой из стороны в сторону. Результатом был лишь треск рвущейся ткани. Тогда он схватил зубами за маленькую ногу. Девочка засмеялась, словно ее щекотали. Волк прихватил крепче, уже озлившись и зарыгав — но она только громче смеялась и дергала второй ногой.

Киммериец потянулся было за мечом, но передумал. Нет, вонзать клинок в детское тело он не будет. Да что ей его лезвие, если крепкие волчьи зубы ее только ще-

кочут! Конечно же, это не ребенок. Но вот кто — или что — это?..

Конан заметил, что из дверей дома, возле которых они остановились, за его тщетной борьбой с ужасом наблюдает пожилая женщина. Он поднялся с колен, махнул Бонго, и они вернулись на берег реки, где провели ночь.

Киммериец повалился спиной в сено и закрыл глаза. Девочка, не отцепляясь от его шеи, тут же закашлялась. Теперь она кашляла прямо ему в ухо. Проклятье! Конан открыл глаза и поднялся. Кашель тут же смолк.

Тонкий залиvistый смех раздался прямо над его головой. Конан посмотрел вверх. Знакомый шар болтался над ним, только сейчас он был розовым, а обращенное к киммерийцу лицо было воплощением веселья.

— Ну, и что же ты тут увидел радостного? — угрюмо поинтересовался Конан.

— Смешно! Ты умудрился подцепить исчадь! Ха-ха-ха-ха!..

Слово показалось Конану знакомым. Он вспомнил, что рассказывала ему об этих рабах Багрового Ока Алмена.

— Ты лучше не смейся, а скажи, как мне отцепиться от нее!

— Это невозможно! Совершенно невозможно! — Шар кувыркался и выписывал причудливые зигзаги от избытка смеха.

— Врешь! — взревел киммериец. — Говори сейчас же, иначе... — Он прикусил язык, вспомнив, что в ответ на его угрозу шар просто-напросто улетит со свистом, и он останется со своей прилипчивой крошкой один на один.

— Вообще-то отцепиться можно, — устав смеяться и немного успокоившись, шар медленно снизился и завис подле его лица. — Во-первых, она сразу отцепится от тебя, как только приведет к своему хозяину, к Черному Слепцу.

— Но мне как раз к нему и надо! — оживился Конан. — Тогда я не буду расставаться с ней, пусть ведет скорее!

— Подожди, не торопись. Она приведет тебя к нему, но приведет таким измотанным, злым, отчаявшимся, проклинаящим все на свете... что ты мигом полетишь в его распахнутую пасть. В этом и состоит служба исчадий: приводить к своему хозяину подготовленную добычу. Есть другой способ избавиться от нее: исчадья боятся тех, у кого есть при себе живой огонь.

— Как мне добыть этот живой огонь? — спросил Конан.

— Это целая история! Может, когда-нибудь я и расскажу ее, но не сейчас. Кашляющее дитя все равно не допустит, чтобы ты достал его.

— Проклятье! Ты издеваешься надо мной!

— Остается последний способ. Попробуй просто не обращать на нее внимания. Будь это старое опытное исчадь, оно в любом случае переиграло бы тебя. Но дети нетерпеливы. Если она почувствует, что все ее ухищрения на тебя не действуют и ты остаешься спокоен и весел, она скоро отцепится и начнет подстергать другую жертву.

— Это мысль! — обрадовался киммериец. — Но в таком случае у меня к тебе просьба. Я знаю, как ты ценишь свою свободу, и я не думаю покушаться ни на малый ее кусочек. Но только удели мне часть своего драгоценного времени! Расскажи об этих исчадьях, о Черном Слепце, обо всех ваших нравах и обычаях. Я ведь чужеземец и в ваших краях впервые. Поделись со мной тем, что знаешь, чтобы впредь я не попадал впросак... А пока я буду слушать тебя, я напроць забуду об этом прилипчивом ребенке.

— Ну что ж, — Шестилик задумчиво поплавал в воздухе и сменил лицо на голубоватое и спокойное. — Пока мне хочется говорить с тобой, я буду говорить. Как только мне надоест — не обессудь... Исчадий бродит по нашей земле очень много. Дети, девушки, мужчины, старики... Все они были когда-то людьми. Тела у них и сейчас людские, а души... души проглотил Черный Слепец. Поэтому их невозможно убить — ведь они уже в каком-то смысле мертвые. Тот, кто повнимательней, отличит исчадь от живого человека очень легко: надо лишь заглянуть им в глаза.

Конан повернул голову и посмотрел в глаза существа, прилепившегося к его плечу. Вполне обыкновенные, младенчески-голубые...

— Я же сказал, это для внимательных! — заметил Шестилик с насмешкой. — Есть и другие признаки. Они располагают к себе или вызывают жалость и всегда просят о чем-то. Представь, что седовласый почтенный старец переходит вброд ручей и просит тебя подать ему руку. Ты протягиваешь ладонь — и больше ты уже не оторвешь от нее его костлявые пальцы. А его зловонное дыхание и гнусный смех сведут тебя с ума очень быстро. Либо ты встречаешь на берегу реки прекрасную полуобнаженную

девушку, лежащую на песке... — Шестилик мечтательно возвел к небу глаза.

Конан подумал, что мечтать о полуобнаженной девушке, обладая одной головой и ничем больше, по меньшей мере, нелепо. У летучего шара было такое томное и сладкое выражение на лице, что киммериец, не удержавшись, расхохотался.

Шар кувырнулся в воздухе, на миг показав гневное лицо с багровыми щеками и лбом, затем вновь стал голубоватым.

— ...Она попросит тебя о каком-нибудь пустяке: помочь найти заколку или вытащить занозу, но будь уверен — ее липкие ласки доведут тебя до иступления или заставят броситься в пропасть. Вот поэтому люди со временем и стали бояться тех, кто о чем-либо просит. Их гонят прочь, перед ними захлопывают двери.

— Положим, я не просил, а требовал дать мне ночлег и ужин, но все равно ничего не добился, — заметил киммериец.

— В это время у тебя уже сидело на плече дитя, — ответил шар. — А люди стали наблюдательны. Если хочешь выжить, приходится подмечать каждую мелочь.

Во время их разговора Конан то и дело косил глазом вправо, на лицо маленького исчадья. Нетерпение, раздражение, скука читались на нем. Когда же он от души рассмеялся над томной физиономией Шестилика, по лицу ребенка пробежала судорога отвращения. Значит, смех не нравится им больше всего? Прекрасно!

— Что же мы все о мрачном? — спросил он, подмигнув своему собеседнику. — У вас такая веселенькая страна, такая славная желтая травка растет кругом! Не может быть, чтобы здесь не случалось ничего смешного!

Шестилик охотно подыграл ему, вспомнив с десяток забавных историй, приключившихся с ним за его долгую жизнь. Хотя в большинстве из них Конан не улавливал юмора, видимо, слишком для него тонкого, он громко смеялся через каждые два слова, не переставая косить глазом вправо. Наконец с великим облегчением он почувствовал, как липкие пальцы отцепились от его шеи. Сразу стало легко и вольготно дышать. Маленькая тень в нарядном запачканном платице скользнула куда-то за его спину, босые ноги прошелестели в траве.

— Она ушла! — выдохнул Конан.

— Искренне поздравляю! — откликнулся Шестилик. — Да и мне пора! Еще чуть-чуть — и я заскучал бы с тобою!..

— Подожди! — Киммериец подпрыгнул, пытаясь ухватить его, но не успел — шар уже был высоко. — Не улетай! Ты же не рассказал мне, как добыть живой огонь!..

— Так и быть! Жди меня — я вернусь к вечеру и провожу тебя! — кувыряясь и поигрывая щеками на солнце, прозвенел Шестилик. — Это недалеко отсюда!..

Глава 3. Живой огонь

Конан очень не любил ждать. Терять целый день в ожидании легковесного и легкомысленного существа, любителя выписывать узоры в воздухе, вместо того чтобы приступить к основному делу, ради которого он попал в эти нелепые края?!.. Он чуть было не отправился дальше один — вернее, с Бонго, — но трезвая предусмотрительность взяла верх. Все население этой страны, видимо, делится на две части: исчадий, покорных рабов Черного Слепца, и нормальных жителей, до смерти перепуганных этими самыми исчадьями и не способных потому ни к каким контактам. Вряд ли оправдаются надежды Алмены на то, что у него здесь появятся настоящие друзья. Скорей уж другом его станет Черный Слепец, он же — Багровое Око!

Шестилик помог ему избавиться от каняющего ребенка, возможно, и впредь его советы окажутся не лишними. Вот только как бы отучить его от дурацкой привычки то и дело уноситься ввысь и растворяться в воздухе, оставив без ответа самые насущные вопросы!..

Время до вечера киммериец провел, осматривая окрестности и занимаясь добычей пропитания. С помощью Бонго ему удалось наловить много рыбы: волк загонял ее к берегу, шумно молотя по воде хвостом, Конан же ловил на мелководье руками. В жару возиться с огнем не хотелось, оттого рыбу съели сырой. После обильного обеда оба разом заснули в тени дерева и спали до тех пор, пока их не разбудил вернувшийся Шестилик.

Солнце клонилось к горизонту. Жара спала, и дышалось легко. Конан шагал по еле видной в густой траве тропинке. Впереди и сверху, подергиваясь и покачиваясь, летел Шестилик. Бонго замыкал шествие, то и дело сворачивая с тропинки в сторону и пропадая в пахучих зарослях.

— Кстати, не хочешь ли ты закусить? — спросил Конан у своего провожатого. — Мы с Бонго наловили столько рыбы, что съесть смогли не больше половины. Пока она еще свежая!

— Я не нуждаюсь в еде, — важно ответил шар обращенным в их сторону лицом. — Только свобода питает меня — полная, совершенная свобода! Свобода!..

К ночи они достигли своей цели. Тропинка привела к широкой ложбине с продолговатым озером, заросшим по берегам высокой влажной травой, уже не желтой, а светло-коричневой. Водяная гладь была ровной и темно-зеленой, как полированный кхитайский нефрит.

Шестилик велел сидеть на берегу и ждать, причем вести себя как можно тише.

Ночь была удивительно светлой, хотя луны не было. Ровный серебристо-мерцающий свет давали звезды, густой россыпью покрывавшие небесную твердь от горизонта до горизонта. Конану показалось, что их было здесь гораздо больше и светили они ярче, чем на его родной земле. В их свете можно было рассмотреть и стебли камыша на другом берегу озера, и птичьи следы на песке, и прыжки ночных насекомых.

Бонго хотел было пробежаться вдоль берега, бороздя носом траву, но Шестилик протестующе затрясся, и киммериец велел ему сидеть на месте. Когда свет звезд стал особенно ярким и пейзаж приобрел совсем фантастический вид, по озеру пошли круги, словно в глубине его взвырала большая рыба. Шестилик взволнованно зашептал, что теперь нужно быть очень внимательным и вообще не дышать.

Над поверхностью воды показалась голова, такая же светло-серебристая, как отблески звезд, следом за ней — шея, и вот на берег выступило, отряхиваясь, рассыпая вокруг брызги, странное и прекрасное существо. Больше всего оно напоминало коня — снежно-белого породистого коня с грациозно выгнутой шеей, тонкими сухими ногами и чуткими ноздрями на удлинённой морде. Но только вместо конского хвоста у существа был рыбий хвост, длинный, поблескивающий чешуей, загнутый кольцом на крупе.

Белый конь притопнул, встряхнулся и неожиданно вся шея его и голова озарились. Светлая грива вспыхнула и заиграла огнем — теплым, рыжим, рассыпающим в ночи яркие искры.

— Это он, — благоговейно выдохнул Шестилик. — Владыка Стихий, рождающий живой огонь.

— И что же я теперь должен делать? — едва слышным шепотом спросил киммериец.

— Понятия не имею! — ответил шар. — Очень мало кому удавалось добыть искру живого огня, и никто не рассказывал, каким способом он добился этого.

Конан порывлся в своем дорожном мешке. Вытащив моток веревки, он сделал на конце ее крупную петлю. Будучи подростком, он не раз объезжал диких киммерийских жеребцов и знал, как справиться с самым норовистым и непокорным. Спрятав веревку за спину, он поднялся с травы и шагнул вперед. Бонго двинулся было за ним, но он шепотом велел ему остаться на месте.

Киммериец направился к сияющему в ночи коню быстро, но осторожно, стараясь не делать резких движений. Тот, казалось, ждал его, внимательно рассматривая блестящими от звездного света глазами. Но когда их разделяло не более пяти шагов, конь вскинулся на дыбы и, издав короткое звонкое ржание, бросился вскачь. Конан метнул веревку. Рука его и глаз всегда отличались меткостью, но на этот раз веревка просвистела мимо. Конану показалось, что в самый последний миг конь отвел шею, выгнув ее вправо.

Владыка Стихий несся вдоль берега озера, живой факел его гривы рассекал ночь, спорил с мертвенным и холодным светом звезд. Прыжки его становились все более высокими и затяжными, он словно бы зависал в воздухе, расплываясь над землей удлинённым серебристым телом. Киммериец заметил, что над каждым копытом коня трепещет по паре небольших светлых крыльев. Всего их было восемь, и от их взмахов тело его то и дело взмывало вверх. Поистине, все стихии были подвластны ему: и вода, и воздух, и земля, и огонь...

Сделав круг вдоль берега, Владыка Стихий вновь оказался вблизи от Конана. Казалось, неудачный бросок веревки не рассердил его и уж, тем более, ничуть не испугал. На этот раз киммериец решил действовать осторожнее. Он стоял, не дыша и не шевелясь, и подпустил коня совсем близко, так что ощутил даже льющееся от пылающей гривы тепло. Но как ни был выверен и стремителен бросок его руки, он вновь не принес удачи. Ржание, похожее на ехидный смех, было ему ответом.

Конан решил, что уж на этот раз Владыка Стихий унесется прочь, но он ошибся. Видимо, для чудесного коня это было чем-то вроде игры. Он в третий раз подпустил к себе очень близко. И третий бросок кимме-

рийца достиг, наконец, цели! Петля упала точно на шею, веревка натянулась и задрожала в руках ловца. Конан возликовал. Теперь самое главное — не упустить, держать изо всех сил!.. Но... что это? Звенящая от натяжения веревка вдруг оборвалась, и киммериец покатился на землю. Когда он поднялся, белоснежный конь был уже далеко. Глухой перестук копыт по мягкой земле сменился шорохом быстрых крыльев. Силуэт с покачивающимся на крупе рыбьим хвостом проскользнул над ложбиной, превратился в причудливое белое облако и в конце концов затерялся в мерцающей паутине звезд.

В руке у Конана осталась веревка со следами огня на месте разрыва петли.

Когда киммериец вернулся к двум своим спутникам, на него полились потоки безудержного смеха.

— Он пытался поймать Владыку Стихий!.. Он вышел на него с веревкой!.. Ха-ха-ха-ха! — надрывался Шестилик, трясясь и содрогаясь в воздухе.

— Проклятье! Прекрати хохотать! — Конан в ярости хлопнул над головой руками, но шар предусмотрительно взмыл повыше. — Можно подумать, ты объяснил мне, как и чем его можно поймать!..

— Ой, я сейчас лопну!.. Прощай, прощай! Если я сейчас не покину тебя, мне трудно будет остаться целым!

Издавательский хохот долго еще раздавался с ночного неба, растревая и без того израненное самолюбие киммерийца.

Глава 4. Плен

Раздосадованный своей неудачей и насмешками Шестилика, Конан долго не мог заснуть. Он размышлял, как бы сделать так, чтобы это смышленное и смешливое существо было при нем постоянно. Пусть не друг, но хотя бы умный советчик был ему позарез необходим! И какая этому пузырью, в сущности, разница, где болтаться — вдали от него или рядом, ведь делать-то ему все равно нечего! Вот только эта болезненная любовь к свободе... Как бы перехитрить его?

С утра киммериец приступил к осуществлению задуманного им плана. Из веревки, которую пережег вчера своей гривой Владыка Стихий, он принялся сплести что-то вроде сетки или силка. Бонго, положив морду на лапы, с любопытством наблюдал за его работой.

— Сплетем мы силок, Бонго, но не на птичку, не на зверюшку, а на верного друга, — приговаривал Конан, чуть усмехаясь.

Когда сеть была готова, он уложил ее в свой мешок. Теперь оставалось только приманить любопытный живой пузырь. Но чем? Возможно, он прилетит и сам, движимый скукой и излишками свободного времени. Но когда именно это случится? Глупо было бы просто сидеть и ждать.

Вчера ночью, подходя к ложбине с озером, Конан заметил по правую сторону от тропинки что-то похожее на крыши поселка. Пройдя в том направлении, довольно скоро он увидел, что это и в самом деле поселок или большая деревня. Показав в сторону домов, киммериец сказал Бонго, что будет ждать его там.

— Ты же, Бонго, разыщи Шестилика и приведи ко мне, слышишь? Удиви его, заинтересуй, укуси, — короче, делай, что хочешь, но чтобы этот мыльный пузырь полетел за тобой! Мне надоело зависеть от смены его настроений, от появлений и исчезновений в самый неподходящий момент! Беги же.

Волк не заставил себя упрашивать и рысью затрусил по тропинке, пригнувшись и озираясь по сторонам. Конан же зашагал в направлении поселка. Сейчас, когда он знал, как надо вести себя с местными жителями, когда цепкий кашляющий ребенок не сидел больше на его плече, он надеялся наконец познакомиться с кем-либо из нормальных обитателей этой земли и приобрести союзников и помощников для борьбы с Багровым Оком.

Поселок был намного больше первого встретившегося ему селения и с виду гораздо зажиточней. Дома уже были не из травы, но из веток, возле каждого на огороженном забором участке росли плодовые деревья. На желтой траве паслись черные и белые козы.

Возле крайнего дома, стоящего чуть на отшибе от остальных, Конан остановился. На ветвях росших вдоль изгороди деревьев соблазнительно краснели спелые плоды. Протянув руку, киммериец сорвал один из них. Изгородь из тонких древесных стволов, на которую он при этом оперся, оказалась ветхой и неожиданно рухнула под тяжестью его тела. В то время как Конан рассматривал обломки, прикидывая, можно ли придать им первоначальный вид, из дверей хижины на шум выглянула молодая девушка. Увидев растерянного чужеземца, она не испугалась и не рассердилась. Конану показалось, что легкая

улыбка пробежала по ее бледным и чуть припухлым губам.

— Я почию! — сказал он. — Я все сделаю, как было, не беспокойся!

Он переломил руками одну из рухнувших палок, показав, какая она прогнившая, и сделал вид, будто рубит дрова. Девушка закивала, вернувшись в дом и тут же вынесла оттуда топор. Она протянула его киммерийцу с той же неуловимой неопределенной улыбкой и опущенными глазами. Случайное прикосновение ее руки при этом неожиданно взволновало его.

Пока Конан рубил и обтесывал стволы для новой изгороди и вбивал их в землю, девушка то и дело скользила мимо него, управляясь по хозяйству во дворе, в доме и в саду. Поскольку никто больше не появлялся, киммериец заключил, что она живет одна. Это открытие дало толчок смутно-радостным предчувствиям и надеждам.

Когда новенькая крепкая изгородь была готова, Конан заглянул в дом и знаками показал, что исправил свое невольное прегрешение. Девушка приветливо ответила что-то, приглашающим жестом показав на стол. Там стояла крынка козьего молока, ломоть белого хлеба, сыр, груда ярких и аппетитных на вид овощей. Конан не стал обижать ее отказом, с удовольствием набросившись на нехитрую, но очень вкусную еду. Глазами же при этом он довольно беззастенчиво пожирал сидящую напротив хозяйку дома.

С виду ей было не больше восемнадцати лет. Высокая и очень гибкая, она все время находилась в движении. Даже сидя на стуле, она то грациозно покачивалась, то играла ожерельем из сухих малиновых ягод на длинной шее, то чуть притоптывала босыми ногами в слышимом одной ей ритме. Полураспущенная коса очень темных волос спускалась на грудь, четко очерченные смоляные брови подчеркивали белизну кожи. Цветом волос девушка напомнила Конану женщин его родной Киммерии. Ему очень хотелось рассмотреть, какого цвета у нее глаза — если синие или серые, сходство будет совсем полным! — но это ему не удавалось, так как синеватые веки были всегда полуопущены и ни разу девушка не взглянула ему прямо в лицо. На длинной и белой шее темнела большая, продолговатая и извилистая родинка.

Рассмотрев девушку, Конан бегло окинул взглядом убранство хижины, в которую был гостеприимно допущен. Ни мужских, ни детских вещей заметно не было, и это

подтвердило его первоначальную догадку, что девушка живет одна. Все было очень скромно, но чисто. Вышитые полотенца и покрывала, расписные кувшины, цветы на окнах — говорили о бесхитростном желании украсить и расцветить обыденное течение жизни.

Утолив голод, Конан поблагодарил девушку, приложив ладонь к сердцу, а затем похлопав ею по животу. Пора было вставать и уходить, но именно этого ему хотелось сейчас меньше всего. Девушка тоже не подавала никаких знаков, показывающих, что предел ее гостеприимства исчерпан. Повисло многозначительное молчание, подогреваемое с двух сторон улыбками, томными и ласковыми — киммерийца, легкими и неопределенными — девушки. Наконец, видимо, наскучив затянувшейся прелюдией к игре, девушка решила сделать первый шаг. Убирая со стола посуду, она остановилась так близко от Конана, что грудь ее едва не коснулась его плеча. Шумно выдохнув, притушив хищный блеск в синих глазах, киммериец обнял ее, не вставая со стула.

Если бы Конан только мог предположить, что в простой поселянке, вышивающей полотенца, пасущей коз, сажающей овощи и цветы, таится такой омут страстей, такой изощренный опыт сладкого любовного единоборства!..

Временами он на миг приходил в сознание, выплывал из водоворота безумных ласк, захлебывающегося шепота на незнакомом языке, упоительных касаний, поглаживаний, содроганий... и тогда перед глазами его вставало скромное убранство чистенькой хижины, пустая крынка из-под молока на столе, розовые цветы на подоконнике...

Придя в себя во второй или в третий раз, он отметил в сознании, что очень громко и тоскливо завывает какая-то собака. Что за собака, откуда? — но додумать он не успел: снова провалился, захлебнулся, забарахтался, подхваченный обжигающим потоком...

Выплыв на поверхность в следующий раз, он удивился темноте, царящей вокруг. Неужели уже вечер или ночь?.. Так быстро? Собака по-прежнему громко и заунывно скулила под самым окном. Хоть бы кто-нибудь догадался швырнуть в нее камнем, чтобы она заткнулась!.. Чтобы не мешала, чтобы не отвлекала, чтобы не...

Когда снова стали различимы посуда на столе, цветы, домотканые коврики и Конан смутно догадался, что близится рассвет, он вдруг вспомнил, что Алмена, расставаясь с ним, обещала следить вместе с сестренкой за тем, как

продвигаются его дела. Неужели и сейчас она видит его?! На смятых, влажных от любовного пота простынях, в обнимку с нечеловечески неутомимой и присосавшейся к нему, как пиявка... Мысль эта окатила его с ног до головы жарким стыдом. Алмена все видит! Даже если она наблюдала один лишь миг, а затем с отвращением отвернулась, мига этого вполне достаточно, чтобы навсегда испытывать к «доблестному киммерийцу» одно лишь презрение!..

То ли от имени Алмены, прорезавшим сознание, словно светлое лезвие, то ли от перевернувшего всю его душу стыда, но Конан вдруг взглянул на свою неожиданную и неистовую любовницу другими глазами. Даже если сделать скидку на чрезмерный темперамент, свойственный уроженкам здешних мест, на долгое ее одиночество, на особую распущенность и порочность, все равно: без малого сутки любовных безумств — это слишком!..

Он внимательно вгляделся в черты по-прежнему жарко и цепко обнимавшей его девушки. Губы ее от поцелуев еще больше распухли, но не изменили своего бледного цвета. Растрепанные блестящие волосы висели по обнаженной спине, шевелясь, как живые.

— Дай-ка заглянуть в твои глаза! — попросил Конан, приподымая ее за подбородок. — Ну же! Я хочу видеть цвет твоих глаз, красавица!..

Но девушка отворачивалась; из-под прикрытых век он мог различить лишь тонкие полоски белков, влажно блестящих от страстной истомы.

Конан вдруг понял, что всю ночь скулит и завывает под окном не собака, но Бонго. Его верный Бонго...

Он поднялся с постели и, пошатываясь, направился к дверям. Тут же горячие и липкие руки обхватили его сзади, впелились в плечи и шею. Как мог, киммериец жестами объяснил девушке, что тут же вернется, что дело его быстрое и того рода, которое требует полного одиночества. Цепкие пальцы с неохотой разжались.

Как только Конан вышел в сад, в колени ему тут же ткнулся волк, радостный и совсем осипший от долгого воя. Шестилика видно не было. То ли Бонго не сумел его отыскать, то ли он не стал дожидаться окончания любовных игр киммерийца.

— Бонго, Бонго! — Конан обнял его и потрепал по загривку. — Дружище ты мой!.. Я опять влип, Бонго! И на этот раз очень здорово...

Бонго теребил его и тянул в направлении калитки. Но чутье подсказывало киммерийцу, что так просто он отсюда не уйдет. Даже от кашляющего ребенка избавился он с немалым трудом, прилипчивая же девица — намного более серьезный и опасный враг... Оглянувшись на окно хижины, он заметил затаившийся за занавеской неясный силуэт. Девица наблюдала за ним.

— Попробуем, Бонго, все-таки унести отсюда ноги!

Без особой надежды на успех он двинулся к выходу, но лишь только рука его коснулась засова калитки, как жаркое тело прильнуло к нему сзади и повалило в траву. Бонго, скачущий вокруг двух барахтающихся тел, попробовал оттащить исчадь зубами, но, как и в случае с девочкой, зубы его не причинили ей никакого вреда. Более того, Конан вдруг почувствовал в нескольких местах на ногах резкую боль. Взглянув вниз, он увидел глубокие кровоточащие следы от клыков. Каким-то образом девушка передавала предназначенные ей укусы ему!.. Нет, кашляющий ребенок был всего лишь милым недоразумением по сравнению с ней...

Киммериец велел Бонго оставить исчадь в покое. Сам он тоже прекратил бороться. Лежа в прохладной траве, ощущая на теле отвратительные жадные прикосновения, он попытался припомнить все, что говорил ему об исчадьях многоопытный Шестилик. От них можно избавиться, если не обращать никакого внимания? Это помогло в ситуации с легкомысленным и нетерпеливым ребенком, но упорная и преданная хозяину хищница так легко его не оставит... Исчадья боятся живого огня? Вот это уже ближе! Тем более, что озеро, в котором купается Владыка Стихий, недалеко отсюда. Правда, Шестилик предупреждал, что исчадья ни за что не допустят, чтобы он овладел огнем... Но поскольку других выходов нет, надо попробовать этот!

Конан поднялся с травы. Нагнувшись, он подхватил девушку на руки, крепко прижал к себе и зашагал прочь из сада. Восприняв это как подчинение ее воле и желание продолжить любовные игры в другом месте, девушка удовлетворенно замурлыкала и обхватила его руками за шею так, чтобы ее было удобнее нести. Недоумевающий Бонго тем не менее послушно затрусил следом.

Тело девушки было очень легким, и киммериец, хоть и изрядно вымотавшийся за сутки любовных безумств, шагал быстро. Но как только он свернул с проезжей дороги на тропинку, ведущую к озеру, девушка враз по-

тяжелела. Должно быть, она догадалась, куда он идет, и демонстрировала свое несогласие с его решением. Каждый шаг давался Конану все с большим трудом. Сначала ему казалось, что он несет не юную гибкую девушку, но тушу годовалого теленка. Затем — что руки ему оттягивает чугунная статуя. Наконец тяжесть достигла такой величины, словно сам Черный Слепец всей своей массой воплотился в хрупкое тело одного из своих исчадий... Видимо, так оно и было на самом деле. Вряд ли девушка могла изменить вес одними своими силами...

До продолговатого озера, поросшего по берегам пушистым и мягким, как бобровая шерсть, камышом, оставалось не более трехсот шагов, когда киммериец рухнул со своей нечеловеческой ношей на землю.

— Бонго... — с усилием прохрипел он, слабо махнув рукой в сторону нефритовой полоски воды. — Бонго... ты уж попробуй... Иди... Иди, Бонго...

Волку не нужно было объяснять — куда и зачем. Спустя мгновение он уже неся по направлению к темно-зеленой спокойной глади.

Конан почти потерял сознание от усталости. Его охватило забытие, которому он был рад: так он не слышал страстного шепота, не чувствовал ненасытных и липких рук, блуждающих по его телу. Он вяло думал о том, что вряд ли Владыка Стихий каждую ночь выходит на берег одного и того же озера, а если это и так, то вряд ли он гуляет и резвится до самого рассвета... а если и гуляет, то мало надежды на то, что Бонго, хищник, извечный враг лошадей, сумеет ему хоть чем-то понравиться... Впрочем, ему было уже все равно. Бесцветный и безвкусный яд апатии по каплям вливался в его душу. Юное исчадие отлично знало свою роль.

Глава 5. Полет

Конан очнулся от того, что прикосновения горячих пальцев к его телу стали иными. Влажный жаркий шепот больше не щекотал ухо. Руки не скользили, не гладили, не ласкали, но дрожали частой и крупной дрожью. Он приподнял голову и разлепил веки.

По высокой траве, сшибая росу, неся белоснежный конь с рассыпающей искры гривой. То спереди от него, то сзади мелькала косматая спина волка. Они выписывали, играя и поддразнивая друг друга, широкие круги. Бонго изображал, как он выслеживает добычу, притаившись в траве, а затем

мохнатой стрелой пронизывал воздух, нацеливаясь на хребет с пляшущими на нем бликами светло-рыжего огня. Но каждый раз он промахивался. Конь то взмывал вверх, мелко трепеща крыльями над копытами, то низко пригибался к земле, выпрямив чешуйчатый рыбий хвост, отчего тело его становилось длинным и извилистым и скользило в траве, подобно змеиному.

Благодаря тактическим усилиям Бонго, резвящиеся звери становились все ближе и ближе. Обнимающие Конана руки замерли и заледенели. Зубы девушки стучали над его ухом, словно дробь маленького барабана. Подняв голову, киммериец увидел, что она не сводит с Владыки Стихий широко раскрытых, остановившихся глаз. Теперь он мог бы при желании рассмотреть их цвет. Мог... и не мог — таким запредельным ужасом и тоской веяло из двух окаймленных густыми ресницами, темных озер, из двух провалов в те пространства, где полагалось быть душе... таким нечеловеческим и не животным даже, что Конан тут же отвел взгляд.

Как видно, могучий синеглазый варвар представлял собой завидную добычу, и девушка не желала расставаться с ним. Она разрывалась между отчаянным страхом и страстным желанием довести до конца охоту и поднести своему хозяину очень крупный и очень лакомый кусок. Порой дрожащие ледяные пальцы вновь начинали поглаживать киммерийца по спине или щекотать за ухом... Конан почти чувствовал кожей исходящую от нее тугую волну ужаса. Девушка держалась до последнего. Ее нервы сдали, лишь когда белоснежный конь стал кружиться, беспечно встряхивая гривой и уклоняясь от шутивых прыжков волка, совсем близко. Пара искр, сорвавшихся с его шеи, прожгли ей сорочку и чуть не подпалили волосы. С отчаянным воем, казалось, разорвавшим ей грудь, девушка оттолкнула от себя вождьленную и почти совсем смирившуюся со своей судьбой добычу и кинулась бежать. Черные волосы, разметавшиеся по белой сорочке, мелькнули в предрассветных сумерках раза два-три и пропали — так стремительно унеслась она прочь...

Хотя Конан обрел свободу, Бонго отчего-то не прекращал скакать и носиться вокруг белоснежного коня. Тот также, видно, был не прочь продолжить нехитрую забаву. Танцующие перед лицом огненные всполохи, искры, сыплющиеся на руки, одежду и волосы (странным, они совсем не обжигали, как только что это произошло с исчадием!), постепенно вывели киммерийца из огупелого забытья. Он

осознал наконец, что цепкие пальцы больше не гладят и не щекочут ему шею. Он осознал, что совсем рядом — стоит протянуть ладонь! — блистает, соперничая с первыми лучами солнца, живой огонь.

Конан поднялся с травы, передернул плечами, разминая застывшие мышцы, и... включился третьим в шальную звериную игру. Казалось, Владыка Стихий только обрадовался, что теперь его выслеживают, подстерегают и пытаются вскочить ему на спину уже двое. Казалось, он напрочь забыл, что один из этих двоих не так давно пытался заарканить его толстой и грубой петлей. Он играл мышцами, тряс головой, звонко и коротко ржал. Рыбий хвост то сплетался в тугие кольца, то хлестал по бокам, позванивая чешуей...

Киммериец крупными прыжками носился следом за ним. Порой их пути с Бонго пересекались, и тогда, столкнувшись со всего размаху, они кубарем раскатывались в разные стороны. Раза два Конану почти удавалось схватить коня за гриву, но в последний момент тот ускользал, плавно взмывая в воздух и зависая в полутора локтях над землей.

Поняв, что пытаться догнать коня бесполезно, Конан решил сменить тактику. Он сделал вид, что выдохся, с изможденным видом опустился на землю и сел, обхватив голову руками. При этом он внимательно наблюдал за конем из-за прядей упавших на лоб волос. Бонго, словно разгадав его намерения, также плюхнулся животом в траву, бессильно распластав лапы и вывалив на сторону язык.

Владыка Стихий был явно разочарован так неожиданно прервавшейся веселой игрой. Он перестал носиться, потряс гривой, рассыпав густой шлейф искр, и, медленно переступая копытами, подошел к неподвижному волку. Он нагнул голову и легонько толкнул волка губами в лоб, словно хотел сказать: «Вставай же! Мы так мало погонялись друг за другом!» Волк не пошевелился, всем видом своим показывая полное изнеможение. Тогда то же самое он проделал с киммерийцем, сопроводив толчок коротким просительным ржанием.

Дожидавшийся этого Конан мгновенно распрямился, как тугая пружина, и тут же очутился на спине коня, крепко вцепившись руками в гриву. Странно, огонь был не жгущим, но только горячим и чуть щекочущим пальцы. Владыка Стихий громко заржал, поднялся на дыбы, затем несколько раз подбросил задние ноги. Киммериец рад был бы погарцевать на чудном скакуне подольше, но

ему не хотелось сердить его без особой нужды, поэтому он собрался соскользнуть с крутых боков на землю. В ладони он крепко сжимал пучок белой гривы с живым огоньком на конце. Глянув в ту сторону, куда он хотел спрыгнуть, киммериец отшатнулся от неожиданности: желтоватая шерсть травы была далеко внизу. Крона тополя прошелестела под копытами и также унеслась вниз. Задравший морду, растерявшийся Бонго стремительно уменьшался в размерах, из грозного зверя превращаясь в обескураженного щенка...

Конан был отличным наездником. Колени его, как клещи, впивались в снежно-белые бока, вокруг ладоней он обмотал пряди нежгущей гривы. И все-таки, стоило летучему коню пожелать, он мигом сбросил бы его с себя — для этого он мог просто перевернуться несколько раз в воздухе.

Сердце киммерийца почти остановилось, застрев где-то в гортле. Восторг и ледяное дыхание смертельной опасности, перемешавшись в груди, сковали и заморозили его.

Владыка Стихий кругами набирал высоту. Вскоре спина Бонго перестала быть различимой, растворилась в волнах желтой травы. Остров, отдаляясь от них, постепенно стал виден целиком. Формой он слегка напоминал бабочку, брошенную на блестящую ткань океана. На светло-желтом фоне зеленели пятна редких лесов и рощ. Конану вспомнилась та странная золотистая бабочка, что села на плечо Шумри в самый напряженный момент их путешествия, избавив тем самым от мучительной и позорной смерти. Бабочка-остров не была такой яркой и беспечной. И еще она была раненой, возможно, раненой смертельно: ровно посередине ее тревожно темнело округлое пятно. То ли выжженная проплешина в траве, то ли глубокий провал в почве — сверху рассмотреть было невозможно. Со всех сторон к нему сбегались дорожки и тропинки, напоминающие светлые жилки на крыльях бабочки. Шестилик не соврал: все пути в этом краю вели к логову Багрового Ока. Казалось, остров опутала толстая и тонкая паутина, все нити которой сходятся к убежищу гигантского паука. На некотором расстоянии от темного пятна вздымались острые зубцы скал, окружая его со всех сторон. Они напоминали грубо сделанную каменную корону великана, забывшего ее в незапамятные времена на мягкой траве цвета светлой охры.

В то время, как Конан рассматривал уменьшавшийся под брюхом и ногами коня остров, произошло странное

явление. Тело желто-зеленой, распластанной на глади океана бабочки дрогнуло, словно она сделала попытку оторвать от воды крылья и взлететь. Круговая волна, оттолкнувшись от берегов острова, пошла по ровной сине-зеленой поверхности. С той огромной высоты, на которой был теперь киммериец, гребень волны казался маленьким, почти игрушечным, но, сопоставив его с размерами острова, он подумал мельком, что, попадись на пути волны корабль, она перевернет его и закружит, как детскую бумажную лодочку...

Владыка Стихий все набирал высоту. Удивительно, с какой легкостью восемь маленьких крылышек над копытами возносятся по вертикали тяжелого коня и не намного менее легкого всадника. Вот и остров уже казался не больше пробкового поплавка на воде. А где-то вддали, смутно проступая в голубом мареве, показались очертания уже не острова, но материка. Возможно, от яркого блеска солнца у Конана путались все цвета, но берега дальнего материка представлялись ему сияющими и белыми, как ледяные горы Ванахейма...

Киммерийца поразило, что солнце — такое яркое, такое близкое — совсем не грело его. Напротив, чем выше они поднимались, тем сильнее он замерзал. Вот уже от его дыхания на верхней губе выступил иней... Вот мохнатым инеем обросли ресницы... Еще немного, и на спине Владыки Стихий застынет ледяная статуя. О Кром! Куда же он хочет занести его, этот шальной конь? Уж не к самим ли богам?.. Что ж, он, Конан, не против! Любопытно было бы посмотреть, как выглядят грозный Кром, любвеобильная Иштар, сиятельный Митра...

Но, видимо, лицезреть воочию богов киммерийцу еще не пристало. Летучий конь мало-помалу начал снижаться. Конан заметил это тогда, когда остров перестал быть размером с поплавок и снова стал напоминать бабочку. С ресниц и бровей прохладными струйками потек растаявший иней. Снова стало различимо темное пятно в центре бабочки, похожее на смертельную рану — или на след от булавки, которой протыкают насквозь тела насекомых. Некоторые любители рассматривать их красивые крылья...

Когда стала различима уже каменная корона и сеть тропинок, сбегающих к темному центру, неожиданно по белоснежным бокам и крупу прошла нервная судорога. Раз, другой... Похоже, конь чем-то очень недоволен. На миг у Конана рухнуло вниз сердце: ему показалось, что

вот-вот конь избавится от своего седока, чем-то досадившего или просто надоевшего ему. Но тут же он сообразил, в чем дело: его напряженные колени сжимали бока летучего скакуна с такой силой, что, видимо, причиняли ему немалую боль.

Рассмеявшись про себя, он ослабил хватку мускулов, уселся свободнее и спокойнее и ласковым, извиняющимся жестом похлопал по лоснящемуся крупу. Недовольная дрожь сразу же прекратилась.

Владыка Стихий спускался к тому же самому месту, с которого взлетел. Заблестело нефритовой гладью озеро. Замерший Бонго, наверное, так и простоял все это время с поднятой вверх мордой. Когда до земли оставалось не больше тридцати-сорока локтей, вместо того чтобы замедлить движение, конь понесся стремительней и со всего размаху ринулся в середину озера, взметнув высокие фонтаны брызг. «Проклятье!» — пронеслось в голове Конана, в то время как тело его рассекало прохладные пласты воды. Испугался он не за себя, но за живой огонек, который по-прежнему крепко сжимал в ладони. Впрочем, стоило ему выбраться на берег, как светлый пучок гривы загорелся снова.

Радостный Бонго в три прыжка домчался до киммерийца.

— Я сорвал его все-таки! Я добыл его, Бонго!

— Он позволил тебе сорвать, — поправил его невесть откуда взявшийся Шестилик. Он завис над его плечом, разглядывая огонь с благоговейной влагой в глазах. — Ты чем-то расположил его к себе. Это очень странно! Я совершенно не в силах понять, чем?..

Глава 6. О вреде бессмертия

Налюбавшись живым огнем, Конан завернул его в холщовый лоскут и повесил себе на грудь. Пламя, мгновенно прожегшее крепкую петлю, не тронуло ткань. Приятное щекоющее тепло напоминало о себе каждый миг. Казалось, оно чуть пульсировало, словно второе сердце.

Шестилик, оглядевший живой огонь всеми своими глазами (для этого ему пришлось поворачиваться вокруг своей оси), лишь только он скрылся за пазухой киммерийца, издал глубокий вздох. Но через мгновение он затрясся от смеха, колеблясь и подергиваясь в воздухе.

— Что с тобой? — покосился на него Конан.

— Ты опять... ха-ха-ха-ха!.. опять умудрился влипнуть! Ведь тебя же предупреждали! Два раза... за два дня... ха-ха-ха!.. попасться в лапы к исчадьям!..

— Ах, меня предупреждали? — вскипел киммериец. — Не ты ли говорил, что исчадья всегда о чем-нибудь просят? Так вот она — да будет тебе известно — ни о чем меня не просила!

— Просить... ха-ха-ха!.. можно не только словами! Есть еще язык глаз, язык жестов, о самоуверенный и безмозглый чужеземец!

— Я знаю это не хуже тебя, напыщенный рыбий пузырь! Но она жила в селении, в собственном доме!..

— Значит, она была начинающим исчадьем, только и всего! Ее соседи еще не разобрались, кем она стала. Может быть, ты и был ее самой первой жертвой, ха-ха-ха-ха!.. То-то она никак не хотела с тобой расставаться!

«Смейся, смейся! — мстительно подумал киммериец. — Смех — это даже к лучшему. Трясаясь от хохота, трудно быть внимательным и осторожным».

Конан незаметно вытащил из дорожного мешка свою ловчую сеть и расправил ее за спиной. Улучив момент, когда трясущийся шар был на высоте его плеча, он быстро набросил ее на лопающиеся от смеха щеки. Шестилик забили в путах, как огромная рыба.

Киммериец перехватил сеть внизу и принялся обвязывать ее веревкой, чтобы пленник не мог выскользнуть, но внезапно он почувствовал, что бьющийся и теплый шар обмяк в его руках. Румяно-розовая окраска щек сменилась сначала белизной, а потом оттенком серого камня. Глаза на всех лицах закрылись, кожа стала холодной.

— Проклятье! — выругался Конан. — Не мог же он отдать концы!.. Это невероятно!

Он сбегал к озеру, принес воды, хорошенько окатил помертвевшие лица. Радостное, удивленное, гневное, испуганное... — все они были теперь неподвижными и серыми, как каменные маски. На всех застыло одно и то же выражение — горькой обиды и обреченной тоски.

Бонго лизал его, упирался носом, мягко трепал из стороны в сторону, прихватив зубами за ухо. Наконец — к великому облегчению Конана! — серые веки дрогнули, приоткрылся сначала один глаз, за ним все остальные, и Шестилик слабо шевельнул губами, словно ему не хватало воздуха.

— Зачем... зачем ты?... — прошептал он.

— Откуда же я знал?! — сердито воскликнул киммериец, скрывая радость и облегчение. — Ну и сюрпризики ты мне преподносишь! Клянусь Кромом, я не хотел тебе ничего плохого! Ты то и дело уносишься в небеса, не договорив самых важных вещей. Я только хотел, чтобы ты побыл возле меня, помог своими советами. Недолго, совсем недолго! Мне нужно лишь встретиться с Багровым Оком и прикончить его. Для этого я и пришел сюда.

— Багровое Око... — прошептал Шестилик. — Черный Слепец... невозможно... безумно... Ты убил меня... убил... убил...

— Ерунда! Ты поправишься! Смешно умирать от того, что на голову тебе набросили сетку.

— Ты не понимаешь... Я не смогу больше взлететь...

— Еще как взлетишь!

— Я буду валяться в траве... любой зверь найдет и растерзает меня... — шелестел несчастный шар.

— Я не брошу тебя! Буду носить с собой, пока ты не оклемаешься и не наберешься сил. Ты только подавай мне в нужный момент дельные советы, и с тобой не случится ничего дурного.

Шестилик еще долго вздыхал, стонал и шелестел, закатывая глаза и страдальчески морща губы. Но серый оттенок его кожи стал чуть более живым и розовым.

Конан тем временем приспособил злосчастный силук за своей спиной так, чтобы обессилевший шар мог расположиться в нем с наибольшими удобствами.

— Я думаю, что от твоего вида все исчадья мигом разбегутся с моего пути, — сказал он, осторожно пристраивая шар за плечами. — В любом случае, я надеюсь, ты вовремя шепнешь мне на ухо, кому стоит, а кому не стоит подавать руку, переводя через ручей. Главное же — с красотками! Ты уж проследи, чтобы я не ошибся. Иначе всю жизнь меня будет прошибать холодный пот от каждого ласкового и призывного взгляда!.. Клянусь Кромом, третье липучее создание я уже не вынесу...

Конан, видевший с высоты, как, в сущности, невелик остров, рассчитывал добраться до логова Багрового Ока за полдня или даже меньше. Но планы его расстроил Шестилик, неожиданно оказавшийся очень тяжелым. То ли мстительный шар обладал способностью увеличивать свой вес, совсем как пленительное исчадьё, то ли беспросветная тоска сделала его прыгучее и порхающее тело чутунным — как бы то ни было, вскоре веревки силка

наторли Конану плечи. Не пройдя и половины намеченного, он вынужден был опустить свою ношу на землю и устало присесть рядом. Шестилик был по-прежнему бледным, с надрывной тоской и пронзительной жалостью к себе самому в глазах. Сеть розоватых полос от врезавшихся веревок пересекала его кожу во всех направлениях, придавая сходство с раскрашенным детским мячом.

— Если ты не перестанешь тянуть меня вниз, я брошу тебя прямо здесь, — угрюмо пообещал ему киммериец.

— Бросай, — равнодушно откликнулся шар. — Мне все равно.

Впрочем, когда Конан разжег костер, чтобы поджарить пару крупных птиц, принесенных в зубах Бонго, настроение его изменилось. Покрывшись малиновыми и синими пятнами, Шестилик взволнованно завопил в сетке.

— Это огонь! Это огонь!

— Конечно, огонь! Что же это еще может быть?..

— Но это не живой огонь! Это огонь-разрушитель! От него все погибнет вокруг!.. — лепетал шар, перекачиваясь с лица на лицо.

— Неужто? — усмехнулся Конан. — А я-то надеялся поджарить на нем двух аппетитных птишек. Одну, кстати, могу уступить тебе.

— Я же говорил — я не нуждаюсь в пище! Свобода, одна свобода питает меня! Она — воздух мой, свет, еда и питье... Свобода... — Бормотанье его сорвалось в глухие и короткие рыдания, похожие на копачий кашель.

— Клянусь богами вашего дурацкого острова, твое нытье изрядно утомило меня! — прикрикнул на него Конан. — Я ведь могу и не выдержать и отдать тебя в пищу огню, которого ты так боишься! Ну, не трясись, не трясись, я пошутил, — добавил он поспешно, заметив, что от его угрозы и без того еле живой шар чуть не лишился чувств от ужаса. — Если не хочешь есть, я не настаиваю, но, по крайней мере, поговори со мной! Давно у меня чешется язык задать тебе один простенький вопросик: кто ты есть? Сколько живу, впервые вижу такое... — Он неопределенно помахал в воздухе ладонью, не найдя слов, которые не слишком обидели бы чрезмерно ранимое создание.

— Кто я? — меланхолично откликнулся шар. — О, кто я? Мне и самому чрезвычайно интересен ответ на этот вопрос.

— Ты что, хочешь сказать, что не знаешь, откуда ты взялся и кто твои родители? — удивился киммериец, зная своих предков вплоть до пятого колена.

— Не знаю! Вернее, не помню, — бледно-серый шар был воплощенная печаль и отрешенность. — Если бы я помнил все, что случалось со мной за многие тысячелетия, я не смог бы жить. Я не смог бы летать, потому что груз памяти пригибал бы меня к земле. Я не смог бы удивляться новому, так как ничего нового в мире для меня не существовало бы...

— Ты живешь много тысячелетий? — недоверчиво переспросил Конан.

Шестилик покивал, скорбно опустив веки, словно солидный возраст был горькой и трагической несправедливостью его судьбы.

— Я живу очень долго. Точно сказать не могу, не помню. Раз в несколько сотен лет я сам добровольно лишаю себя памяти. Для этого я бросаюсь с большой высоты в океанские волны. Ударившись о воду, нельзя разбиться насмерть, я только теряю ненадолго сознание. Все прожитое при этом стирается из памяти, словно буквы, написанные на песке палкой. Остается очень немногое: смутное знание, что свобода — самое ценное, самое главное, самое насущное, что есть у меня. Да еще — что когда-нибудь, когда опыт прожитых лет станет пригибать меня к земле и мешать полету, нужно броситься с высоты в океан и начать жить заново.

— Значит, тебя можно назвать бессмертным? — спросил Конан.

— О нет, я смертен! — вздохнул шар. — Тысячи раз я мог бы лишиться жизни, если бы не был столь осторожен. Осторожность, мудрость, сообразительность — вот то, что позволяет мне жить так долго. Но в каком-то смысле ты прав: по сравнению с вами, людьми, меня можно назвать бессмертным.

— Бессмертным — да, но вот мудрым я бы тебя никак не назвал! — засмеялся киммериец. — Что это за мудрость, от которой нужно избавляться, как от ненужного груза, каждые несколько сотен лет? Которую нужно смыть с себя, словно грязь, выбрасывать, словно отходы кишечника?..

— Что ж, во всем есть свои вредные стороны. Даже в бессмертии, — философски заметил Шестилик.

— А давно ты шлепался об воду в последний раз? — поинтересовался киммериец.

— О, всего лишь триста лет назад! Так что я еще достаточно молод.

— Значит, ты помнишь, как появился здесь тот, кого называют Багровым Оком?

— О, да! Как будто бы это было вчера. Мне было лет сто с небольшим, когда на наш остров неведомо откуда свалилась эта напасть. Я помню, очень отчетливо помню... Это произошло ночью. Была очень душная ночь. Не хватало воздуха ни людям, ни животным, ни птицам. Все задыхались, царапали щеки и груди ногтями, падали ниц и ели землю... Молили богов, чтобы те послали им легкую смерть, но не мучали так. У некоторых не выдерживали сердца, разрывались... К рассвету стало легче, а утро, как сперва показалось, наступило вполне обычное. Но это казалось недолго. В воздухе было что-то не то, цвет неба неуловимо изменился. Затем стали происходить странные природные явления, которых никогда прежде здесь не бывало. Затем стали пропадать люди. Как правило, это были те, кто по делу, либо гуляя, заходили за зубцы серых скал в центре острова. Спустя какое-то время пропавшие возвращались, но... лучше бы они пропадали навсегда. Возвратившиеся не были уже людьми, хотя это тоже заметили не сразу. Позднее их стали называть исчадьями. Они уводили за собой новые жертвы, и те превращались в новых исчадий, и так без конца. Прежде жители острова не знали особых забот. Земля давала по три урожая в год, никакие враги не грозили извне, так как ближайшие острова и материки очень далеко в океане. Можно было жить в довольстве и благоденствии, не затрачивая большого труда. Мужья ленились пахать, жены ленились рожать. В семье обычно было по два, редко когда по три ребенка... Теперь же женщины стали рожать каждый год — в отчаянии, в страхе. Они не знали, сколько из их детей доживут — не до старости, но хотя бы до зрелых лет, а сколько — станут бездушными и бессмертными рабами Черного Слепца. Надо сказать, если бы Черный Слепец захотел, он давно уже проглотил бы, превратил в исчадья все население острова, ибо оно не особенно велико. Но отчего-то он ограничивает себя...

— Ограничивает! Как бы не так! — зло усмехнулся киммериец. — Просто ваш жалкий остров — только место, где он залег, где пристроил свое ненасытное брюхо. Дань же он собирает, тащит в свою утробу со всего света. Не знаю, правда, как это у него получается...

— Может быть, может быть, — рассеянно покивал Шестилик. — Но как бы то ни было, те, кому довелось увидеть его и остаться в живых, — а их было немного, совсем немного, и все они недолго прожили после этого... — так вот, это они дали ему те имена, которыми его называют доныне: Черный Слепец, Багровое Око, Гибельный гость...

— Пожиратель Миров, — добавил Конан.

— Такого имени я не слышал, но очень возможно... Ты говоришь, он собирает дань со всего света?.. Тогда понятно, отчего раза два или на острове появлялись могучие чужеземные рыцари и пытались в честной битве победить Черного Слепца. О, они были непохожи на тебя, чужеземец! — Шестилик покосился на Конана, скривив угол самого тонкого и презрительного из своих ртов. — Они были настоящие рыцари! Благородные, гордые и отважные! В блестящих серебряных доспехах, со щитами, украшенными древними гербами, на сильных и холеных конях... Они приплывали на кораблях, с оруженосцами и слугами, а не возникали прямо из воздуха, как ты, в компании с сомнительным зверем... В своих странах они были прославленными героями!

— И что же случилось с этими могучими, благородными разукрашенными рыцарями? — спросил Конан с легкой усмешкой.

— О, их судьба была печальной! Все они погибли мучительной смертью — ведь Черный Слепец не убивает просто так, но обязательно долго мучает... Видимо, эти редкие смельчаки досаждали ему — хоть он и расправлялся с ними с необычайной легкостью! — потому что вскоре у него появилась надежная охрана из Серых Стрелков, и подойти к логову Черного Слепца стало невозможно.

— А сам-то ты видел его? — полюбопытствовал киммериец.

— Я?! — Шестилик даже подпрыгнул в сетке, забыв про свою томность и слабость. — Я еще не лишился рассудка! Память свою я теряю раз в несколько сотен лет, но рассудок мой, хвала Митре, всегда при мне. В отличие от некоторых чрезмерно самонадеянных чужеземцев!

— Это ты обо мне? — спросил Конан. — По-твоему, я лишен рассудка?

— Только лишенный рассудка может надеяться одолеть Черного Слепца! — с ядовитой убежденностью воскликнул

шар. — После того, как лучшие рыцари потерпели поражение! После того, как он создал себе лучшую в мире охрану, не смыкающую глаз ни днем, ни ночью! Что там одолеть — даже приблизиться к его логову, даже разглядеть его, хотя бы издали, невозможно! Серые Стрелки знают свое дело. Тебе наскучила твоя молодая жизнь — пусть! Дело твое! Возможно, она так пуста и бессмысленна, что поскорее закончить ее — благое дело. Но вот зачем ты походя, от скуки или от глупости, загубил еще и мою?! Ни волны, ни ветра, ни акулы, ни злые люди — никто никогда не покушался на мою жизнь, на мою свободу. Но вот неведомо откуда появляется грубый мужлан с диким зверем, с длинным мечом...

— Прекрати ныть! — прервал его, поморщившись, киммериец. — Никто тебя не загубил и, сдастся мне, загубить тебя вообще невозможно. Ты так же вечен, как лунный диск в небесах, только шуму от тебя намного больше, а толку — меньше. Лучше расскажи-ка мне подробнее об этих Серых Стрелках. Кто они?

— Исчадья, кто же еще?

— В таком случае, поподробнее об исчадьях. Хотя с двумя из них я познакомился более чем тесно, но все-таки полной ясности на их счет у меня еще нет.

— Все исчадья раньше были людьми, — забубнил шар, вздохнув, словно от глубокой усталости. — Телом они и сейчас люди. Души же их проглотил Черный Слепец. Они связаны с ним непостижимым образом, никто не знает как. Он наделяет своих рабов таинственной и нечеловеческой силой. Любая способность, которой они обладали при жизни, вырастает до огромных размеров. Серые Стрелки — его верная и неподкупная охрана. При жизни эти юноши отличались метким глазом, били влет уток и куропаток, охотились на шустрых сурков. Теперь они не подпускают к своему хозяину ни одно существо, которое движется: ни человека, ни птицу, ни ящерицу. Лишь исчадья вместе с их жертвами могут проходить между зубцами серых скал. Серые Стрелки, как и прочие рабы Черного Слепца — ни живы и ни мертвы, поэтому их невозможно убить. Ни мечи, ни стрелы, ни яд — над ними не властно ничего.

— В этом я уже убедился, — хмуро буркнул Конан. — Укус волчьих зубов для них все равно что щекотка... Но скажи, неужели за двести или сколько там лет ни у кого на вашем острове не возникло желания расправиться с этой незваной тварью? Чужеземные рыцари приезжали,

сражались, погибали... ну, а сами-то вы? Наблюдали, сгораясь за заборами?... Равдались. что в глотку Черного Слепца полетит не свой, а приезжий незнакомец в серебряных доспехах?... Разрази меня Кром! — Конан крепко выругался. — Мужчины здесь рождались, ну хотя бы изредка?! Не летучие головы, не дрожащее бабье — нормальные, крепкие парни? Есть у вас воины, или на вашу землю окончательно плюнули боги?!

— Есть. Вернее, были, — Шестилик помолчал, словно погружаясь в очень давние и грустные воспоминания. — Много лет назад восемь самых отважных юношей острова собрались вместе. Они решили сообща попытаться счастья и избавить всех от губельного ига Черного Слепца. Люди несли им все самое лучшее, что у них было, — самые звонкие мечи, тугие доспехи, крепкие луки. Они собирались прорыть подземный ход под серыми скалами и выйти прямо к логову, минуя Стрелков. О, это были лучшие юноши, замечательные юноши! Ныне живущие почти совсем забыли о них. Нынешние только вздрагивают, только глубже зарываются в свои норы...

— Они были побеждены? — спросил Конан.

— По-видимому, да. Они не вернулись, и никто не знает, каков был их конец. Хорошо, если погибли, но скорее всего — пополнили собой ряды Серых Стрелков... Из тебя, чужеземец, тоже выйдет отличный Серый Стрелок. Сдастся мне, глаз у тебя меткий и рука тяжелая. Может быть, ты даже станешь командиром Серых Стрелков...

— Прекрати! — рывкнул киммериец. — Рука у меня тяжелая, это верно! Ты убедишься в этом на своей шкуре, если будешь продолжать в том же роде!

Шестилик обиженно смолк. Больше Конану не удалось его разговорить, как он ни пытался. На все вопросы он лишь шептал еле слышно, ссылаясь на слабость и предсмертное состояние. Конан почел за лучшее прекратить беседу и хорошо выспаться, что было кстати, учитывая бессонную ночь и сытный обед. Велев Бонго как следует присматривать за шаром и не верить его полуобоморочному виду и закатившимся глазам, он развалился у гаснущих углей.

Волк, свернувшись клубком, задремал тоже. Он устроился так, чтобы кончиком хвоста касаться замершего в сети Шестилика, и на каждое движение последнего открывал настроженный желтый глаз.

Глава 7. Серые Стрелки

Конан проснулся на закате. Быстро собравшись, забросив за плечи сеть с летучим шаром, он двинулся в путь. Отдохнувший Бонго заскользил по тропинке впереди него, поворачивая чуткую морду на каждый шорох.

То ли жизненные силы постепенно возвращались к Шестилику, то ли на него благоприятно подействовал долгий разговор, но он не был больше неподъемным чугунным ядром, а казался по весу не больше детского мяча. Он даже чуть подпрыгивал в сетке, щекоча киммерийцу лопатки то одним, то другим своим носом. Конан отметил про себя, что утраченная было способность летать вот-вот вернется к его ветреному приятелю, в связи с чем необходимо ни на миг не спускать с него глаз.

Когда стемнело, Шестилик вежливо осведомился, скоро ли они остановятся на ночлег.

— Не знаю, как ты, а я выспался, — бросил через плечо киммериец. — Отдыхать будем у логова врага.

— Безумец! Ты хочешь идти прямо к нему?! — в ужасе заверещал шар.

— Я думаю, мимо твоих хваленых Стрелков легче проскользнуть ночью, чем днем.

— О, безрассудный! Зрение у них не хуже кошачьего, к тому же наши ночи светлы даже в новолуние! Одумайся, пока не поздно!..

Но Конан лишь упрямо покачал головой. От ужаса Шестилик стал вновь наливаться тяжестью. Раздосадованный киммериец едва сдерживался, чтобы не сбросить со всего размаха сеть на землю и навсегда распрощаться с донельзя трусливым и высокомерным существом. Но приходилось смирять раздражение: вряд ли ему удастся найти здесь другого толкового советчика, идти же вслепую, наугад — глупо.

При свете растущей луны и многочисленных звезд тропинка четко вырисовывалась под ногами. Бонго трусил все так же спокойно и бодро, густая шерсть его отливала звездным серебром. Лес, по которому они шли, становился все реже и реже, деревья все чаще перемежались широколиственными кустами. Наконец последние деревья кончились, и впереди показался широкий луг, на противоположном краю которого вздымались к небу зубцы угрюмых скал.

— Я не пойду дальше! Отпусти меня здесь! — Шестилик заметался за спиной Конана с такой силой, что едва не порвал веревки. — Хватит и двоих самоубийц! Хватит двух свеженьких исчадий! Я не желаю быть третьим!..

Конан опустил сеть с шаром на землю.

— Помнится, ты говорил, что любой зверь разыщет тебя в траве и растерзает, — с усмешкой заметил он.

— Пусть лучше зверь! Пусть свора зверей, но только не стрелы Серых Стрелков! К то же, хищных зверей крупнее кошки на острове давно уже не водится! Вернее, не водилось до тех пор, пока ты не привел сюда своего волка!.. Оставь меня, безумец! Я не пойду на верную гибель!

Конан внимательно рассмотрел простиравшийся впереди них луг и скалы. Ни одного движения не было заметно ни в высокой траве, ни среди нагромождения острых камней. Стояла полная тишина, не нарушаемая даже птицами и насекомыми. Тишина была определенно злобшей.

— Так ты говоришь, ночью они стреляют не хуже, чем днем? — спросил киммериец, хмурясь, так как не представлял, как ему следует поступить дальше.

— О, можешь проверить! — с готовностью отозвался крутящийся в траве шар. — Вышли вперед своего волка, и ты увидишь, как через мгновение из волка он превратится в ежа! Давай, давай! Прикажи ему выбежать из-под прикрытия деревьев!

Конан покосился на Бонго. Нет, рисковать преданным и умным животным он не будет, как бы ни подзадоривал его насмерть перепуганный мыльный пузырь. Но проверка необходима. Только вот кого — или что — послать на лужайку, под призрачный свет луны?..

— А в птиц они тоже стреляют? — спросил он у Шестилика, пытающегося перегрызть веревки своей сети всеми имеющимися у него зубами.

— Я же сказал! — раздраженно откликнулся тот. — И в птиц, и в ящериц, и в бабочек! Проверь, проверь! Выпусти своего волка!..

Киммериец, нагнувшись, потрогал рукой землю в нескольких местах под ногами и, найдя пласт влажной глины, вылепил шар величиной с крупное яблоко. Хорошо размахнувшись, он кинул его в направлении скал. Спустя мгновение раздался тонкий свист, и шар прямо в воздухе действительно превратился в некое подобие ежа — мно-

жество очень тонких стрел впились в переднюю его половину. Почти тут же он рассыпался и глиняной трухой упал на землю.

Зрелище впечатляло. Конан, умевший ценить чужое воинское искусство, на миг проникся к невидимым стрелкам уважением. Впрочем, он тут же вспомнил, что в обмен на свою поразительную меткость все они стали бездушными рабами Багрового Ока.

— Неплохо... — протянул он. — А отчего у них такие тонкие стрелы? Больше похоже на вязальную спицу, чем на стрелу.

— Зато от них не спасает никакая броня! — ответил Шестилик. В голосе его звучало что-то вроде гордости. — Будь ты закован в железо с головы до пяток, стрела все равно найдет тебя. Вопьется в прорезь для глаза — и не одна, а с десяток!

— Положим, в прорези для глаз можно вставить прозрачные кристаллы горного хрусталя, — заметил Конан. — Но мне это не подойдет в любом случае: терпеть не могу, когда со всех сторон обвешан гремящими железками! Ни размахнуться как следует, ни увернуться вовремя!..

Киммериец поднял с земли сеть, которую Шестилику не удалось перегрызть, несмотря на все старания, и шар вновь закачался за его плечами.

— И куда же ты теперь, отважный воитель? — ехидно поинтересовался Шестилик.

— Мимо Серых Стрелков можно пройти лишь в обнимку с исчадьем, верно? Мне отчего-то не хочется в третий раз ощутить на себе их ласковые прикосновения. Значит, остается единственный выход — найти тот подземный ход, который вырыли когда-то ваши восемь воинов. Я сильно подозреваю, что тебе известно, где он находится!

Шестилик промямлил что-то неразборчивое.

— Для тебя же будет лучше поскорее привести меня туда, — добавил Конан, согнув за спиной руку и щелкнув первый попавшийся ему нос.

— Если я приведу тебя к подземному ходу, ты отпустишь меня? — сопроводив щелчок недовольным писком, спросил шар.

— Я отпущу тебя, когда ты станешь полностью для меня бесполезным! — сурово отрезал киммериец. — Но если в поисках подземного хода я потрачу много времени, настроение мое может испортиться. И тогда я не поручусь,

что ты не полетишь в сторону Серых Стрелков, как только что туда полетел глиняный шарик.

Шестилик долго кряхтел и ворочался, принимая решение. Наконец произнес тихим голосом, в котором слышалась скорбная покорность судьбе:

— Что ж, я приведу тебя к подземному ходу... Мало кто знает, где он находится, и я один из немногих, твоя догадка верна. Злая и жестокая звезда связала нить моей судьбы с твоей тупой и беспощадной поступью! Погибельная моя звезда... Что ж, безрассудный чужеземец, идем! Я буду указывать тебе путь.

Если бы не Шестилик, Конан никогда не нашел бы подземного хода, так искусно был он спрятан в густых зарослях колючих кустов, цепляющихся корнями за склон невысокого глинистого холма. Поскольку рыли его целых восемь крепких молодых мужчин, был он довольно широким. Ползти пришлось лишь в самом начале, затем можно было выпрямиться и идти, лишь слегка пригнувшись. Пройдя какое-то время в крошечной тьме, киммериец вспомнил о живом огне, хранящемся у него на груди. Как ни мал был его трепещущий язычок, его света хватало, чтобы видеть и земляные стены со свисающими плетями корней, и своих двух спутников.

Чтобы легче было идти, Конан высвободил Шестилика из сети и пустил впереди себя. Тот подсказывал, словно мячик, отталкиваясь то от земляного пола, то от стен. В свете живого огня щеки его и лбы казались вытесанными из синеватого известняка; прыжки же напоминали крупную дрожь, с которой он не в силах справиться... Бонго, как всегда невозмутимый и в меру любопытный, трусил замыкающим, ловя чутким носом сырые подземные запахи.

Когда, по расчетам Конана, им пора было бы приблизиться к основанию серых скал, подземный ход резко оборвался. Груда каменных обломков преграждала им путь.

— Все ясно, — заключил Шестилик после недолгого осмотра, потыкавшись носами в щели между камней. — Битвы с Черным Слепцом так и не произошло. Восемь лучших и храбрейших юношей прошлого века он уничтожил в один миг, сам не заметив этого.

— Объяснись попонятнее, — буркнул киммериец, пытаясь откатить ногой камень в основании груды.

— Черный Слепец совсем не похож на человека, но сердце у него есть. Когда оно бьется — дрожит земля, рушатся скалы, огромная волна уходит в океан от берегов острова, — сказал Шестилик. — Это странно, но в самом начале, как только он появился здесь, сердце его не билось вовсе. Позднее были отдельные редкие удары; они происходили через неравные промежутки времени и предугадать, когда случится следующий, было невозможно. И только в последние несколько десятков лет сердце его стало биться равномерно, как и полагается этому органу. Два удара в течение одной луны. Если бы восемь отважных воинов жили сейчас, они смогли бы выбрать безопасное время для рытья хода, но тогда... Тогда неизвестно было, когда затрещит земля и обрушатся скалы в очередной раз.

— Ты сказал, волна отходит от берегов острова? Что-то подобное я видел вчера, когда был там... наверху, — вспомнил Конан.

— Да, — важно кивнул шар. — Именно тогда сердце его сократилось в очередной раз. Может быть, ты заметил, что местные жители строят свои жилища из веток, соломы, старого тряпья и прочей ерунды? Когда-то у всех на острове были добротные дома из камня или ракушечника. Но землетрясения с периодичностью дважды за луну приучили их бояться всего весомого и крепкого. Когда на головы рушится ворох веток или пучки соломы, нет риска особенно покалечиться, да и отстроить разрушенное жилище можно за полдня.

Бонго тем временем мордой и передними лапами разгребал завал из камней. Внезапно когти его цапнули о железо. Нагнувшись и отвалив в сторону несколько обломков, Конан вытащил тяжелый проржавевший заступ. Он отряхнул его от земли. Вместе с легкими глинами с рукояти заступа сыпалось вниз с легким костяным звоном то, что когда-то было пальцами крепкой мужской руки. Конан, не особенно склонный к сентиментальности, ощутил вдруг, как сперва сжалось, а затем забило горючей его сердце. Он словно бы коснулся верной ладони неведомого друга или побратима, передающей ему пусть не меч, не копье... но все-таки оружие.

— Ты не зря трудился, брат. Ты не зря вгрызался в эти камни, — тихо произнес киммериец. — Благодаря тебе и братьям твоим, я дойду. Я дойду — и, клянусь всеми богами мира, Черному Слепцу не поздоровится!..

— О, трижды безрассудный, тупоголовый чужеземец! — завизжал вдруг Шестилик, крутясь вокруг своей оси. — «Черному Слепцу не поздоровится!» Тому, кто одним ударом своего сердца, даже не заметив того, даже не узнав о том, уничтожил восемь самых лучших, самых крепких и отважных воинов! Явился, видите ли, ты, великий и непобедимый, и ему не поздоровится!.. Он уже трепещет, он просто падает в обморок от страха!..

Летучий шар был на грани истерики. Конан уже поднял было ладонь, чтобы отвесить ему хорошую затрещину и тем самым привести в чувство, но его опередил Бонго. Зарывав, волк клацнул зубами и зацепил один из вертящихся перед ним носов. Шестилик тоненько взвизгнул в последний раз и затих.

— Ты мудро поступил, Бонго, — одобрил его киммериец. — Еще чуть-чуть, и я оглох бы от воплей.

Он взвесил в ладони заступ. Несмотря на слой ржавчины, инструмент был пригоден к работе. Конан внимательно, насколько позволял свет язычка живого огня, огляделся вокруг. Проход был завален не той породой, в которой он был прорыт до сих пор, но глыбами очень прочного серого камня. По всей видимости, восемь воинов дошли до подножия скал и уже здесь, совсем близко от своей цели, нашли гибель. Догадка Конана подтвердилась, когда он попытался поработать заступом в обход завала. Очень скоро железо зазвенело о камень, который не поддавался, но лишь рассыпал от каждого удара голубые и желтые искры. Исходя из этого, имело смысл рыть только в одном-единственном направлении — вверх.

Работать было тяжело. Приходилось зажмуриваться, чтобы мелкие камушки и песок, сыплющиеся на голову, не запорошили глаза. Бонго помогал как мог, отгребая лапами в сторону комья земли. Шестилик откатился на безопасное расстояние, где затих, не издавая ни звука.

Наконец, после одного из ударов заступом, сверху блеснул голубой ромб неба. Прямые лучи света упали на ступни киммерийца и запорошенные землей лапы волка. Конан оперся о заступ и перевел дыхание. Настал трудный и решающий момент. Киммериец отдавал себе отчет, что, оказавшись снаружи, он, скорее всего, очутится в двух шагах от многочисленных Серых Стрелков, затаившихся между камней, словно змеи со смертельно опасным ядом. Но иного выхода он не видел.

— Вот что, мыльный пузырь, — заговорил он после недолгого раздумья. — Пожалуй, я отпущу тебя. Вряд ли

тыгодишься мне дальше. Конечно, если бы можно было разить противника визгом и брызганьем слюней, ты был бы неоценимым союзником, но так... ты уж прости.

— Я прощаю! — прокричал Шестилик. — Сначала тебя доводят до полусмерти, лишают способности летать, отнимают всякую радость жизни, а потом, видите ли, даруют свободу!.. На что она мне теперь? На что она, если я не смогу больше воспарить, перекувырнуться в воздухе, зарыться в облако...

— Будешь ты парить и зарываться в облако, — пообещал Конан. — А о встрече со мной, изрядно приукрасив и выставив себя молодцом, будешь рассказывать внукам.

— У меня не будет внуков! У меня нет и не может быть детей! — подпрыгнул шар. — Я один, один, безмозглый варвар! А встреча с тобой — моя трагедия и кошмар!..

— Ну так плюхнись в воду со всего размаха, как ты это любишь, и все забудется! — засмеялся киммериец. — Но только прежде, пока что-то еще осталось в твоей башке, расскажи мне побольше о Черном Слепце. Мне нужно знать все. Главное же — уязвимые его места, его слабости.

— У него нет уязвимых мест и слабостей, — отозвался шар. — А если и есть, мне о них не известно. Но я расскажу тебе все, что знаю, что еще не успел рассказать. Но только коротко: мне не терпится покинуть твоё общество! Слушай же! — Он забормотал быстро, словно скороговорку: — Самое главное, когда идешь к Черному Слепцу, — не чувствовать страха. Ужас и страх он ощущает лучше всего, как голодный хищник ощущает запах живого мяса. Но также улавливает и злобу, ярость, отвращение, отчаянье. Отчаянье и тоску он слышит прекрасно, почти так же, как страх. Идти к нему нужно совсем спокойным. Еще лучше — веселым. Хорошо напевать бодрые и смешные песенки! — В голосе Шестилика звучала явная издевка. — Если, конечно, при виде его ты сохранишь способность смеяться... Петь можно в полный голос — он глухой и ничего не услышит. Ничего не видит и ничего не слышит, но малейшая тень страха или тоски в душе — и ты погиб, ты проглочен...

— Это я знаю! — перебил его Конан. — Об этом меня предупреждали. Но ты не говоришь мне главного: каким образом я смогу свернуть ему шею?

— У него нет шеи! — воскликнул шар почти весело.

— Но хоть что-то у него должно быть? Если он есть, если он существует, значит, у него есть что-то, куда я могу вонзить меч, или стрелу, или просто крепкий кулак! Как мне его убить?

— Этого я не знаю. К тому же, — Шестилик прекратил свою скороговорку и повернулся к нему лицом задумчивым и отрешенным, — я вовсе не уверен, что тебе следует его убивать.

— Как?! — взревел Конан. — Кто же займется этим, если не я? Ты, может быть? Ваши мужчины, трусливые, как сурки, и озлобленные, как крысы?!..

— Ты не понял меня, — сказал Шестилик. — Я не уверен, что его вообще нужно лишать жизни.

Конан чуть не захлебнулся воздухом от изумления и возмущения.

— И это ты говоришь о нем?!.. Который превратил здешний народ в пугливых и нелюдимо животных, прячущихся по своим норам? Который расплодил свору исчадий, усердно приносящих ему в зубах все новые и новые жертвы? Который тебя самого, наконец, сделал заячьим хвостом, постоянно трясушимся от ужаса?..

— Да, да, да, все это так, — запрыгал шар, соглашаясь. — Но кто может поручиться, что если не станет Черного Слепца, не появится кто-нибудь гораздо хуже?

— Да куда уж хуже! — усмехнулся киммериец.

— Я живу на свете много тысяч лет, — вздохнул Шестилик. — Хотя я периодически забываю почти все, что со мной случается, но есть нечто — на уровне памяти всего тела — что позабыть невозможно. И это нечто — постоянная тревога, постоянное предчувствие опасности, грозящей то с неба, то с моря, то из расщелины на берегу, то из пасти крохотной змейки, то от мечей нагрянувших невест откуда вражеских племен... К Черному Слепцу мы уже привыкли. Мы знаем, чего от него ждать, знаем, как уберечься от его исчадий. Только полный глупец или слишком мягкосердечный — что то же самое — человек откликнется сейчас на чью-нибудь просьбу. Мы знаем, когда случится очередное землетрясение от удара его сердца, и никто в этот день не выйдет на лодке в океан, не полезет в глубину шахты. К серым скалам ни один человек не приблизится по доброй воле, если только он не самоубийца. Мы привыкли, мы знаем. Когда же появится новое, неизвестное зло...

— Да почему же, разрази тебя Кром, должно обязательно повиться новое зло?!..

— Я живу на свете многие тысячи лет, — повторил Шестилик. — Я знаю. Так уж устроен мир.

— Так уж устроен ты! — возразил киммериец. — Теперь же — выкатывайся поскорее обратно и прощай!

— Прощай! — радостно пискнул шар, готовясь сорваться с места.

— Погоди-ка! — остановил его Конан. — Еще одно! Я не совсем понял, что это за странное и дивное существо, что одолжило мне недавно пучок своей гривы. Кто он? Зверь?.. Бог?..

— Не зверь и не бог, — ответил Шестилик, пританцовывая от нетерпения поскорее ринуться прочь отсюда. — Для зверя он слишком свободен, для бога — слишком напоминает зверя. Он — Владыка Стихий, вот и все.

— Ему молятся? На него охотятся? Ему приносят жертвы?.. — не унимался киммериец.

— Ни то, ни другое, ни третье. В давние времена его удавалось видеть очень редко, раз в двести-триста лет. Поэтому большинство не верило, что он есть, считало выдумкой, детской сказкой. Но когда появился Черный Слепец, стали встречать все чаще и чаще. Изредка отдельным смельчакам удавалось срывать с его гривы цветы живого огня. Когда обнаружили, что огонь этот страшнее смерти для исчадий, стали хранить его как бесценное сокровище и прятать от недобрых, воровских глаз.

— А может, и Черный Слепец боится его? — спросил Конан.

— Может быть. Ведь исчадья — это что-то вроде его продолжения, его жадных пальцев, его щупальцев. Но если и боится, какой в этом прок? Приблизиться к Черному Слепцу невозможно.

— Ну, это мы скоро увидим... Кажется, больше мне с тебя взять нечего. Прощай же! Прягай, скачи, лети!

— Прощай, прощай! — с готовностью откликнулся шар. Повернувшись, он покатился по подземному ходу назад. — Я прощаю тебе, чужеземец! Хотя ты и лишил меня радостей жизни, но очень скоро тебя самого ждет страшная гибель! Впрочем, еще вероятнее, что ты обретишь бессмертие, став командиром Серых Стрелков!..

Конан с чувством сплюнул.

— Надеюсь, больше на моем пути не встретится этот трясущийся мыльный пузырь, — сказал он, обращаясь к Бонго. — Хотелось бы мне, чтобы на битву меня проводили другими словами, но что делать, если все люди на

этом нелепом острове вымерли. Последние лежат вот здесь, — он кивнул на груды каменных обломков.

Порывшись в своем дорожном мешке, Конан достал шлем из очень прочной и толстой туранской кожи и натянул его до самых глаз. Очень осторожно и медленно он стал проталкивать голову сквозь голубевшее наверху отверстие. Лишь только его глаза оказались на уровне поверхности земли, он услышал знакомый тонкий свист. Замешкался он на долю мгновения, и серебряная, похожая на спилу, стрела пронзила бы ему зрачок. Но хорошая реакция спасла его — стрела впиалась в кожу шлема чуть выше бровей.

Нырнув назад, в сумрак подземелья, Конан вжался спиной в земляную стену. Сквозь отверстие просвистело еще несколько стрел, но били уже не прицельно, а наугад, и ни одна его не коснулась. Бонго также плотно прижался спиной и боками к серым глыбам, слившись по цвету с ними и став почти неразличимым. Затем на фоне голубого неба показался темный конус. Конан не сразу сообразил, что то были глаза человека в надвинутом на лицо островерхом капюшоне с прорезями для глаз. Серый Стрелок пытался рассмотреть хоть что-либо в подземном мраке. Видимо, ему это плохо удавалось, так как голова в капюшоне склонилась ниже.

Подняв с земли крупный осколок камня, Конан молниеносно подскочил к противнику и ударил его по голове. Издав глухой вскрик, Серый Стрелок завис вниз головой. Киммериец быстро втащил сквозь узкое отверстие безжизненное тело, с трудом снял с него серый балахон с капюшоном, скрывавший фигуру с головы до пят, и натянул его на себя. С закрытым лицом, с коротким луком и колчаном с серебряными стрелами он стал отличным от обыкновенного стража Черного Слепца. Вот только как быть с Бонго? Оставить его до лучших времен здесь, под землей, либо выйти на поверхность с ним вместе? Ни расставаться с волком, ни рисковать его жизнью Конану не хотелось.

— Подожди, Бонго, — прошептал он ему. — Подожди немного, пока я вылезу наверх и хорошенько осмотрюсь.

Оказавшись снаружи, стараясь сохранять уверенность и непринужденность движений, киммериец прежде всего отряхнул балахон от земли. Затем он показал жестом ближайшим от него стрелкам, что беспокоиться не о чем, все в порядке, с врагом покончено... Ему показалось стран-

ным, что ни один из стражей не обратил на его появление никакого внимания, никто не повернул головы в его сторону. Все они, замершие, неподвижные, как камни, что их окружали, смотрели вперед. Конан взглянул туда же и тихо охнул. По желтой траве луга у подножия скал кружил белоснежный конь с искрящейся гривой и рыбьим хвостом, согнутым в кольца на крупе.

Владыка Стихий, казалось, дразнил окаменевших стражей. Он то подлетал, не касаясь копытами травы, совсем близко, так, что искры из гривы прожигали в серых балахонах маленькие отверстия, то удалялся, мелькая причудливым белым силуэтом на фоне дальних деревьев... Все стражи сжимали в руках луки и колчаны, но ни один даже не сделал попытки вытащить стрелу и послать ее в танцующее перед его глазами диво. Их лица были скрыты капюшонами, и рассмотреть их выражений было невозможно, но Конан мог видеть, что плечи ближайшей к нему фигуры в сером балахоне дрожат крупной дрожью. Ему слышался даже мерный перестук зубов. Тут же в памяти всплыло лицо соблазнительного исчадия, глаза девушки с непередаваемым выражением ужаса и тоски, с которым она смотрела на сужавшего перед ней круги коня.

Владыка Стихий на миг застыл, горделиво развернувшись. Он был всего в пяти шагах от киммерийца, освещенный ярким солнцем. Его белизна слепила. Конан с удивлением увидел то, чего не замечал раньше: глаза у коня были не карие и не черные, но — голубые. Светящиеся, блистающе голубые, похожие на огонь, как и грива, но только очень горячий. Раскалившийся до высокой, пронзительной голубизны.

Конь посмотрел прямо на киммерийца, и от этого взгляда шальная и радостная мысль мелькнула в его голове: а что, если Владыка Стихий резвится и танцует здесь не просто так, а для него, Конана, чтобы тот сумел незамеченным проскочить мимо замороженных стрелков? Если так, ему лучше выйти из столбняка, закрыть рот и не мешкать!

Конан негромко позвал Бонго, и острая морда его тут же показалась в земляном отверстии. Киммериец помог ему вылезти, и очень тихо, стараясь не задеть ни один камушек на горных тропках, они двинулись за спинами Серых Стрелков в глубину ущелья, пересекавшего скалы. Впрочем, они могли бы и шуметь, и кашлять, и разговаривать: вряд ли зачарованные и скованные ужасом

стражи Черного Слепца способны были сейчас заметить что-либо помимо мелькающих перед ними всполохов живого огня.

Глава 8. Вызов

Когда серые скалы остались за спиной Конана, он различил впереди то, что сверху, во время полета показалось ему темным пятном, раной, следом от булавки, пронзившей бабочку. Вблизи это напоминало застывшую лаву грязевого вулкана и было величиной с небольшой пруд.

Подойдя вплотную, киммериец увидел, что по краям грязь засохла, превратившись в бурые, рассыпающиеся при прикосновении комки, в центре же была жидкой и маслянисто блестела на солнце. От влажной грязи подымался горячий пар с отвратительным, ни на что не похожим запахом, от которого Бонго принялся чихать, то и дело утыкаясь носом в траву.

На небе не было ни облачка, но лучи солнца отчего-то казались потускневшими, как при солнечном затмении. Воздух сгустился и давил на плечи, словно вода в глубине моря.

Со скал к грязевому пятну сбегало множество дорожек и тропинок. По одной из них спускались, держась за руки, мужчина и женщина. Еще одна пара сидела у кромки засохшей грязи шагах в сорока от Конана в позе усталых странников, дошедших до конца своего пути. Киммериец подошел к ним поближе. То были пожилая женщина в простой крестьянской одежде и не отпускающий ее руки подросток лет пятнадцати. В правой руке юнец держал дудочку из полого стебля растения и тихонько наигрывал на ней. Нехитрый мотив был надрывно-тоскливым, от него хотелось заскулить по-волчьи, что немедленно и сделал Бонго. Юнец перестал играть и с удивлением взглянул на зверя большими кроткими глазами. Его длинные светлые локоны красиво спадали на воротник куртки, в наклоне головы были печаль и нега... У спутницы юнца было совершенно другое выражение лица — простое, чуть глуповатое, оно словно застыло в выражении полнейшей усталости и апатии, словно сердце ее вот-вот перестанет стучать, потому что безмерно утомилось от этого занятия.

На Конана они не обратили внимания, лишь юнец скользнул коротким ленивым взглядом и вновь заиграл,

опустив нежные веки. Киммериец хотел было пройти мимо, но внезапно вспомнил о живом огне. Нашарив на груди лоскут, он осторожно вынул из него жгутик конской гривы с мерцающим на конце огоньком. Шагнув к томному музыканту, он нагнулся и поднес пламя к самому его лицу. Кроткие черты исказило величайшее отвращение.

— Не нравится?! — обрадовался Конан. — А если вот так?..

Он провел рыжим язычком по дрожащей щеке. Не жгущий ни грудь его, ни холщовую ткань, на коже исчадьа огонь оставил багровую вздувшуюся полосу. Зашипев, как раненый кот, юнец выпустил руку женщины и стал отползать спиной, не сводя глаз с огонька, зажатого в ладони киммерийца. Улучив момент, он вскочил и бросился прочь, под прикрытие серых скал.

Конан обернулся к женщине и крикнул, подкрепляя слова красноречивыми жестами:

— Что же ты сидишь? Уходи прочь! Тебя никто больше не держит! Скорее! Пока из своей грязи не выполз тот, к кому тебя привели на ужин!

Но женщина не двигалась. Лицо ее было по-прежнему безвольно-усталым. Она совсем не радовалась обретенной свободе и, должно быть, даже не осознавала ее.

— Слышишь, ты!.. Уходи! Бонго, покусай ее за ноги, чтобы она, наконец, унесла их отсюда!

Хотя Бонго только делал вид, что кусает, зубы его произвели впечатление. Женщина поднялась и, опасливо поглядывая на огромного зверя, медленно, словно тяжело больная, побрела в сторону серых скал. Правда, как только волк отстал от нее, она снова села на землю. Вспомнив о Стрелках, мимо которых она все равно не смогла бы пройти, Конан оставил ее в покое.

Теперь его внимание переключилось на вторую пару, за это время успевшую подойти к самому грязевому пятну. В женщине киммериец с удивлением узнал свою недавнюю пылкую подругу, от которой избавился с таким трудом. Видимо, она была очень смысленным и усердным исчадьем, раз сумела за такой короткий срок раздобыть себе новую жертву, хотя и не такую крупную, как первая, в лице широкоплечего синеглазого чужеземца. Мужчине, которого она вела за собой, было лет тридцать, но взгляд его был взглядом измученного, раздавленного тоской и рабством старика.

— Ну что, моя ласковая красавица, рада нашей встрече? — спросил Конан, подходя к ней и приближая к ее лицу живой огонек.

Белое лицо девушки исказила судорога. Опять у нее вырывают из рук добычу, и на этот раз возле самого логова ее хозяина!.. Уже знакомое Конану выражение борьбы ужаса с алчностью искривило и смяло точеные черты.

Одной рукой киммериец крепко ухватил ее за горло, другую же, с язычком пламени, поднес к округлой и нежной, как у ребенка, щеке.

— Ты уж прости, но красоту твою придется немножко подпортить... Ради безголовых мужиков, вроде меня, падких на все сладкое... белое... мягкое...

Девушка зажмурилась от ужаса и выпустила наконец безвольную ладонь своей жертвы. На лице ее уже был один страх — страх абсолютный, беспомощный, детский... Рука варвара заколебалась. Ему подумалось, что совсем недавно, луну или две назад, существо это было обыкновенной девушкой — непоседливой, легкомысленной, пылкой... Кого-то, должно быть, любившей, целовавшейся летними ночами до рассвета. Тогда ее поцелуи не высасывали желание жить, но — пьянили, кружили голову... И однажды седенький старичок попросил поднести его котомку, или крохотный мальчуган дрожащим от слез голосом попросил попить, или...

— Ладно уж, не трясись, — хмуро пробормотал он, отводя назад руку с огнем и отпуская ее горло. — Все равно хозяину твоему скоро конец, а вместе с ним и ты потеряешь свою мерзкую силу.

Он отшвырнул ее от изможденного мужчины со взглядом старика, которого, как до того женщину, Бонго тут же отогнал подальше от грязевого пятна. Низко пригибаясь, стелясь над землей, как птица при взлете, девушка понеслась прочь, в сторону серых скал, куда скрылся и юнец с заунывной дудочкой.

Оглядевшись вокруг и убедившись, что больше не видно ни исчадий, ни их безропотных жертв, Конан обошел вокруг грязевой лужи, хрустя засохшими комьями лавы, и остановился. Судя по той позе спокойного ожидания, в которой пребывало на берегу музыкальное исчадье, хозяин его периодически появлялся из своего жидкого убежища, чтобы принять приведенные ему лакомства. Возможно, он появится совсем скоро. А если нет? Не в характере киммерийца было сидеть и ждать. Тем более,

ждать неведомого противника, с которым предстоит смертельно опасная битва.

Выбрав на берегу круглый и тяжелый булыжник, широко размахнувшись, Конан швырнул его в самую середину маслянисто блестящей лужи. Раздался чмокающий звук, и камень засосало внутрь.

— Эй ты, Черный Слепец, Багровое Око, Глухонемой Выродок, и как еще тебя там!.. — заорал Конан. — Вылезай! Я не привык ждать слишком долго!

Он бросил еще несколько камней. Ему показалось, что в воздухе стало еще душнее и сумрачней. На поверхности грязи вздулось и лопнуло несколько пузырей, каждый величиной с Шестилика.

— Давай, давай, шевелись! Вытягивай из грязи свое жирное брюхо, или что там у тебя есть!.. Мой верный меч ерзает от нетерпения в ножнах! Он тоже не любит ждать! Он давно не умывался вражеской кровью! Я знаю, она у тебя на редкость вонючая, но ради такого случая можно потерпеть! Вылезай!!!

Стало еще жарче. Воздух давил на лицо и плечи так, словно невидимый, пышущий жаром великан навалился на него своим животом.

Бонго вздыбил шерсть на спине и загревке и глухо зарычал.

Глава 9. Ненужное чувство

Тот, у кого было очень много имен, кого называли Черным Слепцом, Багровым Оком, Небесным Спрутом, Гибельным Гостем... — очнулся от сытого расслабления, похожего на полусон, в котором он проводил большую часть времени. Что-то или кто-то снаружи его дал понять, что собирается причинить ему вред, нарушить его целостность, возмутить ровное и безмятежное течение его существования.

Гибельный Гость не обладал ни слухом, ни зрением, ни осязанием, ни одним из пяти окошек во внешний мир, которые были свойственны мелким и суматошным обитателям этой земли. Но он способен был ощущать импульсы, исходящие непосредственно из голов и душ, он явственно слышал то, что люди называли чувствами и страстями.

Импульс, пришедший сейчас извне, пробудил в нем что-то похожее на тревогу. Впрочем, ни тревога, ни страх, ни ярость в чистом виде были незнакомы ему. Все ощу-

щения, рождающиеся изредка в его бесформенных недрах, делились для него лишь на две категории — нужные и ненужные. Нужные следовало поддерживать и поощрять, от ненужных следовало немедленно избавляться.

Выведшее его из сытой расслабленности чувство было ненужным.

Гибельный Гость существовал для того, чтобы убивать, убивал же — для поддержки своего существования. Собственное бытие и чужая гибель были для него одним неделимым целым. Зародившись в неведомых безднах космоса, вычленившись из хаоса небытия на заре времен, он кормил свою жизнь чужим разрушением, и ничего больше, никакого иного смысла не было в его бытии.

Конечно, он менялся. Он рос и усложнялся со временем. Росло его умение убивать, умение быстро внедряться и приспособливаться к каждой новой планете. Росли силы, благодаря которым он совершал все более дальние перелеты по Вселенной.

Памяти в человеческом смысле слова он не имел. Никогда он не вспоминал ни одну из планет, которые уничтожил. Да и к чему было вспоминать, ведь повторялось всегда одно и то же: многоцветный, свежий, кипящий буйством растительной, животной и разумной жизни мир через несколько сотен лет превращался в голый, раскаленный, либо заледенелый шар, монотонно и мертво кружащийся вокруг своего светила.

Не было памяти впечатлений, мыслей и образов, но была память навыков. Память приобретенных за многие тысячелетия умений. Так, Гибельный Гость научился в каждом из выбранных им миров становиться наполовину «своим». Это было умение настроить свой организм в унисон с господствующими на планете законами жизни, принять правила бытующей там биологической и психологической «игры». Став в какой-то мере «своим», из того же теста, что и остальная жизнь вокруг, Гибельный Гость получал возможность лучше насыщаться, более полно впитывать в себя энергию, высвобождающуюся при гибели живых существ. В то же время, по сути своей, он по-прежнему оставался всем и всему чужим, инородным, непонятным. И инородность эта была лучшей его защитой: невозможно было его убить, уничтожить, так как законы жизни, по которым строился его организм, были неведомы.

Правда, для полного внедрения в живую плоть планеты требовалось время. Несколько раз ему приходилось уби-

раться прочь с выбранной им планеты, не успев как следует насладиться ее живыми соками. Это случалось тогда, когда Боги, Хранители этого мира вовремя распознали нависшую над ним опасность. Миры, из которых его изгоняли с позором, Гибельный Гость также не упоминал. К чему? Их было меньше, чем тех, которые он превращал в раскаленные, либо в ледяные пустыни.

Последний выбранный им мир был богат многочисленными и разнообразными формами жизни. Здесь существовала и разумная жизнь, что было для него немаловажно. Гибель разумных, высокоорганизованных существ дает наиболее сильную, наиболее «вкусную» энергию. Не тогда, когда погибают их тела, нет, но когда разрушается под гнетом непосильной тоски, боли или страха то, что принято здесь называть душой.

Немногим более двухсот раз обернулась планета вокруг своего еле греющего, чуть тепленького светила с тех пор, как Гибельный Гость внедрился в ее плоть, как вцепляется клещ в ухо собаки, как впивается пиявка в нежную кожу неосторожной купальщицы. Ему нравилось здесь. Конечно, было холодновато: светило маленькое и далекое, лучи его не жгут по-настоящему... но он сумел отыскать себе самое теплое место. Гейзер с кипящей грязью на крохотном острове в океане — что может быть приятнее, безопаснее, спокойнее?.. За двести с небольшим лет он сумел приспособиться, сумел стать наполовину «своим». Организм его видоизменился, приобрел качества, характерные для здешних форм жизни. Он обрел сердцебиение, научился дышанию. У него появились мысли, появились чувства.

Первые удары его сердца были неритмичными. Они то следовали один за другим с частотой громовых раскатов, то сменялись долгими периодами затишья. Позднее сердце забилося мерно и ровно, в унисон однообразному танцу луны. От каждого его удара на острове дрожала земля, разверзались пропасти и овраги, рушились жалкие людские жилища. Волна, разбегавшаяся от берегов, достигала высоты восьмидесяти локтей и с легкостью толкала и маленькие туземные лодки, и пузатые купеческие парусники, встречавшиеся на ее пути...

Подобно сердцебиению, дыхание его стало глубоким и ритмичным не сразу. Но когда выровнялось — каждую луну из недр острова стал подыматься сизо-лиловый

туман. Низко стелющийся, похожий на упавшую на землю и волочащую по траве влажное брюхо грозовую тучу, он расходился от берегов во все стороны. На острове туман стелился на высоте восьми-десяти локтей и не причинял вреда. Но, пронизав огромные океанские пространства, он спускался до самой земли. «Лиловая смерть» — так окрестили на островах Южного Океана и на южных побережьях Вендии, Иранистана и Кхитай (далее, к северу, туман не распространялся) непонятное и страшное бедствие. Когда с юга, с океана напозала крадущаяся лиловая туча, все бросались по своим домам, закрывали окна и ставни, плотно захлопывали двери, затыкали войлоком все щели в стенах и крышах. Если лиловые пары проникали в щели, надышавшись ими, много дней потом люди не могли избавиться от мучительного кашля и жжения в гортани. Но гораздо страшнее была участь тех, кто не успел спрятаться в помещении. С улиц раздавались страшные крики бездомных бродяг и добропорядочных жителей, оказавшихся почему-либо за воротами. К утру, когда туман рассасывался в воздухе, крики смолкали, но те, кто издавал их, бесследно исчезали. Они словно растворялись. Дыхание Гибельного Гостя впитывало их и уносило с собой в обратном движении вдоха.

Гибельный Гость научился мыслить. Здешние высшие существа обладали этой способностью, и для него она оказалась не лишней. Мысли стали самым могущественным, самым быстрым в нем. В мгновение ока мыслью он мог достигнуть любой точки этого мира. Мысли его — невидимые, как воздух, тонкие, как лунные лучи, витали и над ледяными равнинами Ванахейма, и над раскаленной стигийской пустыней, и над шумными оживленными городами Аквилонии, и над бедными поселениями желтолицых кхитайцев. Именно благодаря мыслям добывал он самую изысканную, самую лакомую пищу. Мысли его, как перистые облака, нависали над мрачными кубами стигийских храмов. Самые жестокие и изощренные обряды жрецов были навеяны именно ими — невидимыми стремлениями Гибельного Гостя. Какому бы могущественному и мрачному божеству не приносились жертвы — львиная доля их страданий и мук впитывалась и поглощалась Гостем, ибо мысли его мгновенно подхватывали каждую боль, каждый хрип отчаянья, каждый душеразди-

рающий крик... Над полями сражений и битв мысли его клубились особенно густо. Как и над селениями, пораженными страшными эпидемиями. Как над городами, разрушенными землетрясениями и извержениями вулканов... Мыслить — было любимым занятием Гостя. Он предавался ему с меньшим упоением, чем сытому ослабленному сну.

Но помимо мыслей были еще и чувства. Малооформленные и смутные, делящиеся на нужные и ненужные. Нужным чувством и очень частым, очень привычным было удовольствие после обильной и вкусной еды. Обычно сразу после него наступала теплая дрема без мыслей и сновидений. Гораздо более редким чувством, но также нужным, предпочитаемым было охватывающее его временами сознание своей мощи, силы, величия. Он казался самому себе в такие мгновения самым могучим, исполинским, непобедимым созданием во Вселенной. От вибраций мощи и торжества воздух вокруг него словно пропитывался электричеством. Глотнув его, люди на острове хмелели без вина. Они бросали работу, возбужденно и бесцельно куда-то бежали, болтали, дрались, смеялись, совершали безрассудные поступки...

Все ненужные чувства он стремился поскорее искоренить, пресечь, выбросить за пределы своего существования. Одним из редких ненужных чувств была тоска. Неведомо отчего и неведомо откуда накатывала на него изредка космическая безбрежная усталость и тоска. Излучения ее были так плотны и гнетущи, что все и всё на острове впадало в апатию, замирало. Люди не способны были ничего делать — ни работать, ни веселиться, ни разговаривать, они ложились на постели лицом к стене и днями лежали, прислушиваясь к толчкам собственного сердца. Растения переставали плодоносить. Собаки, козы, гуси, куры — и те переставали двигаться, ложились, уткнув морды в лапы или спрятав голову под крыло...

Импульс, пришедший сейчас извне, вызвал ненужное чувство. Каким бы ни был тот, кто послал его, но он сумел пробиться сквозь надежнейший защитный заслон. Сумел ускользнуть от стрел, которые никогда не промахиваются. Он грозил, он щекотал, он прикоснулся к его телу чем-то неприятно шершавым.

Гибельный Гость должен был как можно скорее избавиться от ненужного чувства, выбросить его за пределы себя.

Бонго зарычал громче. Шерсть на его спине и загривке топорщилась, как иглы дикобраза.

— Тише, Бонго, тише, — осадил его киммериец. — Держись спокойнее. Иначе он вынюхает твою ярость и заглотит тебя как лягушка муху.

Сам он спокойным не был, как ни старался. Сердце грохотало в груди, как кузнечный молот его отца в закопченной кузнице, когда-то давным-давно.

Горячая грязь забурлила, зашипела, вспучилась. Что-то бесформенное и темное толчками пробивалось наружу — что-то очень большое и не похожее ни на что... Колеблющийся, шевелящийся холм вздымался над грязью, сгусток горячего мрака.

Очень отдаленно Черный Слепец напоминал гигантского осьминога. Таких тварей, только раз в десять меньше, Конану случалось видеть в южных морях в бытность его пиратом. Длинные гибкие отростки, похожие на руки самой ночной тьмы, вытягивались из черной глыбы, судорожно извивались, подергивались, шарили по земле и по воздуху и втягивались обратно. Их оцепывающие движения и впрямь напоминали осторожные и чуткие пальцы слепца. Под округлым массивом мрака на высоте трех локтей над уровнем грязи горел один-единственный глаз. Гигантское, полыхающее малиновым, оранжевым и ярко-алым, око. Бордовый зрачок, похожий на раскаленную глотку печи, то расширялся, то сужался. Впрочем, глаз ли то был? Скорее, распахнутый зев, алчная и голодная пасть. А может быть, это были ноздри? Точнее, одна ноздря, багровая и пылающая, чутко вынюхивающая сладкие запахи страха, отчаянья и тоски?..

Конан вспомнил совет Шестилика: чтобы не поддаваться ни страху, ни отвращению, лучше всего петь веселые песни. Он стал вспоминать все песни, какие помнил, начиная с колыбельных раннего детства. Вспоминались какие-то отрывки. Очень много пел Шумри, по любому поводу и без повода. Что же, что он пел?.. Не пел, а скорее скулил. Не пойдет... Пожалуй, самые веселые песни гремели на пиратских застольях. Не очень складно, зато громко и разухабисто...

Пусть лопнут демоны морей от зависти, ха-ха! Когда дырявим кораблей пузатые бока...

Одно из щупалец Черного Слепца вдруг потянулось в сторону мужчины, который так и сидел на том месте,

куда отогнал его Бонго, парализованный ужасом и тоской. Расстояние от Слепца до мужчины было шагов тридцать, но темный отросток молниеносно удлинялся, не став при этом тоньше, и, присосавшись к животу жертвы, стал подтягивать ее к гигантском чреву.

Дрожа от ярости и омерзения, Конан подскочил к отростку и попытался перерубить его мечом. Лезвие не встретило сопротивления: пройдя сквозь извивающуюся тьму насквозь, оно врезалось в землю. Киммериец ударил еще и еще. Ему казалось, что он рубит не чью-то плоть, но туман, но ядовитые испарения... Не ощущая или не замечая ударов, щупальце продолжало сокращаться, подтягивая белого, как известь, мужчину все ближе к нависающей над землей темной туше. Видимо, он потерял сознание от ужаса, поскольку не издавал ни звука.

Проклятье! Оглянувшись, Конан заметил, как другое щупальце, повернутое в его сторону, покачиваясь, ощущает воздух, словно колеблясь и что-то прикидывая. Неужели Черный Слепец учуял его ярость и досаду и вот-вот вцепится в него?!

Конан изо всех сил пытался обрести спокойствие. Выстроить себе непробиваемый щит из невозмутимости и веселья. О Кром, как это сделать?! Остаться спокойным и холодным вблизи этой твари?.. Летучий пузырь посмеялся над ним...

«Пусть лопнут демоны... ха-ха!.. и веселы вполне... и моем наши сапоги... в отличнейшем вине!..»

Темный отросток с телом мужчины подтянулся к самому глазу. Нет, то действительно был не глаз, а пасть! — потому что несчастный полетел головой вперед в малиновое жерло, пошире распахнувшееся, чтобы принять его. Туша Черного Слепца заколебалась, судорога удовольствия прошла по ней сверху вниз, словно волна по поверхности темного озера. Почти сразу же тело мужчины вылетело обратно и шлепнулось на землю у подножья клубящейся тьмы. Малиновая глотка выплюнула его!

Человек был жив. Он пошевелил рукой, затем медленно приподнялся. На лице его, обращенном к киммерийцу, больше не было ужаса и тоски. Глаза его смотрели со странным, жадным и беспокойным выражением. В его движениях была озабоченность, захваченность одной целью. Если бы Конан не знал, каким путем живой человек превращается в ищады, он решил бы, что Черный Слепец просто передумал пожирать своего пленника

и милостиво даровал ему жизнь... Пошатываясь, не сводя глаз с киммерийца, мужчина двинулся к нему.

Между тем, то же самое черное щупальце уже тянулось, извиваясь и подрагивая от вожделения, к женщине. Она сидела дальше, на полпути к серым скалам, вжавшись всем телом в землю, словно надеясь слиться с ней и стать совсем незаметной...

Отросток, нацеленный на Конана, медленно и неуверенно, ощупывая землю на своем пути, пополз в его сторону.

— Вынюхал все-таки, пузатый выродок... — пробормотал киммериец.

Страх он не чувствовал, но вот как быть с отвращением, с отчаянной досадой, что удары его не достигают цели?..

Бонго, замерший у его ног, глухо зарычал. Он оглянулся на Конана, переступил с лапы на лапу и напрягся, как готовая сорваться с тетивы стрела.

— Подожди, немного еще подожди, Бонго, — тихо попросил его киммериец.

Но волк больше не мог ждать. Еще раз оглянувшись на Конана, он вылетел вперед и в три прыжка очутился напротив темной громады. Четвертым прыжком — сильным, высоким, длинным — он врезался в малиновое жерло, в жадный тоннель глотки и растворился в нем.

Киммериец с замиранием сердца ждал, что вот-вот выплюнутое тело Бонго шлепнется о землю. И он зашевелится, поднимется на лапы и... Но представить дальнейшего он был не в силах. Текли грохочущие, растянутые в бесконечность мгновения, но волк не появлялся. Значит, он жив. Значит, он ждет его.

Черное щупальце извивалось уже в паре локтей от его ног. Конан коснулся прохладной рукояти меча, шагнул вперед и запел во весь голос, перевирая и слова, и мотив:

— Швыряем золото, как сор, и веселы вполне! И моем наши сапоги в отличнейшем вине!..

Самое трудное было — нагнуть голову и нырнуть в пылающий лаз. Все равно что броситься в раскаленный кузнечный горн. Но он сделал это. Возле самой багровой глотки он почувствовал, как его затягивает внутрь сильным порывом палящего ветра. Поэтому ему оставалось лишь слегка оттолкнуться ногами...

Когда он летел головой вперед по светящейся пульсирующей норе, его охватило настоящее веселье. Жара была страшной, но все-таки не смертельной, не опаляющей.

Красное и оранжевое свечение со всех сторон возбуждало, горячило кровь. Упав со всего размаха во что-то мягкое и пружинящее, словно живая плоть, киммериец громко расхохотался.

Лишь только он поднялся, чей-то влажный нос ткнулся ему в ладонь, и Конан радостно потрепал зверя по густому загривку.

— Бонго, дружище! Клянусь Кромом, здесь совсем не плохо! Мне даже нравится, а тебе? Я думал, что сгорю заживо, но здесь всего лишь тепло! «Пусть лопнут демоны морей, пусть лопнут все враги!..»

На дне чрева было темновато, лишь над головой перекатывались багровые всполохи. Вспомнив про живой огонь, Конан нашарил его на груди и вытащил. Как ни странно, огонек здесь горел не оранжевым и не алым, но ярко-голубым светом. Этот чистый пронзительный свет что-то напоминал ему. Что же... ах да, такие глаза были у Владыки Стихий. Во всяком случае, в тот раз, когда он смотрел на него, отвлекая на себя внимание Серых Стрелков... Голубой огонь... Помнится, Шумри рассказывал, что видел, как у Конана в груди горело такое же голубое, ничем не колеблемое пламя. Алмена сказала, что оно есть у всех, но не у всех его можно увидеть...

В левой руке киммериец сжимал огонек, испускающий вокруг себя сферу жемчужного света, правой же вытащил меч. Правда, после нескольких взмахов он понял, что оружие его здесь так же бесполезно, как и при попытке отсечь щупальце. Упругая плоть под ногами принимала в себя удары, но не рассекалась, не сочила кровь. С таким же успехом он мог бы разить океанскую воду... Тем не менее, Конан продолжал поигрывать клинком, подстегивая свою веселую ярость.

Когда багровая вода заплещет у бортов, от схватки нашей пьян Нергал и хлещет жадно кровь!..

Нет, Шестилик неверно сказал ему: яростных не сможет проглотить Черный Слепец! Только ярость должна быть веселой. Не угрюмая злоба, не гнев сквозь стиснутые зубы, не застилающая взор мстительность. Весело, вдохновенно и яростно!..

— Клянусь Кромом, Бонго! Мы должны найти в этом жарком брюхе его смерть! Она должна быть где-то здесь, должна, должна!..

Конан не представлял, как может выглядеть смерть Черного Слепца. Об этом не говорили ему ни Алмена, ни Шестилик. Но он чувствовал, что должен разыскать в

этом душном мраке средоточие его сил, главный жизненный центр. Может быть, это сердце, дважды за луну сотрясающее землю, может быть, это злобный мозг?..

Перестав петь и остановившись, чтобы оглядеться, киммериец вдруг услышал шелестящие со всех сторон сотни, тысячи людских голосов. Они напоминали шорох осенних листьев, гонимых ветром, завывание вьюги в трубе, шум дождя, но все-таки были живыми. Мужские, женские, детские, плачущие, рокошующие, умоляющие, зовущие... Тысячи душ, проглоченных Черным Слепцом за два века, бились во тьме, рвались в невидимых путях.

От этого моря людского отчаянья у Конана заныло сердце. И в тот же миг он почувствовал, что все его тело словно охватили, сдавили жаркие упругие мускулы.

— Ага, ты думаешь, ты поймал меня на жалость? — выкрикнул он. — Рано радуешься! «Старик Нергал нам бури шлет, чтоб пуще рассмешить!..»

Но жгучие мускулы не отпускали. Стало трудно дышать, с большим усилием он смог приподнять руку...

— Бонго!.. — прохрипел киммериец. — Помогите!..

Но Бонго не нужно было просить. Почувствовав грозящую Конану опасность, он уже носился вокруг него с горящими в темноте глазами, разрывая своим сильным и стремительным телом то невидимое, что стягивало и душило киммерийца.

Дышать стало легче. Конан снова пошел вперед, но теперь ему казалось, что он пробивается сквозь напор урагана или толщу океанской воды.

«...Нергал... заплещет... жадно кровь!..»

Бодрые слова песенки словно вязли в его мозгу, путались, склеивались одно с другим. Конан встряхивал головой, пытался петь громко и четко, но песня превращалась в неясное бормотанье, бурчание, шорох. Ему казалось, что он уже несколько дней блуждает в багровом, давящем со всех сторон сумраке...

Но вот наконец он заметил впереди что-то необычное. С трудом волоча ноги, Конан добрал, почти дополз до большого, тускло сетящегося малиновым кристалла со множеством граней. Размером он был почти с киммерийца и по виду напоминал гигантский, хорошо отшлифованный гранат или рубин. По гладкой поверхности граней змеились не то черные узоры, не то письмена на неведомом киммерийцу языке.

С трудом приподняв руку, киммериец прикоснулся к одной из граней живым огнем, и тут же раздалось ши-

тение, повалил едкий дым и по камню прошла трещина, напоминающая кровоточащую царапину. Невидимые мускулы вокруг него сдавили еще сильнее, так что он едва не потерял сознание.

— Бонго... — прошептал он.

Но силы волка тоже были на исходе. Он уже не бежал, но полз, едва приподымая голову. Но глаза его — холодные, спокойные — были все те же. Он подполз к ногам Конана и попытался встать, чтобы принять часть давящей со всех сторон силы на свой хребет. Послышался хруст костей. Киммериец увидел, как тело зверя мягко рухнуло у его ног. Но он успел еще повернуть голову и посмотреть в лицо Конану. Что было в его взгляде? Киммериец не разобрал. Пот заливал ему лицо, а может быть, кровь, смешанная с потом...

...Бонго больше нет... Сам он тоже вот-вот отправится следом за верным своим волком. Вот и хорошо... Лишь бы перестало давить и сплющивать кости...

Конан снова и снова проводил голубым огоньком по поверхности малинового кристалла. Сеть трещин становилась все гуще. Камень должен был вот-вот расколоться. Но жизнь покидала киммерийца. Дышать было нечем. Руки перестали его слушаться, и живой огонь выпал из ослабевших пальцев. К счастью, он упал на кристалл и скользнул в одну из трещин. Чистое светло-голубое пламя засияло сквозь толщу багрового...

Кроме этой крохотной точки света, Конан уже ничего не различал. От грохота крови в голове стоял гул, грудная клетка трещала, как яичная скорлупа между двумя ладонями...

В последний миг убегающего сознания киммериец увидел перед собой лицо Алмены. Прохладное, нежное имя ее скользнуло в мозгу, как струйка воды к губам умирающего от жажды. АЛМЕНА...

Глава 1. Возвращение

Соленный морской ветер грубовато ласкал лицо. Резко кричали чайки. Пахло только что выброшенными на берег водорослями и сырым песком.

Конан приоткрыл глаза и зажмурился от полуденного солнца, от зеленой полосы воды до самого горизонта, от перистых облаков.

В трех шагах от себя он увидел худую спину девочки, смотревшей на море. Почувствовав его взгляд, она обернулась.

Конан видел ее прежде только один раз, в поздних сумерках, и не успел как следует рассмотреть. Но она показалась ему беспечной и легкомысленной, как все дети ее возраста. Теперь же его удивило усталое и словно пригасшее выражение широко расставленных глаз.

— Проснулся? — спросила девочка. — Как твоя грудь? Не болит?..

Киммериец набрал в легкие побольше воздуха и выдохнул. Ребра заныли, но не сильно.

— Не болит, — бодро ответил он. — Можно хоть сейчас — снова в объятия к Черному Слепцу. Обнимает он, надо сказать, жарко... А где Алмена?

— Алмены здесь нет, — ответила девочка.

Конан почувствовал жгучую волну обиды. Неужели не пожелала увидеться с ним, попрощаться, сказать пару слов напоследок?!.. И это после всего, что он для нее сделал. Впрочем, почему для нее? Не в меньшей степени и для себя тоже, и для всех остальных... Вот только... получилось ли у него?..

— Скажи мне, только честно, я хоть убил его? — спросил он с надеждой в голосе.

— Ты сделал очень много, — уклончиво ответила девочка. — Живой огонь почти полностью разрушил его сущность. Все души, которые он проглотил, все исчадия

вновь стали людьми. Это очень много, доблестный киммериец.

Она назвала его так, как называла всегда Алмена — «доблестный киммериец», и от этого Конан почувствовал теплый толчок в сердце.

— Но я убил его самого, убил?... — настойчиво переспросил он.

— Он покинул наш мир. Убрался прочь, как крыса, в которую швырнули ботинком. Теперь он очень долго будет восстанавливать себя, зализывать раны.

— Проклятье! Эта тварь осталась жива! Все было напрасно!!!

— Все было не напрасно. Я же сказала: он убрался от нас прочь. Все проглоченные им исчадия теперь снова люди. Жалко, что ты не мог этого видеть! — Она обернулась к нему, и желтые смешливые искры как прежде запрыгали в ее глазах. — Представляешь, бабушки, прабабушки и прапрабабушки кидались в объятия внукам, которые были старше их!.. Подолгу расспрашивали, выясняли, кто есть кто. Танцевали, с ума сходили!..

— А этот выродок остался жив, — упрямо и зло повторил Конан. — Ты думаешь, меня утешает то, что теперь он будет губить кого-то очень далеко отсюда?

— Будет губить... — задумчиво согласилась девочка. — Но ведь ты еще сразишься с ним, если захочешь! Может быть, через тысячу лет доблестный киммериец Конан, варвар с Севера, встретится и сразится с ним. И победит! Ведь к тому времени ты вырастешь и станешь еще сильнее!

Конан не очень понял, что она имеет в виду, но мысль о том, что он еще встретится с Черным Слепцом и окажется более удачливым, показалась ему забавной. Он усмехнулся.

Короткое оживание сбежало с лица девочки. Снова оно погрузилось в тень. Конан вспомнил о волке, навсегда оставшемся в жарком давящем чреве. Вот отчего такая тоска и боль в детских глазах!

— Спасибо тебе, — тихо проговорил он. — Спасибо за Бонго. Он оказался верным и отважным другом. Он не зверь — он человек в звериной шкуре. Если бы не он, ничего бы у меня не вышло.

— Да, я знаю! — кивнула девочка. — Бонго умный и храбрый. Мне было хорошо с ним играть. А сейчас он играет с Алменой! Они бегают, догоняют друг друга, смеются...

— С Алменой? — непонимающе переспросил киммериец.

— Да-да! Им очень весело. Они там веселятся, резвятся, а я... я здесь одна, — голос ее задрожал от обиды и ревности.

— Ты хочешь сказать, что... Алмена умерла?

— Я хочу сказать, что она и Бонго теперь вместе, вот и все!

У Конана потемнело перед глазами. Зеленая полоса воды стала вдруг мутно-бурой. Небо придавило затылок, словно чугунная крышка гигантского котла.

Он уткнулся лицом в песок и стиснул зубы. Когда спазм мучительной тоски чуть ослабил хватку на его горле, он тихо попросил:

— Расскажи мне, как это случилось.

Девочка долго молчала.

— Мы с Алменой следили за всем, что происходит с тобой, — неохотно начала она. — Вернее, я просто следила, помогала ей увидеть то, что без меня она бы не сумела увидеть, а Алмена... Алмена почти полностью соединила свою душу с твоей душой. Я не могу объяснить, как именно это бывает. Мало кто умеет это делать, но она могла... Я очень испугалась за нее и много ругалась с ней. Называла безумной и другими обидными словами, но она не слушала... Ты умирал. Черный Слепец убивал тебя. Но Алмена не захотела отдавать тебя смерти.

— Но почему же она сама, сама!.. — в отчаянии крикнул киммериец.

— Очень трудно было вырвать тебя из его лап. Черный Слепец очень большой. От боли он стал совсем неистовым. Нужно было много сил. Она отдала все, что у нее были, и на себя сил у нее не осталось.

Девочка замолчала.

Конан тоже молчал. Больше всего на свете ему хотелось не подниматься никогда больше. Все время лежать так, уткнувшись лицом в песок, зажмурив глаза, не вспоминая, не думая...

Конан не знал, сколько он пролежал так. Время остановилось.

Он очнулся от того, что маленькая детская рука теребила его за плечо.

— Что тебе? — спросил он, поворачивая голову и открывая глаза.

Девочка что-то протягивала ему в ладошке. Присмотревшись, Конан увидел, что это был округлый золотистый кусок янтаря. Маленький жук с зеленым отливом надкрылий навечно застрял в нем.

— Ну и что же?.. — спросил киммериец.

Девочка сжала пальцы. Какое-то время она держала янтарь в кулаке, затем снова раскрыла ладонь. Янтарь расплавился, растекся у нее по коже. Жук зашевелил лапками. Взяв тоненький стебелек, девочка принялась осторожно помогать жуку выбираться из липкой прозрачной массы.

Конан смотрел, как оживший жук медленно пополз по ее ладони, затем по запястью, по загорелому худенькому предплечью...

— Куда же ты теперь собираешься отправиться? — спросила девочка, посадив жука на бледно-лиловое соцветие вереска.

Киммериец неопределенно пожал плечами.

— Кажется, ты хотел помочь своему приятелю, — напомнила она.

— Да, Шумри... — кивнул Конан. — Он влип в какую-то переделку и вряд ли выпутается без меня.

— Он выпутался, — сказала девочка. — Когда этот смешной чудаковидный обиделся на меня из-за моей шутки, я решила, что он совсем скучный, совсем непутевый. Оказалось, это не так. Сейчас у него все хорошо.

Конан почувствовал растерянность и никому на свете ненужность. Куда же ему теперь, раз у Шумри все прекрасно? В Кеми, разрабатывать план ограбления пирамид?.. Возможно, когда-нибудь это занятие вновь покажется ему захватывающим и интересным, но только не сейчас.

Взглянув на его обескураженный вид, девочка тихонько рассмеялась.

— А разве нельзя навестить его просто так? Просто, чтобы взглянуть на счастливого человека?..

— Неплохая мысль, — согласился Конан, подумав. — Счастливым человек — довольно редкое зрелище.

Девочка неодобрительно нахмурилась, имея на этот счет свое мнение, но спорить не стала. Встряхнув спутанными волосами, она поднялась с песка.

— Надеюсь, у меня получится с первого раза, — сказала она с сомнением в голосе. — Тебе не придется скакать взад-вперед, как бедному твоему Шумри.

— Счастливому Шумри, — бездумно поправил Конан, поднимаясь за ней следом.

Драка кончилась слишком быстро. Лишь четверо корчились на земляном полу таверны, выплевывая зубы, да еще один тихо сидел под столом, клевал разбитым носом в ладони, стараясь унять кровь. И тут появились стражники, два десятка. Неспроста появились, не иначе навел кто-то. Люди светлейшего Эдарта не имели обычая соваться в подозрительные заведения Пустыньки без особой на то надобности. Сегодня надобность, видать, была немалая, если два десятника, брюхатый Аббас по прозвищу Выбей Зуб и тощий Уруб, обладатель знаменитого на весь Шадизар длиннющего носа, притащили в воровской квартал своих толстопузых вояк — с копьями, щитами и мотками веревок у пояса.

Они вихрем влетели в дверь как раз в тот момент, когда Конан прикидывал, как бы половчее врезать пятому молодцу из компании, которая сумела-таки разогнать мутную одурь его похмелья и втянуть в махаловку. Тоже неспроста. Уж очень они старались: сначала корчили ему из-за своего стола гнусные рожи, перешептывались, подталкивая друг дружку локтями, похохатывали. Странные людишки, неизвестные. Похоже, рвань какая-то из предместий. Иначе как объяснить такое нахальное поведение? Киммериец, хоть и недавно появился в славном Шадизаре, но известен был уже не только в Пустыньке, но и далеко за ее пределами. Ну, может, не во всем городе, но по эту сторону Большого Канала — точно. Да и возле Восточных Врат, где селится люд побогаче, тоже.

Конана мучила неудержимая икота и полное отсутствие денег. Тааз-ака, духанщик, поднес, конечно, стаканчик в счет будущих услуг, но это дело не исправило. На душе было паршиво. Тем паче, давеча золотишко ускользнуло прямо из рук. Слышал, как говорится, звон... Что за собаки, Нергал их заberi, у этого Флатуна? Разве Митра сотворил собак не для того, чтобы лаять, отгоняя воров? Нет, эти твари таились молча, а когда оставалось лишь протянуть руку и взять — на тебе! Ладно, одну он задушил, сломав шею, вторую проткнул ножом... Но их было десять, а может быть и двенадцать, здоровенных туранских мастафов, черных, как ночь, разъяренных, как быки, которым под хвост насыпали. Еще две остались лежать у забора, но в доме уже зажигали огни, и пришлось уносить ноги.

Он потратил последнюю пару золотых в самой грязной таверне Пустыньки. Этого хватило, чтобы опустошить

запасы Тааз-аки на две трети и получить на остаток ночи грязненькую девчонку, к которой в другое время Конан не подошел бы и на полет стрелы. От девчонки пахло чесноком и дешевыми духами, которыми она, видимо, поливалась вместо того, чтобы мыться. Впрочем, неудачливому вору было все равно: напился он весьма изрядно.

Понятно, что творилось в юной душе киммерийца, когда наутро он появился в кривобоком зале таверны. Выпив поднесенный вкрадчивым духанщиком стаканчик, он тут же высказал все, что думает по поводу качества его вина, присовокупив, что тех, кто держит подобное пойло, следует давить в чане вместе с паршивыми ягодами, сорванными не иначе как с дерева, растущего на могиле самоубийцы. Тааз-ака заискивающе улыбнулся и побегал за следующей порцией.

Пока он отсутствовал и случилась молниеносная драка. Видит Митра, не хотелось Конану махать кулаками, а случилось это редко, очень редко. Но уж больно старались неизвестные людишки, прямо-таки из кожи вон лезли. Когда наскучило корчить рожи, приблизились валкой походочкой, поигрывая рукоятями ножей, и разом загоготали, словно увидели перед собой невесту что смешное.

— Чего ржете? — не слишком злобно спросил Конан. — В морду захотели?

— Ой страшно мне, — глумливо заголосил рябоватый человечик в широких шароварах и цветастой безрукавке на грязном теле, — ой побьет он нас! Сила твоя велика есть, отец доблести, краса четырех царств, не изволь гневаться, изволь слово молвить...

— Валяй, — разрешил киммериец, — только покороче, а то языком подавишься.

Он оставил свой пояс с ножом и свинцовой гирькой в комнате, где ночевал, но это обстоятельство нисколько его не беспокоило, хотя людишек против него стояло не меньше десятка. Хилые людишки, можно сказать, плевки зловонные. Киммериец испытывал нечто вроде вялого любопытства: чего нарываються?

— А правда ли, — ерничал дальше рябоватый, — что в твоей Киммерии, о волк свирепости, жрут сырое мясо, поливая его для вкуса мочой?

Если бы Конан успел принять второй стаканчик, этот вопрос оказался бы последним в приятной беседе, но тошнотворная муть и ломота во всем теле склоняли варвара к необычному терпению.

— Правда, — отвечал он, рыгнув в лицо собеседника, — сдят печень врагов и поливают ее тем, что не держится в брюхе у трусов, подобных тебе. Очень вкусно. Сейчас Тааз притащит кусок тухлой конины, ты на нее помочишься, а потом сожрешь, чтобы убедиться.

— Я же только спросил, — застонал с притворной жалостью рябоватый, — но если ты не ведаешь, как стоит разговаривать в культурных местах, мы напомним тебе, шакал, что ты не в своей дикой Киммерии. Пощекочем немножко, может, рассмешим...

С этими словами он потянул из-за пояса нож.

Если бы Конан желал продолжить беседу, он объяснил бы этому недоноску, что нож надо не тащить, а выхватывать, если, конечно, ты собираешься воспользоваться им всерьез. Но киммерийцу уже наскучили словопрения, поэтому пускаться в объяснения он не стал, а просто засветил рябому промеж глаз и тут же пнул кого-то еще под дых. Людишки загалдели, бестолково размахивая ножами, перепрыгивая через падавших под ноги сотоварищей...

Однако развернуться Конан не успел — ввалились стражники. Успевший очухаться рябой сразу же пополз к ногам десятника Аббаса и, лобызая украшенный бисером сапог, стал громко жаловаться на мужлана, каковой набросился на них, честных и законопослушных, не иначе взбесился... Выбей Зуб пнул его под ребра и коротко бросил своим людям, кивнув в сторону киммерийца: «Вяжи!»

Конан не стал дожидаться, пока разевшиеся на казенных харчах блюстители порядка отцепят свои веревки. Подхватив лавку, он запустил этим снарядом в гущу стражников, вызвав среди них шумный переполох, потом вскочил на стол, ухватился за стреху, качнулся и выбил голыми пятками квадратный щиток, прикрывавший лаз на крышу. Лазом этим пользовались не часто и знали о нем лишь самые доверенные люди.

Внизу горестно завопили, и Конан услышал, как толстый Аббас прокликает какого-то Наззира, не ведавшего, очевидно, что выйти из духана можно и через потолок. Решив, что Наззир, кто бы он ни был, несомненно созрел, чтобы слопать собственные кишки, киммериец припустил по крышам.

Дома здесь тесно лепились друг к другу, так что бежать было легко и привычно: юный варвар давно прознал эту дорожку, позволявшую, если нужно, пересечь почти всю

Пустыньку из конца в конец, не спускаясь на землю. Единственным препятствием были неглубокие овраги, рассекавшие воровской квартал и используемые местными жителями в качестве сточных канав. Однако имелись места, где над этими зловонными ущельями заботливо перекинута были доски, и знающему человеку овраги путь не заграждали: давай, Митра, только ноги!

Ноги у молодого варвара были в порядке и ни разу его не подводили. Киммериец легко перебежал по доске на плоскую крышу лепившегося к краю оврага строения и... застыл в изумлении. Дальше пути не было. Часть дома по неизвестным причинам рухнула, образовав внизу груды довольно острых обломков, так что прыгать вниз было довольно опасно, тем более без обуви. Конан уже собирался вернуться и поискать другую дорогу, когда услышал топот и яростное сопение. Бухая сапогами, к доске приближались пятеро стражников, предводительствуемые десятниками.

Они остановились на той стороне оврага, и тощий Уруб недоверчиво попробовал ногой доску.

— Иди первым, — просипел Выбей Зуб, запыхавшийся от бега, — ты самый легкий.

— Сейчас, — буркнул Уруб, убирая ногу, — он, значит, по доске с той стороны вдарит, а я, значит, нырну... Отмывайся потом.

Толстый Аббас горестно воздел руки и заголосил тонким женским голосом:

— О горе мне, о я несчастный, что за люди у меня, за что наказываете меня, боги! Подумай, подумай, Уруб, шакалий сын, что скажет светлейший Эдарт, если мы не поймает киммерийца!

— Сам шакал, — откликнулся Уруб мрачно, — и думай сам, ты тут главный.

Конан с удивлением прислушивался к разговору десятников. Вот так на, выходит его скромная персона заинтересовала самого главу городской стражи! Кто бы мог подумать. Хотя числится за ним не столь уж мало, но чтобы стражники бегали по крышам Пустыньки, рискуя свернуть шею или нарваться на развеселых обитателей, которым сам Сет не брат... Такого еще не бывало!

— Эй, юноша! — сладко позвал с той стороны Выбей Зуб. — Зачем бежишь? Поговорить надо!

— Говори, — Конан присел на край крыши, готовый в любой момент отправить доску на дно оврага. — Только учти, один сегодня говорил уже. Зубы потом свои съел.

Аббас начал было багроветь, но взял себя в руки. Очень ему не хотелось объясняться со светлейшим Эдартом. Сей Эдарт, как поговаривали, никогда не повышал голоса, а палачи в подвале его дворца и вовсе были немymi. Что творили в подвалах с провинившимися, один Бел ведает, только в двух днях от Шадизара видели некоторые селение, где на полном казенном содержании доживают век многие бывшие стражники. Слепые, безногие, с отрезанными ушами и языками... Ловкач Ши Шелам утверждал даже, что сам Эдарт когда-то был вором, а посему отводит теперь душу, но прохвосту Ши верить, конечно, было трудно.

— Не надоело ли тебе, резвоногий северянин, скитаться в закоулках Шадизара подобно псу бездомному? — вещал Аббас, притоптывая от возбуждения мягкими сапогами. — Не наскучило ли чистить закрома почтенных граждан, рискуя своей молодой жизнью? Собаки у многих злы, стрелы калены, а слуги готовы забить дубинками кого угодно...

— Что-то не слишком ловко у них это выходит, — проворчал варвар, стараясь понять, куда клонит десятник и отчего помянул собак: узнал ли о вчерашнем походе или так, к слову пришлось.

— Воистину, ты ловок и силен, — разливался Выбей Зуб, — а подобные люди дорого стоят, если, конечно, найдут правую сторону и высокого покровителя. Глядишь, послужа усердно, обретешь покой и довольство, содержание обретешь достойное, невольниц молодых, горячих. Чего бегать-то? Ступай на службу к Эдарту, как сыр в масле будешь кататься!

Туман рассеялся, все стало ясно. На службу, как же! Лучше бы сказал «в рабство», караваны охранять или подати из селян выколачивать. Пойманным преступникам, кто посильней да половчей, частенько заменяли подвал «верной службой» — с клеймом на левом плече, с дюжими костоломами в качестве командиров. Кровью, так сказать, вину искупить, по милости Эдарта и присных. Глупцы эти вшивые в духане и не ведали, как их подставляли: окажись при Конане меч или, на худой конец, нож, выбитыми зубами не отделались бы. А тут и доблестная стража: пожалуйста бритесь! Повязали бы за множественное убийство, и — прощай свобода. Ублюдки.

— Ублюдки вы, — сказал Конан, поднимаясь. — И катаетесь не как сыр в масле, а как дерьмо в нужнике. Псы поганые.

Аббас даже хрюкнул от досады, а тощий Уруб принялся размахивать саблей и пинками подгонять своих толстопузых к доске: вперед, мол, во имя Зафа, Бела, Иштар и кого там еще... Толстопузые полезли на узкий мостик, потев от страха. Впрочем, потеть им пришлось недолго: Конан легко толкнул доску, отправив стражников на омовение в зловонное чрево оврага.

— Матерью клянусь, поймаю тебя и язык твой поганый вырежу! — заорал Аббас в бессильной злобе, безобразно брызгая слюной. — Ослиный помет жрать заставлю!

— Сначала достань его из своего брюха, — отвечал Конан, неторопливо удаляясь от края крыши.

Он сделал не более трех шагов, когда кровля под ним провалилась, и с ужасными ругательствами варвар полетел в душное пыльное нутро дома.

Зрелище, представшее его глазам, когда пыль рассеялась, было достойно изумления. Довольно большая грязная комната с рухнувшей восточной стеной содержала множество разнообразного хлама: горшки с отбитыми ручками, треснувшие кувшины, груды какой-то полуистлевшей материи, кипы рваных халатов, искалеченная с непонятной жестокостью мебель, большой оловянный таз с огромной дырой в днище, облезлое чучело макаки без глаз и даже пробитая во многих местах ржавая аквилонская кираса — явно мишень с какого-то стрельбища. Посреди этого великолепия распростерся ниц тощий человечек в засаленных обносках. В руке он судорожно сжимал приличного вида медный сосуд с двумя горлышками.

Конан приземлился на тук слежавшегося тряпья, так что падение не вызвало особых неприятностей. Он отряхивал с туники пыль и приставшую солому, когда человечек оторвал лицо от никогда не чищенного пола, взмахнул ручками и закричал дурным голосом:

— О величайший из дивов, о владыка сил земных и небесных! О отрада ничтожных, в прахе пресмыкающихся! Сжался надо мной, дозвожь припасть еще хоть разок к источнику твоей мудрости!

— Ты, что ли, Ловкач? — удивленно спросил Конан, распознав в человеке своего приятеля Ши Шелама. — Чего орешь и кто тут, хвост Нергала тебе в плотку, див?

Ши растерянно глянул на сосуд в своей руке, потом на варвара и стал безумно вращать зрачками.

— Кончай придуливаться, — гаркнул киммериец, — отвечай, когда спрашиваю!

Ши сразу успокоился и принял свой обычный хитроватый и в меру подобострастный вид.

— Привет тебе, тигр моего сердца, — сказал он. — Прости дурака, думал, снова этот вылез.

И он помахал своей медяшкой.

— Что ты тут делаешь? Что за дом такой, почему рухнул, откуда барахло? — со свойственным молодости нетерпением Конану желалось узнать обо всем сразу.

— Дядька у меня помер, прими Нергал его душу, — печально сообщил Ловкач Ши. — Старьевщиком был, наследство вот оставил. Стал я разбирать вещички да радоваться, какая-никакая, а все ж прибыль, если, конечно, купит кто. Глядь — сосуд этот медный, почти что новый. Ну, думаю, его-то продам, Бел свидетель. Присмотрелся — горлышко у него какой-то дрянью замазано. Дай, думаю, проверю, что внутри-то. Сковырнул, а он вылезает...

— Див?

— А кто ж еще под печатями таиться может? Дым повалил, вонища... Гляжу — сидит, ус крутит.

— Что-то не слыхивал я, чтобы нежить усы крутила, — удивленно пробормотал киммериец. — Хвосты, сказывают, бывают у них, крылья там, но чтоб усы... Врешь, небось?

— Да провалиться мне на этом месте! Да сожрут желудочные черви мне брюхо! Да...

— Ладно, валий дальше, — прервал варвар поток клятв, которые, как все знали, Ловкач Ши легко раздавал направо и налево при всяком удобном и неудобном случае.

— Чего дальше? Испугался я, душа в пятках, нос в росе... Сидит див на клубе дыма и ус крутит. Я-то всегда считал, что демоны эти служат тем, кто их освободит из заточения, уважение спасителям выказывают... А этот — ни здарсьте тебе, ни еще чего — сразу спрашивает: где тут, говорит, дочерь человеческую сыскать можно? Очень, говорит, я изнемог за семьсот годов без дочерей человеческих... И еще червем обозвал.

Конан задумчиво поскреб затылок. Он не исключал, что Ловкач просто над ним потешается. Правда, поверить

в это было трудно: не стал бы Ши играть с огнем и шутить такие шутки...

А наследник старьевщика продолжал свою удивительную повесть. По его словам выходило, что див этот был весьма охоч до дочерей и во времена оны погубил их несть числа. Да нашелся на уголь ушат воды: погорел демон на женском коварстве. Раз решил он овладеть некой женщиной, хоть и селянкой, но красивой и смышленной. Принял, как водится, человеческий облик, и не чей-нибудь, а ее собственного мужа. Муж по ту пору возвращался домой из гостей, изрядно набравшись. Демон пристал к нему на перекрестке трех дорог и явился пред очи супруги. Та, видя такое затруднение, сразу смекнула, что к чему. «Один из вас, — говорит, — не мой муж, а кто настоящий, в толк не возьму». «Я!» — заявляет див нагло. «Я», — икает супругник, не совсем понимая, в чем, собственно, дело. «Это затруднение разрешить просто, — говорит хитроумная селянка. — Мой настоящий муж всегда умел пролезть где угодно, да вот хоть в этот сосуд с двумя горлышками: в одно, бывало, просунется, из другого выйдет». Ну, дивы, они, как всем известно, туповаты. Усатый демон тут же нырнул в сосуд, а женщина, не будь дура, запечатала его воском, а потом еще и смолой обмазала.

— Этого замазала, а своего отмазала, — заключил Ловкач Ши, — не возьму лишь в толк, почему это умная женщина предпочла какого-то пьяницу, а не духа, который мог бы ее озолотить.

— Дурак ты, Ши, — снисходительно объяснил киммериец, — всем известно, что духи коварны и, суля золото, норовят погубить душу.

— Вот-вот, — охотно согласился пройдоха Шелам, — и этот меня надул, да запечатает его кто-нибудь в бочке с нечистотами...

Он тут же опасливо оглянулся и быстро дернул себя за мочку уха — жест, отгоняющий, согласно древнему поверью, нечистую силу.

— Тебя надуешь, — проворчал варвар. — Интересно узнать, как ему это удалось?

— А вот так, — горестно закивал крысиной мордочкой Ловкач, — сказал, что зарок ему — выполнить одно мое желание, с тем и свободен. Одно! Да у меня желаний, что камней на дне реки. Нет, говорит, выбирай единственное, да поживее, очень дочерь человеческую хочется. Слез со своего облака, к окну подбежал, увидел какую-то красотку

задрипанную и аж засветился весь, что огонь на болоте. Я себя по лбу хлоп да возопи: умишка бы мне, убогому, быстро бы желание выбрал! А он и рад: ага, говорит, желаешь ума, будет тебе ум. Надолго дать не могу, размеры твоей головы, говорит, не позволяют, но на три дня — пожалуй. Хлопнул в ладоши и пробурчал что-то. А потом как сиганет в окно — стену обвалил и пристройку еще. Эх, пропал домишко, кто теперь купит!

Он замолчал и обиженно уставился на Конана. Конан хохотал, да так, что труха сыпалась с потолка и тоненько позванивала аквилонская кираса.

— Кром! — ревел варвар, сотрясаясь всем телом, — Бел и Ингар! Вот так история, вот уж пожелал, так пожелал! Как же ты, дурья твоя башка, проверишь теперь, дал он тебе ума или не дал?! Умру сейчас...

— Вот и я думаю — как? — печально молвил Ши Шелам. — Сiju тут, мысли какие-то в голову лезут... Про верблюдов, золу и материю... Ну, положим, ткань, хоть и подпорченная, есть, но при чем здесь верблюды и, тем паче, зола? А, киммериец?

Конан почуствовал, что сейчас задохнется. Он еще спрашивает! Раньше спрашивать надо было...

— Печально мне стало, — продолжал Ловкач, которого не так уж часто надували, — потер я лампу, думаю, может кто еще там есть. Тут шум, грохот, явление небесное: ты прилетел.

Он вдруг поднялся, откинул руку и произнес нараспев:

Кто не рожден, а сам собой возник
И раньше света в этот мир проник?
Кто до того, как землю посетил,
Так ловко дива в сети захватил?

Ловкач изумленно замолчал и провел грязной ладошкой по лицу, словно желая удостовериться, что это его губы сложились, чтобы произнести чудные слова. Сроду он не знал ни одного стихотворения и понять не мог, откуда вылезли эти строки.

Конан в растерянности уставился на приятеля.

— Кром, — выдавил он наконец, — выходит, див кое-что тебе подсунул. Другой вопрос: что в сем проку?

— Можно читать на праздниках, — неуверенно предположил Ловкач. — Суфеи читают и в шапку денежку берут.

— За три дня много не начитаешь, — буркнул варвар, — да и рожа у тебя не суфейская. С такой рожей

только на одном помосте выступать можно: на висельном. А ну-ка, поройся у себя под черепушкой, может еще что сыщется.

Ловкач закатил глазки и подумал. Потом возвестил:

«Укрывшись в океане, вместилище вод, приступили они к уничтожению тройственной вселенной. Каждую ночь, разъяренные, пожирали они подвижников, обитавших в пустынях и славных святилищах. И явилось тут трехглавое, девятиглазое, трехликое, шестирукое сверкающее существо с волосами, горящими, как солнце...»

— Спят ты, — с сожалением сказал киммериец. — Смотри не ляпни что-нибудь такое прилюдно: камнями побьют и из града погонят. Или запрут в скорбный дом и водой холодной поливать станут. Пока не очухаешься.

— А, пустое, — Ши Шелам беспечно махнул ладошкой и уселся по-турански на пол. — Пришло мне в голову, о достойный сын своего отца, что не худо бы заняться торговлей, делом почтенным и весьма прибыльным. Ибо занятие сие издавна служит к пользе и взаимному удовольствию как продающих, так и приобретающих, а также ко всеобщему процветанию государств и народов, их населяющих...

— Сдается мне, див привесил тебе лишний язык, — прервал его киммериец, — ты можешь сказать толком, что задумал?

— Толк толку рознь, о внимательный юноша, — значительно молвил Ловкач Ши, который еще недавно умел более-менее складно говорить лишь со скупщиками краденного да крашеными девками, — и не всякий усмотрит его там, где он есть. Я же, со свойственной мне проницательностью, усматриваю толк в вещах на первый взгляд весьма обыденных...

— Сейчас ты получишь от меня обыденную вещь, крысеныш, — пообещал Конан. — Затрещину хорошую...

— Свое убежище покинула она, не видел зрелища я горше и грустней... — со скорбной миной нараспев произнес Ши Шелам и тут же, заметив, что киммериец приподнялся, протестующе выставил вперед ладонь.

— Не гневайся, о нетерпеливый юноша, позволь изложить тебе несколько мыслей, могущих показаться весьма небесполезными...

Когда Ловкач кончил излагать, Конан понял, что див засунул под немытую шевелюру его приятеля гораздо больше, чем можно было надеяться. Более всего привле-

кало, что хитроумный план Ловкача, суливший бескровное изъятие немалых ценностей у некоего содержателя постоянного двора возле Северных Врат, предполагал недолгую отлучку из Шадизара, а это было сейчас кстати, если принять в расчет давешний бег по крышам. И хотя некоторые сомнения оставались, душа молодого варвара, склонного к всевозможным авантюрам, уже рвалась на простор...

* * *

Солнце ласково тронуло веки киммерийца, и он проснулся. Ши Шелам посапывал рядом, свернувшись калачиком и подложив под щеку немые кулачки. Конан с наслаждением потянулся, напялил сапоги и аквилонскую кирасу, которую вчера, поелику возможно, начистил мелом, потом толкнул приятеля в бок. Ши зачмокал губами, махнул ладошкой, словно комара отгонял. Однако досмотреть утренние сны ему не удалось: варвар тряхнул его за шиворот, и Ловкачу пришлось вернуться из царства грез на землю.

Они ночевали возле древнего могильника под навесом скалы, вверив повозку с товаром попечению двух тощих каменных идолов с полустертыми временем и ветрами лицами. До селения Усмерас, куда лежал их путь, оставалось совсем немного, но к вечеру пошел густой дождь, с дырявого полога потекло за шиворот, и приятели решили переждать непогоду. Поужинали пресными лепешками, запив остатками кислого вина из ветхого бурдюка, и улеглись.

— Места, подобные сему, хороши тем, что отваживают воров мрачностью и зловещими сказаниями, — глубоко-мысленно произнес Ши напоследок. — Духам же, ежели таковые здесь водятся, наш товар ни к чему.

— Ладно, умник, — проворчал Конан, — спи давай. Повозку отсюда видно, пригляжу.

Но он проспал всю ночь под затихающий шум дождя, так ни разу и не проснувшись. И то сказать: какой дурак попрется по непогоде к могильнику красть штуки полустлевшей материи? А нежить Конан нутром чуял и был спокоен: не было здесь нежити.

И все же дурак нашелся. Когда утром они подошли к повозке, обнаружили, что весь их товар пропал. Не было и мула, тощего и слепого на один глаз, которого приятели

выменяли в Шадизаре на чучело макаки у какого-то чудака.

— Ленивый вор, однако, — растерянно сказал Конан, — мог бы заодно и повозку слямзить.

— Не ленивый, а умный, — поправил Ши, — осит-о у нас скрипучие, вот он и смекнул, что может разбудить хозяев. Смышленный воришка.

Он не стал упрекать киммерийца: проспал и проспал, что теперь делать.

— Что делать будем, умник? — спросил Конан.

Ши поднял свои узкие глазки к солнечному небу и задумчиво поковырял в носу.

— Во всей округе только одно селение, Усмерас, — сказал он. — А значит, воры были оттуда. Отправимся туда и вернем нашу собственность.

— Ну что ж, — согласился киммериец, деловито поправляя кинжал на поясе, — это лучше, чем твоя торговлишка. Признаться, мне уже наскучило быть купцом. Вот только объясни мне, источник мудрости, как ты собираешься искать свое барахло? Или мы станем ходить по домам и спрашивать: кто спер материю, кто этот негодный проходимец? А что если воры были не из Усмераса, и наш косой мул путешествует сейчас куда-нибудь еще?

— Да на кой ляд серьезным людям такая пакость?! — искренне изумился Ши. — Материальчик-то весь мошь поела... Нет, тигр моей души, это был кто-то из местных селян. Отправимся же в путь, а по дороге что-нибудь я придумаю. Видать, мой ум еще не отошел ото сна, надо погреть голову на солнышке, глядишь...

— Не напрягайся, — прервал его Конан, — вон топают суфей, а у суфеев, как всем известно, ума побольше, чем на три дня. Спросим у него совета.

Действительно, по каменистой дороге к могильнику приближался худой человек в полосатом халате, подпоясанным малиновым кушаком. На голове путника красовался оранжевый тюрбан с маленьким перышком, в одной руке суфей держал резной посох, другой прижимал к впалой груди объемистый деревянный футляр. За спиной у него висела тощая котомка.

— О горе, горе мне, он строен и высок, у мрачных скал стоит, сжимая свой клинок... — пробормотал вдруг Ловкач Ши, раскачиваясь, словно в трансе.

— Кто? — не понял киммериец.

— Ты, о барс северных снегов, — быстро проговорил Ши, оглядываясь по сторонам. — Пришло мне на ум, что не стоит нам обременять достойного мудреца расспросами... Пришло мне на ум, что стоит нам позаимствовать у него одежду, посох и свиток.

— Ограбить суфея?! — Конан был искренне изумлен. — Солнце слишком напекло твою голову! Я, конечно, не особо чту местные обычаи, но если в Шадизаре узнают, что мы напали на бродячего мудреца, нас не поймут даже самые отпетые негодяи Пустыньки.

— Я ведь не сказал «ограбить», я сказал «позаимствовать». Предоставь все мне, недоверчивый юноша. Только стой сзади и гляди мрачно.

Они спустились от скалы к дороге и подождали, пока путник приблизится. Суфей глянул на них мельком, пробормотал слова традиционного приветствия и намеревался следовать дальше, но Ши Шелам выступил вперед и заговорил сладким голосом:

— Привет тебе, о достойнейшей из достойных, привет тебе, светоч знания и родник справедливости, дозвошь осведомиться, о изумруд учености, куда держишь ты путь свой?

На костистом лице суфея мелькнуло удивление. Он остановился, оглядел замухрышку Ши от макушки до босых пяток, погладил длинную бороду и отвечал:

— Во имя Митры милостивого держу я свой путь в селение Усмерас, откуда получил приглашение справить там суд согласно обычаям народа нашего. А вы, добрые люди, кто будете и по какой надобности остановили свою повозку в местах, не пользующихся расположением светлых богов?

Он быстро глянул на молчащего варвара и тут же отвел взгляд.

— А будем мы шадизарскими ворами, — все так же елеинно проворковал Ши Шелам, — служителями Бела будем мы, о достойнейший.

Суфей поудобнее перехватил свой тяжелый посох и снова зыркнул на киммерийца. Потом, сделав постное лицо, заговорил:

— Благодать Митры простирается и над падшими, свет Его согревает души заблудшие, подобно семенам, брошенным в мерзлую землю. Ежели вы хотите испросить через меня, недостойного слугу Его, отпущение...

— Отпущение нам, конечно, не помешает, — прямо-таки пропел Ши, — но испросить хотим мы, сирые, одежду твою, посох твой и свиток. Такая вот у нас надобность.

Лицо мудреца помертвело. С плюгавым нахалом он справился бы без особых усилий, но вот его спутник, человек явно дикий и, возможно, незнакомый с местными обычаями, представлялся гораздо большим затруднением.

— А ведомо ли тебе, гусеница, — гаркнул мудрец, стараясь придать голосу побольше устрашения, — что суфейский посох способен поражать нечестивцев, коими вы, как вижу, являетесь, Силой Небесной?!

— А ведомо ли тебе, о яхонт добромудрия, что существуют в мире воины столь закаленные, что не страшны им ни стрелы, ни копья, ни магические молнии? — уверенно парировал Ловкач. — Погляди на броню этого достойного юноши: она пробита во многих местах, но на теле его не осталось ран, могущих повредить его драгоценному здоровью. Хочу еще заметить, что сей воитель ни слова не понимает по-нашему, а явился он оттуда, где каждый берет себе, что ему захочется. И потом, кто тебе сказал, что мы собираемся учинить разбой? Мы воры, а не грабители, и дело, кое совершить намерены, угодно богам...

— Как прикажешь тебя понимать? — несколько растерянно спросил мудрец.

— Видишь ли, — деловито принялся объяснять Ши Шелам, — я, хоть и вор, но грамоту ведаю, так как собираюсь податься в ученики к какому-нибудь достойному суфею. Да вот хоть к тебе, если соизволишь. Прочел я в Заветах Митры, коим следуют все суфеи, равно как и мудрецы запада: «Что принадлежит одному, принадлежит всем», прочел и задумался. Выходит, все эти нобили, купцы и прочая жирная публика живет не по-божески. Не хотят они делиться с ближним и все тут. И заключил я в сердце своем, что стану служить верой-правдой тому мудрецу, кто соблюдает Заветы, и служить буду к славе его. И открылось мне по милости богов, как сотворить сие благое дело...

Суфей уже смекнул, к чему тот клонит. Еще он понял, что может с честью вывернуться из передраги. Замухрышка на удивление умен и красноречив, его не переговоришь. Не драться же, в самом деле, с этими разбойниками! Тем паче, что посох-то самый что ни на есть обычный, если не считать железного заостренного нако-

нечника, но такое оружие против грозного варвара явно слабовато. А одежда — дело наживное...

— Одежда — дело наживное, — заливался тем временем Ловкач, — да не всякий с ней добровольно расстанется. Таковое деяние, соверши его кто, приведет души людей в восторг и умиление! Вот и мыслю я: ежели ты, о кувшин добродетели, поделишься с сирыми платьем своим, а сирые, придя, скажем, в Усмерас, станут рассказывать людям об этом духовном подвиге, не послужит ли сие к славе твоей? Не станут ли в другой раз люди охотно приглашать тебя на суд и праздники и щедро одаривать столь достойного во всех отношениях суфея?

Тут Конан, чтобы подавить душивший его смех, покашлялся и смачно сплюнул себе под ноги.

Суфей сделал вид, что обдумывает слова Ловкача, хотя для себя уже все решил.

— В твоих речах усматриваю я жемчужное зерно, — молвил он степенно, прикидывая, где будет ловчее снять платье без особого ущерба для собственного благочестия. — Объясни мне лишь, на кой ляд сдался тебе мой свиток?

— А как же! — воскликнул Ловкач. — Сказано в Заветах: «Жизнь человеческая коротка есть...» Вот и не стану я терять драгоценное время, а стану я денно и ночью припадать к источнику мудрости.

Старец пожевал тонкими губами, потом изрек:

— Хоть ты и невзрачен с виду, но смышлен и достоин обучаться у суфея. Я отдам тебе свою одежду, посох и свиток, а когда ты разгласишь о моем деянии в Усмерасе, можешь вернуться, и я возьму тебя в ученики. Буду ждать тебя под этой скалой три дня и три ночи.

И он величественно направился в сторону могильника, лелея слабую надежду, что этот чудак с большой дороги и вправду чего доброго решил просветиться и, чем Бел не шутит, захочет возвратить присвоенное.

Ловкач устремился вслед за суфеем, выражая невнятными криками свой восторг и благодарение Митре за то, что встретил наконец достойного исполнителя Заветов Его, и вскоре скрылся вместе со своим будущим учителем за скалой.

Когда он появился, Конану снова пришлось кашлять и плевать. Оранжевый тюрбан сидел на маленькой головке Ловкача, как горшок на огородном пугале, полы халата мели землю, а посох вздымался над головой на

добрых два локтя. Деревянный футляр с мудреным свитком Ши водрузил на плечо, а под мышкой его атели туфли с загнутыми носами, слишком большие, чтобы украшать собой грязные ноги шадизарского воришки.

Приблизившись, Ловкач передал это богатство варвару и в изнеможении утер со лба пот.

— Видит Бел, — сказал киммериец, даже не пытаясь скрыть свое восхищение, — подарок дива чего-то да стоит! Грабанули суфeya, но никто не скажет, что мы нарушили обычай не трогать этих словоблудов! Да старикашка и рад, поди, еще и прославиться. Будет сидеть здесь до изнеможения и ворон считать...

— Не говори так, друг мой, — печально молвил Ши Шелам, — всякая старость достойна уважения. Склоняюсь я, когда дело будет окончено, вернуть почтенному Куббесу его добро и навсегда удалиться с ним в пустыню, чтобы постигать Истину.

Варвар чуть не поперхнулся. Он уставился на Ловкача так, словно увидел рыбу, разгуливающую посуху.

— Ладно, — проворчал он наконец, — послушаем, что ты запоешь через пару дней, когда из твоей башки выветрится вся эта чушь. Сейчас-то что делать будем?

— Сейчас я нуждаюсь в твоей силе, о скала мышц. Следует погрузить на повозку каменных истуканов, стерегущих могильник, и отвезти их в Усмерас.

Воцарилась тишина, только где-то высоко в небе вовсю заливался жаворонок.

— Погрузить, значит, — зловеще проговорил Конан, сверля приятеля взглядом своих синих глаз, — погрузить и оттащить... Слыхивал я, что в скорбном доме некоторых умников не только водой ледяной окатывают, но и по-другому учат!

И он демонстративно глянул на свои мощные кулаки.

Однако это не произвело на Ловкача должного впечатления: он все еще пребывал в мечтательной задумчивости.

— Именно так, юноша, — сказал он, почесываясь под суфейским халатом, — иначе мы не сможем вернуть наше добро, выгодно обменять его, вернуться в Шадизар и заработать по мешку золота. Вот послушай...

Конан послушал.

Не успел бы кто поплотше и кубка осушить, а «скала мышц» уже вовсю ворочал каменных истуканов и грузил их на повозку. Идолы были не слишком велики, и весу в каждом было не больше, чем в двух мешках муки.

Потом, ухватившись за постромки телеги, он без особых усилий покатиł ее в сторону Усмераса. Ловкач, сославшись на недомогание, вызванное чрезмерными умственными усилиями, улегся в повозке, но этот груз и вовсе можно было не брать в расчет.

Последнее, что разглядел киммериец, впрягаясь вместо исчезнувшего мула, была худая фигура суфeya, торчащая, словно жердь, возле белой скалы. Из-под засаленных обносков, которые еще недавно красовались на Ловкаче, торчали кривые волосатые ноги. Мудрец простирал вперед старческие длани, не то благословляя, не то проклиная своих грабителей.

* * *

Ши Шелам заглянул в лежащий на коленях свиток и изрек:

— Хамнаар хамы чуве Кара дуне хамнаар чуве!

Под крышей сельского дома тридцать человек затаили дыхание, внимая мудрым словам.

Ловкач поскреб грязным ногтем по пергаменту и объявил:

— В переводе с магического это значит вот что.

О, горе, горе мне:
Проворен, как марал,
Тот недостойный вор,
Что мой товар украл!

— Кто, спрашиваю я вас, тот недостойный вор, что украл ткань у этого доброго человека?!

Взмахнув рукавом суфейского халата, Ловкач величественным жестом указал на стоявшего возле помоста со скрещенными на груди руками Конана.

Поднялся благообразный старейшина селения Усмерас, и, почтительно поклонившись, ответил:

— Мы не ведаем, о мудрый, кто обидел этого достойного юношу. Среди нас нет воров, мы люди тихие, законы и обычаи почитаем. Видать, пришлыми были тати ночные, не иначе горцы со скал Карлашских.

— Старший ты тут? — вкрадчиво спросил Ши.

Старик солидно кивнул.

— А коли голова седая, так нечего чушь пороть! Станут горцы бегать по равнинам да тряпки воровать, делать им больше нечего! Ваши прохвосты слямзили, провалиться мне к Нергалу!

Тут Ловкач понял, что несколько вышел из роли, и заговорил более влеречиво:

— Ответствуй, молодой купец, достойный всяческих похвал за усердие в деле своем, имешь ли ты свидетелей, кои могут разъяснить нам это темное дело?

— Имею, — сказал киммериец и сплюнул. — В повозке дожидаются.

Пока все шло как по маслу. В виду селения они с Ловкачом расстались, и варвар в одиночестве вкатил телегу на единственную улицу Усмераса. Над селением витал запах гари, среди домов темнело обширное пепелище: недавно здесь бушевал славный пожар. Зрелище не было неожиданным, слух о несчастье усмерасцев давно дошел до Шадизара, а сметливость, обретенная Ловкачом благодаря подарку дива, подсказала Шеламу, как использовать сие обстоятельство в целях корысти.

Конан дотащил повозку к дому старейшины, которому и заявил, что этой ночью у него украли товар, предназначенный на продажу, и он как честный и порядочный, хотя и начинающий негодант жаждет суда и справедливости.

Суд и справедливость явились вскоре в образе щуплого суфее, назвавшегося сподвижником мудрейшего Куббеса, каковой Куббес, захворав, отправил вместо себя в Усмерас достойнейшего из учеников своих. Халат, тюрбан, посох и свиток произвели должное впечатление, молодой суфее с причитающимися почестями был препровожден в дом старейшины, накормлен от пуза пресными лепешками и козьим сыром, а затем усажен на деревянный помост, покрытый облезлыми коврами, откуда селянам было объявлено, что их мелкие надобности откладываются на потом, а дело молодого купца будет рассмотрено незамедлительно.

— Ибо торговля есть основа всякого государства, и покушающийся на торговца покушается на устои, — заявил Ши, вызвав священный трепет в сердцах селян, знакомых с устоями через свирепых сборщиков податей и лошадей знати, вытаптывающих их чахлые урожаи во время многочисленных охот.

Ловкач распорядился собрать на суд ровно тридцать человек, не считая самого старейшины. Сейчас, услышав об имеющихся у купца свидетелях, все тридцать напряженно затаили.

— Какого они роду-племени? — спросил Ши.

— Роду они каменного, — отвечал Конан, как было условлено, — а племени идольского. Ночевал я возле

могильника, так что никто, кроме обветренных болванов, не видел вора.

Испуганный вздох понесся к скатам соломенной крыши.

— Привести! — распорядился Шелам. — То есть, я хочу сказать: принести!

Четверо селян были отряжены за идолами и вскоре вернулись, сгибаясь под их тяжестью. Истуканов уложили на помост, Ловкач, многозначительно выпятив нижнюю губу, склонился, их осматривая.

— Так, — изрек он, поковыряв ногтем каменный глаз, — допросим свидетелей. Говори, страж могильника, кто украл ткань?!

Сидевшие возле помоста полезли было назад, подальше от страшного. Кто знает этих суфеев, может они и вправду умеют оживлять истуканов? Однако, как и следовало ожидать, идол безмолвствовал.

— Не хочешь? — грозно насунился Ловкач. — Сейчас захочешь!

Он сунул свой острый носик в суфейский свиток и как бы прочел из него:

— Азаларым, четкерлерым! Арай-ла бээр, шала-ла бээр, Аштан-чемден чип-ле алгар Алынарже ченыптынар!

Помолчав немного и недоуменно глянув на по-прежнему немой камень, Ши незаметно почесался и добавил:

— Нет, не «ченыптынар», а «ченаптынынр»! Говори! Говори!

С этими словами он схватил суфейский посох и принялся колотить истукана так, что искры полетели. Он скакал и приплясывал вокруг идолов, выкрикивая какую-то несусразицу, лупил их по каменным бокам, призывал богов и духов, высоко подкидывая при сем полы халата, открывающие его тощие худые ноги, покрытые грязной коростой, приседал, горестно охал, лез носом в манускрипт, бормотал заклинания и лупил, лупил... Зрелище было столь забавным, что среди селян раздалась смешки, а потом покатились уже общий хохот.

Ловкач застыл с поднятым посохом и грозно глянул на собравшихся. Смех затих, словно все дружно воды в род набрали.

— Как?! — горестно воскликнул Ши. — Неуважение к суду? Да вы достойны самого сурового наказания! Тридцать ударов каждому вот этой палкой!

Старейшина в испуге простер руки к помосту и попытался замолвить словечко за неразумных сельчан:

— Помилуй, о ученик мудрейшего Куббеса...

— Тридцать пять ударов! — безжалостно сказал Ши.

— Но мы не...

— Сорок!

Стало так тихо, что слышно было, как вяло ползает по чьей-то лысине одуревшая от духоты муха.

— Ладно, — смилостивился наконец Ловкач, снова усаживаясь на ковер. — Учтите темноту вашу и необученность достойным манерам, повелеваю в качестве уплаты за смех принести сюда к вечеру тридцать штук аренджунской парчи или иного достойного материала — по числу присутствующих. Это послужит вам хорошим уроком.

— Помилуй, — робко встрял старейшина, — да где же мы возьмем столько материи?! Лавка у нас одна, но в ней давно пусто, торговцы у нас редко бывают...

— И тех не станет, если я расскажу, как вы тут купцов привечаете, — проворчал Ши Шелам. — Хватит болтать, подчиняйтесь решению суда! Тот, кто вернется с пустыми руками, получит сполна свои удары, а также суфейское проклятие силой этого магического жезла!

И он грозно потряс посохом.

Стеная и охая, селяне потянулись к выходу. Старейшине Ловкач велел призвать местных тяжущихся. Пока старик отсутствовал, они с Конаном обсудили положение дел. Все шло, как задумано: если расчет Ловкача окажется верен, то вскоре побитые молью штуки из дома старьевщика снова окажутся в их руках. И тогда можно будет обменять их на то, за чем они прибыли в Усмерас.

— Не пойму только, почему просто не взять, что нам нужно, — сказал киммериец. — Как-то упустил, зачем вообще надо было везти сюда материю. Разве местные олухи так уж держатся за эту дрянь?

— Дрянь не дрянь, — отвечал Ши, — а трогать ее, согласно обычаю, нельзя. К несчастью будто бы. Но, мыслю, здешние жители не устоят перед нашим предложением: как ни как прибыток, а то ведь ветер вскоре сдует...

Подобострастно кланяясь, вошел старейшина. За ним в дом ввалилась галдящая орава женщин, закутаных в цветастые ветхие платки, с чумазыми лицами и дешевыми монистами на шеях. Они толкались, стараясь перекричать друг друга и протиснуться поближе к помосту.

— Что такое? — испуганно вскричал Ши, который всегда побаивался «дщерей человеческих». — Зачем их сюда?!

— Так они вот, того... тяжущиеся... — пролепетал старейшина, боясь, что снова навлечет на свою голову гнев мудрого суфея.

Одна из женщин, довольно, должно быть, симпатичная, если ее хорошенько отмыть, упала перед Ши на колени и поцеловала полу его халата. Ши, сидевший на ковре по-турански, уперся в пол руками и отъехал на своей тощей заднице подальше, словно опасаясь, что она его укусит.

— О справедливый судья, — завела селянка на удивление низким голосом, — снизойди до нужд наших во имя милостивой Иштар...

— Нет-нет, — махнул Шелам на нее ладошкой, — во имя Иштар не могу. Это вне моей компетенции. Могу во имя Бела...

— Бела так Бела, — тут же согласилась истица, — он тоже, рассказывают, мудр да пригож. Рассуди, о почтенный суфей, нашу тяжбу к старейшинам нашим...

— Ого! — не удержался «почтенный суфей». — Высоко метишь, женщина!

— Да как же мне не метить, если старцы наши совсем из ума выжили, — сварливо зачастила селянка, усаживаясь поудобней на пятки. — Что творят, оканные! Дочка Хабишева, значит, на овине огонь запалила, а Нелжид этот напился раки и полез, значит, хвост шакалий, а она-то думала, что то не Нелжид вовсе, а Бабиль ейный, и ну ему в лицо лучиной тыкать...

— Постой-постой, — взмолился сразу одуревший от этого словоизвержения Ловкач. — Какой Бабиль? Какой хвост шакалий? И при чем здесь старейшины?!

— Да я ж говорю, — истица поправила платок, собираясь с мыслями, — думала дочка Хабишева, что Бабиль это, слышит, грузный кто-то карабкается, Бабиль-то тощий, что твой палец, а Нелжид, значит, толстый был, она глянуть-то решила, запалила лучину, а как рожу-то его увидела пьяную, спужалась да и обронила огонь. Огонь обронила, овин и займись. Овин займись, да и сгорел совсем, и Нелжид сгорел, а дочка Хабишева, значит, выскочила. Выскочить-то выскочила, да смотрит: и дом уже занялся. Она в крик, люди выбежали и за водой к колодцу. А нет там воды! Пять домов так и сгорело.

Сколько говорили старейшинам, что новый колодец рыть надо, из старого-то вода уходит, а они только плечи свои чешут да ворчат — долбежу, дескать, много, камни тут у нас, а не земля, работников с кирками нанимать надо. Самим-то нам кирок разве не купить? Так нет, жадность все ихняя, копят все на подати да подарки суфеем, а что ни попить толком, ни помыться, ни огненного петуха залить, так это им до места до одного...

— Ша! — рявкнул Ловкач таким голосом, что Конан одобрительно хмыкнул. — Уймись, женщина, или я велю бить тебя по пяткам, пока не посинеют! То, что ваши старейшины копят на подати, это мудро, а то, глядишь, понаедут сборщики да не такого петуха вам пустят. И подарки суфеем на празднике или суде — дело святое. Но и ты в чем-то права: негоже оставлять селение без воды. Что предлагаешь-то?

— А предлагаю я, о горшок знаний, назначить на его вот место, — она кивнула на помалкивавшего старика, — нас, женщин...

— Всех сразу, что ли? — не понял Ши.

— Зачем всех, — скромно потупилась истица, — возьми хоть меня — чем не умна да пригожа?

Но тут поднялся такой гвалт, что Ловкачу снова пришлось надирать горло, водворяя порядок.

Когда порядок водворился, судья поводит носом по свитку и объявил, что делу сему помочь можно, дело в общем-то плевое, если женщины считают себя умнее мужчин, то можно и им поведовать.

— А для того, — возгласил Шелам, — выполните вы, помогающие много, одно мое нетрудное заданье. Ежели увижу, что справились, то именем Бела назначу самуюмышленную в начальники. Устраивает?

Селянки хором подтвердили, что сие решение справедливо.

Ши пошептался со стариком, тот ушел и вскоре вернулся, неся в руках плетеную корзину, закрытую крышкой. В корзине что-то шуршало и ерзало. Шелам поводит над ней руками, пошептал, затем торжественно вручил истице и объявил поручение: трижды обнести корзину вокруг Усмераса.

— Крышку не открывать, — грозно добавил он, — зверь там сидит чудной, а видеть его не обязательно!

Женщины гуськом потянулись к выходу, торжествуя поглядывая на старейшину, тот же, когда помещение опустело, кинулся целовать руку Ловкачу.

— Благодетель, — лепетал старик, припадая, — отблагодарю, как есть отблагодарю!

— Мне ничего не надо, — отмахнулся Ши, — а вот ему мула дашь, ему еще обратно в Шадизар ехать.

— Можно одноглазого, — хмыкнул Конан, — я не обижусь.

Его донимало любопытство, и он потребовал у приятеля объяснений. Что за зверь? Отчего крышку не открывать?

— Да петух там, — устало отвечал Шелам, — обычный, не огненный. Одно меня тревожит: как бы эти девушки от своего любопытства не окривели...

Его опасения оказались не напрасны. Когда женщины вернулись, говорливости у них явно поубавилось, а та, что рассказывала про пожар, прижимала к щеке край своего платка. Все они опустили на колени, молча ожидая приговора.

— Где корзина? — грозно спросил Ши.

— Не гневайся, о справедливый, — робко молвила чумакая истица, не поднимая головы, — не удержались мы, одним всего глазком глянуть хотели, а оно как выскочит, как клюнет...

— Ах, не удержались! — завопил Шелам, вскакивая и замахиваясь посохом. — Вон, безмозглые! На грядки, к скотине, детей нянчить! Вон!

Визжа и сбивая с ног друг друга, женщины бросились к выходу. Когда они исчезли, старейшина сказал в полном восхищении:

— Воистину, ты самый наимудрейший из всех суфеев, кои за многие годы побывали в Усмерасе!

— Согласен, — почесываясь отвечал Ши, — так что с тебя два мула. А в следующий раз, когда бабы захотят поведовать, всыпь им хорошенько и не утруждай нас, обремененных более важными делами, своими ничтожными заботами.

К вечеру у ног «наимудрейшего из суфеев» выросла гора материи — тридцать плотно намотанных на деревянные валики штук, по числу украденных. Никто из опрометчиво смеявшихся пред лицом суда не осмелился вернуться пустым. Всем ведомо, чем чревато проклятие

суфейского посоха: недородами, кожными болезнями, мужским бессилием и ослиными ушами чревато оно...

Только в одном Ловкач ошибся: ткань была отличная, аренджунской выделки, совсем новая, купленная селянами втридорога у местного лавочника, который уже и не надеялся сбыть когда-нибудь это великолепие, сдуру завезенное им к не столь уж бедным, но крайне прижатым усмерасцам.

Так что судьба побитой молью материи старьевщика, равно как и кривого мула, навсегда остались неведомой.

* * *

День уже клонился к вечеру, когда запряженная двумя крепкими мулами повозка подъехала к воротам Шадизара. Трое стражников скучали на своем посту: в этот час желающих войти в город было не слишком много. Завидев повозку, начальник караула, красноносый малый с круглым лицом, бряцая саблей, выступил вперед и поднял руку.

— Стой, кто бы ты ни был, и отвечай без утайки: кто таков, откуда путь держишь и за какой надобностью прибыл в славный Шадизар?

Возница был мал ростом, худосочен, но одет богато: желтые шаровары, туфли, украшенные золотой вышивкой, шелковый голубой халат, из-под которого виднелась льняная нижняя одежда. На шее его висел серебряный медальон в виде полумесяца с агатовыми камешками.

— Зовусь я Себбук-ака, путь держу из предгорий гор Карпашских, а надобность моя торговая: желаю продать на рынке товар с прибытком для себя и пользой для покупателей, — отвечал он на вопрос стражника тоненьким голосом.

Круглолицый заглянул в повозку. Она была нагружена почти доверху, а поклажа тщательно укрыта рогожами.

— Если ты привез зерно, — сказал стражник, — то знай, что урожай в этом году неплох, продавцов много, и, дабы цены не упали, мы берем с купцов повышенную пошлину. Тебе придется уплатить три золотых за въезд.

— Я дам тебе пять золотых, о лев среди привратников, ибо надеюсь завтра обогатиться и сменить это убогое платье на наряд из парчи и золота!

Купец как бы с сожалением пощупал ткань своего халата, который стоил никак не меньше его мулов, потом гордо избоченился и надул щеки.

Заслышав его слова, к круглолицему подошли остальные стражники.

— О чем болтает этот коротышка, Басрам? — спросил один из них, хищно поводя носом.

— Говорит, что привез нечто весьма ценное, — откликнулся тот, кого называли Басрамом, и взялся за колесо повозки. — Что там у тебя, купец, самоцветы? Диво заморское? А ну, покажь!

Он хотел было приподнять рогожу, но возница резво схватил его за руку и умоляюще зашептал:

— Я дам тебе десять золотых, уважаемый, десять звонких монет! И еще угощу в лучшем духане. Товар мой боится людского глаза, и не следует, чтобы о нем болтали лишнее...

И купец кивнул на столпившихся возле повозки голоногих мальчишек и любопытных нищих.

Глаза Басрама жадно блеснули: он учуял поживу.

— Ах вот как! — воскликнул он. — Ты хочешь провезти в город невесту что всего за каких-то десять монет?!

— Я сказал двадцать, о честнейший из стражников, двадцать золотых!

— Хамза, Хабиш, — обратился круглолицый к своим товарищам, — можем мы нарушить долг и позволить ввезти в Шадизар поклажу, не осматривая ее, как положено?

Хамза и Хабиш сделали честные лица и заявили, что долг они нарушить не могут, и что их уши стоят гораздо дороже.

— Скажем, по десять золотых за каждое, — заключил Басрам. — И выпивка для всех, когда сменимся.

Горестно охая, купец полез в кошель на поясе и отсчитал шестьдесят монет. Он уже тронул повозку, когда круглолицему, все еще снедаемому жадным любопытством, пришла в голову новая мысль.

— Постой! — крикнул он, придержав мулов. — Я все же должен удостовериться, что ты не везешь ничего такого, что может подвергнуть опасности город. Скажем, оружие или злобных издиров в кувшинах...

— Нет у меня никаких кувшинов, — в отчаянии воскликнул назвавшийся Себбук-аккой, — я ведь уже заплатил тебе деньги!

— Заплатил-то заплатил, только если ты прячешь в повозке что-то недозволенное, мы рискуем не только ушами, но и тем местом, на котором они растут. Я обещал

не смотреть на твою поклажу и не собираюсь тебя обманывать, я только...

С этими словами он запустил руку под рогожу, тут же извлек ее и умолк, недоуменно уставившись на свои пальцы, покрытые какой-то серой пылью.

— Что за дрянь, — недоуменно пробормотал стражник, обнюхивая свою кисть, — похоже на золу...

Купец застонал, спрыгнул с повозки и встал спиной к мальчишкам и нищим, стараясь закрыть от них то, что невзначай извлек из-под рогожи круглолицый.

— Умоляю, не раскрывай мою тайну, о добросовестнейший из привратников, — жарко зашептал он на ухо Басраму, снова развязывая пояс, — зола это и есть, везу я ее на продажу... Не погуби несчастного, я не хочу, чтобы о моем приезде узнали конкуренты!

Себбук вложил в потную ладонь круглолицего еще пять монет. Басрам переводил недоуменный взгляд с золота на купца и обратно, усиленно соображая, что бы все это могло значить и не следует ли немедленно задержать странного торговца вместе с его подозрительным товаром. Шестнадцать монет за обыкновенную золу! Воистину, либо этот замухрышка в богатом халате умом тронулся, либо...

Что «либо», Басрам придумать не смог и, велев купцу ждать, ушел совещаться. Хамза и Хабиш тоже встали в тупик пред столь необычными обстоятельствами. Чего только ни провозили в Шадизар на их памяти: шелка и яства, посуду и красное дерево, кхитайский фарфор и аквилонские вина, шемские украшения и туранских красавиц, а раз из Вендии пришел караван слонов, доверху нагруженных плодами дерева у-у, делающими мужчин неутомимыми в любовных утехах. Правда, потом оказалось, что плоды с гнильцой и вызывают мучительную изжогу, да вендийцы были уже далеко... Но товара, подобного тому, что привез Себбук-ака, стражники еще не видывали и никогда не слыхали, чтобы кто-нибудь готов был выложить за обычную золу хотя бы медную полушку.

Хамза предложил немедленно отрядить скорохода к светлейшему Эдарту — пусть начальник стражи и разбирается. Басрам склонялся запросить с купца еще десятка два золотых, но Хабиш, бывший поумнее своих товарищей, предложил пропустить подозрительное лицо в город и установить за ним слежку, тем более, что Себбук обещал им выпивку.

— Посмотрим, что он станет делать, — рассудительно заключил Хабиш. — Доложим Эдарту, так нас на смех поднять могут, а то и наказать за то, что лишнее с торговца взяли. Молчать-то этот дурень не станет... Ежели он готов за въезд такие деньги платить, видать, не беден, так что, если все по-умному сделаем, можно еще пожить. Ты, Басрам, направь его на постоянный двор к Флатуну, а когда сменимся, отправимся туда и на месте решим, что к чему.

На том и порешили. Купца впустили, наказав дожидаться с обещанным в корчме Флатуна, что была неподалеку от врат и где останавливались гости побогаче. Купец слезно поблагодарил, пообещал не скупиться и напоить своих благодетелей вином никак не менее десятилетней выдержки, с сим и откланялся.

Уже смеркалось, когда его повозка въехала на постоянный двор.

* * *

Конан вошел в Шадизар через другие ворота, не торгуясь уплатив разомлевшим на жаре стражникам пару золотых, хотя при нем не было никакого товара. Молодой человек был одет щеголевато: полосатые штаны с завязками под коленями, сафьяновые туфли, расшитая зелеными узорами безрукавка и круглая красная шапочка из аренджунского бархата, лихо сидевшая на гриве его иссиня-черных волос. Наряд довершала кривая туранская сабля в отличных ножнах и кинжал на атласном кушаке.

От самых ворот за ним увязался мальчишка.

— Эй, полосатые штаны, кинь монету, — гнусавил он, загребая босыми ногами пыль улицы, — не будь жмотом, кинь!

— Я дам тебе пять монет, — сказал Конан, останавливаясь.

Он что-то пошептал на уху оборванцу, и тот захихикал.

— Да за пять монет я натащу тебе их со всего города, — сказал он, потирая ручки, на которых не хватало по меньшей мере трех пальцев. — Только не понимаю я...

— Тебе и не нужно ничего понимать, — отрезал варвар, подавая ему горсть медяков. — Бери тех, что помельче, но не меньше десятка. Узнаешь, где я остановился, и принесешь туда в час второй свечи.

Отпустив мальчишку, киммериец направился прямо в таверну Абулетеса, где и провел время до сумерек

к собственному удовольствию и немалому прибытку хозяина: пил-ел лучшее и на оплату не скупился. Абулетес сам прислуживал дорогому гостю, потев жирным лицом, на котором гуляла всегдашняя кривая улыбочка.

— Вижу я, дела твои идут неплохо, — говорил он, подавая очередной запотевший кувшин и усаживаясь рядом. — Воистину, нет в Шадизаре засовов, способных уберечь закрома своих хозяев, когда снежный барс выходит на ночную охоту. Сдается мне, плачет кто-то сегодня над пустыми сундуками, да слуг своих колотит...

— У тебя одно на уме, — солидно отвечал молодой варвар, вовсю орудуя челюстями, — плохо о людях думаешь. Митра меня просветил, я теперь торгую.

Он выплюнул на пол обглоданную баранью косточку, глянул на обомлевшего Абулетеса и запил жаркое вином.

— Торговля — дело выгодное, — осторожно сказал духанщик, — чем только нынче не торгуют... Мальчишка от Северных Врат прибежал, рассказывает, какой-то дурак привез в Шадизар воз золы на продажу. Лето нынче особо знойное, перегреваются люди.

— Вольному воля, — лениво сказал киммериец и сыто рыгнул, — хочешь — золой торгуй, хочешь — ослиным пометом... Стражники, сказывают, любят им закусывать. А где остановился этот недотепа?

Масляные глазки Абулетеса хитровато блеснули.

— Хочешь с ним познакомиться? Богатый, сказывают, купчина, много золота за въезд заплатил. Еще и напоить обещал привратников за свой счет. К Флатуну они его направили, там и пьянствовать будут.

— Да, — задумчиво протянул Конан, — небедный торговец, у Флатуна бедные не стоят. Чего ему с голью якшаться, когда сам богат, что твой мехараджуб вендийский? Верблюдов у него много, добра навалом...

— И собак, — хихикнул Абулетес и тут же поспешно удалился — не то позвал кто, не то понял, что сболтнул лишнее.

Киммериец не обратил на его слова особого внимания: многим было ведомо, что духанщик повсюду имеет глаза и уши. Конана он продавать не станет, не посмеет связываться с грозой Пустыньки. Даже бывшим. То, что он не вернется в воровской квартал, варвар был почти уверен. План Ловкача действовал даже лучше, чем можно было ожидать. Взять хотя бы проделку с каменными идолами: она помогла не только получить у жителей Усмераса

желаемое, но и выгодно продать оставшуюся новехонькую материю встречному купцу — хватило и на одежду, и на добрую саблю, и в кошеле еще осталось. Так что варвар не стал упрекать приятеля, когда тот вернул мудрейшему Куббесу его халат, тюрбан, посох и туфли. Старикашка чуть не помер от изумления! Благословил замухрышку Ши и объявил его своим учеником. Даже свиток ему оставил, сказав, что отправляется в Арэнджун, где у него этих свитков навалом, и будет ждать там Шелама. «Воистину, сын мой, под рубищем твоим скрывается душа чистая и благородная...» Умора!

Когда за окнами совсем стемнело, Конан направился на постоянный двор Флатуна, прихватив несколько безденежных собутыльников, которые, воспользовавшись хорошим настроением варвара, не прочь были угоститься за его счет.

Постояльный двор и духан при нем назывались «Верблюжий горб». Очевидно, хозяин хотел подчеркнуть свое основное богатство, меланхолично жевавшее губастыми ртами в карале за домом. Стояли там выюнные желто-пегие силачи, беговые красавцы с длинными сухими ногами, одногорбые дромадеры и даже волоокая белая верблудица, которая одна стоила больше, чем весь постоянный двор и флатуновы сундуки с золотом, до которых Конан почти было добрался, да мастафы помешали. Откуда брались верблюды — одному Митре известно. Флатун утверждал, что покупает их в Хауране, но многие подозревали за ним нечистое: приводили животных по-одному, по-двое какие-то подозрительные личности, увешанные оружием, да и клейма им явно сводили, прежде чем новый хозяин свое ставил. Как бы то ни было, пользуясь купленной щедрыми подарками дружбой со светлейшим Эдартом, Флатун продавал верблюдов с выгодой для себя, а белую красавицу, по слухам, собирался даже отправить в Вендию.

Киммериец толкнул скрипучую дверь, и вся компания гурьбой ввалилась в духан. Здесь было шумно и душно, вдоль стен стояли низкие топчаны, на которых возлежали гости, булькая и посапывая кальянами. Возле иных на коленях стояли невольницы, обмахивая своих хозяев опахалами из птичьих перьев или пальмовых листьев. Те, кто еще не удалился на покой, сидели за низкими столами, вкушали фрукты и сладости, запивая винами из серебряных и медных сосудов. Блестели драгоценные камни в перстнях, во множестве унизывающих жирные паль-

цы, слышался разноязыкий говор, цыканье, утробное урчание в толстых животах и иные звуки, сопровождающие обычно трапезу людей, привыкших набивать свои чрева до самого горла. «Чтобы последний кусок изо рта торчал», как любил выражаться Ши Шелам.

Сам Ловкач, кажется, уже достиг этого вожделенного состояния. Животик его под дорогим халатом круглился, глазки масляно блестели, а вся острая мордочка была измазана розовой мякотью какого-то плода. Развалясь на мягком диване, Ши ковырял в зубах костяной палочкой, прихлебывал вино из тонкостенного кубка и небрежно метал на стол кости. Рядом восседали вдрызг пьяные стражники и еще несколько человек, наблюдавших за игрой.

— И опять себе, — заплетающимся языком объявил круглолицый игрок и сгреб кучку монет. — То есть, говорю, снова меня... Хвала Белу.

— Ты жадный и противный, — капризно сказал его соговарищ.

— А ты Хабиш, в голове твоей кишмиш, — объявил круглолицый и захохотал.

Хабиш замахнулся было на него чашей, но тут же уронил ее и сразу же задремал.

— Почтенные, почтенные, — примирительно пискнул Ши, — не будем ссориться! Ибо сказано в «Заветах»: «Люби ближнего своего, пока он тебя любит...» Если я не путаю. Ты, Басрам, и вы, Хамза и Хабиш, любите друг друга, и да наполнятся сердца ваши миром и благолепием...

— Пусть наполнятся, — согласился Басрам, — а сначала пусть наполнятся наши кубки, у меня во рту словно Нергал нагадил.

— Не поминай этого имени, о чресла приватной саржи, — откликнулся Ловкач. — То есть, я хочу сказать... мн-э-э... честность приватной саржи. Нет, стражи... Ибо речено: «Явится из бездны зверь стоглазый, девятиголовый, шестирукий...» Дальше не помню, но помянуть его почему-то не надо.

— Не буду, — согласился круглолицый, — давай выпьем за светлейшего Эдарта!

— За всех светлейших Эдартов, а также Рупертов, — поддержал Ши. — Знавал я одного Руперта из Немедии, ох и шельмец был, подметки на ходу резал...

Поняв, что его приятель окончательно захмелел и может испортить все дело, киммериец решительно направился к его столу, локтем отодвинул безучастного Хабиша

и уселся рядом с Ловкачом. Безденежные приятели уместились среди зрителей и принялись жадно поедать остатки пиришества.

Ши уронил правое веко, а левым мутным глазом уставился на варвара.

— А, Ко... — начал было он, однако, получив под ребра, охнул и заткнулся.

— Хочу сыграть с тобой, купец, — сказал Конан. — Ставлю сто золотых.

— А у него нету, — встрял Басрам, — он все продул.

— Желаю играть! — Варвар треснул по столу кулаком. — Пусть товар ставит. Или товара тоже нет?

— Товар есть, — сказал Ловкач и уронил левое веко.

— Ты ведь не хочешь, чтобы его украли?! — гаркнул Конан.

Ши распахнул глазки и завращал зрачками.

— Украли, — захихикал, — украли! Да кому нужно это го...

Он снова охнул и принялся хватать ртом воздух.

— Купец говорит, что желает надежно спрятать свой ценный груз на ночь, — объявил Конан.

— Разве он что-нибудь говорит? — удивился Басрам.

— Ничего не кишмиш, — пробормотал Хабиш, просыпаясь.

— Кишмиш спрятать? — спросил туговатый на ухо Хамза.

— Я тебе сейчас спрячу! — вызверился вдруг Басрам. — Ты зачем мой золотой в туфлю сунул?!

Они сцепились и принялись кататься по ковру, награждая друг друга тумакими. На шум прибежал сам хозяин в сопровождении слуг, вооруженных дубинками. Ухватив пьяных стражников под микитки, слуги поволокли их на двор. Хамза, мстительно улыбаясь, отправился следом, чтобы поглядеть, как о спину Басрама обломают палки. «Кишмиш, — бормотал он, удаляясь, — из тебя самого сейчас кишмиш сделают...»

Флагун, дородный мужчина с завитой бородой, подождал, пока шум утихнет, после чего вежливо осведомился, не помешали ли драчуны почтенным гостям.

— Бывает хуже, — отвечал Конан, в упор разглядывая человека, чье золото чуть было не перекочевало в его мешок позавчерашней ночью. — А что, хозяин, не выпьешь ли ты с нами за процветание славного Шадизара?

Флатун отвечал, что вина вообще-то не пьет, но за процветание чарку пригубит. Присел за стол, сделал глоток, вытер губы тончайшим платком и аккуратно отправил в рот маленький кусочек лукума. После чего внимательно глянул на киммерийца.

— Лицо мне твое вроде бы знакомо, почтенный, — сказал он, поглаживая бороду, — не припомню только, где я тебя видел...

— Мир велик, — сказал варвар, проклиная мысленно Ловкача за то, что тот налил до ушей в самый неподходящий момент, — может где и встречались.

Ши Шелам вдруг осмысленно глянул перед собой, заметил Флатуна и заговорил почти трезво:

— О почтенный хозяин, да сделает Митра так, чтобы борода твоя как можно дольше оставалась густой и черной, а жены твои имели достаточно молока, дабы вскармливать чад твоих, а в хозяйстве твоём царил порядок и прибыток прибывал... мн-э-э... не иссякал, богатство же умножалось...

Он замолчал, вспоминая, что же, собственно, хотел сказать, затеяв эту длинную речь. Флатун взирал на него удивленно и несколько даже испуганно.

— О товаре своем печется купец, — пояснил Конан, — товар у него ценный, боится, как бы ни украл кто.

— Да-да, — облегченно закивал головой Ши Шелам, — знатный товарец, дорогой. Тревожусь я...

Флатун обиженно засопел и объявил, что тревожиться нечего, «Верблюжий горб» — самый надежный постоянный двор в городе, а может быть и во всей Заморе, и не было еще такого, чтобы товар из ограды умыкнули. А если гости думают, что в Шадизаре только и делают, что воруют, то эти слухи распускают злые языки, светлейший Эдарт давно навел порядок...

— Хвала Митре, — воскликнул Ловкач, — выпьем за светлейшего Эдарта! До дна!

Хозяин не мог отказаться от подобного тоста и с гулким бульканьем влил в себя всю чарку. Непослушными пальцами подхватил из вазы персик, надкусил смачно, забрызгав окружающих соком.

Потом пили за чад и домочадцев главы городской стражи, за родителей его и родителей его родителей, за мудрость его и безжалостность к врагам, за палачей его и победу верблюдов его на предстоящих бегах.

— Люблю я светлейшего, — еле ворочая языком, вещал Флатун, брезгливо отодвигая подвернувшуюся чашу с шербеетом и таща через стол солидных объемов кувшин аренджунского, — Митрой клянусь, так люблю, что подарю белую верблюдицу...

Ловкач и Конан шумно одобрили это решение, а варвар тут же потребовал раки, чтобы отметить столь неслыханную щедрость.

— Раку пьет голытьба и разбойники, — скривился хозяин «Верблюжьего горба», — но у меня есть шемское вино из пальмовых листьев, напиток столь же крепкий, сколь и приятный.

Напиток принесли, и все, включая безденежных приятелей Конана, принялись угощаться, закусывая фруктами, халвой, нугой, пахлавой, лаклаком и кус-кусом. Киммериец щедро расплачивался, нисколько не сожалея об убывающей тяжести кошелька и не обращая внимания на то, что вокруг стола сидело сейчас гораздо больше народа, чем в начале пирушки: многие посетители присоседились к празднеству и под шумок уплетали яства и наливались винами, восторженными криками поддерживая каждый новый тост.

Кто-то предложил выпить за наместника Шадизара Хеир-Агу, и все пошло по второму кругу: у ситтельного вельможи тоже были жены, чада, родители, палачи и верблюды. Многие гости оставили свои кальяны, вновь наполнили чарки и присоединились к здравницам.

Флатун и Шелам уже обменялись подарками в знак вечной дружбы: Ши надел на шею хозяина серебряный медальон в виде серебряного полумесяца, а тот вручил прохвосту массивное платиновое кольцо с тремя изумрудами. Кольцо было слишком велико, и Ловкачу пришлось просунуть в него сразу три пальца.

Теперь они сидели, упершись лбами, и мирно беседовали, причем Ловкач ласково выбирал из бороды Флатуна сладкие крошки и отправлял себе в рот.

— Скажи купец, — домогался Флатун, — что за товар у тебя?

— Тайна сия велика есть, — важничал Ши, — и покрыта она темным мраком... Но тебе друг, скажу.

— Скажи, друг.

— Это, друг, зола.

— Зола, друг?

— Зола. Прах, пепел. Т-с-с!

— Значит, это ты уплатил сегодня стражникам большие деньги за въезд в город?

— Я.

— А зачем тебе прах, друг, что в нем проку?

Конан, прислушивавшийся к разговору, хмыкнул. Вот-вот, жители Усмераса тоже недоумевали, зачем молодому купцу-северянину понадобилась зола с пепелища. И, конечно, не поверили, когда он объявил, что это отличный товар, который выгодно можно продать на рынке в Шадизаре. Не поверили, но позволили, нарушая обычай, опустошить пожарище, ибо получили взамен целую штуку аренджунской парчи!

— Да ведь это отличный товар, который с выгодой можно продать на шадизарском рынке! — услышал киммериец слова Ловкача. — Воистину, завтра я стану богат, и мы устроим в твоём духане, друг, ещё не такое празднество. Только вот зольцу-то мою следовало бы рассыпать на ночь по рогожам. Чтоб не слежалась. Прикажи слугам сделать это в таком месте, где не дует ветер.

— В карале можно, — промычал Флатун, рот которого был занят виноградными ягодами, — тихо там, и собаки охраняют.

— А верблюды? — спросил Ловкач невинно.

— Что верблюды?

— Так ведь съесть могут...

Хозяин «Верблюжьего горба» отстранился и недоумённо уставился на своего собеседника. Он никак не мог взять в толк, говорит тот серьёзно, или шутит. Решив держаться последней версии, он задрал к потолку завитую бороду и разразился гулким хохотом.

— Верблюды! Золу! Съесть! Воистину, почтенный, ты меня рассмешил. Где это видано, чтобы животные прах вкушали? Да если хоть один из моих любимцев приронется к этой дряни, я без всякого сожаления отдам его тебе!

Ловкач поднес к губам чарку и, опустив глаза, чтобы скрыть хитрый их блеск, сказал как бы между прочим:

— Дружба наша велика есть, уважаемый, но позволь мне усомниться в словах твоих... Верблюды все-таки, не козы какие-нибудь.

Флатун, в голове которого уже возникли туманные пустоты, порожденные разнообразными напитками, поглощенными им в несвойственном для себя количестве, понял лишь одно — задета честь его заведения. Он обиженно замычал и вдруг неуклюже полез с ногами на стол.

Кряхтя, распрямил свой грузный стан и объявил во всеуслышание:

— Почтеннейшие! Этот вот человек сомневается в слове Флатуна. Он гость в Шадизаре, а посему не ведаёт, что слово мое крепче дамастского клинка и так же верно, как Большая Печать аренджунского владыки, если, конечно, такое сравнение уместно... Клянусь Белом, я исполню то, что обещал!

— И Митрой, — подсказал Ши.

— И Митрой! Я отдам тебе, о недоверчивый купец, любого верблюда из своего карала, буде таковой польстится...

— А белую верблюдицу? — встрял Шелам.

Флатун немного подумал, но, сообразив, что верблюдица вряд ли польстится на золу, равно как и все остальные обитатели карала, сие подтвердил.

— Так выпьем же за честнейшего из содержателей постоялых дворов! — воскликнул Ловкач, вскакивая на ноги. — Да послужит он примером всем, кто принимает гостей и печётся о сохранности их товаров!

Собутыльники, приведенные Конаном, первыми подхватили здравницу. Они усердствовали особо, благо каждый получил от киммерийца по золотому и готов был под пыткой подтвердить обязательства Флатуна в том случае, если остальные гости, проспавшись, откажутся засвидетельствовать обязательства духаника.

Флатун велел слугам со всем тщанием исполнить пожелание купца относительно его товара, потом слез со стола и не без тщеславного удовольствия присоединился к выпивающим за его здоровье.

Веселье под кровом «Верблюжьего горба» ещё продолжалось, когда варвар, прихватив пяток разномастных кувшинов и стараясь не привлекать лишнего внимания, выскользнул на двор и направился к воротам, где поджидал его давешний мальчишка с большим, воняющим псиной мешком.

* * *

Хабиш очухался и сразу же понял: если сейчас не хлебнет вина, отправится напрямик к Нергалу. Стражник застонал и с трудом разлил веки. Из мрака смотрели на него два горящих глаза, щерилась зубастая пасть, а грозное рычание холодило кровь, вызывая нестерпимое желание немедленно опорожнить мочевой пузырь. «Нер-

гал! — мелькнула паническая мыслишка. — Сейчас терзать примется...» Стало так страшно, что Хабиш вновь погрузился в беспамятство.

Когда он вторично открыл глаза, зверь все еще сидел возле, но глядел теперь куда-то в сторону. На сей раз Хабиш, в голове которого несколько прояснилось, признал одного из мастафов Флатуна. Стражник осторожно повернул голову и обнаружил, что лежит на земле возле стены карала. Он вспомнил, что, отправившись поглядеть на расправу слуг Флатуна над своим обидчиком, прихватил кувшин вина и прикладывался к нему, пока слуги пинками гнали Басрама и Хамзу за ворота: хозяин «Верблюжьего горба» давно заслужил покровительство самого Эдарта и мог позволить себе обходиться с рядовыми привратниками не слишком любезно. Памятуя о сем и опасаясь, как бы ему не досталось за компанию, Хабиш решил переждать и притаился за пустой бочкой возле верблюжьего загона. Здесь и сморила его добрая выпивка, да так, что провалился он на земле до глубокой ночи, когда в ограду постоянного двора выпускали безжалостных ночных стражей, готовых растерзать всякого, кто попадет им в неурочный час.

Пес негромко зарычал и встал на все четыре лапы. Смотрел он по-прежнему в сторону, шерсть на загривке поднялась, кожа вокруг мокрого носа сморщилась. Обмирая от страха, стражник глянул по направлению этого носа и заметил возле ворот постоянного двора некую тень. Тень шевельнулась, легкий ночной ветерок донес приглушенное ругательство и скрип отодвигаемого засова. Мастаф поскреб передними лапами и медленно, припадая к земле, двинулся в сторону таинственного существа возле забора. Словно призраки возникли еще с десятков псов — все они крались молча, готовые разом броситься на вора и разорвать его в клочья.

Створки ворот отворились. Издав яростное рычание, собаки разом ринулись вперед. В тот же миг тень возле забора словно разделилась: во все стороны, визжа и тявкая, прыснули темные клубки, вдоль и поперек покатились по двору. Мастафы застыли, словно пораженные сим невиданным зрелищем, затем с бешеным лаем кинулись в погоню.

— Кром! — взревела тень. — Куда?! На улицу, суки поганые, за ворота!

Впоследствии Хабиш спрашивал себя: как он оказался в бочке? Увы, сей стремительный маневр, сделавший бы честь любому самому проворному вору, навсегда изгладился из его памяти. Лишь оказавшись под прикрытием рассохшихся досок, стражник осмелился глянуть через вывалившийся сучок: темные клубки, словно вняв грозному окрику, во всю прыть исчезали за воротами, мастафы неслись следом. Миг — и ограда постоянного двора опустела.

Впрочем, тень осталась. Она отделилась от забора, пересекла двор и скрылась в карале. Бочка стояла вплотную к тонкой стене загона, Хабиш отчетливо слышал тяжелые шаги внутри. Потом кто-то завозился и знакомый голос флатунова слуги произнес пьяно:

— А, почтенный... Давай еще выпьем во славу хозяина и милостей его...

— Отдыхай пока, — откликнулся тот, к кому он обратился: Хабиш признал поминавшего Крома.

Раздался глухой удар, и все стихло.

Любопытство пересилило страх. Стражник высунул голову и припал глазом к щели в стене карала. Удивительное зрелище открылось взору его.

В тусклом свете масляной лампы на полу, среди пустых кувшинов и опрокинутых кружек валялись пятеро слуг. Слышалось их невнятное бормотание, чмоканье и постанывание. У одного, лежавшего навзничь, на лбу темнел здоровенный кровоподтек — этот бедолага почивал безмолвно. У противоположной стены, лениво жуя оттопыренными губами, лежали верблюды. А посреди карала орудовал лопатой здоровенный черноволосый малый в полосатых штанах.

Хабиш признал молодого северянина, который давеча явился в духан и нахально уселся за их стол рядом с щедрым Себбук-акой. Верзила сгребал с расстеленных по полу рогож серую золу и сыпал ее в приготовленные мешки, поминая при этом Крома, Нергала и отчего-то печень почтенного духанщика. Он быстро управился с этим занятием, потом подошел к верблюдам и легко оборвал их привязи. В душе Хабиша долг боролся с простительной осторожностью: он здраво рассудил, что если вор услышит, как он покидает бочку, то настигнет прежде, чем он успеет добежать до дома Флатуна и клик-

нуть подмогу. Поэтому стражник решил сидеть тихо и поднять шум, когда грабитель окажется уже за воротами.

Однако северянин и не думал умыкать богатство хозяина «Верблюжьего горба». Вместо этого он принялся совершать нечто странное: зачерпывал из мешков пригоршни золы и мазал ею слюнявые рты животных. Верблюды терпели, только один решил плюнуть в человека, но промахнулся. Северянин тут же плюнул в мохнатую морду, горбатый великан сразу успокоился и даже ткнулся человеку в руку, выпрашивая подачку.

— Так-то лучше, — сказал черноволосый, — прощаю, ибо надеюсь получить за тебя много золота. И запомни: если твой нынешний хозяин откажется от своих слов, я все равно приду за тобой и остальными, а ублюдку Флатуну вырву печень и съем на глазах свидетелей!

Сказав так, верзила ухватил сразу три мешка и легко понес их к выходу.

Когда он проходил мимо бочки, притаившийся стражник почувствовал, что мучительное желание избавиться от содержимого собственного мочевого пузыря наконец осуществилось. Слабо икнув, Хабиш снова отключился и уже не видел, как страшный ночной тать возвращался за оставшейся ношей.

* * *

Вода капала на обнаженные плечи Конана — редкие, звонкие, холодные капли. Южанину подобное омовение в сыром подвале стало бы худшей пыткой, но варвару, выросшему среди ледяных озер и рек Киммерии, служило даже некоторым облегчением: струйки воды, стекая по спине, студили багровые отметины бича на его смуглой коже.

Кром, а ведь все складывалось так удачно! Когда на утро после попойки бородатый Флатун продрал глаза, Ловкач объявил ему, что забирает верблюдов. Хозяин постоянного двора выкатил свои зенки так, что они чуть не выпали из орбит.

— Погляди сам, — сказал ему Ловкач, — твои животные сожрали мою золу. Горе, горе мне несчастному, ты лишил меня единственного богатства, коим обладал я, сирый...

Ну и дальше в том же духе. Очухавшиеся после возлияний гости гурьбой повалили в караль. Там они застали следующую картину: по загону, волоча обрывки веревок,

бродили верблюды с измазанными пеплом мордами, а на полу в живописных позах храпели слуги. Зола исчезла. Флатун набросился было на нерадивых сторожей с кулаками, но один из гостей, почтенный хауранский купец, ухватил его за рукав и объявил, что, во имя справедливости, не худо бы их выслушать.

Слуги, разбуженные пинками и тычками своего хозяина, принялись слезно умолять не наказывать их слишком строго, ибо единственная вина их заключалась в том, что они напились вместе с каким-то варваром, который принес вино из духана, заявив, что хозяин, дескать, угощает.

— Как было не выпить, о справедливейший наш повелитель, — оправдывались они, поочередно целуя туфлю Флатуна, — за твое драгоценное здоровье пили мы, отец наш...

— Где северянин? — хватаясь за сердце, вопрошал хозяин «Верблюжьего горба». — Где сей шельмец, где мой погубитель?

Отрядили искать погубителя. Пока ходили за ним, гости, бывшие свидетелями вчерашнего флатунова обещания, судили и рядили, склоняясь к тому, что клятвы именем Бела и, тем более, самого Митры следует выполнять, дабы не навлечь на себя страшные бедствия. Дело, впрочем, было весьма темным: свирепые мастафы Флатуна исчезли бесследно, и хауранский купец подозревал здесь колдовство.

Вскоре из духана Абулетеса явился Конан.

— Прохвост! — накинулся на него совсем потерявший голову Флатун. — Ты споил моих слуг и скрылся! Из-за тебя мои верблюды сожрали эту проклятую золу!

Киммериец пренебрежительно сплюнул и сквозь зубы объяснил, что вовсе не скрылся, а отправился ночевать к Абулетесу и провел там все время, пока его не разбудили, что почтенный Абулетес и может засвидетельствовать. Пил же он со слугами исключительно ввиду доброго расположения к хозяину «Верблюжьего горба» и по его же поручению, ибо, налившись до ушей, тот впал в благодное расположение духа и велел на славу угостить своих людей, да, видать, память ему отшибло, но это не беда, память вернуть можно, не таким возвращали, так что если жирная вонючка не возьмет назад «прохвоста» с причитающимися извинениями, то незамедлительно

получит добрый удар по пустой своей тыкве. Во имя просветления.

Утомившись от столь долгой речи, Конан без лишних церемоний вырвал из рук ближайшего гостя кувшин, который тот припас для утренней поправки, и мигом осушил его содержимое.

Флатун, проглотив «вонючку», стал было спорить, но вчерашние прихлебатели киммерийца, лелеявшие в своих кошелях золотые монеты варвара, хором подтвердили, что так все и было, что хозяин сам велел угостить своих служителей.

Поняв, что верблюды ускользают, как вода сквозь решето, Флатун для начала, за неимением пепла, посыпал главу свою грязным песком, потом, жалостливо постанывая, стал предлагать вместо животных золотого, наложниц, своих жен, а под конец — весь постоялый двор и лицензию на торгово-посредническую деятельность в придачу.

Конана это предложение заинтересовало, но Ши Шелам решительно воспротивился.

— Не следует нам пользоваться твоим горестным положением, почтенный, — сказал благородный пройдоха, — ибо верблюды — дело наживное, но, помысли сам, что станешь делать ты, лишившись дозволения властей держать постоялый двор и заниматься торговлей? Утратишь вид на жительство и пойдешь по дорогам. И, хотя твои верблюды не заменят моей чудесной золы, я все же предпочту их, дабы не ввергать тебя, друг, в пучину бедствий.

Флатун представил себя бредущим по дорогам, разразился душераздирающими рыданиями, после чего вынужден был смириться с судьбой и подписать отступную. Правда, он еще пытался воззвать к суду наместника, но его гости хором заявили, что дело ясное и не следует человеку честному и благородному обременять светлейшего Хеир-Агу, у которого и так забот полон рот, своими мелкими тяжбами. Флатун готов был проглотить язык от досады: многим из этих купцов случалось покупать у него верблюдов втридорога, так что сейчас они рады были отыграться. Нарушь он опрометчивое слово свое, и каждый рад будет подмочить репутацию шадизарского перекупщика — имя его станут полоскать в грязной воде от Заморы до Иранистана!

Нет, что и говорить, помог див облапошить бородатого ублюдка! На прощание Флатун даже извинился за то, что

в помутнении, не достойном мужа, обозвал почтенного юношу прохвостом и приглашал заглядывать еще. Он, конечно, побежал жаловаться Эдарту, как только приятели выгнали табун за ворота, да ведь у них была отступная, скрепленная личной печатью духанщика, и скрепленная при свидетелях!

Покачиваясь между мохнатых горбов, Конан и Ловкач всю потешались над недотепой, теща себя добрым вином из мехов и предвкушениями скорого богатства.

— Продадим верблюдов в Арэнджуне, — щебетал Ши, словно дурной воробей, — заработаем столько золота, сколько и не снилось! Построю себе дом, жен заведу трех, наложниц дюжину и стану придаваться неге в тени агавы, под рокот струй...

— Ты же собираешься податься в ученики к Куббесу, — не удержался подколоть приятеля Конан.

На что Шелам с чувством продекламировал:

Я был бы счастлив мыслью мир объять
И самым мудрым среди суфеев стать.
Но счастье оказалось — вот оно:
Шербет, халва, девчонка и вино!

Конан вынужден был признать, что Ловкач наконец стал настоящим мудрецом.

— Только я сказал бы так, — добавил он: — баранья лытка, добрый меч, вино и баба. Нескладно, но верно.

Ловкач согласился, что, действительно, так лучше, и заодно похвалил приятеля, помянув его проделку с собаками.

— Небось до сих пор за сучками шелудивыми по всему Шадизару гоняются, — довольно гоготнул Конан. — Известно, нет кобелю ничего сладостнее запаха течки. Видишь, крысеныш, мне чужого ума не надо, своего хватает.

Так они ехали, веселясь и посмеиваясь, и погонщики, нанятые из числа кононовых лжесвидетелей, тоже гоготали, предвкушая щедрую награду и веселых аренджунских девок. Зря, выходит, веселились: хорошо смеется тот, кто смеется последним. А последними смеются обычно темные боги.

Они расположились возле придорожного колодца перекусить, когда со стороны Шадизара показалось облако пыли. Оно быстро надвинулось, явив два десятка стражников во главе с брюхатым Аббасом. Всадники тут же

взяли караванщиков в кольцо, нацелив луки, а Выбей Зуб спешился и приблизился, помахивая обнаженной саблей.

— Именем закона, — пропыхтел он, — ты, Конан из Киммерии, и ты, Ши Шелам, выдающий себя за купца Себбука, обманом лишившие почтенного Флатуна его собственности и причинившие доброму человеку бесчестие, немедленно отдайте свое оружие и следуйте за мной вместе с украденными верблюдами и своими людьми в Шадизар, на суд светлейшего Хеир-Аги!

— Охотно посмотрю, как наместник велит отрезать твои уши, — сказал киммериец, подвигая к себе круглый щит, предусмотрительно купленный возле врат, ведущих на аренджунскую дорогу. — Ведомо ли тебе, поедатель ослиного помета, что мы имеем отступную Флатуна, составленную по всем законам?

— Киммерийский шакал! — завизжал Аббас. — Я уже клялся матерью вырвать твой поганый язык! Если бы не приказ взять тебя живым, я немедленно вырезал бы тебе и сердце!

— Начинай! — рывкнул Конан, вскакивая и обнажая клинок. — Только не обделайся, кусок дерьма!

Они готовы были уже скрестить оружие, но тут Ловкач, размахивая руками и отчаянно вопя, бросился между ними.

— Пойдите, добрые люди! — выкрикивал он. — Митра свидетель, мы не хотим нарушать законов! Разве не долг стражи их исполнять?! Отчего почтенный Аббас так зол? Мы забрали верблюдов честь честью, с согласия их бывшего владельца!

— Вы надули Флатуна, — возгласил Выбей Зуб, сверкая налитыми кровью глазами, — у нас имеется на то свидетель!

— Позволит ли мне почтенный страж переговорить с компаньоном? — примирительно спросил Шелам. — Я хочу убедить этого юношу подчиниться воле наместника.

Десятник, вспомнив о численном преимуществе своих воинов и полагая, что прохвостам от них никуда не деться, разрешил.

Ловкач отвел приятеля в сторону.

— Что за свидетель? — прошептал он злобно. — Ты разве не всех слуг спойл?

— Он врёт, — буркнул Конан, — пятеро в карале всю ночь провалялись без чувств, а того, кто стал вякать, я

треснул между глаз так, что он и утром еще не очухался. Охранников со двора отправил в духан, ты сам видел, как они налакались на дармовщинку. Мешки с золой утопил в колодце, привязав к ним камни. Никто ничего не видел, хитрит пузатый.

— Тогда чего нам опасаться? — сказал Ши. — Отправимся в Шадизар и докажем свою правоту...

— Да ты спятил, крыса, — зашипел на приятеля киммериец, — твой ум кончился раньше времени! Ты что же, полагаешься на милость Эдarta? Забыл о его палачах?

Ловкач что-то промямлил, но Конан его уже не слушал.

— Сделаем так, — сказал он вполголоса, — скажешь Аббасу, что смог меня убедить. Сядешь на бегового верблюда и гони все стадо прочь что было духу. Я задержу шакалов.

— Один? — изумился Ши. — Двадцать воинов удержишь?!

— Не один, а с наемниками, зря что ли деньги плачены!

Киммериец сделал незаметный знак своим давешним собутыльникам. Их было всего шестеро, но парни то были лихие, все с Пустыньки, и с городскими стражниками у каждого имелись свои давние счеты.

Дальнейшее произошло очень быстро. Ловкач объявил их решение сдать на суд наместника, погонщики подняли животных, Ши уместился между горбов длинноногого красавца, гикнул и погнал вожака по каменистой равнине в сторону от аренджунской дороги, отчаянно колотя животное по бокам палкой. Табун послушно припустил следом.

В тот же момент Конан и его головорезы атаковали стражников...

* * *

Сидя в подвале эдартова дворца, прикованный к стене крепкими цепями, Конан признался себе, что не любит вспоминать схватки, из которых не довелось выйти победителем. Единственное, что его немного утешало — пятнадцать трупов, оставшихся лежать возле того колодца. Если не считать его приятелей: все они лежали рядом, изрубленные, заколотые, пронзенными стрелами. Зря он недооценивал стражников, они с пользой потели на учебных ристалищах под надзором свирепых десятников.

Светлейший Эдарт мог быть спокоен: его люди не зря ели свой хлеб.

Киммериец рубился с изрыгающим страшные вопли Аббасом, когда сабля, полученная за аренджунскую парчу, сломалась. Варвар отбросил ее и выхватил кинжал. Он уже готовился всадить сталь в толстое брюхо изнемогшего от выпадов и угроз Выбей Зуба, когда сзади на него накинули сеть. Сеть была металлическая, мелкоячеистая, такой улавливали медведей в Карпашских горах, и упала она удачно для охотников. Потом варвар ощутил страшный удар по голове и очнулся уже в подвале, прикованный к скользкому от крови столбу.

В маленьком окошке под потолком угас едва пробиравшийся сквозь частые прутья дневной свет и возродился вновь, прежде чем Выбей Зуб натешил свою уязвленную гордость. Нет, он не вырвал своему обидчику сердце, не отрезал, как грозился, язык и даже не поломал ни одной кости, но бич со свинцовым наконечником вовсю погулял по спине киммерийца, превратив его крепкую смуглую кожу в сплошное кровавое месиво. Аббас ждал воплей и мольбы о пощаде, но услышал только пару глухих стонов и страшные проклятия в свой адрес. Наконец, к исходу ночи он утомился, велел отвести пленника в «купель» и отправился пить и хвастать своими подвигами в казарму.

Кап, кап, кап — падала вода на окровавленные плечи. В голове гудело и бухало: кровь толчками ударяла в виски. Ненависть и сожаление душили варвара — ненависть к пленившим его стражникам, которых всегда презирал, и сожаление в собственной глупости. Разве можно было во всем полагаться на крысеныша Ши! Гнать надо было верблюдов безостановочно, и не по аренджунской дороге, а напрямиком через пустоши. Нет, позабыл осторожность, уши развесил, приятеля своего дурного слушая: не станет, дескать, Эдарт слать погоню, все сделано — комар носу не подточит, расписка, печать... Вот тебе и не подточит!

Конан просидел в подвале весь день и следующую ночь (это звалось у светлейшего Эдарта «попарить»), а когда на третий день его заточения огненный Глаз Митры достиг зенита, за ним пришли. Четверо угрюмых конвойных отцепили оковы от вделанных в камень колец и, обмотав концы цепей вокруг запястий, повели пленника наверх. Пятый шел сзади, держа наготове устрашающих размеров секиру.

В зале, куда доставили киммерийца, журчал фонтан, а под высоким потолком вольно порхали птицы. Росли там даже какие-то деревья с яркими плодами, и под их сенью, окруженный прекрасными одалисками, телохранителями и челядью, встретил варвара светлейший Эдарт. Был он статен и красив лицом, густые черные брови срослись над горбатым носом, глаза под длинными, как у женщины, ресницами смотрели строго, но без злобы. Одет светлейший был в просторный изумрудно-зеленый халат, полы которого вольно спадали на ступени небольшого возвышения, где стояло кресло начальника городской стражи и одного из самых богатых людей в Шадизаре.

Натянув цепи, конвойные попытались опустить варвара на колени, но усилия их оказались тщетны.

— Оставьте его, — приказал светлейший, — но оков не снимайте, я наслышан о силе этого юноши. Скажи, северянин, зачем ты явился в Шадизар из своей Киммерии?

— Я бежал из Гипербореи, где был гладиатором, и пришел через Бритунию, — отвечал варвар, облизнув пересохшие губы. — Пришел как вольный человек попытать в Заморе удачу.

— Она не слишком к тебе благосклонна, — заметил Эдарт, — твоя короткая жизнь может кончиться в моих подвалах.

— Я не боюсь смерти, — отвечал варвар.

— Знаю также, что и пыток ты не боишься, — задумчиво произнес вельможа, — такие, как ты, многого стоят. Послушай, северянин, поступай ко мне на службу, мне нужны отважные воины.

— А если я откажусь? — спросил Конан, полагая, что хитрить с Эдартом вряд ли стоит.

— Если откажешься, я велю сначала вскрыть тебе живот и пустить внутрь голодную крысу, а потом отрубить голову и провалить ее на колу посреди рыночной площади под моими окнами. Ибо ты как вор и обманщик достоин самого сурового наказания в назидание всем, кто захочет хитростью присвоить чужую собственность.

— Это была честная сделка, — угрюмо пробормотал киммериец.

— Твой приятель, гнусный воришка по имени Ши Шелам, привез в Шадизар воз золы, — продолжал Эдарт, пропустив эти слова мимо ушей. — Распустил слух, что его товар многого стоит. Вы подпоили добросердечного

Флатуна и вырвали из его уст опрометчивое обещание. Ночью ты вынес золу, измазав предварительно морды верблюдов так, чтобы казалось, будто животные ели пепел. Тем самым вы сумели завладеть табуном и белой верблюдицей, цена же оной превосходит всякое разумение. И гнусные ваши замыслы увенчались бы успехом, ибо поклявшийся Митрой при свидетелях обязан держать слово, но справедливость, как утверждают мудрецы, всегда торжествует, и все тайное становится явным. У меня есть свидетель, обвиняющий тебя, варвар, в гнусном обмане!

Светлейший хлопнул в ладоши, и в зал, непрерывно кланяясь, вошел один из стражников, игравших с Ловкачом в кости. За ним с довольной рожей следовал Выбей Зуб.

— Хабиш, — махнул в сторону свидетеля Эдарт, — служит под началом доблестного Аббаса. Он все видел.

Хабиш пал ниц и поклялся Митрой, что говорит чистую правду, после чего довольно связно изложил ночные события на постоялом дворе Флатуна. Конан мысленно обругал себя ослом: надо было заглянуть в ту бочку и оторвать ублюдку голову! Чтоб он еще раз пустился на хитрые уловки! Куда безопасней просто грабить, не оставляя живых свидетелей...

— Как видишь, выбор у тебя не богат, — заключил судебное разбирательство светлейший, — либо позорная казнь, либо верная служба. Ты можешь кровью искупить свою вину, северянин.

Конан взглянул на гнусную физиономию ухмылявшегося Аббаса, и кровь ударила ему в голову.

— Я не стану плясать под твою дудку! — крикнул он, в бессильной ярости стараясь разорвать оковы. — Уж скорее на шадизарском привозе и вправду станут торговать золой, чем киммериец добровольно подставит свое плечо под рабское клеймо!

— Клянусь Митрой, — насмешливо сказал Эдарт, — если таковое чудо произойдет, я, пожалуй, отпущу тебя и даже разрешу тебе и твоему дружку две луны беспрепятственно обделывать в Шадизаре свои делишки!

Окружавшие вельможу разодетые лизоблюды подобострастно захихикали, а Выбей Зуб забулькал горлом и согнулся пополам, сотрясаясь своим жирным телом.

— Решай незамедлительно, — повысил голос Эдарт, — кол или казарма! Что там за шум?

Сквозь распахнутые настежь окна, выходившие на рыночную площадь, долетели какие-то крики. Выбей Зуб услужливо затрусил к окну и высунул наружу голову. Когда он вернулся, его нижняя челюсть покоилась чуть ли не на брюхе, а вся физиономия являла такое изумление, словно он увидел посреди торга танцующего слона или замбабвийского крокодила, разгуливающего на задних лапах.

— Верблюды, — пролепетал десятник, едва удерживая на ставших ватными ногах свое грузное тело, — целый караван... Купцы... они продают... они...

— Да говори же! — рявкнул Эдарт.

— Золу! О боги, они привезли в Шадизар золу!

Начальник городской стражи сорвался со своего кресла и, забыв всю причитающуюся его сану степенность, бросился к окнам. Следом устремилась челядь, телохранители и невольницы. Только Выбей Зуб остался сидеть на полу там, где подкосились его ноги.

Вернулся Эдарт уже не столь торопливо, подошел вплотную к пленнику и спросил севшим голосом, в которм не было ничего, кроме изумления:

— Ты знал об этом, поганец?

— Клянусь Кромом, нет, — отвечал варвар, не в силах еще поверить, что Ловкач каким-то неведомым образом догадался, как вызволить его из беды. — Но ты поклялся Митрой, светлейший, поклялся при свидетелях...

Вельможа удалился на свое возвышение и воссел, пребывая в крайней задумчивости. Он поклялся Всевидающим, слов нет, но кто о том ведает? Прикажи он, и все, кто слышал, будут немые, как рыбы. Никто никогда не узнает, как сгинул молодой варвар, вот уже долгое время смущавший покой честных шадизарцев. Его долг — охранять их собственность и блюсти законы. И все же...

И все же не все законы писаны на земле. Эдарт о сем ведал и не раз видел тому подтверждение. Он сдержит свое слово, но только свое. Кто мешаает иному человеку, не обремененному ни клятвой, ни положением, свершить возмездие? Пока киммериец слаб после пыток, пока опьянен нежданной свободой...

— Снимите с него оковы, — приказал вельможа.

Когда варвар, растирая затекшие руки, уже направлялся к выходу, он не удержался и спросил:

— Ты не хочешь поблагодарить меня, северянин?

— Нет, — отвечал Конан, — ты только исполнил то, что обещал именем Митры. Да и что тебе благодарность «поганца»? Я припомню твои слова, светлейший, а ты не забудь, что отдал мне Шадизар на две луны.

Когда варвар вышел, глава стражи подзвал очухавшегося Аббаса и отдал короткий приказ. Десятник хищно осклабился и выскользнул за украшенную богатым орнаментом дверь залы.

* * *

Размахивая полупустым кувшином с вином, одолженным в духане Тааз-аки, Конан брел по узкой улочке Пустыньки. Ноги его заплетались, он шатался так, что стучался о стены домов, из которых за его спиной высовывались испуганные лица обитателей. Узнав киммерийца, да еще пьяного вдрызг, обитатели поспешно захлопывали двери и задвигали засовы, а иные и ставнями прикрывались — от греха подальше.

Когда фигура варвара скрылась за углом, на улице словно из-под земли возникли трое в черных плащах с капюшонами, закрывавшими лица.

— Там тупик, — сказал один из людей, отличавшийся от своих спутников грузным телосложением и уверенностью движений, — попалась птичка!

Все трое устремились вперед и свернули за угол.

Там, действительно, был тупик, грязный, заваленный мусором. Но рассмотреть толком сей унылый закоулок Пустыньки двое не успели: человек, притаившийся возле стены, сделал два молниеносных выпада, и его нож дважды напился крови.

Третьему преследователю нападавший железной рукой сдавил горло. Тот забился и захрипел, капюшон упал, открыв толстое посиневшее лицо с выпученными глазами.

— Что, Аббас, пора тебе нергалье дерьмо на вкус попробовать, — сказал его противник, — дождешься на Серых Равнинах Эдарта, привет передавай.

Десятник так и не понял, откуда у Конана взялся нож. Он следил за киммерийцем от самого дворца и уверен был, что после ночи в подвале тот едва переставляет ноги, а когда варвар хлебнул вина, Выбей Зуб и вовсе решил, что справится с ним без особых хлопот.

Сейчас он понял, как жестоко ошибся: рука, сжимавшая его горло, была словно из стали, а синие глаза

смотрели ему в лицо с холодной ненавистью. Десятник не стал просить пощады, да и не смог бы. Он почти безучастно, словно убивали кого-то другого, смотрел, как острая сталь, поворачиваясь, входит ему в живот, и поднимается лезвие, вспарывая плоть, и наливается алым тканью рубахи... Потом в глазах вспыхнули огненные круги, и мир померк для него навсегда.

Отбив вырнув безжизненное тело, Конан перешагнул через поверженного врага и направился сквозь лабиринт улочек к лачуге Шелама. Он не был уверен, что застанет его там, но Ши сидел за своим убогим столом, двигая по выщербленным доскам золотые монеты.

— Деньги считаем? — сказал киммериец, входя через низкую дверь.

Ловкач вскочил, радостно всплеснул ручонками и полез обниматься. Конан толкнул приятеля обратно на лавку и уселся сам.

— Друг, — зачистил Ши, ерзая тощим задом, — а я слышал, упрятали тебя собаки эдартовы, в подвалы упрятали и Выбей Зуба напустили... Сам он и хвастал в казарме, а стражники по всему городу разболтали. Как же ты вырвался из лап аббасовых?

— Так и вырвался, — сказал варвар, — Аббас же лапы откинул. Ты лучше скажи, что случилось с нашими верблюдами?

— Какими верблюдами? — Ши наморщил узкий свой лобик, сиюсья припомнить. — Ах, верблюдами! Продали я их, киммериец, как есть продали. Барыш вот как раз делил поровну — а ну, думаю, вернется тигр моего сердца, надо его долю припрятать. Только трудная задачка вышла: двести тридцать и еще пять золотых никак пополам не делятся.

— Что-о?! — взревел Конан. — Двести тридцать пять монет за табун верблюдов? Удавлю, крыса! Куда остальные спрятали?!

Ловкач привычно нырнул под стол, откуда и пропищал обиженно:

— Почему двести тридцать пять? Я кольцо Флатуна загнал, нам от кривого Дамара еще пятьсот причитается.

Конан знал кривого Дамара, скупщика краденого, который был кое-чем обязан киммерийцу и на обман вряд ли решился бы. Поэтому варвар милостиво разрешил Шеламу выбраться из-под стола и велел поведать, что

случилось с ним после того, как они расстались у колодца на аренджунской дороге.

И Ши поведал, что гнал верблюдов во весь дух, и все было бы хорошо, если бы белая потаскуха не увела половину стада куда-то в одной ей ведомые края, не желая, очевидно, делить первенство с вожакон, которого погонял Ловкач. Сказывают, белые верблюдицы только в Вендии случаются, так она не иначе туда и подалась, чтоб ноги ее отсохли...

— Да, — сказал Конан, склоняясь к тому, что Ши навряд ли станет ему врать, побоится, — убежал твой дом аренджунский вместе с женами и наложницами. Но остальных-то ты продал?

Ловкач подтвердил, что остальных продал, и не где-нибудь, а в Усмерасе.

— Пораскинул я умишком своим, что стражи Эдarta нас в Аренджуне искать станут, ну и решил податься в Усмерас. Там меня с почетом приняли, суфеем величали. Много я им чего наболтал про то, как золой в Шадизаре торговать выгодно и еще чего-то... Забыл наутро.

— Еще бы, — проворчал Конан, — третий день кончился.

— Что болтал, забыл, а о деле нашем помнил, — продолжал Ши важно. — Загнал им верблюдов по-дешевке, а что было делать? Народ там прижимистый, да и чудной малость. Пришли ко мне старейшины ихние и вопрошают: палить им свои дома или не палить?

— Что-что? — удивленно переспросил киммериец.

— Ну, они решили, что раз в Шадизаре за один воз золы можно табун верблюдов поймать, то уж, спалив весь Усмерас, они потом себе золотые хоромы отгрохают.

— Так значит, эти дурни торгуют сейчас золой на рынке? — хмыкнул варвар.

— Они. А я так мыслю: нарушили усмерасцы древний запрет, тронули пепелище, теперь и поплатятся.

Ловкач взял со стола монету, потер о подол своего рубища и, поднеся к самому носу, принялся внимательно разглядывать.

— Ладно, — сказал Конан, — твое хитроумие — моя удача. Подарок дива, коим ты столь опрометчиво воспользовался, загнал меня под плеть, но он же и вызволил меня, да еще с немалой выгодой. Знай же, крыса, что светлейший Эдарт поклялся Митрой не трогать нас целых

две луны, а за это время можно с лихвой наверстать упущенное. Думаю, начальник стражи сдержит слово — смарть Аббаса послужит ему предупреждением. А если и нет, мы все равно славнo погуляем: деньги есть и на доброе оружие, и на выпивку, и на приличное платье — чтоб в лучшие кабаки пускали... Кстати, куда ты подевал свой богатый наряд?

— Я отдал его нищему, — сказал Шелам, продолжая изучать деньги.

— Ну так и есть, — воскликнул варвар, — кончился твой ум, как есть кончился!

— А вот и нет, — вскочил вдруг Ловкач, — слушай-ка!

Он встал в позу, отвел в сторону руку с монетой и прочел:

Прославлен будь в всах,
о тигр моей души,
И не забывай, что... мн-э-э...
лучший твой друг —
это Ловкач Ши!

Потом застыл с разинутым ртом, провел ладонью по губам и воскликнул:

— Не понял! Что это я тут болтаю, а, Конан?

И тогда киммериец, откинув свою черноволосую буйную голову, расхохотался во все горло.

ЛУННАЯ ЛЬДИНКА

Когда смрадный и многоголосый вечер вступил в свои права, затянув сумраком торговые шадизарские улочки, эту девушку облюбовал Очаровашка.

Она назвала его так, едва заметив. Совсе не в насмешку. Не за горб, которому позавидовал бы дромадер пустыни, не за плоскостопые и разные по длине ноги, не за идиотскую ухмылку и скошенный крысиный подбородок. За величину кошелька, что чарующе позвякивал в такт утиной походке.

Заметив в глазах стройной молодой девушки искорки алчности, он, казалось, прибавил ростом. Природа обделила его статью и красотой, но ему как-то ни разу не довелось об этом всерьез пожалеть. Говорят, не родись красивым, а родись богатым. Слыша звон золота, шлюхи под фонарями никогда не отвечали ему надменным «от-

стань, урод»; околдованные желтым блеском монет, в ласках они проявляли чудеса изобретательности. И восклицали потом, сгребая заработанные деньги слегка дрожащими от волнения руками: «Вот это куш! Да ты просто очаровашка! Приходи еще, красавчик, тут теперь все твое!»

Он оценивающе посмотрел на избранницу. Еще издали зоркие глаза выхватили ее из полутора десятков гуляющих девиц в красных платьях, которые группами и поодиночке толклись у перекрестка и подзывали, а то и за руки хватили хорошо одетых горожан. Она стояла в стороне от других — высокая, с броской внешностью. Шлюхи зловеще косились на нее, мужчины с головы до ног облизывали похотливыми взглядами.

Очаровашка частенько хаживал по этим улицам, но ни разу ее не встречал. Иначе и быть не могло; она появилась только сегодня. И сразу из-за нее вступили в схватку двое сутенеров, которые прежде неплохо ладили друг с другом. Победенный ушел, скуля и баюкая сломанную челюсть, победитель услышал томное: «Ладно, цыпленочек, будь по-твоему» — и оставил ее в покое, уверенный, что завтра утром получит свою долю выручки, а может быть, и ласки.

Она успела грубо отшить нескольких жуликоватых на вид безденежных сластолюбцев, но при виде Очаровашки не колебалась ни мгновения. Сразу кивнула с улыбкой и ушла с ним в извилистый и мглистый переулочек, а вслед полетело чуть ли не хоровое: «Сука!» Золото в атласном кошельке волнуяще позвякивало, а сталь, греясь между красным шелком платья и нежной кожей бедра, ждала своего мига.

* * *

В углу скрипнула половица — нет, не померещилось, в третий-то раз никак не могло померещиться. Словно вторя ей, скрипнули от отчаяния его зубы. В глубине дома прошуршал тяжелый засов, лязгнула щеколда, клацнул замок — все, обратный путь отрезан! А впереди и вокруг ждут в кромешном мраке слуги ростовщика, и не с пустыми руками ждут — видел он их дубинки и кинжалы вчера при свете дня, когда бродил по огромному дому под видом заезжего краснодеревщика, осматривая комнату за комнатой и чинно внушая хозяйину: «Здесь бы ковер туранский в аккурат лег, ваша милость, есть у меня один — дороговат, но до чего ж роскошен! Да и сносу не знает. А вот тут мы, с вашего позволения, кроватьку бы

поставили под балдахином, оно понятно, что кроватька в спальне нужна, да ведь она и в гостиной не помеха. А жаровенку я б заменил, больно уж ваша невзрачная; только пожелайте, мы вам из витой бронзы доставим, настоящей аквилонской работы».

Вчера ему казалось, что годы, проведенные в подмастерьях у знаменитого умельца, не пропали втуне, — ростовщик внимал, разинув рот, у его домочадцев блестяли глаза, когда молодой немедиец, прилично одетый и с располагающей внешностью, со знанием дела описывал то или иное чужеземное мебельное чудо, которое он брался доставить через неделю. В конце концов ударили по рукам, и лжекраснодеревщик получил задаток — сумму, надо сказать, смехотворную. Зато уходя, он знал главное: где в этом доме хранятся деньги.

Замок на входной двери уступил легко и беззвучно; с отмычками лжеремесленник управлялся куда сноровистее, чем с долотом и теслом. Впрочем, и долото сгодилося — оно пролезло в замочную скважину и приподняло засов, а вскоре петля на конце бечевки, пропущенной между дверью и притолокой, затянулась на конце засова. Дверь отворилась без скрипа — не зря перед этим он, набрав полный рот орехового масла, струйкой выпустил его в щель, за которой находились литые чугунные петли. Ухмыляясь, он переступил через порог и угодил в ловушку.

Снова заскрипела половица, и он, даже не напрягая слух, уловил сопение. Кто-то тайлся во мраке. Возможно, с оружием наготове! Возможно, не один... Возможно, ждал сигнала...

Справа под дверью появилась желтая полоска. Вор напрягся, выставил перед грудью долото — остро заточенное, оно сойдет за кинжал, если придется защищать свою жизнь. Дверь резко распахнулась. За ней стояли люди с факелами и фонарями. Пламя ярко освещало равнодушные, нисколько не удивленные лица.

Долото полетело на пол — сопевший во тьме человек с дубиной давно рассчитал удар. В грудь вора уперся клинок. Почти к самому лицу приблизился факел.

— Это он, — блеклым голосом сообщили хозяину дома.

* * *

— Ну так вот, выехали, значаца, мы за ворота, добрались до лесочка — его отсюда видать, с южной башни, — рассказывал мечник, баюкая на коленях правую руку, рану

под грязной повязкой жгла подозрительная мазь, второпях наложенная пьяным коновалом. — Добрались, знача, а навстречу — шасть из-за деревьев! Здоровенные лбы, такими хочь заместо таранов ворота крепостные просаживай. У каждого топор, что твой жернов, на башке шлем с прорезями для глаз, а на щите трое таких, как ты, влежку уместятся, провалиться на этом месте, ежели вру! Бегут на нас и ревут, с деревьев аж листья сыплются. Ну, тут мы им и задали перцу!

— Ага, задали, — ухмыльнулся Конан и повел рукой вокруг себя — на площади у ворот вповалку лежало около двух десятков мертвых охранников, которых перевезли в Шадизар с лесной опушки, где неизвестная шайка подстерегла караван Халима Баши. Самого Халима, угодившего под разбойничий топор, его родственники забрали еще утром.

— Так я ж тебе об чем и толкую, — не обиделся раненый, — этикие бугаи и без топоров накинута — цел не будешь! Да ты и сам погляди, вон они валяются.

Конан покосился туда, где лежали бандиты. Он уже видел их, сам помогал грузить на телеги изрубленные тела. Да, парни как на подбор, и рожи у всех зверские, встретишь такого в темном переулке — еще неизвестно, уйдешь ли живым. Он поражался их храбрости — всемером, да против доброй полусотни! И зачем? Ну, отбили бы караван, так куда после деваться с «горячим» товаром? В лесочке не спрячешь — уж больно мал лесочек-то. А кругом — голая степь, и сотник городской стражи вмиг отрядит погоню на быстрых конях, и с солдатами обязательно поедут родичи Халима Баши — не допустят, чтобы разбойники откупились от блюстителей закона.

— Стало быть, вся шайка полегла?

В глазах раненого мелькнула настороженность. И сразу исчезла, но Конан уже понял, что сейчас услышит ложь.

— Ага, всех кончили. Шакалам шакальа смерть.

— И не пропало ничего? — с улыбкой поинтересовался Конан.

— В смысле? — Настороженность вернулась.

— Ну, из товаров?

— Все цело. — Раненый насупился и отвернулся.

— Я слышал, у Халима камешек был, — сказал киммериец с нарочитой беспечностью.

— Мало ли кто чего слышал, — угрюмо вымолвил страж каравана.

Конан подступился к нему почти вплотную, заглянул в глаза и дружелюбно произнес:

— Кром! Да брось ты темнить, приятель! Я ж чего спрашиваю — меня сам Халим звал к себе в охрану, да тут, — он с горечью усмехнулся, будто вспомнил что-то малоприятное, — работенка одна подвернулась, сулили большие деньги, а вышел собачий хвост без шерсти... Халим прямо так и говорил: надо камешек один в Арэнджун отвезти, помимо прочего товара. Больно ценный камешек, много лихих людей на него зарится.

Раненый отстранился, раздраженно зыркнул на киммерийца и сказал:

— Вот что, мил человек. Я тебя знать не знаю, может, ты и правду говоришь, да только нам Халим ни про какие камешки не рассказывал. В Арэнджун мы ехали, это верно, а что везли — меня не касается. И тебя тоже, если хочешь знать. Ступай-ка ты с миром, а то шепну халимовой родне, что ходят тут всякие, вопросы задают...

— Да к чему их задавать, коли у тебя и так все на роже написано, — рассмеялся Конан. — Не хвастай, приятель: не всю вы банду положили. Баши камешек за пазухой держал, кто ему черепушку развалил, тот и ушел с добычей. Караван-то им без надобности был, драку они только ради Лунной Лыдинки затеяли.

Мрачная неразговорчивость охранника была красноречивее любых словесных подтверждений. Но Конану этого показалось мало. Он с печальным вздохом снял с пояса тощий кошелек, развязал, вытряхнул на ладонь три монеты. Посмотрел на раненого и ничуть не удивился перемене в его лице. Впрочем, любезная улыбка сразу сгинула, как только две монеты из трех вернулись в кошелек.

— Ладно, язви тебя Кром. — Конан снова тяжело вздохнул, вынул монету из кошелька, протянул охраннику. — А третью не получишь! — грозно заявил он. И тут же смягчился слегка: — Да имей же ты совесть, приятель! По миру меня пустить хочешь?

— Угадал ты, мил человек, восемь их было, — признался раненый, запикивая деньги под кровавую повязку. — Восьмой и ушел с камешком. А куда ушел — не пытай, ей-ей, не знаю.

— Что ж вы восьмого-то упустили, а? — осуждающе спросил киммериец. — Догнать не смогли?

Его слова задела охранника за живое.

— Был бы ты тогда с нами — понял бы, почему упустили, — процедил он сквозь зубы. — Это ж не люди — кабаны бешеные, как начали нашего брата кромсать, только брызги кровавые полетели! Когда последний, самый лютей, деру дал, мы своему счастью не поверили! И рассудили: на кой его догонять, когда Халим Баши на дороге мертвый валяется, товары целехоньки, а бандюга в город мчится? Ну, схоронится в каком-нибудь притоне, так ведь камешек-то, Лунная Лыдинка, все равно себя выдаст! Мало что сам он дорогуший, пол-Шадизара можно купить, на нем еще и заклятие против воров. Большие деньги Халим чернокнижнику отвалил, зато теперь Лунную Лыдинку нигде не спрячешь. Из-под земли до хозяев докричится.

— Да ну? — Последние слова охранника только подогрели любопытство Конана. — А чего ж тогда родня Халима озолотить сулит того, кто Лунную Лыдинку найдет?

— Врешь! — Раненый резко выпрямился, вскинул нечесаную голову. — Кому они сулили? Когда?

— Своими ушами слышал — командиру стражи сулили, — честно ответил Конан, не договорив, что разговор тот, из-за угла подслушанный, вовсе не предназначался для его ушей. — Сгинула, говорят, Лунная Лыдинка, точно в омут канула. Кто найдет, тому золота отвалит, сколько на горбу своем утащит.

— Ух ты! — возбудился охранник. — А что сотник стражи? Согласился помочь?

— Понятное дело, согласился, да только велел халимовым родичам лишнего не болтать, а то, говорит, весь город всполошится, на поиски кинется.

— Эх, рана, паскуда! — Охранник досадливо взглянул на окровавленную руку. — Кабы не она, проклятая, я б сейчас первым всполошился.

— А ты хоть видел ее, Лыдинку Лунную? Знаешь, как выглядит? — Конан не дослушал до конца тот разговор с сотником стражи — помешал какой-то зевака, зашедший за угол, где стоял киммериец.

Охранник отрицательно помотал головой.

— Баши, земля ему пухом, никому не показывал, пуще глаза берег. Говорят, плоский камень, желтый и прозрачный. И блестит красиво, глаз не оторвать. Может, врут,

может, нет... И куда ж он кануть-то мог, а? Заклятье-то дорожное...

— На любые чары найдутся чары покруче, — уверенно заявил Конан.

* * *

— Про Лыдинку ничего не слышали, а работенка для тебя, может, и найдется, — сказали ему в тот вечер на Южном базаре. Торговцы уже разъехались по домам и постоялым дворам, и за высоким забором, сплетенным из виноградных лоз, толпа оборванцев устроила привычную дележку отбросов. Заглянул туда и Конан, но вовсе не за своей долей подгнивших фруктов и овощей (каковой ему не причиталось), а для разговора с вожакom местного отребья. Вожак был радушен — предложил гостю ломоть осклизлой дыни и пригоршню черной шелковицы, собранной его приятелями на грязной земле. И то и другое было вежливо, но непреклонно отвергнуто. Тогда вожак сказал:

— Знаешь Паквида Губара?

— Горбуна колченогого, что ли? — Конану живо вспомнился странный ростовщик, любитель разгуливать по ночным улицам с толстым кошельком на поясе и стойкой невидимых, как духи, телохранителей с кинжалами да удавками. Даже не будь телохранителей, местное жулье боялось бы Паквида Губара пуще проказы.

— Его самого. — Вожак не подал виду, что его задел брезгливый тон собеседника. У него самого осанка была далеко не царственная, да и походка оставляла желать лучшего. Но, обделив его красотой, природа воздала отменной выдержкой и тем, что принято называть ушlostью. — Паквид себе особняк загородный отстроил, настоящий дворец. Теперь стражу туда набирает.

Конан кивнул. Особняк тот он видел, такому любой вельможа позавидует. Увенчанные острыми шпильями башни над стенами из бурого камня, причудливые узоры акротериев, зачлененная злоба в очах каменных драконов, тончайшее глазурованное кружево волют... От этого замка, даже недостроенного, веяло угрозой. Роком! Так показалось Конану с первого взгляда, а он давно привык доверять интуиции.

— Денег у Паквида куры не клюют, и за верную службу платит он щедро. Есть будень на серебре, спать на коврах, но скажут тебе «ап!» — изволь сначала подпрыгнуть, а

после можешь раздумывать, зачем это понадобилось. Ну что, интересно?

Конан пожал плечами. Нищий кивнул.

— Верно, кто себе цену знает, тот никогда не спешит слюни пускать. Погуляй, пораскинь мозгами. Надумаешь — ступай прямо в особняк и стучись в ворота — мол, от меня. С тебя один золотой.

— За что? — прикинулся удивленным Конан, хоть и знал, что не миновать разлуки с последней монетой. — Я, может, еще не захочу...

— Ты мне тут не шуток не шути! — вспыхнул вожак нищих. — Это твое дело — хотеть или не хотеть, а мое — наводку давать и деньги за это брать. И заруби себе на носу, — хмуро добавил он, пряча золотой в кулаке, — здесь базар, а не балаган. Это в балагане развлекают, а на базаре — торгуют.

* * *

За стенами особняка Паквида Губара раздались скрежет барабанов и грохот выбираемых цепей — поднимают мост, сообразил Конан. Вскоре там же, за стеной, громынуло — упала тяжеленная решетка, перекрыв входную арку. Чуть позжебрякнули обитые медью высокие ворота. Замок надежно отгородился от внешнего мира.

Подали голос и створки парадной двери; с голого обри-тый здоровяк в ливрее слуги удалился с большущей связкой ключей на сгибе локтя. Из верхнего покоя к балюстраде вышел горбатый мужчина неопределимого возраста и окинул цепким взглядом громадный зал.

И то сказать, столь разношерстная компания заслуживала пристального взгляда. Почти каждый был при оружии; одежда варьировала от красного платья шлюхи и дикарской набедренной повязки из козлиной шкуры до полного доспеха иранистанского воина и златотканного офирского камзола с кружевной оторочкой. Разнились и выражения лиц: на одних — детская невинность (без сомнения, фальшивая), на других — печать всех возможных пороков (разумеется, подлинная). Среди них выделялось лицо молодого рослого киммерийца — такой безучастности во взоре позавидовали бы даже нефритовые стигийские колоссы. Конан стоял, согревая лопатками мраморный пилон, и поочередно проникал взором под каждую складку роскошного одеяния хозяина замка. Надо заметить, в этом занятии он был не одинок.

Пакван Губар удовлетворенно кивнул и заговорил, чуть картавя и растягивая слова:

— Бесконечно счастлив видеть вас, уважаемые и достопочтенные, под сводами моего нового скромного обиталища. Невыразимо рад, что вы вняли приглашению и явились сюда, дабы пополнить ряды моей личной стражи. Ничуть не преувеличу, заметив, что служба в моем доме будет очень интересной и высокооплачиваемой. Но для того, чтобы поступить на нее, вы должны пройти испытание. Видя перед собой таких мужественных и бывалых воинов и воительниц, я смею надеяться...

— Чего? — перебил густой бас слева от Конана. — Какое еще испытание? Великий Бел! Впервые о том слышу!

— Видя перед собой таких мужественных и бывалых воинов и воительниц, я смею надеяться, — повторил горбун, пропуская вопрос мимо ушей, — что для каждого из вас испытание закончится успешно, и он получит щедрый задаток — разумеется, в золоте. Однако есть еще одно условие: любой претендент вправе отказаться от службы, но лишь после того, как пройдет испытание.

— Клянусь шерстью на заднице Аримана! — возмутился худощавый смуглый иранистанец Мугандир в зеленом шелковом плаще поверх громоздких доспехов. — Мне это уже не по нутру! Что значит — можно отказаться от службы, но не от испытаний? Почему?

И на этот раз хозяин особняка поспешил на ответ. Толпа в зале зароптала.

— Сейчас я оставляю вас, славные воители, — спокойно произнес Паквид, — а при следующей нашей встрече вы сможете задавать любые вопросы. К тому времени все уже будет закончено. Желаю удачи. Слуга проводит вас в трапезную; надеюсь, ужин вам понравится.

* * *

— Сок! И здесь — виноградный сок, будь он проклят! — вскричал плотно сбитый офирец с испитым смуглым лицом. Придя в ярость, он швырнул узкогорлый кувшин в стену; чеканное серебро сплюсилось от страшного удара. — Проклятый жмот! «Ужин вам понравится»! — передразнил он, кривя губы. — Тьфу!

— Да ладно тебе, Гизайль. — Фефим, стройный курчавый шадизарец в облегающем костюме ярмарочного жонглера, взял с блюда несколько жареных ножек индей-

ки, и они лихо закувыркались над его головой; чуть позже к ним присоединились длинный бронзовый нож с роговой рукоятью и массивная двузубая вилка. — Брось привередничать, дружище. Смотри, какая красота: копченые перепела, печень горной косули с соленым барбарисом, форель отварная по-иантийски, фаршированная изюмом хурма в меду... Правда, сразу вопросик у меня: если Пакван так слуг потчует, что же он сам жрет?

— Вино! — Кулак Гизайля с грохотом опустился между блюдами. — Ни капли вина на всем проклятом столе! Если Паквану в охране нужны только трезвенники, пускай не в Шадизаре их ищет, а в храмах, среди жрецов Митры!

— Без вина жизнь скучная, — согласился Конан, — но у меня с утра во рту ни крошки. — Он уселся за стол, придвинул к себе блюдо с жареным каплуном и плоску с соусом. — Налетай! Не то я один со всем справлюсь.

Девять претендентов расположились за столом. Напротив Конана села молодая женщина в грязном красном платье; под ее левым глазом чернел синяк, на шее под нитками бус виднелся темный след удавки. Во всем остальном ее облик был безупречен, а волосы — длинные, светлые, вьющиеся — наводили даже на романтические раздумья. Конан опустил голову и вонзил зубы в петушиную грудку.

— Котик, — обратилась к нему девушка в красном, быстро уничтожив изрядный кусок косульей печени, — не откажи в любезности, подкинь лепешку вон с того блюда.

Конан выполнил просьбу и сказал без особого интереса в голосе:

— Ты-то здесь какого демона? Иль под фонарем торчать надоело?

Девидка посмотрела на свое красное платье и хихикнула.

— А может, я по-людски хочу пожить. В стражах, а не в шляхах.

Конан скептически хмыкнул.

— Кром! По-твоему, бегать за хозяином, точно пес, — это по-людски жить? И вообще, мечом махать — не женское дело. Да ты и на воительницу не очень-то похожа. Не то что эта! — Он кивнул на шемитку Дориду, сидевшую у прогивоположного края стола. В Шадизаре она появилась недавно. Дорида родилась в общине вольных каменотесов, а когда ей стукнуло девятнадцать, покинула родные края и нанялась в войско одного из шемитских

городов. С тех пор она не расставалась с коротким мечом, а природная угрюмость и независимый нрав вечно вовлекали ее во всякие приключения, из которых, правда, она чаще всего выходила победительницей. На ее плечах и спине бугрились мышцы, а под массивным горбатым носом чернели самые настоящие усы. Если б не привычка Дориды ходить полуголой, ее бы все принимали за мужчину.

Девушка в красном снова хихикнула.

— Котик, слышал пословицу: было бы желание, а способ найдется?

Конан кивнул и оторвал у каплуна ножку.

— Так вот, чтоб ты знал: не было у меня такого желания. Ни капелюшечки. А способ нашелся. — Она громко рассмеялась.

— Чтoб мне очокуриться на собственной свадьбе! — воскликнул юноша-немедиец в трех локтях справа от Конана. — И ты? — Он перегнулся через стол и уставился на светловолосую.

Она кивнула. И спросила в свою очередь:

— А тебя, малыш, где замели?

— Я тебе не малыш! — У немедийца обиженно дрогнули пухлые губы. — Хочешь по кличке звать — пожалуйста. Пролаза, к твоим услугам! Я к Паквиду в городской дом пробрался, хотел в кубышке поскрести, да мне там теплую встречу приготовили. Потом два дня продержали в погребѣ с пауками, кормили, правда, на убой... А нынче утром сюда перевезли. Сказали, пройдешь испытание — будешь прощен, работу хорошую получишь. Как будто мне одной работы мало! Я, может, по ночам не меньше зашибаю, чем любой паквидов холуй...

Конан не поверил собственным ушам. Где это видано, чтобы вора, пойманного с поличным, нанимали в стражники?

— А ты? — Он перевел взгляд на девушку.

— Чтo — я? — Она усмехнулась, вытирая губы рукавом.

— Зовут-то как?

— Саба.

— Откуда будешь?

— А тебе на что знать? Какая разница?

— Да никакой, пожалуй. Мало ли на свете непотребных девок... Тоже, небось, хотела Паквида нагреть?

— Угадал, котик. Как тебя...?

— Конан.

— Только насчет шлюхи ты маленько промахнулся. Никакая я не шлюха, а честная налетчица. Просто разок встала под фонарь — дай, думаю, погляжу, что выйдет. А вышел конфуз! Только это я с Очаровашкой познакомилась, да прижала его к стеночке в уютном переулке, только ножик достала, а мне на шею сзади — шнурок! Придушил проклятый телохранитель, что твою шавку безродную! Правда, не до смерти. Очухалась я, гляжу — подвал, горшок для дерьма, люк в потолке... Ну, смекаю, пропали мои годы молодые, погибла моя девичья краса! Уж лучше бы прикончили...

— Но потом-то выпустили, — заметил Конан.

— Ага, выпустили... в вашу теплую компанию. Ну, правда, котик, какой из меня страж? Я же тут все растащу...

Над длинным столом раздавались дружные хруст и чавканье. Только иранистанец Мугандир сидел, угрюмо сутулясь, и не прикасался к пище.

— Чего это он? — сказал Конан Сабе, кивнув на угрюмого иранистанца. — Не жрет совсем...

Светловолосая неопределенно пожала плечами. Жонглер Фефим, сидевший напротив Мугандира, услышал слова киммерийца и заинтересовался:

— Правда, Мугандир, ты чего? Боишься, отравят?

Иранистанец выпрямил спину и окинул стол надменным взглядом.

— Как тебе ответить, жонглер... Я боюсь того, чего не понимаю. И не вижу в этом ничего постыдного. Я — тертый калач, на своем веку немало дорог исходил и всякого навидался... И травили меня, и резали. Но тут, — он повел вокруг себя рукой в кольчужной рукавице, — мне отчего-то совсем не нравится. Во-первых, не люблю, когда мягкие подушки под зад суют, во-вторых, когда тень ишака загораживает солнце истины...

Фефим укоризненно покачал головой.

— Так-то оно так, Мугандир, но у нас в Шадизаре очень строгие законы гостеприимства. Отказаться от пищи в чужом доме — значит смертельно обидеть хозяина. Да и вообще, ворота на запоре, и кто знает, когда нас отсюда выпустят. Будешь упрямиться — еще, чего доброго, ноги с голодухи протянешь. Ты лучше бери пример вон с того молодца, Баррака, — он указал на коренастого пикта в набедренной повязке из козлиной шкуры — его

тело напоминало мешок, туго перевитый морскими канатами; из нескольких сабельных ран на плечах и груди, грубо зашитых конским волосом, сочилась сукровица. Пикт скалил зубы и рычал по-звериному, терзая жареного поросенка и брызгая на соседей соком; те ругались, но никто не решался отвесить свирепому дикарю оплеуху. — Вот откуда берутся силы, — с улыбкой пояснил Фефим.

— Он прав, — сказал иранистанцу Пролаза. — Мне тут нравится еще меньше твоего, даром, что ли, я два дня куковал в вонючем погребе. Но законы гостеприимства — дело святое, раз угощают — давись, но ешь. Да не бойся ты! Рассуди сам: какого демона Паквиду нас травить?

Вняв увещаниям, Мугандир неохотно взялся за нож, воткнул его в форель и переложил рыбину на свое блюдо. Не снимая кольчужных рукавиц, он содрал с форели кожу и сунул в рот кусок белого мяса. Прожевал с недовольной миной на лице. И вдруг схватился обеими руками за горло. Соседи встревоженно повернулись к нему.

— Кость! — просипел он. — В горло воткнулась! Окхх... больно!

— А, Кром! — воскликнул Конан, глядя, как багровеет лицо иранистанца, как вылезают из орбит глаза. — А ну, пасть открой!

Мугандир не подчинился — его рассудок отступил под натиском невыносимой боли и ужаса. Конан оторвал его руки от горла, заставил раскрыть рот. Мугандир закашлялся, брызгая в лицо киммерийцу пережеванной форелью.

— Свечу мне! — крикнул Конан, окидывая зал диким взглядом.

Фефим выдернул из канделябра горящую свечу, поднес к голове Мугандира.

— Ищи, — сказал он киммерийцу. — Я посвечу.

Конан молча вырвал у него свечку, перевернул огоньком вниз. Затрещал фитиль, на недоеденного каплуна закапал воск. Подождав, пока конец свечи хорошенько размякнет, Конан погасил пламя и сунул свечу в рот Мугандира, безжалостно затолкал в горло.

— Кхрхр... кгха... — снова захрипел и закашлял иранистанец.

— Что ты делаешь? — ошеломленно спросила Саба. — Ему ведь и так не сладко!

Конан не ответил. Обезумев от боли и страха, Мугандир вдруг изо всех сил вонзил зубы в его пальцы. Конан выругался, дал ему крепкого тумака и заставил снова широко открыть рот.

— Терпи, болван, для тебя же стараюсь! — рявкнул он. Наконец, решив, что воск, наверное, уже застыл, он выдернул свечку и удовлетворенно кивнул. Претенденты, столпившиеся вокруг, увидели торчащий из свечи острый конец рыбьей кости.

— Ловко! — восхитился Пролаза. — А я и не знал такого способа.

— Я только что придумал, — ухмыльнулся Конан.

— Ну да, заливай! — не поверила Саба.

— Ох-хх... — произнес Мугандир, мешком ваяясь со стула. Саба опустилась рядом с ним на корточки.

Фефим рассмеялся.

— Струхнул, бедняга! Ничего, очухается.

— Конечно, очухается, — сказала Саба, ощупывая иранистанца, — только не здесь, а на Серых Равнинах.

Конан ушам своим не поверил.

— Точно, готов, — подтвердил Пролаза, наклонясь над Мугандиром. — Надо же было от такой ерунды окошиться! Вот тебе и тертый калач.

— Он до смерти боялся отравы, — рассудил Фефим, — а тут еще эта кость. Вот сердечная жила и не выдержала, лопнула. Выходит, предчувствие не обмануло.

— А все вы с дурацкими советами, — проворчала, глядя на Пролазу и Фефима, Саба. — Законы гостеприимства какие-то придумали... «Давись, но ешь!» — передразнила она. — Вот он и подавился.

— Да мы же пошутили, — стушевался Пролаза. — Нет, правда, нельзя же в его годы быть святой простотой. В Шадизаре такие не выживают...

— Глядите! — перебил Конан.

В противоположной стене отворилась дверь, появился бритоголовый слуга. Бесшумно обогнул стол, приблизился к мертвецу и обступившим его претендентам. Наклонился. Посмотрел. Выпрямился.

— Отважные вонтели, — произнес он равнодушно, — когда закончите ужин, прошу перейти в соседний зал. Там вас ждет отменное вино. Об усопшем мы позаботимся.

Не реагируя на ропот, он повернулся и исчез за дверью, оставив ее отворенной.

* * *

— А вот это уже по мне! — дородный офирец вытер рот рукавом и снова прильнул к кувшину с хмельным.

— Да, вино отменное. — Фефим тоже воздавал должное дорогим напиткам, но не с такими страстью и самозабвением, как Гизайль. — Станный он тип, этот Паквид Губар. Поназвал в дом бродяг, а кого и силком затащил, и теперь потчует, как царских слуг.

— Пыль в глаза пускает, — уверенно промолвила Саба. — Смотрите, мол, какой я щедрый, служите верой и правдой — будете как сыр в масле кататься.

Конану подумалось, что разбойница говорит дело. Схожие мысли и ему приходили в голову.

— Ладно, поглядим, надолго ли хватит его радушия, — сказал он. — Хотелось бы знать, когда начнется испытание.

— Утром, наверное, — предположил Фефим. — Сейчас покутим, потом выспимся, а поутру займемся делом.

В комнате появился бритоголовый слуга. Разговор оборвался.

— Почтеннейшие, — бесстрастно вымолвил здоровяк, — в соседнем покое приготовлены ложа. Когда вам наскучат возлияния, прошу перейти в опочивальню и не покидать ее до утра. Настоятельно советую в коридоре ступать только между линиями, специально для вас очерченными мелом. Неосторожность чревата гибелью. — В угрюмой тишине он покинул комнату.

— Это еще что за новости? — сказал наконец Пролаза.

— Да просто он о ловушке для воров предупреждал. — Саба сидела, закинув изящные ноги на стол и смакуя вино; пристальные взоры разгоряченных вином мужчин нисколько ее не смущали. — Кто сойдет с помеченной тропки, тому конец. Видала я такие штучки!

— А ведь неспроста Паквид воров боится, — произнес Фефим, и Конан заметил, как блеснули глаза у Пролазы. И еще он увидел, что рубашку молодого домушника оттягивает спереди что-то тонкое и длинное.

— Может, золото тут держит? — предположил немедведь.

— Ну, все. — Конан поднялся. — Погуляли, пора и на боковую. Айда, братва.

— Ты чего это тут... ик... раскомандовался? — возмутился Гизайль и крепко прижал к животу кувшин с

вином. — Хочешь дрыхнуть — катись, а мне... ик... может, тут нравится. Я, может, тут заночую.

— Завтра, похоже, денек не из легких будет, — спокойно сказал ему Конан. — Один Кром ведает, что этот лис горбатый для нас приготовил. Надо выпасться хорошенько. И вообще, подозрительно тут, лучше вместе дер- жаться.

— Ты, Гизайль, если хочешь вконец напиться, бери кувшин с собой, — предложил немедиец. — А вообще-то вот тебе добрый совет: хватит zenки заливать. Представь, с какой баншкой ты завтра оклемаешься. Провалишься на испытании — не видать тебе больше этого великолепия, как своих ушей.

Сквозь пьяную оторопь на лице Гизайля проступила тревога.

— Не провалюсь! — Он вновь бабахнул кулаком по столу. — Мне тут... ик... по нраву! В лепешку расшибусь, а стражником стану. О таком хозяине, как Пакв... ик... как Паквид, я всю жизнь мечтал. Кто о нем худое слово скажет, тому ноги местами поменяю.

— Ну, так пошли. — Конан взял со стола канделябр и двинулся к двери.

В темном коридоре он сразу увидел две ломаные меловые линии. Присев на одной ноге, осторожно отвел вторую и слегка надавил на половицу в стороне от без- опасной стешки. Трапезиевидная плита со шорохом въе- хала в стену и вскоре вернулась обратно, позволив ким- мерийцу заглянуть в непроницаемый мрак.

— Поосторожнее тут, — предупредил он остальных, столпившихся у двери. — Давайте за мною по одному. Кто в сторону шагнет, костей не сосчитает.

Он пошел дальше и вдруг, спохватясь, обернулся.

— Кто-нибудь, за Гизайлем присмотрите, а то еще занесет на повороте.

— За собой присматривай, варвар, — донесся ворчли- вый отклик офирца. — Отвали, Пролаза, мне... ик... няньки не... А, тысяча демонов!

— Держись, Гизайль! — раздался в полумраке возглас Пролазы. — Второй рукой хватайся! Да брось ты этот кувшин дурацкий!

— А ну, замрите! — проревел во всю силу легких Конан, и суматоха на узком опасном пути мгновенно улеглась. — Всем лечь!

Претенденты подчинились беспрекословно, и он, пере- прыгивая через лежащих, бросился обратно. Пролаза сто- ял на коленях, выпучив от натуги глаза, и обеими руками держал сорвавшегося Гизайля за кисть и запястье. Тот протрезвел от испуга, но не настолько, чтобы расстаться с драгоценным кувшином и помочь себе второй рукой.

— Держи его, Пролаза! — крикнул Конан. — Я сейчас помогу... Нет! Отпускай! Отпускай!

Пролаза уже и сам заметил, что острый край трапе- циевидной плиты неотвратно приближается к нему. Если бы он не выпустил руку Гизайля, плита отрубила бы ему обе кисти.

— Кром, — буркнул Конан, когда в черной бездне под полом затих протяжный крик.

Рядом Пролаза поднялся с колен и растерянно сказал:

— И чего это он, а? Вроде спокойно стоял, и вдруг как шатнется...

— Он же обещал в лепешку расшибиться. — Саба хихикнула, лежа на полу. — Не давши слово — держись, а давши — крепись. Дурной у тебя глаз, Пролаза.

— С чего ты взяла? — сердито спросил Пролаза.

— А кто Мугандиру подавиться советовал? И кто Ги- зайлю обещал, что он провалится? Все по-твоему выходит.

— Тыфу ты! Великий Бел! Да я же не это имел в виду.

— Ладно, пошли спать, — Конан опустил канделябр. — Эй, там, впереди! Под ноги смотреть не забывайте.

* * *

Конан проснулся от еле слышного щелчка и рывком сел на ложе.

В канделябрах оплывали свечи, за витражами высоких окон царил мгла. Вокруг храпели, посалывали, посви- стывали во сне дюжие претенденты на должности стражей загородного имения богатого шадизарского ростовщика Паквида Губара. На корточках у двери сидел человек и сосредоточенно возился с замком.

— Опять ты за свое, Пролаза? — Рука киммерийца легла на плечо домушника, тот от неожиданности дернул- ся всем телом. — И что бы тебе до утра не подождать, а?

Его голос разбудил остальных, они садились, проти- рали глаза. Прислушивались.

— Завтра пройдешь испытание, — говорил Конан, — и будешь охранять все сокровища Губара. Или уже не-

втерпез? Ну-ка, дай сюда. — Он вырвал из руки Пролазы импровизированную отмычку. — Ишь ты, умник! Шпильку приспособил!

— Да я только пройтись хотел по дому, глянуть, что тут к чему, — неубедительно оправдывался Пролаза. — А то заперли в четырех стенах, будто мы жулики какие...

— А что, — вступилась за Пролазу Саба, — я бы тоже прогулялась. И деру бы дала отсюда, подвернись такая возможность. Это ты, Конан, добровольно явился, а нас, если помнишь, тайком привезли, связанных...

— Замочек-то я уже раскусил, — сказал вор. — Простенький замочек. Еще бы повозиться чуток...

В полумраке блеснули зубы Конана.

— Чуток, говоришь? Ладно, будь по-твоему. Может, и впрямь пора нам пятки салом смазывать. Не нравится мне тут.

— Ага, и тебя проняло! — обрадовался Пролаза. — Ну-ка, отломи кончик. — Он показал на длинную шпильку.

В могучих руках киммерийца бронза сопротивлялась недолго.

— Теперь загни, чтоб не шире ногтя.

Конан отдал Пролазе готовую отмычку.

Через несколько мгновений дверь отворилась.

— Драть подано! — гордо сказал Пролаза. — Ну что, пошли?

— Погоди. — Конан повернулся к Сабе. — Буди всех.

— Это еще зачем? — насторожилась она.

— А затем, что очень уж тут непонятно. Надо убираться. Или хотя бы выяснить, можно ли вообще отсюда уйти.

— А если они не захотят? — спросила Саба.

— Я захочу, — подал голос Фетим. — Баррак, а ты?

В ответ раздалось утвердительное ворчание пикта.

— Дорида?

— Я остаюсь, — глухо вымолвила шемитка.

— А что так? — насмешливо осведомилась Саба. — Понравилось, что ли, в гостях?

— Я пришла на службу наниматься, — мрачным тоном объяснила Дорида, — а не шастать по дому, как воровка. Завтра узнаю, что за служба, а потом буду думать, годится мне или не годится. Да и вы ложились бы лучше спать.

— Ну уж нет, — ухмыльнулся Конан. — Сначала осмотримся. — Он шагнул в коридор.

— Что за блажь, клянусь Мардуком, — провожало киммерийца и его спутников ворчание Дориды. — Еще стащат чего-нибудь, а мне — отвечай!

* * *

Сон не шел. В доме вымерли все звуки, но взамен народились воображаемые — крадущиеся шаги, шорох стали, извлекаемой из ножен, сдерживаемое сопение... Дорида лежала с закрытыми глазами и кляла себя: стыдно, боишься темноты, как сопливая девчонка. А ну, спать!

Какое там — спать! Одиночество давило, как будто гранитное надгробье опрокинулось шемитке на грудь. С тяжелым вздохом она села на ложе. И вскрикнула...

Бритоголовый слуга опоздал на один удар сердца. Он бесшумно подобрался по архитраву, достал кинжал, опустился на корточки, но, как только его ступни оторвались от широкой мраморной балки, Дориду точно ветром сдуло с постели. Однако внезапный испуг не помешал ей подхватить с пола короткий увесистый меч.

Слуга выпрямился во весь рост, на его лице досада смешалась со страхом. Кинжал — плохая защита от меча. Но отступить было некуда — Дорида встала между двумя дверьми, один прыжок, и она загородит любую. Может, вскарабкаться обратно на архитрав и выскочить в неприкрытое оконце? Он сразу отменил эту мысль — слишком высоко, и слишком гладки пилоны.

— Ты что ж это, подлец, — с удивлением, но без особой злости произнесла Дорида, — прирезать меня вздумал?

Бритоголовый промолчал. Он спрыгнул на пол по другую сторону ложа, сдернул с постели тонкое одеяло и быстро намотал на левую руку. Не сводя с него взгляда, Дорида медленно покачала головой.

— Не поможет, приятель! Лучше скажи, почему решил меня убить, тогда я, пожалуй, живым отпущу. Даже хозяину не скажу.

При упоминании о хозяине бритоголовый криво улыбнулся.

— Так это он тебя послал? — сообразила шемитка, и слуга поморщился, пеняя себе за неосторожность. — Но почему? Чтобы ограбить? Так ведь у меня ни гроша за душой.

Слуга пронзительно закричал, взлетел на ложе, в три прыжка подскочил к Дориде, замахнулся кинжалом... Крик

оборвался, кинжал звякнул о порфировые плитки пола, на него упал ночной душегуб с пронзенным сердцем. Дорида вытерла меч об одеяло, которое так и не пригодилось бритоголовому, и снова покачала головой — на сей раз недоуменно.

Ее взгляд поднялся на архитрав, метнулся влево — вот он, лаз, полукруглое оконце в глубокой нише под самым потолком. Убийца предусмотрительно закрыл его, когда забрался в опочивальню — чтобы сквозняк не насторожил жертву.

Дорида подошла к деревянной кровати, взялась снизу за спинку, напрягла мощные мускулы. Кровать встала на попа; легким толчком руки шемитка опрокинула ее на пилон. Поставила рядом табурет. И без труда залезла на архитрав.

Вот и оконце. Приотворив его, она высунула голову наружу. Темно, хоть глаз коли! Но, пошарив рукой по стене, она сразу обнаружила металлическую скобу, вмурованную в кладку, и мягкий нарост на ней. Узел! Веревка довольно толстая, вполне способная выдержать человека. И увесистая — наверное, достает до земли. Дорида отвязала ее, смотала в бухту и прыгнула на пол.

* * *

— Золото! И впрямь золото! — Руки Пролазы вынырнули из сундука, между пальцами посыпались желтые кругляши.

— Целая куча! — Саба запрыгала от восторга. — Ай да Очаровашка! Дайте мне его сюда — расцелую! До чего ж я люблю богатеньких!

Путь в сокровищницу Паквида оказался долог. В темных коридорах подстерегали ловушки, в точности как та, что погубила Гизайля, но Конан легко научился выбирать безопасный путь. Он нажимал на плиты мечом и ступал на те, что оставались на месте. Остальные шагали за ним гуськом; каждый держался за пояс впереди идущего. Никто не сорвался. Несколько дверей, к которым привели коридоры, не уступили отмычке Пролазы; приходилось возвращаться и искать другой путь. Наконец шелкнул замок, и они вошли в тесную каморку, посреди которой стоял громадный сундук.

Сундук оказался на запоре, но с этим замком немецкий вор справился в считанные мгновения.

— Не знаю, как вы, компаньоны, — сказал он, — а я нашел свое счастье.

Конан поднял канделябр повыше и окинул взглядом своих спутников. Наверное, уже никто не претендует на должность стражника в этом особняке. Кроме Баррака, быть может. Неразговорчивый пикт равнодушно смотрел на золото, тогда как у остальных лихорадочно блестели глаза. Они сыпали себе за пазухи пригоршни денег.

Конан и сам загорелся азартом. Опустился на корточки перед сундуком, отвязал пустой кошелек, до отказа набил деньгами.

— А ты, пиктский кабанчик?

Конан посмотрел на Сабу и крикнул от неожиданности. Она стояла совершенно нагая; красное платье, завязанное снизу, служило теперь вместительным мешком. Пересыпая в него деньги из сундука, длинноногая красotka дерзко ухмыльнулась Конану и снова перевела взгляд на пикта. — Ты-то что? Стесняешься, что ли? Хапай, я разрешаю.

Баррак промолчал, лишь впери в нее такой плотоядный взгляд, что она прикусила язык.

— Как теперь отсюда выбраться, да еще с такими деньжищами? — произнес Фефим.

— Что-нибудь придумаем, — сказал Конан. — Мне другой вопрос покою не дает: почему мы так легко сюда проникли?

— Ну, не так уж и легко, — возразил Пролаза. — Тут ловушки кругом.

— Да, но они одинаковые, — заметила Саба. — К одинаковым легче приноровиться. Прав ты, Конан, что-то здесь не так.

Ее нагота снова привлекла взгляд киммерийца, и на этот раз он увидел нож, привязанный к женской лодыжке двумя полосками красного ситца. Где-то он уже видел этот нож... Кажется, в трапезной...

— Тихо! — Конан предостерегающе вскинул руку. — Шаги!

Все затаили дыхание и напрягли слух. И слышали не только шаги, но и мерное постукивание металла о камень. И шуршание отъезжающих плит. Кто-то приближался к сокровищнице — точно так же, как незадолго до этого они сами. Двигался осторожно, прощупывая путь.

Конан подскочил к двери, приотворил, выглянул в коридор. И шумно перевел дух.

— Дорида!

— Меня пытались прирезать, — мрачно сообщила шемитка, войдя в комнату.

— За что? — спросил ФEFим.

— Не знаю, клянусь Мардуком! Похоже, Паквид рас-
порядился. — Она вкратце поведала о том, что с ней
случилось. И добавила твердо: — Пора сматываться. Де-
ржи, пригодится.

Дорида сняла с плеча и протянула киммерийцу веревку.

— А ты возьми золотишка, тоже пригодится, — посо-
ветовал Конан. — Только шустрее. Попробуем убраться,
пока не рассвело. — Он повернулся к пикту. — Баррак,
ты с нами?

— Нет, — буркнул дикарь.

— Кабанчик, ты что, сдурел? — изумилась Саба. —
Увидит Паквид, что деньги пропали, озверевает и обяза-
тельно тебя прикончит. Поди докажи ему, что ты тут ни
при чем. Если уж он Дориду ни за что ни про что...

— Я остаюсь. — Пикт надменно сложил руки на груди
и отвернулся.

— Ладно, приятель, поступай как знаешь. Но мы тебя
на всякий случай свяжем и рот кляпом заткнем. А то
еще шум поднимешь раньше времени...

С этими словами Конан метнулся к пикту, чтобы
схватить его за шею. Но не успел. Дикарь отскочил вправо
и выбросил ногу навстречу киммерийцу. Конан охнул от
удара в солнечное сплетение, но устоял на ногах и занес
кулак... А затем прыгнул назад, так и не ударив.

Баррак уже держал на изготовку боевой топор. И явно
не собирался шутить.

— Чурбан стоеросовый! — обругал его Конан, доставая
меч.

— Правда, Баррак, зря ты это, — поддержал кимме-
рийца ФEFим. — Прекрати, давай расстанемся друзьями...

Но перспектива нажать врагов несколько не пугала
свиного пикта. Он вскинул топор над головой и про-
рычал боевой клич своего племени.

— Он так весь дом переполошит, — озабоченно сказала
Саба. — Вот ведь придурок! Дайте-ка, мальчики, я его
утомоню. — Она нагнулась за краденым бронзовым но-
жом с роговой рукояткой.

— Стой, Саба, — велел Конан. — Он тебе не по зубам.

Он прыгнул вперед, и меч скрестился с лезвием бое-
вого топора. Одновременно левый кулак Конана впечатал-
ся пикту в нос. Но дикарь устоял и снова неистово
брыкнул ногой, и на этот раз удар чудовищной силы

пришелся нападавшему в пах. Киммериец отпрянул, шум-
но втянул ноздрями воздух и опустился на корточки.

Раздался громкий щелчок. Тяжелая золотая монета со
звоном покатила по полу. Баррак охнул, прижал ладонь
ко лбу над переносицей. Бешеные кабаньи глазки вонзи-
лись в ФEFима. А затем из них брызнули слезы.

Конан снова прыгнул, ударил мечом сверху вниз. Бар-
рак без звука повалился на пол. Киммериец опустился
рядом на колени, приложил два пальца к горлу дикаря.

— Готов? — спросил Пролаза.

— Нет. Я бил плашмя. Да и череп у него будь здоров!
Теперь связать парня надо.

Он сбросил на пол веревку, отрезал два коротких куска,
быстро и умело связал пикта по рукам и ногам. Саба
оторвала лоскут от своего платья, Конан затолкал его
Барраку в рот.

— Может, в сундуке его запереть? — подал идею Про-
лаза.

— А не задохнется?

Саба подняла топор пикта и дважды обрушила на
крышку сундука. Появилась изрядная крестообразная ды-
ра.

Конан схватил Баррака в охапку, подтащил к сундуку...

Раздался испуганный возглас Пролазы. Конан ощутил,
как на его пальцы, сцепленные под животом пикта, стру-
ится влага. Он опустил взгляд и увидел железный штырек,
торчащий из груди Баррака. Арбалетная стрела попала
неукротимому дикарю в сердце.

Конан резко повернулся, не выпуская мертвеца из рук.
Заслонился им от стрелка, который мог прятаться только
во мгле коридора. И рывкнул:

— Двери!

ФEFим подскочил к двери, захлопнул пинком. Дорида
налегла на нее спиной. Пролаза бросился к замочной
скважине с отмычкой.

— Сундук! — Конан разнял руки, и Баррак повалился
на гладкие каменные плиты. — Сундук придвинем. Дверь
внутрь отворается.

Они быстро подперли дверь тяжелым сундуком. Но
никто не ломился в сокровищницу. В коридоре было тихо,
как в могиле.

— Что дальше? — угрюмо спросила Дорида.

— Тут еще одна дверь. — Пролаза пересек комнату. —
Может, удастся отворить.

Он повозился с замком и вскоре обрадованно сказал: «готово!» За дверью находился коридор — такой же точно, как все предыдущие, с той лишь разницей, что в полу не было гибельных люков. В конце коридора беглецы увидели две двери: большую в противоположной стене и узкую, низкую — в боковой. Узкая дверь была на запоре, широкая отворилась от первого прикосновения.

За ней Конан, вошедший первым, увидел комнату, похожую одновременно на колодец и амфитеатр. Прямо от цилиндрической стены начинались кольцеобразные ступеньки, которые вели вниз, на крошечную арену. Отовсюду веяло сыростью. Конан поднял голову и разглядел точно в центре потолка лючок шириной в пядь, а вокруг него десяток маленьких черных отверстий.

И ни одной двери, кроме той, через которую вошел киммериец. Слишком поздно обнаружил это Конан, слишком поздно заподозрил подвох. Он оглянулся на спутников — все четверо были уже в комнате, спускались по лестнице. А дверь быстро затворилась!

В горле умер тревожный возглас. Дверь хлопнула. Конан в три прыжка взлетел на верхнюю ступеньку, обрушился на дверь всей своей тяжестью — с таким же успехом он мог ломиться рядом в каменную стену. В коридоре раздался скрежет, и Конан сразу понял, что это означает. Опускная решетка!

Чуть позже лязгнуло у него над головой. Он посмотрел в потолок и увидел круглое пятнышко света посередине. И услышал картуавую медлительную речь:

— Господа, счастливы сообщить вам, что испытания подходят к концу. Близится утро, и тот из вас, кому удастся дожить до рассвета, станет моим слугой, надежным защитником сокровищ, укрытых в этих стенах. И как задаток он получит все деньги, которые вы украли из сундука...

— Эй, постой-ка! — перебил Конан. — Что значит — испытания подходят к концу? Мы, вроде бы, еще и не начинали...

Над головой раздался ехидный смехок.

— Ты заблуждаешься, отважный воин. Они начались, как только вас проводили в трапезную. С того момента я и мои слуги скрытно наблюдали за каждым вашим шагом, ловили каждое слово. И тот, кто действовал несообразно моим желаниям, тотчас выходил из игры.

Конан и его спутники недоуменно переглянулись.

— Бред, — заключила Саба. — Мугандир вообще ничего не успел сказать или сделать. Едва сел за стол, подавился костью и откинул копыта.

— И Гизайль, — поддержал ее Пролаза. — Он-то чем мог проштрафиться? Сразу упились и сверзились вниз...

— Вы правы лишь отчасти. — Наверху снова захихикал Паквид. — Мугандир и Гизайль успели сделать немало, но достаточно для того, чтобы я пришел к выводу: эти люди меня не устраивают. Мне не нужны на службе трусы, а иранистанец боялся того, чего не понимал. Это его слова, вы все их слышали. Настоящий стражник, мой слуга, не вправе бояться ни богов, ни демонов. И не должен пить горькую! Выпивать можно, кто из нас без греха, но надо и меру знать. Правила в моей игре жесткие: не годеи — умри!

— Но ведь Мугандир и Гизайль, — напомнил Фемим, — умерли своей смертью.

— Конечно, своей: Я лишь слегка им в том посодействовал, — благодушно пояснил Паквид, — точнее, не я сам, а моя магия. Да, я немного владею чарами, в юности постигал азы колдовства в одной тайной секте, о которой вряд ли кому-нибудь из вас доводилось слышать. Потом, правда, я обнаружил, что истинное мое призвание — ростовщичество, но кое-какие навыки остались. Мне нетрудно подтолкнуть в яму пьянчугу, который и так едва держится на ногах. Или чуточку усугубить страх, разрывающий сердце труса. Ума не приложу, зачем такие, как Мугандир, идут в солдаты.

— А я тебе чем не угодила? — поинтересовалась Дорида. — Я же вроде не пьяница и не трусиха.

Паквид охотно объяснил:

— Исключительно своей щепетильностью, отважная воительница! Щепетильностью, которая в данном случае оказалась совершенно неуместной. Ты не пожелала бродить среди ночи по чужому дому, а остальные претенденты не увидели в этом занятии ничего зазорного. Следовательно, они поступили нормально, а ты — нет. Скажу откровенно: я бы на твоём месте пошел вместе с ними. Ты оказалась непредсказуемой, Дорида. Это тебя и погубило.

— Я, между прочим, жива и здорова, в отличие от твоего прихвостня, — сердито напомнила шемитка.

Паквид промолчал.

— Кажется, я понимаю, — задумчиво произнес Конан, — что подвело Баррака. Он тоже...

— Ты совершенно прав, киммериец, — перебил Паквид. — Он тоже оказался непредсказуемым. Вот уж от кого не ожидал! Сказать по правде, Баррак был мне наиболее симпатичен. Весьма досадно, что пришлось его потерять.

— Когда все крадут, кради и ты, — кивнула Саба. — Это ты называешь нормальным?

— Именно так, моя красавица, — отозвался горбун. — Помнится, ты недоумевала, почему я набираю в стражу всяких проходимцев. Да потому лишь, что в нашем городе честных взять просто неоткуда. Тут жулик на жулике сидит и жуликом погоняет. В Шадиаре преступление не считается зазорным, все от мала до велика так и норовят обмануть, обокрасть, ограбить ближнего своего. Немедийский воришка совершенно прав: святая простота тут не выживает. И это меня устраивает. Ибо я привык к такому порядку вещей. Я благоденствую в этом мире и не вижу проку в химерах, таких, как щепетильность и бескорыстие.

— Так. — Фефим недобро улыбнулся. — А мы, значит, доказали свою полную предсказуемость?

— Да, но лишь на предыдущих стадиях испытания. Близится завершение, и его пройдет лишь *самый* предсказуемый из вас. Почтенные храбрецы, я *предсказываю*, что очень скоро колодец, в котором вы находитесь, будет доверху заполнен водой. Но это отверстие в потолке останется не закрытым — как видите, оно достаточно широкое, чтобы один из вас смог дышать, просунув в него нос. Он-то и останется в живых. На рассвете я спущу воду, и самый предсказуемый из вас, то есть тот единственный, кто, согласно моему *предсказанию*, выживет ценой гибели остальных, получит все золото, которое вы украли, и возможность заработать намного больше. Если он не захочет остаться в моем доме, я отпущу его на все четыре стороны. Но мне почему-то кажется, что он захочет. Я даже рискну *предсказать*, что захочет. По крайней мере, раньше никто не отказывался.

— Ах ты, горбатая свинья! — возмутилась шемитка. — Ты не боишься, что этот единственный выживший проглотит твое мерзкое брюхо, а?

— Очаровательная Дорида, — последовал невозмутимый ответ, — ты одна можешь безбоязненно осыпать меня ругательствами, ибо у тебя нет ни малейшего шанса пройти испытание. После того случая в опочивальне я вычеркнул тебя из списка претендентов. Тебе действительно удалось расправиться с одним из моих слуг и найти приятелей, но это просто недоразумение. Всем остальным я советую не плевать в колодец — или правильнее сказать, из колодца? Я не люблю нелестных отзывов о своей внешности.

Он умолк, и из дюжины отверстий вокруг светлого пятна ударили сильные струи холодной воды.

— Ну что ж, — глухо произнесла Саба за спиной Конана, — плетью обуха не перешибешь. Давайте разбираться, кто из нас самый предсказуемый.

Конан обернулся и увидел в руке обнаженной красавицы бронзовый нож. Фефим с печальным вздохом достал длинный тонкий кинжал, Дорида выругалась и схватилась за короткий меч. Пролаза затравленно посмотрел на товарищей по несчастью и вытащил из-за пазухи шпильку с обломанным зубцом.

— Ему только того и надо. — Киммериец мотнул головой, указывая вверх.

— А что посоветуешь делать? — Жонглер косился по сторонам — то ли выбирал, на кого напасть, то ли ждал атаки.

— Дорида, сердце мое, — увещающе произнесла Саба, — тебе-то какой резон дергаться? Все равно Очаровашка тебя прикончит. Слышала, что он сказал? Ты его больше не интересуешь. Лучше отдай мне меч и отойди в сторонку, а? Это уже не твоя игра.

— Заткнись, дрянь бесстыжая! — буркнула Дорида, приподнимая меч. — А то с тебя начну.

— Погодите, — сказал Конан. — Я попробую с ним договориться.

— Шутить, котик? — Саба фыркнула.

— Саба, тебе же ясно сказано: заткнись, — сказал киммериец. — Убери нож. Если до драки дойдет, у тебя не будет ни малейшего шанса. Я тут самый предсказуемый. Всех положу! Или кто сомневается?

Саба снова фыркнула, но остальные промолчали, мрачно глядя на огромного северянина и его двуручный меч.

И светловолосая разбойница не посмела сказать «я сомневаюсь».

Конан достал из-за пазухи маленький сверток. Развернул на ладони кожаный лоскут, двумя пальцами поднял нечто желтое, плоское, блестящее. Показал всем.

— Лунная Лыдинка! — выдохнул ФEFим.

— Ух ты! — восхитился Прoлаза.

— Какая прелесть! — хором воскликнули женщины.

Лунная Лыдинка играла мириадами оттенков желтого. Под снопом рассеянного света, что падал с потолка, ее грани рождали тысячи миниатюрных чарующих сполохов. По старинной хауранской легенде, тот, кто хоть раз видел этот редчайший шестиугольный кристалл, влюблялся в него на всю жизнь.

— Откуда он у тебя? — спросил ФEFим.

— Так это ты прикончил Халима Баши? — улыбнулась Саба.

Конан не ответил. Он шагнул к Прoлазе. Тот в страхе отпрянул, но киммериец поймал его за шиворот. Подтянул к себе, сказал несколько фраз и отдал веревку и свой кошелек.

Потом Конан обернулся к ФEFиму. Тот выслушал и кивнул.

— Попробую.

— Второго шанса он нам не даст, — предупредил киммериец.

Они уже стояли по колено в воде. И не спешили подняться на верхнюю, пока еще сухую, ступеньку.

— Паквид! — закричал Конан во все горло. — Паквид Губар! Ты слышишь меня? Это я, Конан! Я хочу откупиться. Я готов отдать Лунную Лыдинку!

Отверстие на миг потемнело — Паквид Губар заглянул в колодезь. Конан держал Лыдинку на поднятой ладони, она сверкала даже в полумраке. Шум воды стих — холмные струи больше не хлестали в каменный мешок.

— Лунная Лыдинка бесценна, — сказал киммериец. — По крайней мере, она стоит гораздо дороже, чем твой особняк вместе со всем золотом. Смотри, Паквид, — разве она не прекрасна? И она будет твоей, только твоей, если отпустишь нас живыми.

— А если, — хрипло спросил Паквид, — я отпущу только тебя?

— Всех! — отрезал Конан. — Таково мое условие. Если не согласен, будем и дальше играть в твою игру, но сначала я разобью Лыдинку вдребезги. А за осколки ты не выручишь и гроша. Что тут думать, Паквид? Соглашайся.

— Отдай Лыдинку, — сказал Паквид, — и уходи со всем золотом.

Конан рассмеялся.

— Привык торговаться, ростовщик? Что ж, я поднимаю цену! Наши жизни и это золото, на меньшее я уже не согласен.

Паквид помолчал. Затем неуверенно произнес:

— Зачем мне этот камень? Он же заговорен, его нигде не спрячешь.

— В твоём замке такие заговоры не действуют, — уверенно возразил Конан. — Зря ты, что ли, колдовству учишься? Умеешь прятать краденое.

— На худой конец, дашь на лапу начальнику стражи, — крикнула Саба, — он тогда днем с огнем твой камешек не найдет.

Снова наступило молчание. Паквид боролся с соблазном.

— А вдруг это подделка? — произнес он наконец.

— Шутишь? — усмехнулся ФEFим. — Лунную Лыдинку подделывать невозможно.

— У меня глаза слабые, — солгал Паквид. — Вижу, светится что-то, да только не разглядеть...

— Ладно, — уступил Конан. — Посмотреть дадим. Саба, ты самая легкая, забирайся ко мне на плечи. Подними Лыдинку на ладони, да только смотри, как бы он не сцапал. С него станется.

— Да ладно тебе, — сказал Паквид. — Я же так высоко. Мне до нее ни за что не дотянуться.

Конан ухватил Сабу за мокрые голые бедра, посадил; она кошкой вскарабкалась на его широкие плечи. ФEFим и Прoлаза неторопливо поднялись по лестнице.

Саба подняла руку; на ее ладони плясали желтые огоньки. Они чуть померкли, когда в потолке закрылось отверстие — Паквид принял к нему лицом.

— Ну что, убедился? — спросил Конан.

— Темно у вас, — посоветовал Паквид. — Саба, можно еще чуть-чуть повыше?

— Очаровашка, только ради тебя. — Саба поднялась на цыпочки, балансируя свободной рукой.

Внезапно с потолка свесилась толстая короткопалая рука. Пальцы растопырились и напряженно застыли; под воздействием незримой силы от ладони Сабы оторвался светящийся камешек и быстро поплыл вверх. И в тот миг, когда он оказался в кулаке Паквида, ФEFим взмахнул рукой...

Ростовщик взвизгнул от боли — длинный кинжал, брошенный метким ярмарочным артистом, насквозь пронзил ему запястье. И тут же поверх кинжала обмотался конец веревки, утяжеленный кошельком Конана. Паквид рванулся, не тут-то было, кинжал уперся в потолок, а затем Пролаза яростно дернул за веревку, прижал ростовщика к полу.

Саба звонко рассмеялась и спрыгнула в воду.

— Слушай меня внимательно, Паквид. — Конану пришлось кричать, так как Паквид затыкал плечом отверстие и вдобавок истошно вопил. — Да заткнись ты, улюдок! А то руку оторву! — Он дал знак Пролазе, и тот снова изо всех сил дернул за веревку.

Угроза возымела действие — Паквид умолк.

— Слушай меня внимательно, Паквид, — повторил Конан. — Если не будешь делать, что я скажу, останешься без руки. А новую отрастить тебе никакое колдовство не поможет. Для начала разожми кулачок.

Окровавленные пальцы тотчас разжались, Лыдинка упала в подставленные ладони киммерийца. Он удовлетворенно хмыкнул и сказал, бережно заворачивая камень в лоскут кожи:

— А теперь вели слугам выпустить нас отсюда. И учти: вздумаеть шутики шутить — я к тебе поднимусь и вторую руку оттяпаю.

— Слуги! — заверещал Паквид. — Скорее в колодец! Делайте, что вам прикажет этот проклятый киммериец! — Ростовщику явно было не до шуток.

* * *

В зарослях ореха, на почтительном расстоянии от особняка, решено было расстаться. Первой ушла Дорида, буркнув Конану «спасибо» и кивком простившись с остальными. Потом Саба надела платье, а золото пересыпала в штаны бритоголового слуги, который вывел беглецов за ворота и в награду получил по макушке тяжелой рукоятью краденого ножа. На вопрос Конана «под которым фонарем тебя искать, красотка?» она рассмеялась и ответила, ука-

зывая на свой подбитый глаз: «Только под этим, котик». И ушла, сгибаясь под тяжелой ношей. Пролаза, счастливый донельзя, долго и сбивчиво благодарил киммерийца и жонглера, а на прощанье сказал: «Друзья! Понадобится ночная работенка — спросите Пролазу. Меня в городе каждая блоха знает».

Наконец Конан и ФEFим остались наедине. Они не спешили прощаться.

— Дал-таки маху старина Паквид, — сказал ФEFим, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

— Да, подвела его предсказуемость, — кивнул Конан.

— Ну а все-таки, — взял быка за рога жонглер, — откуда у тебя Лунная Лыдинка?

— А ты как думаешь?

«С тела бедолаги Халима», — хотел было сказать жонглер, но промолчал. Однако киммериец, прочитав ответ в его глазах, отрицательно покачал головой.

— Баррак? — догадался вдруг ФEFим. — Ты, когда вязал его, сверток нащупал под набедренной повязкой? Да?

Конан кивнул.

— Вот, значит, почему он на золото даже не глядел. И то сказать, на что оно — при таком-то богатстве! Хотел, бедолага, в замке Паквида Лыдинку схоронить...

— А тебя сотник стражи послал? — спросил в свою очередь Конан. — Лунную Лыдинку искать?

Жонглер улыбнулся.

— И как ты догадался, что она у Паквида в особняке? ФEFим рассмеялся.

— А где же еще она могла без следа исчезнуть?

— Надо же, а ведь я ни сном, ни духом, что ты... Взаправду, что ли, жонглер?

— Взаправду, — подтвердил ФEFим. И добавил, словно оправдываясь: — Сотник большие деньги посулил.

— А почему он сам к Пакvidу не наведалься? Взял бы два-три десятка крепких молодцов да потряс горбуна хорошенько...

— Ну, что ты! — отмахнулся жонглер. — Разве так у нас в Шадизаре дела делаются? Да тронь сотник Паквида хоть пальцем, завтра же с должности слетит. У ростовщика все схвачено.

— Еще бы, — кивнул Конан. — При таких-то деньжках...

— Кстати, о деньжищах, — сказал ФEFим: — Кошелек ты свой Паквиду оставил.

— Ну и что с того?

— А я сотнику Лунную Лыдинку обещал.

Конан промолчал, лишь улыбнулся краешком рта.

— Как ему докажешь, что не ты Халима Баши на Серые Равнины спровадил?

ФEFим снова не дождался ответа.

— И ведь на стороне не продашь — заговоренная, — напомнил он. — Не обратно же к Пакvidу нести.

Конан повернулся и взглянул на особняк. На высокую арку наглухо запертых ворот. На зловещие темные полуовалы окон и грозные лики горгулий. Казалось, замок глубоко уязвлен и пристыжен; казалось, он не успокоится, пока не воздаст обидчикам сторицей. Конану стало слегка не по себе.

— Все паквидово золото, что я вынес, — хрипло произнес ФEFим, — за Лыдинку. Идет?

Конан печально вздохнул и сунул руку за пазуху.

Дорогие друзья!

Первая часть справочника «Путеводитель по Хайбории» —
«Страны и народы: Агада-Ап»
была опубликована в предыдущем томе серии
«Конан и Сердце Аримана».

АРГОС

А. — одна из юго-западных держав Хайбории, имеющих выход к Восточному Океану. С запада А. граничит с Зингарой, с востока — с Шемам, с юга — с Офиром и Аквилонией. А. не описан подробно в «Саге», хотя отдельные удачные описания аргосских законов, можно встретить, в рассказе Р. Говарда «Королева Черного Побережья», деяния аргосских владык описываются в романах Л. Спрэга де Кампа «Конан Освободитель» (в рус. пер. «Под знаменем Черных Драконов») и «Конан — островитянин» (в рус. пер. «Тени ужаса»).

История. А. был основан в первый период хайборийского нашествия (приблизительно в 117 н.л.А.). Начальный период его развития был связан с отражением постоянных набегов шемитских и южно-аквилонских племен. Позже А. пытался завоевать восточную часть Зингары, но был остановлен хорошо обученной зингарской армией. Походу на запад помешали также леса на границе, густо населенные лесными вампирами. Эти существа нанесли аргосским войскам существенный урон. Впоследствии владыки А. обратили свои взгляды на северо-запад. Цель военной кампании состояла не столько в расширении своих владений, сколько в захвате лесистых местностей, пригодных для заготовки древесины, которую намеревались сплавлять по р. Хорот. А. преуспел в этом начинании, подчинив себе предгорные области южной Аквилонии (территория современного Пуантена). Вскоре аргосцы смогли строить суда из собственной древесины и создали знаменитый аргосский флот. Строительство флота позволило А. расширить свои морские владения. Со временем мореходы А. получили репутацию самых опытных во всей Хайбории. Их умения ценились выше зингарских. Однако Зингара не желала уступать даже малую толику своего морского господства, отчего в течение последней тысячи лет, между ней и А. проходили постоянные морские сражения. Каждая сторона хотела уничтожить корабли соседей и стать единственным хозяином Восточного Океана. Однако труднопроходимые прибрежные воды, а также отсутствие навыков в построении тяжелооруженных судов у обеих сторон свели на нет эффективность этих кампаний. На суше А. неоднократно воевал против Офира, Шема и Стигии. Несмотря на то, что это были не затяжные войны, а скорее пограничные конфликты, за аргосцами закрепилась репутация вспыльчивой и агрессивной нации. За последние столетия А. традиционно поддерживает добрососедские отношения с Аквилонией и особенно Пуантеном. Однако, когда политическая обстановка в Аквилонии стала накаленной, А. четко продемонстрировал свое полное политическое равнодушие и политику невмешательства в дела сопредельной державы. Известно выражение аргосского короля Мило: «только глупец осмелится дразнить аквилонского льва».

Текущие Дела. В настоящий момент король Мило обеспокоен усилением политической роли аквилонского владыки **Конана**. Естественно, что А., находящийся в добрососедских отношениях с **Пуантемом**, предпочел бы видеть на тарантийском троне уроженца этих мест, в частности, графа **Тронеро**.

Враги и союзники. А. — постоянный союзник *Аквилонии*, особенно **Пуантена**. *Офир* и города-государства западного **Шема** также поддерживают А., чьи речные баржи обеспечивают эти государства, не имеющие выхода к морю, товаром и грузами. Наиболее значительный враг А. — **Зингара**, долгие годы войны сделали из народов А. и *Зингары* непримиримых врагов, которым недоступны великодушные чувства по отношению друг к другу.

География. Границы А. определяются **Восточным Океаном** с юга, лесами вампиров (*Зингара*) с запада, р. **Алимана** и **Пуантемом** с севера, и холмами **Кофа** и пустошами **Шема** с востока. На юго-западе А. имеет тонкий выступ земли, напоминающий палец, который проходит по зингарскому побережью и упирается в р. **Громовую**. Этот отрезок земли — предмет извечных территориальных споров между *Зингарой* и А. Наиболее плодородные области А. лежат в долине реки **Хорот**, которая заполнена плодовыми садами и дубовыми лесами. Именно оттуда древесина поступает на верфи А. На побережье А. расположено множество гаваней. Многие из их коммерчески нежизнеспособны, но король поддерживает их, только для того, чтобы усложнить продвижение зингарских судов в прибрежных водах и не давать возможности швартоваться кораблям пиратов. Области восточного А., граничащие с **Шемом** — холмистые пустоши. Восточный А. почти не населен, т.к. эти местности засушливы, и вода может поступать только из артезианских колодцев.

Географический справочник.

Мессантия — столица А. Расположена в устье **Хорота** и является крупным морским портом. В ней расположены большие верфи для починки судов и корабли из *Зингары* и *Стигии* часто прибегают к услугам аргосских корабелов. **Мессантия**, как и любой портовый город не отличается порядком и благопристойностью нравов, хотя положение сильно изменилось, когда в 1310 п.л.А. король **Ариостро** взошел на трон А. Он сумел навести порядок в столице, и теперь воистину можно сказать, что «...даже девственница может без опаски гулять ночью по портовым кварталам...».

Хорот — главная река А. Хорот берет начало в *Аквилонии* и впадает в **Восточный Океан**. Хорот слишком мелководен, чтобы по нему могли проходить океанские корабли, но пригоден для судоходства плоско-

донных барж, которые и обеспечивают основной товарооборот между **Пуантемом**, **Офиром** и северо-восточным А.

Климат. В долине р. **Хорот** климат влажный, с избыточными осадками, прохладный летом. Ежегодные разливы р. **Хорот** увеличивают число пахотных земель. Вне долины климат менее приятен. Прибрежные города страдают от наводнений, в то время как восточный А. изнывает от постоянных засух.

Экономика. Основная отрасль промышленности А. — судостроение. Дубовые леса являются отличным материалом для килей и корпусов кораблей. Добывающая промышленность практически не развита, а полезных ископаемых едва хватает на собственные нужды. Основной источник дохода — грузоперевозки по р. **Хорот**.

Карта магических областей. А. имеет нормальное распределение магической энергии, с равномерно рассеянными продольными полосами. Единственная высокая концентрация магической энергии наблюдается в лесах вампиров на границе с *Зингарой*.

Общество. Аргоссы — типичные хайборийцы, с примесью зингарской и шемитской крови. Они смуглые, с густыми, вьющимися темными волосами и короткими, коренастыми телами. Культура А. — характерна для **Центральной Хайбории**, хотя в восточном А. к ней примешиваются шемитские традиции. А. правит король. Основные социальные слои общества: дворянство, рыцарство, купечество, духовенство, военное чиновничество, медики, служащие, горожане, крестьяне, рабы.

Право. Аргосские судьи назначаются дворянством. Большинство гражданских дел решается с помощью судов. Они не имеют никаких ограничений относительно казней, сроков заключения или пыток.

Религия. Жители А. исповедуют культ **Митры**, хотя среди жителей восточного А., особенно разбойников встречаются приверженцы шемитского культа **Бела**, Бога Воров. Местами встречаются поклонники **Сета**. По-видимому, это верование занесено *стигийскими* мореходами.

Вооруженные силы. А. в основном имеет наземные войска, которые достаточно разнообразны. Имеется легкая и средняя конница, пикинеры и небольшие отряды тяжеловооруженных пехотинцев. Несмотря на то, что А. имеет репутацию воинственной державы, ее армия не слишком хорошо обучена, так как набирается в основном из молодежи, которой нужно немало времени, чтобы набраться боевого опыта. Флот А. также комплектуется сухопутными

отрядами. Так, на каждом военном корабле обязательно присутствует отряд легких пехотинцев и пикинеров. Подобная тактика не раз демонстрировала свою целесообразность и позволила оспаривать господство *Зингары* на море.

Язык. Аргосский язык относится к хайборийской языковой семье и напоминает западные наречия аквилонского языка, с рядом заимствований из зингарского и шемитского. Аргосцы полиязычная нация — многие свободно владеют зингарским и шемитским, а то и обоими языками сразу. Аргосский язык является интернациональным средством общения среди моряков **Восточного Океана**.

Имена и названия. Имена А. напоминают современные итальянские, такие же имена характерны и для *Пуантено*: *Ариостро* (Ariostro), *Мило* (Milo), *Публио* (Publio), *Страбо* (Strabo).

АСГАРД см. НОРДХЕЙМ

БАРАХСКИЕ ОСТРОВА

«... добрая половина вольных пиратов Восточного Океана нетвердым шагом важно прогуливались по булыжным переулочкам Алого Тортажа с туго набитыми золотом кошельками, раздувшимися от вина и злая животами и с сердцами, в которых вслыхивали возжелание и варварская жестокость...»

Л. Спрэг де Камп «Конан-островитянин» (в рус. пер. «Тени ужаса»)

Б.О. — межнациональная база пиратов **Восточного Океана**. К этим «волам морей» презрительно относятся все без исключения моряки от *Зингары* до *Шема*. Пираты платят им сторицей, ненавидя любую нацию и храня верность лишь самим себе, своему капитану и Островам. *Конан* впервые присоединяется к барахским пиратам в канун своего тридцатилетия и проводит с ними несколько лет. Некоторые данные о Б.О. приводятся в рассказах *Р. Говарда* «Драгоценность в черепе» и «Заводь Черного Демона», но ни в одном произведении они не описываются подробно.

История. Согласно легенде, Б.О. были открыты аргосским корсаром Ригелло в 1137 г. н.п.А. Две могущественные морские

державы — *Зингара* и *Аргос* назначили огромное вознаграждение за его голову и военные корабли прочесывали все побережье в поисках логова пиратов. Это вынудило капитана Ригелло искать убежища в открытом море и, к западу от зингарского побережья, он обнаружил небольшой архипелаг, который назвал **Барахас**. На неизвестных островах имелись в наличии деревья со съедобными плодами, пресная вода, дичь и несколько небольших бухт, которые можно было использовать как гавани. На одном из них Ригелло заложил поселение, которое назвал *Алый Тортаж* (Red Tortuga). Ригелло оставался на Б.О. почти год и только потом возвратился на материк, где набрал новую команду и вернулся к своему прежнему занятию. Но теперь, в случае опасности, он мог легко скрыться на Б.О. Естественно, что местонахождение архипелага недолго оставалось тайной. Пираты не сумели удержать язык за зубами и скоро слава о Б.О. разнеслась по всем портовым тавернам побережья. Не прошло и года, как Б.О. стали приютом для пиратов всех стран и народов. В политическом смысле Б.О. не имеют статуса государства, а являются межнациональной общиной флибустьеров, именующих себя **Красным Братством**. *Аргос* и *Зингара* не раз предпринимали попытки уничтожить пиратские базы, но флибустьерские порты сосредоточены на многих островах архипелага, и чтобы нанести по ним одновременный удар, требуется большой и хорошо вооруженный флот. Но ни одна морская держава не рискнет даже временно увести флот и оголить свои водные пространства, зная, что их кровожадные соседи не преминут воспользоваться неожиданным преимуществом. Случайные карательные экспедиции на Б.О. не принесли ощутимых результатов, и архипелаг и по сей день является постоянной угрозой для прибрежных держав Хайбории.

Текущие дела. Пираты Б.О. постоянно подвергаются преследованиям со стороны военного флота *Зингары* и *Аргоса*. Недавно король **Фердруго Зингарский** поклялся, очистить Б.О. от пиратов и приказал заложить четыре новых верфи, на которых будут строиться суда специально для войны с пиратами. Время покажет успешность этих начинаний, как и то, сумеют ли зингарские корабли уничтожить вольную *Тортаж* или их останки будут покоиться на дне **Восточного Океана**.

Враги и союзники. Союзников у пиратов нет, а к врагам можно отнести экипаж любого военного или торгового судна, т.к. **Красное Братство** ненавидит мореходы всей Хайбории. Пиратский корабль, обнаруженный на водных просторах, будет с радостью уничтожен любым военным судном — зингарским, аргосским, шемитским или стигийским.

География. Б.О. — крупный архипелаг, состоящий из 13 островов вулканического происхождения. Их площадь колеблется в

размере от одной до шестидесяти кв. миль. Острова имеют маленькие бухты, пригодные для стоянки одного-двух судов, лишь гавань **Тортажа** имеет огромные размеры — в ней могут разместиться около сорока зингарских галеонов. Большая часть поверхности Б.О. — гористая местность. Горы практически не изучены, их флора и фауна практически неизвестна. В тавернах **Тортажа** часто можно услышать рассказы о жутких существах, обитающих там, и о душераздирающих криках, доносящихся по ночам с вершин.

Географический справочник.

Алый Тортаж (Тортуга) — центральное поселение Б.О., нейтральный порт, законы которого запрещают любые проявления межнациональной и межгосударственной вражды. Тортаж славится тем, что в его тавернах можно увидеть, как вместе пьют заклятые враги, которые с удовольствием потопили бы друг друга, доведись им встретиться в открытом море. Зингарские правители не теряют надежды, что конкуренция среди пиратов в конце концов уничтожит Тортаж, но это представляется маловероятным. Как говорят старые букабьеры, *«даже с Черным Кракеном можно жить в мире»*.

Черный Остров — изолированный о-в в Восточном Океане, на котором находятся древние руины загадочной цивилизации, существовавшей еще до погружения Атлантиды

Климат. Низменности Б.О. бесплодны и засушливы, хотя весной в местах застывшей лавы встречаются гейзеры. Высокогорные области обладают повышенной влажностью. Но дождь редко достигает предгорий — стоку воды мешает сложный рельеф, сформированный застывшей лавой.

Флора и фауна. Хотя Б.О. традиционно считаются необитаемыми, на них имеется некоторая животная жизнь. На Б.О. много птиц различных видов, есть грызуны, в горных районах обитают дикие козлы. Но основной вид промысла на Б.О. — рыбная ловля. На Б.О. имеется ряд завезенных животных, в том числе крупные собаки, которые, одичав, стали представлять большую опасность не только для животных, но и для людей.

Карта магических областей. Б.О. имеют нормальный уровень магической энергии, по крайней мере по береговой линии. На некоторых скалистых пиках находятся руины разрушенных храмов, которые могут иметь высокий или даже очень высокий уровень магической энергии.

Общество. Пираты Б.О. — большей частью выходцы из *Аргоса*, что объясняется, по-видимому, тем, что первооткрывателями

этих земель были аргоссы. Помимо них, Б.О. населяют выходцы из *Аквилонии, Зингары, Киммерии, Куша, Немедии, Нордхейма, Стигии, Шема*. Основные профессии, определяющие и стратификацию общества Б.О. — это врач, навигатор, владелец грузовых судов, вольный моряк. Распространено рабство и работорговля. На Б.О. мало женщин. Все они привезены с материка. Чаще всего это подруги капитанов или жрицы любви на улицах **Тортажа**. Основной вид заработка — проституция или прислуживание в тавернах. Некоторым такая работа позволяет скопить немного денег, и им удастся вернуться на материк, но большинство, лишившись возможности заработка, умирают с голоду.

Право. Власть на Б.О. поддерживается капитанами пиратских судов. Как таковых законов не существует. Чаще всего основной аргумент в споре — меч. Споры разрешаются в схватке.

Вооруженные силы. На Б.О. есть части нерегулярной пехоты, мобилизуемой с кораблей, находящихся в момент начала боевых действий в порту.

Язык. Язык Б.О. — морской жаргон, основанный на аргосском языке с заимствованиями из разных языков от народов *Черного Побережья до Зингары*. Зачастую, капитаны используют собственные шифры (устные и письменные) для ведения судовых журналов и проведения секретных совещаний с офицерами.

Имена и названия. На Б.О. почти нет рождаемости, а тех немногих, кто родились здесь, обычно нарекают аргосскими именами, отдавая дань памяти капитана *Ригелло*.

БРИТУНИЯ

Территория Б. состоит как бы из двух стран. Центральная часть — равнинная и лесистая, а местности на северо-востоке — бесплодны и гористы. Население Б. состоит из потомков коренных племен и хайборийских беженцев. **Кезанкийские горы** на востоке Б. населены **кезанкийскими горцами**. Эти племена этнически весьма схожи с жителями *Заморы*. Б. редко упоминается в *«Саге»*. Так, в северной Б. происходит действие рассказа *Р.Говарда «Тварь в склепе»*. Однако, ни о жителях Б., ни о ее культуре, ни о географии и истории там не говорится ничего. В романе *Р.Джордана «Конан Великолепный»* (в рус. пер. *«Конан и Огненный Зверь»*) действие происходит на **Кезанкийских нагорьях**, около границы с *Заморой*. Там же разворачиваются события романа *С.Перри «Конан Непокоренный»* (в рус. пер.

«Конан бросает вызов». Кроме того, в Б. начинается действие произведения *III. Мура «Конан-охотник»* (в рус. пер. *«Конан идет по следу»*). Но только в романе *III. Мура* события разворачиваются в населенной части Б.

История. Когда орды хайборийцев двинулись на юг, Б. представляла собой всего лишь дикую, необжитую местность в северо-восточном углу Старой Хайбории, где скрывались беженцы от хайборийского нашествия и экспансии Ахерона. Хайборийские захватчики, занятые борьбой с могущественным Ахероном, оставили без внимания эту неприветливую горную местность, которая впоследствии стала называться Бритунией. Беженцы (большой частью из *Гипербореи*) соединялись с местными кочевыми племенами, что и послужило основой для создания бритунского этноса, начиная со времен Великой Катастрофы. Аборигены занимались охотой. Они были высокие, светлокожие и светловолосые. Гиперборейские племена пытались практиковать земледелие, но вскоре выяснилось, что гиперборейские способы обработки земли абсолютно непригодны для каменистой почвы Б. Только спустя несколько столетий северные методы ведения земледелия были адаптированы к бритунским условиям, когда была освоена вырубка леса и освоение пахотных земель на этих площадях. Фактически, с того времени, Б. стала подвергаться хайборийскому влиянию, частично через заимствование, частично через насильственное внедрение обычаев. И скоро Б. превратилась в беднейшее вассальное государство *Хайбории*. Однако хайборийское вторжение довольно скоро прекратилось, и Б. стала развиваться самостоятельно, основываясь на гиперборейской культуре первопоселенцев.

Текущие дела. До того как король Элдран Бритунский вззошел на трон, он был небогатым горцем из *Кезанкиана*. (см. *III. Мур «Конан идет по следу»*). В силу этого его положение шатко — благородные нобили не поддерживают нового короля, видя в его присутствии на троне не только оскорбление дворянства и нарушение традиций, но и угрозу всему укладу бритунского общества. Элдран любим народом, так как не раз продемонстрировал свою справедливость и мудрость. Если он преуспеет в своих планах в воссоединении разделенных областей Б., то явно упрочит свое положение и претворит в жизнь мечту многих поколений бритунцев о могущественном государстве.

Враги и союзники. Б. не имеет серьезных врагов и не воюет много лет. Должно быть потому, что не воспринимается соседями как страна могущая представлять серьезную военную или экономическую угрозу. Король Б. обычно имеет разногласия с властителями *Немедии* и *Коринфии* по вопросу беглых рабов, но эти разногласия слишком мелкие, для того чтобы развязывать войну.

Южные и западные границы Б. слабо защищены, и на часть территории Б. предъявляют притязания *Замора*, *Коринфия* и *Немедия*. Однако они не предпринимают никаких шагов для аннексии пограничных территорий.

География. Территория Б. ограничена с севера горами *Граскааль* (Graskaal), с востока *Кезанкийскими* горами, *Желтой Рекой* на западе, и предгорьями *Карпаш* с юга. Северо-восточная Б. засушлива и камениста. Практически вся восточная половина страны — это высокие скалы и узкие извилистые долины, в то время как западная часть Б. — заболоченная, засоленная местность. Там протекает соленая *Желтая Река*, истоки которой в *Великом Соляном Болоте* в *Пограничном Королевстве*. Соленая вода этой реки делает многие земли западной Б. непригодными для жилья. На далеком севере — предгорья *Граскааля*, поросшие сосновыми лесами. На их вершинах — глетчеры и вечная мерзлота. Большинство бритунцев населяет равнины и леса центральной части страны. Эти земли плодородны, т.к. имеют обильное естественное орошение, благодаря рекам, текущим с северо-востока. Основную площадь этих земель покрывает девственный лес, но на севере и востоке есть равнины, пригодные для жилья, где и располагаются мелкие удельные княжества, почти не подчиняющиеся королю Б. В Б. мало крупных укрепленных городов. Ее столица *Келбаца* (Kelbaza), лежит на равнине *Лема*, на юге от *Великого Соляного Болота*. Другие города: *Пайрогия* (Pirogia), *Патребия* (Potrebia) и *Чариния* (Charnina).

Климат. В Б. холодный климат. Северная Б. заснежена, большей частью это относится к территориям предгорий *Граскааля*. Центральные равнины подвержены сильным ливням, причем осадки выпадают летом и осенью, что еще более сокращают сельскохозяйственный сезон, который и без того мал, по вине холодного климата.

Экономика. Основные занятия бритунцев — овцеводство и разведение крупного рогатого скота. Полезных ископаемых очень немного. Процветает работорговля, причем рабы вывозятся в сопредельные государства.

Карта магических областей. Большая часть территории Б. имеет низкую магическую активность. Однако некоторые области восточной Бритунии в *Кезанкианских* горах имеют достаточно высокий уровень магической энергии.

Общество. Современные бритунцы происходят от смешения хайборийцев с местными племенами. Хайборийцы были коренастыми, темноволосыми и напоминали современных шемитов. Древние бритунцы, напротив, — высокими, светлокожими и белокурыми. Современные бритунцы среднего роста, коренасты, светлокожи и

белокуры. Большинство бритунцев живет в маленьких селениях, хижины которых плетутся из лозы и обмазываются глиной. В центральных регионах эти деревни находятся в лесных рощах, в то время как в северо-восточной горной местности они располагаются на карнизах скал, в которых выдолблены ступени для людей и лошадей. На плодородных центральных равнинах процветает сельское хозяйство, а в горных районах жители живут охотой. Женщины следят за домом, занимаются ткачеством и воспитанием детей. Бритунская вдова переходит в собственность брата ее погибшего мужа, а за несимением такового возвращается в собственную семью. Для большей части хайборийцев бритунцы — неизменный объект для шуток. Бритунские мужчины считаются неотесанными мужланами, а женщины — покорными и забитыми простушками (по крайней мере, во многих хайборийских манускриптах встречается именно такие образы). Жители Б. часто встречаются в городах Центральной и Восточной Хайбории. Особенно много их в *Коринфии*, где они ценятся как хорошие ткачи и красильщики.

Государственная власть. Центральная Б. поделена между древними дворянскими родами, которые юридически подчиняются бритунскому королю, но фактически независимы от его власти. Это разделенное лидерство причиняет много неудобств Б. и сильно осложняет государственную торговлю. Бритунские нобили чаще всего находятся между собой в состоянии «холодной войны». Специфика бритунского образа жизни не позволяет феодалам иметь многочисленные армии, но тем не менее каждый из них имеет несколько хорошо вооруженных дружин, в чьи обязанности входит охрана стад и дома своего господина. Естественно, что это не способствует государственности Б. и сплочению ее в единое централизованное государство. Политики Б. пытаются утвердить авторитет своей страны среди прочих государств. Но поскольку Б. не имеет армии, то ее политический рейтинг в хайборийском мире крайне низок. *Немедия* и *Коринфия* вообще игнорируют Б., презрительно называя его монарха «Король Чурбанов». На северо-востоке страны власть построена по патриархальному принципу — там нет наследования титулов, а функции власти осуществляются старейшинами, которые выбираются жрицами *Виккан*. Однако они не обладают законодательной властью, т.к. не имеют возможности ни создавать законы, ни отслеживать их выполнение. Старейшина выполняет роль судьи в спорах между селянами, но и тогда чаще всего его решения должны быть поддержаны большинством голосов.

Рабство. В древности хайборийцы совершали экспедиции в Б. за рабами. Чаще всего их набегам подвергались области далекого юга и северо-востока. Бритунские женщины высоко котируются на невольничьих рынках из-за своих белокурых волос и покладистого характера. Бритунские мужчины, напротив, ценятся гораздо меньше

и используются лишь для работ вне дома. Немедийские работорговец оценивают мужчину примерно в 7 500 золотых; в то время как женщина из той же самой деревни могла бы быть продана за 20 000.

Религия. В центральных районах Б. поклоняются *Митре*, хотя встречаются *туранские* и *заморийские* культы. В деревнях чаще всего поклоняются богине природы *Виккане*.

Вооруженные силы. Король Б. держит небольшие отряды легкой и средней пехоты. Но они плохо обучены и комплектуются из новобранцев. Селения обычно защищают себя сами и поэтому бритунские крестьяне могут рассматриваться как части нерегулярной пехоты. Это удобно тем, что любой крестьянин естественно не откажется защищать собственную землю, но, в отличие от солдата, ему не надо платить за службу и не приходится тратить на обмундирование и продовольствие. В связи с этим, за сравнительно короткий срок бритунская власть может поставить под свои знамена огромное количество вилланов. Слабая сторона такой армии в том, что она пригодна только для обороны.

Язык. Бритунский язык — результат слияния хайборийских наречий с оригинальным языком автохтонов. Однако, многие бритунцы свободно говорят на *заморапском*, *кофийском* и *немедийском*.

Имена и названия. Бритунские названия напоминают кельтские: *Аэлрик (Aelric)*, *Буданекия (Boudanecia)*, *Годтан (Godtan)*, *Фюрдан (Fyrdan)*, *Харал (Haral)*, *Элдран (Eldran)*, *Элландун (Ellandune)* и т.д. Бритунским рабам в странах *Хайбории* дают местные же имена, поскольку хайборийцы считают имена бритунцев варварскими, труднопроизносимыми и неприятными на слух.

ВАНХЕЙМ см. НОРДХЕЙМ

ВЕНДИЯ

В. — это Индия *Р.Говарда*, страна древних богов и драгоценных самоцветов. *Конан* впервые попадает в В. в романе *Р.Джордана «Конан-победитель»* (в рус. пер. «Ловушка для демона»). Затем, став вождем афгулов, он похищает Дэви В. (см. *Р.Говард «Черные колдуны»*). После чего он совершает еще несколько путешествий в В. (см. *Б.Нибберг «Мститель»* и *М.Мэнсон «Небесная секира»*).

История. История В. берет начало со времен Великой Катастрофы, когда, в результате жестоких землетрясений, необитаемый Вендийский п-ов столкнулся с материком. Было ли это столкновение причиной катаклизма, или лишь одним из его бесчисленных последствий, на сегодняшний день установить достоверно не представляется возможным. Это событие положило начало многим изменениям, происшедшим в результате преобразований земной коры. Прежде всего, превратились в неприступную гряду **Гимелийские** (Himejian) горы, и тогда же возникло королевство **Меру**. Во вторых, образовалась обширная территория, что могла служить убежищем беженцам, спасавшимся от **ихарийских** захватчиков. На протяжении нескольких веков беженцы расселялись по Вендийскому п-ову, возводили города и поселения. Племена, обитавшие здесь, не имели контактов с другими народами, поэтому вендийская культура развивалась в полной изоляции. Около 1500 лет назад этот край был захвачен **гирканским** племенем **кшатриев**. Они впервые появились на северо-востоке В., в районе нынешней **Косалы**, и принялись поглощать один за другим существовавшие города-государства, распространяя область своего влияния на юг и на запад по всему п-ову. На сегодняшний день, В. представляет собой единое государство, которым правят родовитые **кшатрии**. Лишь несколькими мелкими городам, умело прикрывавшим свою значимость в глазах завоевателей, удалось сохранить независимость.

Текущие дела. Сегодня В. правит **Дэви Жазмина** (Yasmina), сестра покойного мехараджуба **Бунда Чанда**. Высшие сановники г-ва настаивают на ее вступлении в брак и рождении наследника, но до сих пор **Жазмине** удавалось противостоять их напору. Однако, заботясь о будущем государства, она объявила законным наследником престола своего кузена принца **Сатина**. Юный **Сатин** уже успел проявить себя как разумный и старательный повелитель, но пока еще он неопытен и легко поддается влиянию многочисленных фаворитов. Уступая их просьбам, он предложил провести несколько реформ, затрагивавших положение знати и чиновников, чем привел в ужас советников **Дэви**. По вендийским законам, **Жазмина** имеет право изменить свое решение относительно преемника. Но маловероятно, чтобы она сделала это — слишком велико удовольствие правительницы оттого, что ей удалось поставить в неловкое положение всех тех, кто требовал от нее наследника.

Враги и союзники. Основной противник В. — **Туран**, который издавна намеревается захватить богатые западные провинции В. Между этими двумя империями едва не разразилась война за земли к востоку от моря **Вилайет** и к западу от **Гимелийских** гор. Туранцы были бы рады заполучить **Айодхью** и гимелийские рудники, тогда как вендийцам не дает покоя **Секундерам** и торговый путь в **Кхитай**. Союзники В. — это скорее «враги ее врагов». В добрососед-

ских отношениях с В. находится **Иранистан**, хотя восточная империя едва ли считает, что может на равных говорить с иранистанским «правительством в изгнании». Вендийцы также пытались завязать торговлю с **Кхитаем** в обход северных караванных путей, однако до сих пор начинание это не имело успеха.

География. В. представляет собой п-ов треугольной формы, лежащий между **Косалой** (Kosala) и **Кхитаем**, к югу от **Гимелийских** гор. Климат в В. тропический, часть территории покрыта непроходимыми джунглями. Почва полуострова плодородна, если не считать каменистых **Гимелийских** предгорий. В В. хорошо развито сельское хозяйство, процветает шелководство и ткачество, особенно славятся местные ковры. На севере в рудниках добывают медь, золото и железо. На южном побережье существуют порты, однако торговля большей частью идет по суше.

Географический справочник.

Айодхья (Ayodhya) — столица В.

Джелани (Jhalai) — гористая местность на севере В. Там обитают в пещерах отшельники-аскеты **Асуры**.

Джумда (Jhumda River) — река в В. между **Айодхьей** и гулистанокосальской границей.

Махараштра (Maharashtra) — древний вендийский город. Две тысячи лет назад, после смерти мехараджуба **Орисса**, его усыпальница была запечатана с помощью древних ритуалов, на страже ее были поставлены демоны, а сам город оставлен жителями. Местонахождение его ныне никому не известно.

Пешкаури (Peshkhauri) — город и провинция на северо-западе В., вблизи гулистанской границы.

Туманные острова (Misty Isles) — острова у западного побережья В., место произрастания целебных трав.

Чо-Хии (Cho-Hien) — небольшой вендийский город-государство.

Уттар Куру (Uttara Kuru) — государство, не входящее в состав В., однако находящееся под ее влиянием. Не исключено, что в будущем Уттар Куру войдет в состав В.

Флора и фауна. Вендийские джунгли имеют богатую флору и фауну. В изобилии водятся слоны, тигры, пантеры, шимпанзе, гориллы и газели. Много разновидностей птиц. В предгорьях

на севере водятся яки, которых приручают местные жители.

Экономика. В. славится травами, специями, сандаловым деревом, нефритом, перламутром, а также украшениями тонкой работы и невиданной красоты. Кроме того, здесь производят ряд наркотиков, включая те, что добывают из цветков лотоса.

Карта магических областей. Уровень магии колеблется в В. от среднего до высокого, однако потенциал ее используется далеко не полностью. Местные предрассудки сильно затрудняют организованное изучение колдовства.

Общество. Общество В. жестко стратифицировано и по организации напоминает *туранское* общество, однако является несравненно более древним. Оно состоит из классов-каст. Во главе государства стоит каста ученых-правителей, именуемых **брахманами** и состоящих из потомков знатных *гирканцев-завоевателей*. Ниже следует каста воинов-**кшатриев**, также *гирканского* происхождения, которые возглавляют и служат в армии; еще ниже — **вайшьи**, горожане и ремесленники, составляющие основу экономики В.; и, наконец **шудры**, крестьяне, самая многочисленная каста из всех. Самое дно общества представляют **неприкасаемые** — **парии**, низкорожденные вендийцы, на чью долю выпадает самая черная работа, в том числе уборка нечистот и обмывание трупов. Теоретически, каста определяется рождением. На практике же, за тысячелетнюю историю В. было столько меж кастовых связей, что между их членами почти не осталось внешних различий. У всех вендийцев смуглая кожа, они обычно низкорослы, крепкого сложения, строгие черепа брахмичефальное (круглоголовое). **Кшатрии** чуть выше и стройнее прочих вендийцев, их отличают крючковатые носы. Правителем В. является **Мехараджуб** (если это мужчина) или **Дэви** (женщина). Далее по статусу следуют раджа, губернатор провинции, офицер-кшатрий, состоятельный вайшья, солдат-кшатрий, простолудин-вайшья, состоятельный шудра, шудра-бедняк. Вне закона находятся рабы, нищие, грабители и разбойники, а также неприкасаемые.

Обычаи. Вендийцы весьма искушены в двурушничестве и интригах. Поговаривают, что каждый вендиец шпионит для двух других, а иногда и больше. И все же они в лучшую сторону отличаются от *кхитайцев*. **Кшатрийский кодекс чести**, доставшийся им в наследство от *гирканцев*, осуждает неприкрытую ложь, и потому для большинства вендийцев обман состоит в «несказанной правде» или в столь тщательном подборе слов, что они затушевывают истину. Тем не менее, до прямой лжи вендийцы опускаются редко. Согладатайство же, само по себе, пороком не считается, сами вендийцы о нем прекрасно осведомлены, и потому здесь признаком особого доверия считается открытая собеседнику тайна. «Истина — дар лишь для луч-

шего друга», так гласит вендийская пословица.

Религия. Вендийцы поклоняются богам своего собственного пантеона: *Асуре* и *Катару*.

В отдаленных районах сохранилось поклонение более мелким богам.

Вооруженные силы. Основу армии В. составляет пехота. Имеется легкая кавалерия. Используются также боевые слоны. Войска хорошо обучены и отличаются дисциплиной, однако войны, которые ведут вендийцы, редко бывают затяжными. В армии большое влияние имеет знатность, и идет постоянная борьба за должности и влияние.

Язык. Вендийский язык составляет отдельную группу в семье *гирканских* языков. Исторически он образовался в результате ассимиляции *гирканского* с разнообразными наречиями, на которых говорили некогда беглые рабы, впервые обосновавшиеся в этих краях. Современных родственных языков не имеет. На территории В. существуют многочисленные диалекты и местные наречия. Некоторые из них практически недоступны для понимания, если не изучать их особо.

Имена и названия. Вендийские имена корнями напоминают индийские: *Алина* (*Alina*), *Бунда Чанд* (*Bhunda Chand*), *Виндра* (*Vyndra*), *Гумара* (*Gilara*), *Джарим* (*Jharim*), *Жазмина* (*Yasmina*), *Кандар* (*Kandar*), *Карим* (*Karim*), *Найнал* (*Naipal*), *Орусса* (*Orissa*), *Патил* (*Patil*), *Пунджа* (*Punjar*), *Чундер Шан* (*Chunder Shan*), *Шахал* (*Shahal*).

ГИПЕРБОРЕЯ

«Мало найдется в истории событий, сходных в значимости с возникновением сурового и беспощадного королевства гиперборейцев, которые, отказавшись внезапно от кочевой жизни, принялись возводить каменные постройки, окруженные стенами до небес...»

Р. Говард «Хайборийская эра»

Г. является одним из двух «злых королевств» хайборийского мира — это таинственный край вечной зимы, где правят жестокие колдуны. Г. упоминается в нескольких романах «Саги». В рассказе *Р. Говарда*

«Воинство мертвецов» Конана берут в плен гиперборейцы. Затем он сражается с гиперборейским колдуном в романе *Д.М. Робертса «Конан — победитель»* (на рус. яз. не переводился), спасает красавицу-гиперборейку в *«Логове Ледяного Червя» Р.Говарда*. И наконец, много позже, выручает своего сына **Конна** в *«Ведьме туманов»* (в рус. пер. *«Гиперборейская колдунья»*).

История. Две тысячи лет назад хайборийские завоеватели устремились с севера на юг, покоряя наследников Атлантиды — цивилизации уцелевшие после **Великой Катастрофы**. В самом начале хайборийского переселения племя, именуемое гиперборейцами, нашло убежище за насупом возведенным ограждением из неотесанных камней. Сооружение было примитивным, предназначением лишь для того, чтобы укрыться от преследования воинов из враждебного племени. Однако именно эта стена и положила начало всей хайборийской архитектуре. С тех пор гиперборейцы поспешили оставить ненадежные шатры из лошадиных шкур и принялись возводить каменные дома, окруженные массивными стенами. Эти примитивные «замки» позволили получить серьезное преимущество перед соседями, т.к. они служили неплохими укреплениями и позволяли гиперборейцам жить в относительном покое и постепенно набирать силу. Со временем, гиперборейцы принялись нападать на другие племена, часть из которых покорили, а остальных вытеснили к югу. Но гиперборейцы оставались привязанными к своим крепостям — сосредоточию силы, и не сумели воспользоваться полученным преимуществом и закрепиться на завоеванных землях. Они были вынуждены остаться в своих ледяных цитаделях и впоследствии основали гиперборейскую империю. Защитные сооружения гиперборейцев прошли проверку на прочность за 1500 лет до рождения **Конана**, когда гирканские кочевники двинулись на север от моря **Вилайет**, пытаясь завоевать северные королевства. Однако неорганизованной коннице nomadов был дан жестокий отпор, и гиперборейцы невольно поспособствовали укреплению слабого северного фланга нарождающейся **Хайбории**. Несколько веков спустя опасность надвинулась на Г. с севера. Светлокожие *нордхеймцы* (ваниры и асиры), заручившись поддержкой *киммерийцев*, выступили в поход против своих соседей. Совместными усилиями им удалось изгнать на юг остатки хайборийских племен, однако перед укреплениями гиперборейцев они оказались бессильны. *Нордхейм* и по сей день подвергается набегам гиперборейских работорговцев (хотя и не в той мере, что в прошлом), и две эти народности остаются заклятыми врагами. Асиры и киммерийцы тоже не прекращают враждовать с Г. Таким образом, у этой страны много врагов, но вообще нет союзников. Известно, что таинственный орден **Белой Руки** поддерживает связи с аналогичными магическими сообществами — **Черным Кругом** и **Алым Кольцом**. Но, тем не менее, они не доверяют друг другу.

География. Г. представляет собой «сумрачную равнину с голыми холмами» к северу от **Британии** и **Пограничного Королевства**. Большую часть года там царит лютый холод, а один месяц в году вообще не восходит солнце. Небо чаще всего затянуто тучами, нередко густые туманы, снега и дожди.

Географический справочник.

Врата Череп (Skull Gate) — основной перевал в **Иглофиийских горах**, разделяющих **Пограничное Королевство** и Г. Начало перевала отмечает установленный там огромный череп мамонта без клыков, украшенный надписью на гиперборейском: *«Врата Гиперборей — это Врата Смерти для тех, кто пройдет через них непрошеным»*. Надпись эта заставляет повернуть назад многих случайных искателей приключений.

Похиола (Pohiolo) — гиперборейская крепость, где правит ведьма **Лухи**, королева-жрица Г. **Лухи** является главой **Белой Руки**, и гиперборейцы считают ее воплощением богини смерти.

Сигтона (Sigtona) — гиперборейская крепость. Асирийские скальды утверждают, что **Сигтоной** правит жестокая королева-ведьма, питающаяся человеческой кровью.

Халоба (Hologo) — гиперборейская крепость, где правит королева **Вамматар**. **Конан** был взят в плен халобцами, когда спасал дочь вождя асиров.

Флора и фауна. На бесплодных равнинах Г. водятся волки, в горах обитают пещерные медведи. Через территорию Г. происходит миграция стад северных оленей, мускусных быков и мастодонтов, на которых охотятся местные жители.

Карта магических областей. В Г. высокий уровень магической энергии, особенно вблизи каменных цитаделей. Орден **Белой Руки** активно поддерживает местные суеверия и страх перед колдунами, что придает их магии еще больший эффект.

Общество. Гиперборейцы высоки ростом и невероятно худощавы, у них бледная кожа, сланцево-серые волосы и зеленые глаза. Правители гиперборейцев живут в каменных замках, но простые люди обречены селиться в крошечных лачугах и обрабатывать бесплодную почву. Эти сервы являются остатками покоренных гиперборейцами племен, они живут в постоянном страхе перед колдунами-правителями. Гиперборейские цитадели поражают взор своим грубым величием. Они сложены из каменных блоков, подогнанных и от-

ГИРКАНИЯ

«Гиркания, чьи всадники обряжены в сталь, золото и шелк».

Немедийские хроники

полированных так, чтобы не образовывать ни малейших уступов. Стены, украшенные зубцами и башнями, бывают до пятнадцати метров в высоту и толщиной в двадцать шагов, что придает крепости призматический вид. В стенах прорезаны окна и бойницы, расположенные достаточно высоко, чтобы препятствовать доступу в цитадель, но обеспечивающие удобное положение для стрельбы обороняющихся. Окованные железом ворота защищены стальными опускаемыми решетками и украшены охранными рунами, образованными узором из вбитых гвоздей. Власть в Г. принадлежит жрице **Лухи**, происхождение которой считается божественным. Ниже ее по статусу жрецы-колдуны, члены **Белой Руки**, воины и убийцы. Остальные жители находятся практически на положении рабов.

Законы. В Г. правит **Белая Рука** — группа колдунов, схожая со *стигийским Черным Кругом*, или **Алым Кольцом** в *Кхитае*. Колдуны **Белой Руки** являются жрецами **Лухи**. Их магия черпает энергию из холода и направлена на власть над мертвыми. Гиперборейских магов высоко ценят на северных пустошах, но не слишком жалуют в остальной **Хайбории**. Помимо занятий магией, **Белая Рука** содержит наемных убийц, готовых по ее приказу исполнить задание в любой части света. Эти убийцы носят черные одеяния и плащи с капюшоном, а на лице — плоскую белую маску, прозрачную со стороны глаз, но снаружи абсолютно непроницаемую, что создает впечатление, будто у носящего ее нет лица. Оружием им служит деревянная палка с двумя стальными яйцеобразными сферами на концах, предназначенными для ударов по нервным окончаниям, что приводит к обездвижению, ранению или смерти жертвы. Уверяют, что эти убийцы отличаются большой подвижностью и ловкостью.

Религия. В Г. нет собственного пантеона богов. Ее жители поклоняются **Лухи**.

Вооруженные силы. Армия гиперборейцев состоит из одной пехоты и обладает хорошей выучкой. При необходимости колдуны оказывают пехоте магическую поддержку.

Язык. Гиперборейский язык ведет начало от наречия древних гипербореев и не носит ни малейших следов языка атлантов или **кхарийцев**, присутствующих во всех других языках **Хайбории**. Письменность руническая, алфавитно-иероглифическая. Большинство гиперборейцев неграмотны.

Имена и названия. Гиперборейцы носят имена в финском стиле: *Вамматар (Vammatar)*, *Ильга (Ilgä)*, *Камойнен (Kamoinen)*, *Лухи (Louhi)*.

Г. лежит на бескрайней поросшей травой равнине, простирающейся от моря **Вилайет** до самого *Кхитая*. Населяют гирканские степи кочевые племена, подобные средневековым монголам. Происхождение гирканцев описано в статье *Р.Говарда «Хайборийская эра»*. Краткие упоминания о гирканцах встречаются повсюду в *«Саге»*, однако лишь в романе *Д.М.Робертса «Конан — грабитель»* (в рус. пер. *«Дикая орда»*) они описаны достаточно подробно.

История. Когда океан поглотил **Лемурийские** о-ва, немногие уцелевшие нашли пристанище на восточном побережье **Турианского** (Thugian) континента. Там они были обращены в рабство **кхарийцами** (Khargi). За 1500 лет притеснений лемурийская культура была полностью уничтожена. Те, кто осмеливался восстать против кхарийцев, были принесены в жертву демонам; большинство же предпочли прозябание в рабстве вечным мучениям души. Со временем они утратили даже память о своем происхождении и превратились в **гирканцев** (что означало *«жители востока»* на кхарийском языке). Постепенно кхарийская культура пришла в упадок, рабы восстали и уничтожили ненавистных господ. Те из кхарийцев, кому удалось спастись, бежали на запад, основав там *Стигийское* государство.

Переселение гирканцев. Некоторое время племена Г. сражались друг с другом на развалинах кхарийской цивилизации. Но постепенно бывшие рабы смешались с оставшимися аборигенами и начали продвигаться к западу, подобно тому как, в тот же период, мигрировали на западе хайборийцы. Гирканцы расселились в восточных степях, создав воинственную кочевую культуру. Те племена, кто соглашались платить им дань, входили в состав обширной гирканской империи, остальные безжалостно уничтожались. Через 2500 лет гирканцы достигли границы степи у восточного берега моря **Вилайет**. Ими было сделано несколько попыток обойти **Вилайет** с севера, но они были пресечены гиперборейцами.

Тарим и Эрлик. Фигурой первостепенного значения в гирканской истории является **Тарим**, гирканский проповедник, осуществивший труднейший поход в *Патению*. Вернувшись оттуда в 1072 г. н.л.а., он провозгласил себя пророком огненного божества **Эрлика** и повел многочисленные гирканские племена в поход на

плодородные земли к югу от *Вилайета*. Там последователи *Тарима* захватили шемитские и йезмитские поселения и основали королевство *Туран*. В 1092 г. н.л.А., когда *Тарим* исчез (согласно легенде, был призван *Эрликом*), *Туран* уже был процветающим государством. В настоящее время гирканцы представляют серьезную угрозу для хайборийского господства на западе. Хайборийцы видят в *Туране* (и стоящих за ним гирканских племенах) опасного врага, однако все же не настолько грозного, чтобы ради этого прекратить бесконечные междоусобные войны и начать объединяться. Исследования показывают, что это станет для них роковой ошибкой, ибо спустя пятьсот лет после смерти *Конана* хайборийцы будут побеждены окончательно, и их мечи уступят место пиктским копьям и гирканским пикам.

Текущие дела. Гирканские племена продолжают неуклонное движение на запад. Однако времена меняются, и если прежде кочевникам всегда были рады в *Туране*, то теперь пропасть между войнами-номадами и их оседлыми, более цивилизованными собратьями значительно увеличилась. Сейчас гирканцы избрали *уши-кагана* (см. ниже), чтобы вновь завоевать *Туран*, вырвав власть из рук изнеженных единоверцев. Так, если туранцам не удастся найти мирное решение конфликта, возможно, им придется защищать некогда захваченные силой земли от своих же соплеменников.

Враги и союзники. Гирканцы находятся в добрососедских отношениях с королевством *Кусан* (*Kusan*) и *Тураном*. Относительный мир установлен у них со степными торговыми городами и с племенами дикарей к северу от *Вилайета*. Некоторые гирканские племена знают о существовании королевства *Меру*, но в большинстве своем они недоверчиво относятся к горцам. *Кхитайцы*, укравшиеся от кочевников за *Великой Стеной*, а также *вендийцы* и *косалцы* равно презирают гирканцев, считая их дикарями.

География. Гирканская степь представляет собой неправильной формы квадрат со стороной около 1000 миль. С запада плато ограничено морем *Вилайет*, с востока - *Великой Китайской Стеной*. На юге его границей являются *Талакийские* отроги *Гималайских* гор, на севере же степь простирается вплоть до субарктических пустышей.

Географический справочник.

Бухроша (*Bukhrosha*) — торговый город на караванном пути из *Турана* в *Кхитай*, населенный потомками гирканцев и вендийцев. Он находится недалеко от *Кхитая*, основная статья дохода города — специи, которые здесь обрабатывают и затем продают.

Вухуанская пустыня (*Wuhuan Desert*) — бесплодная область в восточной Г., простирающаяся от южной оконечности озера *Хо* до восточной границы *Вендии*.

Лакмаши (*Lakmashi*) — торговый город на караванном пути из *Турана* в *Кхитай*, также населенный гирканцами и вендийцами. Лакмаши именуют также «Городом Серебряных Врат». Это город ювелиров. И хотя качество работы местных мастеров уступает туранским, здесь не столь высоки налоги, поэтому у местных мастеров нет недостатка в заказчиках.

Луланское плато (*Loulou Plateau*) — равнина в восточной части Г.

Маликта (*Malikta*) — торговый город недалеко от *Лакмаши*. В отличие от лакмийских золотых и серебряных дел мастеров, местные ювелиры обрабатывают, в основном, драгоценные камни.

Патения (*Pathenia*) — область вечного холода к северу от Г., где живут чудовищные люди-обезьяны.

Согария (*Sogaria*) — самый западный город степей, к северу от *туранской* границы. Используя *кхитайские* шелка и *вендийские* красители, местные ткачи весьма преуспели в создании изысканных тканей, высоко ценимых *туранской* и *хайборийской* знатью.

Флора и фауна. На обширных степных просторах гирканцы пасут табуны лошадей, стада коз, овец и коров. Из диких животных здесь часто встречаются зубры, степные волки, мамонты и всевозможная мелкая дичь. Земля в этих местах сухая, неплодородная, поросшая высокой густой травой. Зимой дожди вызывают к жизни все поразительное разнообразие растительного мира степи, однако летом дожди прекращаются, трава засыхает и бурест, и большую опасность представляют степные пожары, вызванные молнией или людской неосторожностью. Степь нельзя назвать совершенно ровной: здесь нередки холмы и долины, но они невелики по размерам. Лощина глубже трех метров представляется гирканцу почти пропастью; а холм выше тридцати локтей высотой — горой.

Карта магических областей. Гирканская равнина является областью со средним уровнем магии. Некоторые «*какаба*» (см. ниже) расположены на развалинах древних *кхарийских* поселений и потому обладают более высокой концентрацией энергии.

Общество. Большинство гирканцев высокого роста, худощавые, с черными или каштановыми волосами и крючковатыми но-

сами. Изначально у них достаточно светлая кожа, однако на степном ветру, под палящим солнцем кочевники делаются смуглыми, как *зингарцы*. Все мужчины носят усы, а многие и бороды. Излюбленная одежда жителей Г. — высокие остроконечные войлочные шапки с отворотами, рубашки, набедренные повязки или штаны и сапоги из мягкой кожи с загнутыми носами. Отличительная особенность большинства жителей Г. — огромное количество золотых украшений. Гирканские женщины всегда закрывают лицо покрывалом в присутствии мужчин. Гирканцы шьют одежду из овечьей или волчьей кожи или из ткани, украденной с ограбленного каравана. У большинства воинов кожаные доспехи, а наиболее удачливые из них носят металлические, купленные в *Туране* или похищенные у торговцев. Часто встречаются щиты из толстой кожи, натянутой на деревянную раму, но некоторые счастливицы являются обладательницами редкостных в этих краях железных щитов. Гирканцы с детства приучаются к верховой езде. Пешком они могут пройти лишь от коновязи до юрты и обратно, и их поражает кажущаяся выносливость иноплемеников, способных совершать длительные пешие переходы. Из-за привычки к седлу у большинства кочевников кривые ноги и неуклюжая походка. Однако не стоит недооценивать номадов из-за этой внешней слабости. Гирканская конница способна преодолевать в день свыше 150 лиг, имея по четыре-пять сменных лошадей на каждого всадника, и, не тратя времени на отдых, дать противнику бой в конце пути. В дороге гирканцы никогда не останавливаются, чтобы сменить коней, но перепрыгивают на скаку из седла в седло, прихватив с собой лук и колчан со стрелами. Общеизвестно, что гирканцы являются умелыми воинами. Скорость, отличное владение оружием и отвага делают их почти непобедимыми. Они не сражаются на заранее выбранном поле, подобно хайборийцам, но бросаются в бой стремительно и без подготовки. Военская иерархия кочевников включает в себя следующие ранги: **каган**, **военный вожьд**, **полутысячник**, **сотник**, **полусотник**, **десятник**, **простой воин**. В зависимости от обстоятельств, у гирканцев есть несколько способов передачи сигналов войскам. Когда требуется заставить врага врасплох, кочевники пользуются флажками (днем) и фонарями (ночью), чтобы подать знак союзникам. Когда же приходит время решительного наступления, воины бьют в огромные медные барабаны, которые служат одновременно и для подачи сигнала, и для того чтобы внушить ужас противнику. Время от времени гирканские племена объединяются против общего врага и образуют **орду**. Это происходит крайне редко, не чаще раза в сто лет, поскольку, помимо огромных расстояний, объединению племен мешают внутренние разногласия и различия в обычаях. Так, некоторые племена употребляют в пищу конину, у других это запрещено. Иные пасут коров и считают коз нечистыми, другие — наоборот. И все же случается, что общая угроза или надежда на богатую добычу перевешивает внутренние раздоры, тогда на общем съезде каганы племен

принимают решение объединиться и избирают **уши-кагана** — верховного вождя, который поведет племена.

Оружие гирканцев. Основным оружием гирканцев является лук. Лук делается из дерева, рога и жил, причем на изготовление его уходит не менее года. Производят это оружие для гирканцев в основном ремесленники, живущие в селениях на западных склонах **Ночных гор**, на границе с *Кхитаем*. Сила луков измеряется количеством человек, необходимых, чтобы натянуть тетиву. Юноши стреляют из «**одиночного**» лука, большинство номадов — из «**двойного**», которым можно также пользоваться в одиночку, используя специальное приспособление, а самые сильные воины — даже из «**тройного**». Обычно гирканский воин имеет при себе два лука, поскольку на каждом тетива может оставаться натянутой не более двух часов, чтобы лук не утратил упругость. Меткость гирканцев вошла в легенду. Лучник, на полном скаку способен попасть в человека со ста шагов пять раз из десяти. Излюбленным приемом кочевников является соскользнуть с седла на скаку и стрелять, укрывшись за боком лошади. Другим оружием гирканцев является аркан. Веревка аркана плетется из лошадиных или человеческих волос, причем многие кочевники считают лучшим аркан, сплетенный из волос врага. Чаще всего он используется пастухами, но если требуется взять пленника живьем его применяют и воины. Гирканцы не берут рабов, по крайней мере, взрослых мужчин. Иногда они оставляют в живых мальчиков и молодых женщин, прочих же убивают без всякой жалости. Сами гирканцы говорят: «*Мы хотим владеть не покоренными народами, а бескрайними пастбищами*».

Кланы. Гирканцы делятся на бесчисленное множество кланов. В каждом клане может быть от 40 до 60 семей, 300-500 лошадей, 800-1200 голов скота, и около 100 боеспособных воинов. Кланов живут тем, что пасут стада на своей территории (чаще всего она имеет очертания квадрата, до 150 лиг в ширину). Обычно кланы стараются держаться подальше один от другого, чтобы хватало места для пастбищ. На юге многие кланы живут также тем, что грабят торговые караваны, идущие по их территории. Однако это не является основным занятием кочевников (как, например, в *Гулистане*), и зачастую торговцам удается пересечь степь без помех. В каждом регионе дюжина кланов, или около того, объединяется в племя. В основе их связи лежит давнее (чаще всего мифическое) кровное родство, и большинство браков в кланах совершаются между членами одного рода. Вожди племен определяют территорию для каждого клана, а воины племени объединяются для нападений на караваны или иного противника. Гирканцы не имеют «своей» земли, которую могли бы защищать. Такое свойство кочевой жизни делает их в корне не похожими на другие, более цивилизованные народы. Есть лишь одно исключение из этого правила: у каждого гирканс-

кого племени имеется т.н. «какаба» (kakaba), или поле захоронений, называемое также **Городом Курганов**, где хоронят **каганов** и **уши-каганов**. Какаба является тайным местом, скрытым в самых негостеприимных уголках степи. Из почтения к мертвым, здесь запрещено ездить верхом, а также стрелять из лука, чтобы стрела не попала ненароком в дух одного из предков племени. Поэтому защищать какабу от незваных гостей непросто. Но хотя Города Курганов представляют собой слабое звено в гирканской обороне, этим едва ли удастся кому-то воспользоваться: гирканцы никогда не выпускают живыми тех чужестранцев, что осквернили священные земли.

Религия. Гирканцы поклоняются предкам и Вечному Небу. У них нет богов в том смысле, как это понимают хайборийцы, а если изначально религия ххарийцев и оказала на них какое-то влияние, это давно забыто. Кочевники, живущие на западе, иногда поклоняются божествам туранцев.

Вооруженные силы. Легкая конница является основной воинства номадов. Вне всякого сомнения, гирканцы являются лучшими в мире наездниками и мастерами стремительных ударов и отступлений.

Язык. Гирканский язык — тональный, отдаленно напоминает современный *кхитайский*. В тесном родстве с ним находится современный *туранский* язык. Письменность гирканцев является буквенной, причем знаки ее напоминают *кхитайские* идеограммы. Большинство кочевников неграмотны, однако на языке номадов были созданы прекрасные образчики поэтического творчества.

Имена и названия. Гирканские имена имеют много общего с монгольскими: *Бартатуня* (Bartatua), *Бория* (Boria), *Гуяк* (Guyak), *Кучлуг* (Kuchlug), *Маздак* (Mazdak), *Торгут* (Torgut).

ДАРФАР

Д. — родина каннибальского культа **Йога** (Yog), Владыки Пустынных Обитателей. В этом культе воплощено все худшее, что могли породить южные королевства. Лучшее описание дарфарских каннибалов дано в рассказе *Р.Говарда «Тени Замбулы»*.

История. Культ Йога был привнесен на запад *ххарийцами*. В *Стигии* Йог считается демоном, подчиненным Отцу Сету. Он пожирает врагов *Великого Змея* в потустороннем мире. Дарфарские люди-

еды относятся к последним почитателям Йога. Древние *ххарийские* храмы до сих пор считаются в Д. священными, хотя многое в их устройстве сегодня верующим недоступно. Духовное наследие культа было практически полностью утрачено за прошедшие века, остались только кровавадные ритуалы его последователей.

Друзья и враги. Большинство северных племен ненавидят иогитов, а в *Шеме* и *Туране* их именем пугают детей. Терпят их лишь в *Замбуле* и некоторых южных городах, и то лишь из-за того, что они могут быть полезны в качестве рабов.

География. Д. — это жаркие влажные джунгли между *Кушем* и *Кешаном*. С севера он граничит со *стигийским* *Болотом Пурпурного Лотоса*, на юге — с *Черными Королевствами*.

Флора и фауна. В Д. фауна и флора очень разнообразна. В джунглях водятся львы, часто встречаются небольшие антилопы. На деревьях обитают птицы, обезьяны и гигантские ленивцы. Один из видов обезьян, *вагуке*, особо ценим дарфарцами, так как очень похож на человека. Мозги *вагуке* почитаются каннибалами изысканным лакомством.

Карта магических областей. В Д. — низкий уровень магической энергии. Вряд ли жертвоприношения, прежде дававшие большую власть, ныне достигают демона, которому предназначены. Отвратительные условия жизни дарфарцев лишний раз свидетельствуют, что их божество отвернулось от своего народа.

Общество. Людоеды Д. высокого роста, темнокожие, широкоплечие, с большими руками и ногами. Они обтачивают себе зубы, делая их острыми, как клыки, а вьющиеся волосы покрывают слоем глины, из которой затем лепят прически в форме заостренного веретена. Каннибалы живут охотой, поскольку, по заветам Йога, им запрещено принимать в пищу любые растения. По той же причине они не держат домашних животных. Деревни Д. представляют собой скопление хижин, обмазанных глиной. В каждой из которых от 40 до 80 домов. Периодически на эти деревни совершают набеги *стигийские* работорговцы, которые затем продают свою добычу в *Стигии*, *Шеме* или *Туране*. Вождями дарфарцев являются жрецы Йога. Женщины находятся практически на положении рабов.

Религия. В Д. процветает культ Йога. Иных религий нет.

Вооруженные силы. Каннибалы сражаются пешим строем, неорганизованно, не признавая никакой дисциплины. В поисках ритуальных жертв они нападают лишь на немощных и больных, но и тогда набрасываются на жертву втроем или вчетвером.

Язык. Язык Д. произошел от **кхарийского**. Впоследствии он много позаимствовал из **кушитского** и **стигийского**.

Имена. В «*Саге о Конане*» не приводится дарфарских имен. Вероятнее всего, они сходны с **кушитскими**.

ЗАМОРА

«...Замора, ее темновласые женщины и башни, полные древних тайн...»

Немедийские хроники

З. — это таинственный край, буфер между хайборийскими нациями запада и гирканским Тураном, культура ее многое взяла и от той, и от другой стороны. Однако и та, и другая презирает заморийцев, а хайборийцы даже считают их проклятыми с рождения.

История. Заморийцы ведут свой род от племени **земрийцев**, жившего еще до Великой Катастрофы, в одно время с валузийцами, и населявшего, скорее всего, древнее государство **Грондар**. Современные земрийцы живут в **Кезанкийской** области уже 4000 лет и считают себя равными хайборийцам и гирканцам. Земрийские поселения оказались не затронуты катаклизмом. Чудом уцелевшие, они сохранили самый высокий уровень сельского хозяйства и культуры в регионе. Однако земрийцы не смогли воспользоваться полученным преимуществом. Вместо того, они долгое время оставались на уровне охотников-собирателей, совершенно не развиваясь. С приходом **кхарийцев** земрийцы вновь начали развиваться. К тому времени, как хайборийские завоеватели спустились с севера, чтобы захватить **Ахерон** и **Древнюю Гиперборею**, королевство З. располагалось по ту сторону **Кезанкийских** гор, являлось сатрапией **Ахерона**, чудом уцелевшим осколком давних времен. Хайборийцы неоднократно покоряли З., однако так и не смогли закрепиться на этих негостеприимных землях. Завоеватели каждый раз возвращались на запад и никогда не оставались править в захваченной стране. Естественная преграда, созданная **Карпашскими** и **Кезанкийскими** горами надежно предохраняла З. от хайборийского влияния, превратив ее в независимый анклав, живущий по собственным законам.

Текущие дела. За последнее время **туранцы** распространили свое влияние на пустыню и возвели торговые форты и оазисы вдоль заморийской границы. Перед лицом такой военной угро-

зы короля З. практически передал бразды правления захватчикам, заплатив **Аграпуру** грабительскую дань. **Карпашские** горы, охранявшие прежде З. от Хайбории, теперь мешают хайборийцам прийти ей на помощь.

Враги и союзники. Основной союзник — покоривший З. **Туран**. Военное влияние **Турана** ощущается в З. повсеместно, а дань, которую приходится платить **Аграпуру**, разоряет страну. Бедственное положение З. мало трогает хайборийцев, которых не интересует происходящее за пределами своих границ. Однако неоднократно прошения З. Достигли ушей короля **Нимеда** и возможно скоро **Немедия** пошлет войска на защиту З. (и своих интересов в регионе).

География. З. — это засушливый, неплодородный край. Основным источником пропитания местных жителей — скот, пасущийся на скудных пастбищах, а также добыча меди, олова и некоторых других металлов. Однако ни золота, ни серебра в З. Обнаружено не было.

Географический справочник.

Аренджун (Arenjun) — «Город Воров», столица З.

Заминди (Zamindi) — торговый город между **Шадизаром** и **Йезудом**.

Йезуд (Yezud) — этот город посвящен богу-пауку **Затху** (Zath). Только жрецам и храмовым служителям дозволяется оставаться в городе после захода солнца, остальные селятся в деревнях за крепостными стенами.

Ларша (larsho) — проклятый разрушенный город близ **Шадизара**. По легенде, Ларша была построена во времена Великой Катастрофы предками заморийцев, и короли-гиганты, что некогда правили там, до сих пор сторожат среди развалин свои сокровища. В 1257 п.п.А. король **Тиридат Заморийский** отправил отряд самых отважных воинов за сокровищами Ларши. Ни один из них не вернулся, хотя крики их, топот и странные звуки были хорошо слышны тем, кто дожидался снаружи. Ларша серьезно пострадала после землетрясения в 1267 п.п.А., однако город этот пользуется столь дурной славой, что и позже никто не осмеливался пробраться внутрь.

Шадизар (Shadizar) — еще один город воров. Правитель, сатрап **Шадизара**, и его советники заняты интригами и борьбой за власть, в которой не гнушаются никакими средствами, включая подкуп, колдовство и пр.

Карта магических областей. Уровень магии в З. колеблется от низкого до среднего, в пустыне есть также районы, где магия отсутствует вовсе. Хайборийские мудрецы предполагают, что заморийская пустыня была выжжена магией в ходе войн после Великой Катастрофы, подобно бесплодным районам *Стигии*.

Общество. Заморийцы невысоки ростом, смуглокожи, с темными глазами и волосами, тонкими чертами лица. Заморийцы пользуются славой людей жестоких, алчных, не умеющих держать слово. Репутация эта заслужена ими лишь отчасти. Заморийцы, и правда, больше заботятся о собственной выгоде, чем о высоких идеалах, о которых так любят рассуждать хайборийцы (столь же часто забывающие о них на практике). Они живут замкнуто, хотя рост торговли по Дороге Королей увеличил связи З. с Хайборией и Тураном. З. правит король. Далее следуют принцы, сатрапы, градоправители, патриции, богатые купцы, военные, ремесленники, слуги, рабы и пр.

Право. Слово знати — закон в З. Обычный приговор осужденному — казнь с конфискацией всего имущества. Допускается апелляция к королю, однако обычно приговор приводится в исполнение так быстро, что осужденный не успевает этим правом воспользоваться. Силы правопорядка в З. крайне ослаблены. Расследование и дознание здесь неизвестны. Если преступника не удастся поймать с поличным или опознать, преступление остается безнаказанным. Поиском свидетелей никто не занимается, они должны прийти сами, и если обвиняемый будет оправдан, обвинителю приходится самому оплачивать судебные издержки. Нечего и говорить, что стражей порядка здесь стараются звать на помощь как можно реже.

Религия. Заморийцы поклоняются многим божествам. Некоторые из них — местные, являются воплощением сил природы или какой-либо местности, подобно *Затху*, богу-пауку *Йезуда*. Но здесь уважают также богов иных племен, таких как *Бел*, шемисткий бог воров, покровитель *Аренджуна*.

Вооруженные силы. Армия З. не отличается силой и организованностью. Вооруженные отряды используют, большей частью, для охраны дорог. Однако отряды, расположенные вдоль границы с Тураном, участвуют в постоянных стычках с «разбойниками пустыни».

Язык. Заморийский язык произошел от земрийского и имеет мало общего с другими языками.

Имена и названия. Заморийские имена схожи с ближневосточными и греческими: *Абулет* (*Abuletes*), *Арпан* (*Artanes*), *Атосса* (*Atossa*), *Бартак* (*Bartakes*), *Вардан* (*Vardanes*), *Гарпаг* (*Harpagus*), *Гаттус* (*Hattusas*), *Гиссар* (*Hissar*), *Динак* (*Dinak*), *Кагул* (*Kagul*), *Кулия* (*Kilya*), *Лар* (*Lar*), *Мандана* (*Mandana*), *Митридат* (*Mitridates*), *Нисса* (*Nissa*), *Париск* (*Pariskas*), *Роксана* (*Roxana*), *Рудабех* (*Rudabeh*), *Семирамас* (*Semiramas*), *Стагир* (*Stahir*), *Тосия* (*Tosya*), *Феридун* (*Feridun*), *Эриак* (*Eriakes*), *Яздат* (*Yazdates*), *Яра* (*Yara*).

ЗЕМБАБВЕ

«Легенды намекают, что пропитанный кровью краеугольный камень Древнего Зембабве был заложен чудовищным Богом-Змеем...»

Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Алая луна Зембабве»

З. — самое отдаленное от Хайбории гос-во в Черных Королевствах.

История. Воины З. являются боковой ветвью *кчака* (*kchaka*), могущественного племени, населяющего центральные районы Черных Королевств. Зембабвийцы были вытеснены из родных краев более сильными соседями и бежали на восток, пока наконец не натолкнулись на руины города, известного ныне как Древний Зембабве. Жившие в тех местах племена считали эту область проклятой и не чинили беглецам препятствий, когда те пожелали обосноваться в развалинах. Многие тысячи лет они сражались с гигантскими крылатыми драконами, обитавшими в горных пещерах на востоке. Герой племени по имени *Лумбеба* (*Lumbeba*) отправился в горы и сумел похитить несколько яиц. Он воспитал драконьих птенцов и обнаружил, что они поддаются приручению и могут быть использованы под седлом. Это позволило зембабвийцам завоевать окрестные племена и основать королевство Зембабве. *Лумбеба* был немедленно возведен на трон. Однако у *Лумбебы* был брат-близнец, которому тот был очень предан. И когда он объявил, что отныне в З. будут править одновременно два короля, никто не посмел возразить. С того дня на трон З. могут взойти лишь близнецы, избираемые среди родившихся в стране мальчиков-двойняшек.

Текущие дела. В настоящее время королями З. являются близнецы *Мбег* (*Mbega*) и *Ненаунир* (*Nenauir*). Они молоды, полны сил и имеют множество последователей среди жителей Древнего Зембабве. Вместе с тем, *Ненаунир* связан с тайными религиозными группировками, ставящими своей целью сделать культ *Сета* (или

Дамбаллаха (Damballah), как именуют его в тех краях) главенствующим в З.

Враги и союзники. Расположение З. не слишком располагает к союзам с другими государствами. Зембабвийцы имеют связи с Гамбуру, столицей амазонок, и торговый договор с шахом Иранистана, но в остальном живут достаточно изолировано.

География. Большая часть территории З. занята джунглями, а южная оконечность — саванной. Эта страна одна из самых жарких на Юге. Весной обильные дожди превращают глинистые северные равнины З. в непроходимое болото.

Географический справочник.

Древний Зембабве — истинная столица З. Древний Зембабве закрыт для иноземцев по религиозным причинам, а также чтобы сохранить тайну прирученных крылатых драконов. Город усеян высокими башнями без крыш и дверей — именно там селятся драконы. Поскольку вход в них открыт лишь с воздуха, они надежно защищены от любопытства непосвященных.

Новый Зембабве — город на севере З., лучше известный северянам, которые считают именно его столицей З. Именно в этот город приходят обычно торговые караваны из Иранистана, чтобы обменять оружие и другие товары на золотой песок и страусиные перья.

Карта магических областей. З. — страна с высоким уровнем магической энергии. Магия используется в ритуалах поклонения многочисленным богам З.

Общество. Большинство зембабвийцев среднего роста, драконы всадники щуплы и низкорослы. Однако воины, в большинстве своем, не уступают статью хайборийцам. Культура З. крайне консервативна и изменяется чрезвычайно медленно. Драконы Древнего Зембабве пользуются всеобщим поклонением среди жителей З. и окрестных племен. Во главе З. стоят короли-близнецы. Высоким социальным статусом обладают жрецы, богатые торговцы и драконовые всадники, а также воины и ремесленники. Женщины находятся в З. на положении прислуги.

Право. С тех пор как рядом с Лумбебой на трон воссел его брат-близнец, зембабвийцы свято чтут этот обычай. Также по традиции, чтобы избежать конфликтов при наследовании престола, когда один из королей умирает, второй должен покончить жизнь самоубийством или же быть изгнанным из страны. После чего жрецы выбирают новую пару близнецов, которые и становятся новыми правителями.

Религия. Ведущим божеством З. является Дамбаллаха, южное воплощение стигийского Сета. Последователи Дамбаллаха имеют в королевстве большой вес, и даже король Ненаунир оказывает поддержку этому культу. Его брат Мбега, в свою очередь, поклоняется более милосердным божествам джунглей и принадлежит к лагерю умеренных.

Вооруженные силы. Основу зембабвийского войска составляют драконы, которых с равным успехом используют как в открытом наступлении, так и при штурме городов. Наземную поддержку им оказывает пехота, вооруженная копьями и щитами.

Язык. Зембабвийский язык находится в родстве с другими наречиями Черных Королевств, однако во многом значительно сложнее их и чрезвычайно труден для изучения. В «Саге» встречается не так много истинно зембабвийских имен: Лумбеба (Lumbeba), Мбега (Mbega), Мквана (Mkwana), Ненаунир (Nepaunir). Имена зембабвийцев похожи на имена прочих жителей Черных Королевств.

ЗИНГАРА

«Его доспехи и оружие были отделаны богато и вычурно, по моде зингарских грандов»

Р.Говард «Заводь Черного Демона»

З. — одна из наиболее высокоразвитых стран Хайбории, особенно в области ремесел и религиозной жизни. З. подробно описана только в двух романах о Конане К.Вagner «Путь Королей» и Л.Спрэг де Камп, Л.Картер «Конан-корсар». К тому же, З. часто упоминается в повести Р.Говарда «Сокровище Траникоса», на ней построены многие сюжетные линии.

История. Через две тысячи лет после Погружения Атлантиды, кочевое племя протошемитов дало начало аграрной культуре в широкой долине Зингг, на юге Пустошей Пиктов. Эта культура имела возможность обрабатывать плодородные земли, в относительной изоляции от окружавших ее воинственных племен. Эти протошемитские племена получили возможность развиваться автономно на протяжении нескольких столетий. Но дикие пиктские полчища, в поисках новых становищ, перевалили через горы и, спустившись в долину Зингга легко покорили смиренные племена пастухов и скотоводов. С течением времени смешанные браки породили новую нацию, в которой смешалась как кровь пиктов, так и кровь протошемитов. Но

новая народность была, в свою очередь, покорена дикими племенами варваров-хайборийцев. В результате такого тройкого смещения и появилась современная нация **зингарцев**. Зингарцы быстро распространили свои владения на юг и запад, покоряя на своем пути мелкие племена, населяющие засушливые земли южной оконечности Зингарского п-ова. Зингарцы пытались распространить свое влияние и на Восток, но получили отпор от воинственных шемитских племен, которые впоследствии стали называться «**пелешити**» (Pelishtti). З., несомненно, извлекла немалую выгоду из хайборийского влияния, ибо зингарское общество сделало резкий скачок от аграрного строя к развитому феодализму, объединив в единое государство все разрозненные племена, ее составляющие. Т.к. с востока ее экспансия была ограничена пелешити, а с севера — ликтами, то З. стала искать выход на юг, для чего занялась судостроением, а затем — покорением **Западного Океана**. Т.о., З. стала полностью контролировать морские пути в **Западном Океане**, превратившись в могущественную морскую державу, что положительным образом сказалось на торговле и грузоперевозках. Единственным конкурентом З. в этой области остается **Аргос**, чьи корабли также совершают фрахты, перевозки лес в **Мероз** и **Куш**.

Текущие дела. Зингарские политики с беспокойством наблюдают за усилением власти **Аквилонии**, в период правления **Конана**. Их сухопутные армии не так сильны, как флот, тем более, что **Аквилония** не единожды делала попытку захватить их земли. Их беспокоит, что **Аквилонией** управляет варвар, чей необузданный и дикий нрав общеизвестен, что по их мнению может знаменовать начало периода очередной хайборийской экспансии.

Враги и союзники. З. практически не имеет союзников, поскольку имперское высокомерие сильной морской державы не располагает к установлению политических связей. Но королевские корсары, нагоняющие страх на все побережье, приучили соседей хотя бы не выказывать внешне эту нелюбовь. Главный противник и конкурент З. — **Аргос**. Зингарцы постоянно обвиняют своих соседей в том, что их пиратские рейды существенно затрудняют курсирование их грузовых судов.

География. Северная часть З. представляет собой гористую местность. Скалистые пики и неприступные утесы являются естественной преградой для вторжения с севера. Южная З., напротив, являет собой обширные равнины, которые бесплодны и засушливы в зимний период и ранней весной, но зато плодородна и урожайна в летние месяцы. На восточной границе З. расположена лесистая местность, населенная вампирами. В центре леса — заброшенные развалины, там некогда был город. Однако, зингарские власти не принимали никаких шагов, чтобы очистить эту местность. Ведь кро-

вожадные вампиры охраняют их восточные рубежи, несколько препятствуя усилению влияния **Аргоса**.

Географический справочник.

Гваранид (Guaraníid) — герцогство в З.

Герида (Jerida)* — город в З.

Кордава (Kordavo) — столица З. Она расположена в устье **Черной Реки**, и имеет одну из самых прекрасных гаваней на **Западном Океане**.

Карта магических областей. Большая часть З. имеет нормальную концентрацию магического поля, повышенная концентрация наблюдается только в лесах вампиров.

Общество. Зингарская нация является типичным явлением для **Западной Хайбории**. В ряду наиболее ярко выраженных отличительных черт зингарцев можно назвать гордость, даже превосходящую **немедийскую**, и свободолюбие, которое столь же ярко выражено у **аквилонцев**. Зингарцы среднего роста, худощавого телосложения с темными волосами и глазами. Верховной властью в З. обладает король, его наследники мужского рода имеют титул принцев. Основные титулы — герцог, барон, рыцарь. Зингарскими городами управляют «городские головы». Свободным зингарцам не возбраняется иметь рабов. В З. развито купеческое сословие и ремесла. Государственная власть поддерживается отрядами стражи, которая нередко формируется из наемников. Несмотря на это, часто случаются нападения **шатг разбойников-бригандов** на крестьян.

Обычаи. Гордость и независимость, являющиеся национальными чертами, сделали зингарцев весьма вспыльчивым народом. Что, в свою очередь, приводило к междоусобным схваткам и даже гражданским войнам и надолго отодвинуло З. от решения внешнеполитических проблем и устранения внешних врагов, но усилило жакду господства на просторах **Западного Океана**.

Право. Теоретически, система права и утверждение законов находится в ведении монарха З., но, на практике, каждый благород-

*Зингарские названия явно калькируют испанские, в испанском языке буква «J» (в отличие от английского) читается, как русское «х», иногда как «г». Напр. «дон Х(Г)уан (искаж. «дон Жуан»). Отсюда же происходит распространенная ошибка в написании имени популярного художника **Бориса Вальехо** (Boris Valejo), которого часто именуют «**Валеджо**». (Прим. редактора)

ный нобиль устанавливает собственные законы в своих владениях и король предпочитает не вмешиваться во внутреннюю жизнь феодалов. Высшей мерой наказания является повешение (для простолюдинов) или обезглавливание для дворян. Простолудину можно отрубить руки за воровство, тогда как нобиль даже за более серьезные правонарушения отделается простым штрафом или, в крайнем случае, будет отправлен в ссылку.

Религия. Зингарцы — приверженцы культа *Митры*, однако изоляция от других хайборийских государств сделало их обряды более мягкими, нежели у их соседей (например, *аквилонцев*) и в той же степени препятствовало развитию иных культов.

Вооруженные силы. Королевская армия состоит из тяжелой и средней конницы и тяжелой пехоты. Большинство нобилей имеют свои вооруженные дружины, которые, как правило, не подчиняются королю, что зависит от статуса провинции.

Язык. Зингарский язык лишь частично связан с другими хайборийскими языками. В нем причудливо перемешались пиктские и шемитские корни.

Имена и названия. Зингарские имена напоминают искаженные испанские: *Авинти (Avvinti)*, *Валенсо (Valenso)*, *Валерио (Valerio)*, *Вальброзо (Valbroso)*, *Ванчо (Vanchio)*, *Велио (Velio)*, *Гальбрио (Galbro)*, *Гибеллез (Gebellez)*, *Годриго (Godriго)*, *Гонзальвио (Gonzalvio)*, *Дестандаси (Destandasi)*, *Занайо (Zapayo)*, *Запораво (Zaporavo)*, *Заралло (Zarallo)*, *Зароно (Zarono)*, *Зингелито (Zingelito)*, *Капеллец (Kapel-lez)*, *Карико (Carico)*, *Корст (Korst)*, *Кратос (Cratos)*, *Марко (Marco)*, *Мордерми (Mordermi)*, *Мурзио (Murzio)*, *Риманьедо (Rimanendo)*, *Риннова (Rinnova)*, *Сандокаци (Sandokazi)*, *Сантиддио (Santiddio)*, *Санча (Sancha)*, *Фердруго (Ferdruго)*, *Хулио (Julio)*, *Чабела (Chabela)*, *Шеватас (Shevatas)*.

(продолжение в следующем томе)

СОДЕРЖАНИЕ

Даниэл Уолмер

КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО

Часть первая

Глава 1. Плач озерного бога	9
Глава 2. Круглый, как дыня	22
Глава 3. Плаванье	32
Глава 4. Дети Ба-Луун	38
Глава 5. Айя-Ни	45
Глава 6. Битва без победителя	55
Глава 7. Последний танец	59
Глава 8. Среди Людей Неопарда	65
Глава 9. Честь, оказываемая пленным	72

Часть вторая

Глава 1. Неудавшийся рыцарь Кельберг	89
Глава 2. Водопад	102
Глава 3. С помощью бури	108
Глава 4. Подозрительное место	112
Глава 5. Одержимость	120
Глава 6. Ледяная ладонь исцеления	127
Глава 7. Люди деревьев	131
Глава 8. Выбор желтой бабочки	139

Часть третья

Глава 1. Таинственное плато	143
Глава 2. Никакой магии	147
Глава 3. Гадание	154
Глава 4. Только для Шумри	161
Глава 5. Объяснение	169
Глава 6. Синие камни	176
Глава 7. Развилка	182

Часть четвертая

Глава 1. Сестренка	189
Глава 2. Много-много миров	195
Глава 3. Повелительница птиц	203
Глава 4. Шутка	207
Глава 5. Возвращение Кельберга	215

Часть пятая

Глава 1. Испытание	231
Глава 2. Каменный Страж Закона	235
Глава 3. Напутствие	244
Глава 4. Сестры	254

Часть шестая

Глава 1. Шестилик	261
Глава 2. Маленький больной ребенок	266
Глава 3. Живой огонь	273
Глава 4. Плен	276
Глава 5. Полет	282
Глава 6. О вреде бессмертия	287
Глава 7. Серые Стрелки	296
Глава 8. Вызов	307
Глава 9. Ненужное чувство	310
Глава 10. Битва	315

Часть седьмая

Глава 1. Возвращение	321
----------------------	-----

Андре Олдмен Ум на три дня	327
Гидеон Эйлат Луинная Лыдинка	377

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ: СТРАНЫ И НАРОДЫ

Аргос	411
Асгард	414
Барахские острова	414
Бритуния	417
Ванахсейм	421
Вендия	421
Гиперборея	425
Гиркания	429
Дарфар	434
Замора	436
Зембабве	439
Зингара	441

Литературно-художественное издание

Андре Олдмен
Даниэл Уолмер
Гидеон Эйлат

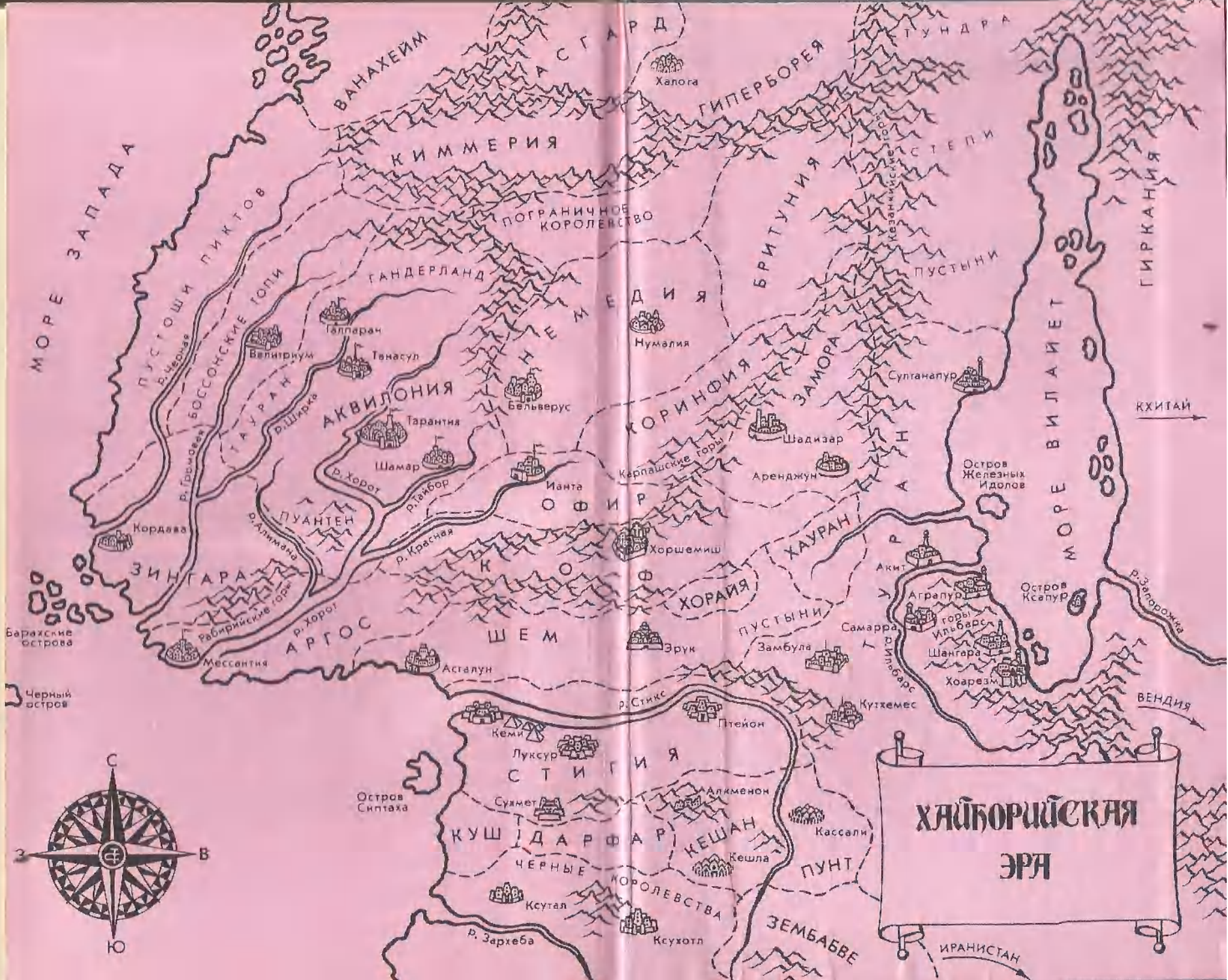
КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО

Руководитель проекта: Дмитрий Ивахнов
Редактор: Михаил Нахмансон
Художник: Сергей Григорьев
Технический редактор: Сергей Арефьев
Корректор: Нина Натарева

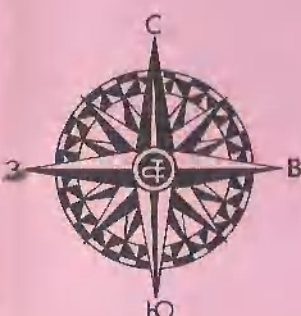
Издательство «Троль».
410027, г.Саратов, ул.Одесская, 9.

Лицензия ЛР № 010945 от 05.03.93 г.
Сдано в набор 10.09.96. Подписано в печать 15.09.96.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс». Тираж 35 000 экз.
Заказ № 55.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

МОРЕ ЗАПАДА

ВАНАХЕЙМ

КИММЕРИЯ

ГИПЕРБОРЕЯ

БРИТУНИЯ

ПУСТЫНИ

ГИРКАНИЯ

ПУСТОШИ ПИКТОВ

БОССОНСКИЕ ТОПИ

ТАНДЕРЛАНД

НЕМЕДИЯ

АКВИЛОНИЯ

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ПУСТЫНИ

ЗИНГАРА

ПУАНТЕН

ОФИР

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ПУСТЫНИ

Аргос

Аргос

ОФИР

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ПУСТЫНИ

Аргос

Аргос

ОФИР

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ПУСТЫНИ

Аргос

Аргос

ОФИР

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ПУСТЫНИ

Аргос

Аргос

ОФИР

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ПУСТЫНИ

Аргос

Аргос

ОФИР

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ПУСТЫНИ

Аргос

Аргос

ОФИР

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ПУСТЫНИ

Аргос

Аргос

ОФИР

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

ПУСТЫНИ

